

СУДЕБНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ

„СУДЕБНОМУ ВѢСТНИКУ“.

№ 1.

1870 годъ.

№ 1 — и 2 он

СОДЕРЖАНІЕ:

Восточныя капитуляціи. (Pradier — Fodéré: La Question des capitulations. (Revue de droit international et de législation comparée). — Процессъ Феніевъ, 1867 — 1868 г. — Дѣло принца Пьера Боуапарта. (Засѣданіе верховнаго уголовного суда Франціи въ городѣ Турѣ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, НЯВСКІЙ ПРОСП., № 45—1.

1870.

СП6ГУ

Восточныя капитуляціи.

(Pradier—Fodéré, La Question des capitulations — Revue de droit international et de législation comparée).

Съ тѣхъ поръ, какъ Турція вошла въ число европейскихъ державъ и признала основныя начала международного права, принятыя послѣдними, много разъ былъ возбуждаемъ вопросъ о различнаго рода льготахъ, выговоренныхъ такъ называемыми *капитуляціями*. Родилось сомнѣніе—не потеряли-ли эти капитуляціи, возникшія при совершенно другихъ политическихъ обстоятельствахъ, самого права на существованіе, и въ особенности заслуживаетъ-ли сохраненія власть, предоставленная ими консуламъ иностранныхъ державъ?

Въ первый разъ предложенный на парижскомъ конгрессѣ, и именно въ засѣданіи 25 марта 1856 года, вопросъ этотъ, вслѣдствіе господствовавшихъ тогда въ Европѣ политическихъ затрудненій, отошелъ на задній планъ; тѣмъ не менѣе теоретики часто избирали его темою для своихъ разсужденій. Нынѣ вопросъ этотъ, повидимому, вновь выступаетъ на практическое поприще, такъ какъ хедивъ Египта дѣйствительно ходатайствуетъ у французскаго и др. правительствъ объ отмѣнѣ старинныхъ капитуляцій, которыя въ Левантѣ служатъ охраною для живущихъ тамъ французовъ и др. европейцевъ.

Вопросъ о своевременности упомянутой отмѣны представляетъ особенный практическій интересъ; но предварительно его обсужде-

ніа, мы считаемъ умѣстнымъ постановить нѣкоторыя опредѣленія, напомнить нѣкоторыя основныя идеи и представить въ сжатомъ видѣ историческое развитіе капитуляцій, подъ покровительствомъ которыхъ живутъ иностранцы на востоцѣ.

Капитуляціи, въ существѣ своемъ, были *льготы, пожалованныя* султанами по собственной ихъ инициативѣ, безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ; ими предоставлялись нѣкоторыя права или скорѣе привилегіи подданнымъ иностранныхъ державъ, съ которыми Турція состояла въ торговыхъ или дружескихъ сношеніяхъ. Существенно различаясь отъ мирныхъ или коммерческихъ трактатовъ, которые являются результатомъ переговоровъ, имѣютъ — подобно каждому договору — характеръ обоюдный и извѣстный срокъ существованія, капитуляціи, по крайней мѣрѣ въ началѣ, были результатамъ единичной воли, отъ которой, вслѣдствіе того, вполне зависѣло и уничтожить ихъ въ каждое данное время, по произволу.

Врожденное, непреборимое отвращеніе магометанъ къ внѣшней торговлѣ, неопытность ихъ въ мореплаваніи, недозволявшая обходиться безъ иностранныхъ матросовъ, сознаваемая политическими представителями исламизма потребность воспользоваться обширнымъ побережьемъ, его прекрасными гаванями, богатыми произведеніями плодородной почвы и, хотя отчасти, выгодами морской торговли — раньше или позже должны были внушить султанамъ мысль о потребности благопріятствовать иностранцамъ: въ видахъ государственной пользы слѣдовало поощрять послѣднихъ къ разработкѣ природныхъ богатствъ, къ устройству торговыхъ учрежденій на рынкахъ Леванта. Вмѣстѣ съ тѣмъ султаны понимали, что при существованіи между мусульманами и христіанами столь значительныхъ различій относительно религіи, нравовъ, законовъ и обычаевъ, прочныя сношенія между ними возможны только подъ условіемъ, чтобы пришельцы, призываемые на мусульманскую территорію, нашли тамъ исключительныя гарантіи, безъ которыхъ не могло существовать никакой безопасности ни для лицъ, ни для имущества.

Таковы были, по всей вѣроятности, политическія и экономическія причины тѣхъ многочисленныхъ привилегій, которыми султаны въ началѣ произвольно жаловали христіанамъ селившимся на востокѣ.

Впрочемъ дарованіе этихъ льготъ, столь много способствовавшихъ общественному благосостоянію, не представлялось для Порты особенно затруднительнымъ уже потому, что зародышъ ихъ заключается въ самомъ ученіи Магомета, который сказалъ: «я общаю покровительство христіанскимъ властямъ и учрежденіямъ въ моихъ провинціяхъ, защищать ихъ посредствомъ моей пѣхоты и конницы, моихъ вспомогательныхъ войскъ и моихъ вѣрныхъ послѣдователей.»

Съ теченіемъ времени самые трактаты между Турціею и иностранными державами стали основываться на капитуляціяхъ, возобновляя и умножая дарованныя послѣдними льготы. Преобразованныя такимъ образомъ капитуляціи утратили свой первоначальный характеръ, перестали быть актами произвола, а взамѣнъ того стали для Порты настоящими обязательствами, которыя, будучи обоюдными, могли подлежать отиѣнѣ только съ согласія обѣихъ сторонъ.

Историческимъ изслѣдованіемъ происхожденія капитуляцій доказано, что Франція прежде другихъ европейскихъ націй приобрѣла у Оттоманской Порты различныя льготы и привилегіи, и притомъ не только для себя, но и для другимъ націй, пользовавшихся покровительствомъ ея флага. Приводятъ, правда, капитуляцію, относящуюся къ пятому году геджры (636 году послѣ Р. Х.), дарованную калифомъ Омаромъ Іерусалимскому патриарху Зефирину; но наиболѣе авторитетные ориенталисты считаютъ фирманъ этотъ апокрифическимъ.

Первымъ, несомнѣнно историческимъ актомъ подобнаго рода есть трактатъ, заключенный Филиппомъ Смѣлымъ съ властителемъ Туниса въ 1270 году. Трактатъ этотъ, обезпечивающій христіанамъ и вообще европейскимъ торговцамъ свободное отправленіе релігіозныхъ обрядовъ и неприкосновенность торговыхъ сдѣлокъ,

есть первый, правильно заключенный международный договоръ между магометанскою и христіанскою державами; договоромъ этимъ закончились крестовые походы и положено основаніе преобладанію Франціи на Востоку. Значительно позже, именно въ 1507 году, Баязидъ II капитуляціею, дарованною Жанъ-Пьеру Бенетту, французскому и каталонскому консулу въ Александріи, предоставилъ нѣкоторыя льготы негодіантамъ и путешественникамъ упомянутыхъ двухъ націй; эта-то капитуляція и содержащаяся въ ней льготы и гарантіи послужили для дипломатовъ христіанскихъ державъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ заключенныхъ послѣ того съ Портою коммерческихъ трактатовъ.

Ошибочно однако будетъ полагать, что дружескія сношенія между Франціею и Левантомъ начались едва въ XIII столѣтіи. Наибольше положительные документы доказываютъ, что съ самаго основанія французской монархіи установились сношенія между французскими королями и восточными властителями. Такъ, къ концу VIII и къ началу IX столѣтія слѣдуетъ отнести сношенія, бывшія между Шарлеманемъ и Арунъ-аль-Рашидомъ: благодаря господствовавшей между ними дружбѣ, первый успѣлъ выговорить для своихъ подданныхъ, отправляющихся на востокъ, всевозможныя облегченія касательно пребыванія ихъ тамъ и производимыхъ ими торговыхъ операцій: и съ этого-то времени для отправляющихся на востокъ стало необходимымъ предварительное одобреніе французскихъ властей.

Злоупотребленія, которыя незамедлили послѣдовать со стороны турецкихъ властей, возбудили многочисленныя претензіи и повели за собою расширеніе привиллегій, дарованныхъ французамъ: имъ было дозволено имѣть въ разныхъ мѣстахъ востока своихъ агентовъ, утверждаемыхъ французскимъ правительствомъ и признанныхъ Портою, которыхъ назначеніемъ было, покровительствовать своимъ единовѣрцамъ, имѣть надъ ними наблюденіе, творить судъ и расправу.

Къ концу крестовыхъ походовъ, столь много способствовавшихъ развитію вліянія Франціи въ Левантѣ и умноженію ея тор-

говыхъ станцій во всѣхъ странахъ востока, марсельскіе негодіанты успѣли получить довольно значительныя привилегіи и притомъ специально для заводимыхъ ими торговыхъ учреждений: имъ были отведены въ городахъ особыя улицы; дозволено строить церкви, судиться какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ—за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ—у своихъ консуловъ.

Но наибольшаго развитія достигли сношенія Франціи съ востокомъ едва въ XVI столѣтіи. Въ 1535 году Сулейманъ II, въ доказательство своего расположенія къ Франциску I, даровалъ ему, и притомъ безъ всякой со стороны послѣдняго просьбы, новыя капитуляціи, превышающія значеніемъ всѣ предыдущія. Капитуляціи эти имѣли предметомъ почти исключительно дѣла торговли, а также права французскихъ консуловъ въ отношеніи суда надъ ихъ единоземцами: онѣ обезпечивали всѣмъ французамъ и ихъ *единовѣрцамъ* во время бытности въ Турціи свободу мореплаванія, торговли, безопасность и неприкосновенность собственности, въ той мѣрѣ, какою они пользуются въ своихъ краяхъ; и на этомъ основаніи подданные другихъ европейскихъ державъ посылали свои корабли и вообще вели торговлю подъ охраною французскаго флага. Это соглашеніе возобновлено въ 1569 году между Карломъ IX и Селимомъ II. Въ послѣдующіе затѣмъ годы: 1604, 1614, 1618, 1635 и 1673, были подтверждены привилегіи, полученныя прежде, и кромѣ того сдѣланы были къ нимъ нѣкоторыя добавленія, касающіяся дѣлъ религіозныхъ и св. мѣстъ; затѣмъ онѣ были вновь разсмотрѣны и дополнены во время Людовика XV и Махмуда I, и постановленные ими 85 пунктовъ имѣютъ силу и въ настоящее время.

Прерванныя на время египетскою компаніею упомянутыя дружескія сношенія были возстановлены мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ между французскою республикою и Турціею 16 мессидора X года (24 іюня 1802 года). Статья 2-я этого трактата объявляетъ *возобновленными* всѣ договоры и капитуляціи, которыми до войны опредѣлялись отношенія между этими двумя государ-

ствами. Затѣмъ, 1 статьею трактата, состоявшагося 25 ноября 1838 года, подтверждены все права, привилегии и льготы, личныя и имущественныя, которыя были предоставлены подданнымъ Франціи всеми дотоле существовавшими капитуляціями и договорами. Наконецъ ниже мы будемъ имѣть случай говорить о парижскомъ трактатѣ 1856 года и въ особенности о послѣдовавшемъ тогда знаменитомъ протоколѣ отъ 25 марта.

Капитуляціи, первоначально дарованныя Франціи, съ теченіемъ времени мало по малу распространились и на другія европейскія державы, и нынѣ, вошедши въ составъ трактатовъ, сдѣлались имъ равносильны. Такъ, Австрія по Карловицкому трактату (1699 г.) приобрѣла для своихъ подданныхъ, а также для венеціанцевъ, поляковъ и венгерцевъ, все тѣ права на святыхъ мѣста, которыми до того пользовались одни французы; трактатомъ Нассаравицкимъ (1718) установлены торговыя сношенія Австріи съ Турціею. Россія при заключеніи мира въ Кучукъ-Кайнарджи (1774) выговорила для своихъ подданныхъ права, объятые всеми, данными до того другимъ державамъ, капитуляціями; въ 1784 году установлены права русскихъ посланниковъ и консуловъ, степень власти ихъ въ отношеніи русскихъ подданныхъ, а также распространены на послѣднихъ все гаранціи, которыми пользовались въ Турціи націи, наиболѣе ею покровительствованныя.

Ставши ненарушимою частью трактатовъ, капитуляціи такимъ образомъ сдѣлались дѣйствительнымъ закономъ для живущихъ на востокѣ иностранцевъ и тѣхъ оттоманскихъ подданныхъ, которые по какому нибудь случаю *находятся подъ покровительствомъ послѣднихъ*.

Г. Феро-Жиро, (Féraud-Giraud) публицистъ, наиболѣе компетентный въ этомъ отношеніи, въ прекрасномъ своемъ сочиненіи представилъ сводъ всехъ древнихъ капитуляцій, опредѣляющихъ степень власти Франціи въ различныхъ государствахъ востока. Капитуляціи эти имѣютъ предметомъ: назначеніе консуловъ, споры между французскими подданными, случаи совершенія ими преступленій, въ которыхъ преслѣдованіе предоставляется мѣстнымъ

властямъ, порядокъ исполненія консульскихъ рѣшеній, споры и тяжбы между европейцами различныхъ націй, а также между послѣдними и турками, утвержденіе заключаемыхъ европейцами договоровъ и сдѣлокъ, право имѣть переводчика въ турецкихъ судахъ и явки туда консуловъ, преслѣдованіе французскихъ должниковъ кредиторами турками, свободный выѣздъ должниковъ по поручительству консула; о непринятыхъ векселяхъ, о банкротствѣ, о безапелляціонности рѣшеній турецкихъ властей, о судебныхъ издержкахъ въ турецкихъ судахъ, порядокъ преслѣдованія виновныхъ въ преступленіи противъ турка, а также оскорбленій турецкой народности или мухамеданской религіи, о домашнихъ обычаяхъ и выемкахъ, объ имуществѣ французовъ, умершихъ въ Турціи и т. д.

Мы представили здѣсь обзоръ постановленій о вышеисчисленныхъ предметахъ; при этомъ, имѣя въ виду сказанное прежде, что капитуляціи, дарованныя первоначально Франціи, въ послѣдствіи постепенно и безъ всякаго почти исключенія были распространены на другія европейскія государства, мы обратимъ особенное вниманіе на капитуляціи съ Франціею — главный предметъ настоящаго изслѣдованія.

Капитуляціи: 1535 года (пунктъ 3-й), 1569 года (п. 10), 1581 года (п. 15), 1604 года (п. 33), 1673 года (п. 35), 1740 года (п. 25), присваиваютъ *повелителю Франціи* право посылать своихъ консуловъ въ различныя мѣста турецкаго государства и вмѣняютъ въ обязанность властямъ Леванта принимать этихъ консуловъ и *поддерживать ихъ власть и достоинство*; или же постановлено, что всѣ споры и несогласія, возникшія между французскими торговыми или другихъ состояній людьми, разрѣшаются уномянутыми посланниками или консулами, по совѣсти и согласно ихъ обычаямъ, причемъ кадін или другіе должностныя лица султана не въ правѣ имъ препятствовать или же принимать подобные споры къ своему сужденію.

Тѣже капитуляціи 1535 г. (п. 3), 1604 г. (п. 18), 1673 г. (п. 16), и 1740 г. (п. 15 и 65), предвидя неизбежность пре-

ступлений среди французовъ, постановляютъ: «въ случаѣ, если между подданными короля произойдетъ убійство, ссора или другіе беспорядки, таковыя имѣютъ разрѣшаться ихъ посланниками и консулами, по ихъ обычаю; должностныя же лица оттоманской имперіи не въ правѣ входить въ ихъ дѣйствія, ни принимать подобныя дѣла къ своему разсмотрѣнію или сужденію.» Въ пунктѣ же 65 послѣдней капитуляціи (1740) прибавлено, что во всѣхъ случаяхъ, когда французъ или кто либо *покровительствуемый Франціею* совершитъ убійство или другое преступленіе и требуется участіе мѣстныхъ властей, послѣднія *въ правѣ приступить къ производству дѣла не иначе, какъ въ присутствіи посланника, консула или заступающихъ ихъ мѣста*, гдѣ таковыя находятся, и во избѣжаніе какаго нибудь ущерба *высокому правосудію* или высочайшимъ капитуляціямъ, вѣзмъ участвующимъ повелѣвается необходимыя допросы и розыски производить съ величайшимъ вниманіемъ и осмотрительностью.

Вышеприведенныя капитуляціи прочно устанавливаютъ подвѣдомственность консуламъ дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ. Отмѣченное курсивомъ слово «покровительствуемый» заслуживаетъ особеннаго вниманія: оно напоминаетъ о томъ, что Франція, первая получивъ капитуляцію, долгое время дозволяла, подъ охраною своего флага, пользоваться предоставленными *ей одной* льготами другимъ націямъ, которыя турками считались за непріязненныя. Ниже увидимъ, какое употребленіе и даже, можетъ быть, злоупотребленіе дѣлами европейскія державы изъ упомянутого *покровительства* и изъ самаго слова «покровительствуемый».

Пунктомъ 3-мъ той же капитуляціи 1535 года постановлено, что въ случаѣ неисполненія распоряженій консула, должностныя лица султана обязаны оказывать ему дѣятельную помощь и содѣйствіе. Но, независимо отъ сего, предвидѣлись многія другія затрудненія: могли случаться споры и тяжбы между европейцами различныхъ націй, или между французами и турками. Предусматривая подобные случаи, капитуляціи 1710 г. (п. 53) и 1673 г. (п. 12 дополненій) постановляютъ, что въ случаѣ спора консула

или негодянта одной христіанской націи съ таковыми же другой, имъ дозволяется, съ согласія или по требованію обѣихъ сторонъ, обращаться за разрѣшеніемъ спора къ посланникамъ ихъ государей, аккредитованнымъ при Высокой Портѣ; и когда изъ нихъ истецъ или отвѣтчикъ несогласны на разбирательство у мѣстнаго паши, кадія или таможеннаго начальства—послѣдніе не въ правѣ ихъ къ тому принудить, и вообще принимать въ этомъ какое либо участіе», (п. 52 капитуляціи 1710 г.) споры между французомъ и туркомъ—какъ видно изъ внутренняго смысла капитуляціи, если не изъ буквальнаго—признаются подсудными исключительно мѣстнымъ судамъ, хотя капитуляціи 1675 и 1740 годовъ относятся къ *исключительному* вѣдомству султанскаго дивана *тяжбы, сумма которыхъ превышаетъ 4000 аспровъ*¹⁾; тоже постановлено капитуляціями съ Франціею, обѣими Сициліями, Сардиніею, Испаніею, Великобританіею, и др. Трактатомъ же 1838 года между Портою и Бельгіею къ вѣдомству Дивана отнесены тяжбы на сумму болѣе 500 піастровъ.

Приведенныя нами капитуляціи не противорѣчатъ общеизвѣстному принципу, что *форма акта всегда устанавливается мѣстнымъ закономъ*: именно, они предписываютъ французскимъ консуламъ, купцамъ, и переводчикамъ совершаемые ими *акты, покупки, продажи, заявленія* и т. п. предъявлять къ засвидѣтельствуванію исключительно въ судѣ мѣстные, «при неисполненіи чего всякій споръ и претензія остаются безъ разсмотрѣнія, если предъявленныя права или претензіи не будутъ подтверждены актомъ, облеченнымъ въ требуемую закономъ форму»; это говорится о спорахъ по договорамъ между французами и турками (см. капитуляціи: 1535 г. п. 4, 1569 г. п. 6, 1581 г. п. 10, 1604 г. п. 29, 1673 г. п. 29 и 30, 1740 г. п. 33).

Но всевозможныя льготы, дарованныя султанами французскимъ подданнымъ, не могли бы имѣть никакого практическаго значенія,

¹⁾ Аспръ—мелкая монета, весьма низкой цѣнности (0.133 франка), сдѣлавшаяся нынѣ большою рѣдкостью. *Примѣч. автора.*

если бы при разрѣшеніи споровъ между ними и турками, подсудныхъ турецкимъ судьямъ, не были допущены къ состязанію защитники изъ французовъ же; во избѣжаніе чего постановлено, что турецкіе судьи вправѣ принимать подобныя споры къ своему сужденію не иначе, какъ въ присутствіи переводчика, и что въ случаѣ неимѣнія послѣдняго въ данномъ мѣстѣ, дѣло откладывается до пріисканія такового, — при чемъ предполагается, что сами стороны и ихъ защитники позаботятся о возможно скорѣйшемъ доставленіи переводчика, дабы не замедлять безъ надобности хода правосудія (см. тѣже капитуляціи, а отчасти и данную въ 1581). Что же касается консуловъ Франціи «дѣйствительно французскихъ», имѣющихъ при себѣ драгомановъ, то эти лица, въ случаѣ тяжбы съ мусульманномъ или райейю, не могутъ быть принуждаемы къ личной явкѣ въ судъ, а посылаютъ вмѣсто себя упомянутыхъ драгомановъ, съ которыми другая сторона вступаетъ въ состязаніе (капит. 1740 г. пунктъ 48).

Далѣе мы встрѣчаемъ постановленія, имѣющія цѣлью поставить французскихъ консуловъ и дипломатическихъ агентовъ внѣ всякой имущественной отвѣтственности по обязательствамъ, даваемымъ ихъ единоземцами. Такъ, въ капитуляціяхъ 1535, 1569, 1581, 1604, 1675 и 1740 годовъ значится, что если французскій подданный во время пребыванія въ Левантѣ впадетъ въ долги; то кредиторы не вправѣ привлекать кого либо другого къ отвѣтственности и платежу, за исключеніемъ случаевъ прямого поручительства; въ послѣдней же изъ исчисленныхъ здѣсь капитуляцій кромѣ того прибавлено, что если купецъ французъ или вообще зависящій отъ Франціи впадетъ въ несостоятельность, то его кредиторы удовлетворяются изъ принадлежащаго ему имущества, и затѣмъ ни одинъ посланникъ, консулъ, драгоманъ и вообще никакой французскій подданный, не давшій за него поручительства, не можетъ быть привлекаемъ къ отвѣтственности.

Особенно заботливо и подробно изложены гарантіи, относящіяся къ личной неприкосновенности Французовъ въ Левантѣ. Капитуляціи 1569, 1581, 1604, 1673 и 1740 годовъ формально вос-

прешаютъ дѣлать какія либо притѣсненія французамъ подь предлогомъ оскорбленія ими Турковъ или хуленія религіи пророка. Пунктомъ 70-ымъ капитуляціи 1740 г. воспрещено также судьямъ и вообще должностнымъ лицамъ порты входить насильно въ дома обитаемые французамъ, безъ настоящей необходимости; если же таковая представится, то, увѣдомивъ о томъ посланника или консула, входить не иначе, какъ съ назначенными отъ нихъ лицами, подь опасеніемъ за неисполненіе сего отвѣтственности. Если французскій купецъ, состоя кому либо должнымъ, пожелаетъ выѣхать изъ края, то, за поручительствомъ консула, не дозволяется удерживать его подь предлогомъ долговъ (капит. 1740, п. 69). Если вексель, выданный французомъ, перейдетъ въ собственность турецкой государственной казны или кого нибудь изъ турецкихъ подданныхъ и, по предъявленіи его къ уплатѣ надписателямъ, не будетъ послѣдними принятъ, то воспрещается безъ особыхъ законныхъ поводовъ принуждать векселедателя къ уплатѣ, а отъ него только отбирается письменное заявленіе объ отказѣ, для пріобщенія къ иску противъ надписателей; но при этомъ посланникамъ и консуламъ вмѣняется въ обязанность всеми мѣрами, отъ нихъ зависящими, побуждать кого слѣдуетъ къ скорѣйшей уплатѣ (той же капитуляціи пунктъ 66).

Таковы, въ общихъ чертахъ, наиболѣе существенныя льготы, заключающіяся въ капитуляціяхъ относительно Леванта. Онѣ, какъ мы видимъ, устанавливаютъ для французовъ, а чрезъ нихъ и для другихъ европейцевъ: свободный проѣздъ чрезъ земли и моря; подвластныя Высокой Портѣ, право сохраненія своихъ обычаевъ и свободного отиравленія обрядовъ религіи во всехъ мусульманскихъ земляхъ, свободу отъ всякаго рода сборовъ и налоговъ, кромѣ таможенныхъ пошлинъ на товары; неприкосновенность жилища и воспрещеніе мѣстнымъ властямъ арестовать въ домѣ, обитаемомъ европейцами, кого либо, даже мѣстнаго уроженца, безъ присутствія чиновника консульства или посольства; право судиться по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ у своего посланника или консула и обязанность мѣстныхъ властей оказывать, въ случаѣ

надобности, полное содѣйствіе исполненію рѣшеній этихъ лицъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить: 1) что въ дѣлахъ гражданскимъ вѣдомство консуловъ распространяется на всѣхъ безъ изъятія французовъ, живущихъ въ Левантѣ, каковы бы ни были ихъ званіе и занятія, и 2) что при господствующемъ при капитуляціяхъ способѣ выраженія—*«нагоціанты и другіе французы»*—вѣдомству консуловъ подлежатъ не только дѣла торговыя и исполнительныя, но и гражданскія въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. о взаимныхъ претензіяхъ къ имуществу, о правѣ собственности, о завѣщаніяхъ, дарственныхъ, правахъ супружескихъ, и т. п. Эдиктъ 1778 года, имѣющій и донынѣ силу касательно гражданскихъ процессовъ въ Левантѣ, налагаетъ пеню въ 1500 ливровъ на каждого француза, который бы принесъ жалобу на своего единоземца судѣ или иному должностному лицу иностранной державы.

Что касается правъ наслѣдства, капитуляціи устанавливаютъ для каждого европейца свободу распоряжаться своимъ имуществомъ по усмотрѣнію; онѣ же обязываютъ мѣстныя власти передавать оставшееся по смерти европейца имущество доказавшимъ права наслѣдства или же въ распоряженіе консуловъ; въ случаѣ неявки наслѣдниковъ или отсутствія консульскаго агента, тѣ-же мѣстныя власти обязаны сами принять имущество и сохранять его до передачи наслѣдникамъ, недопуская при этомъ никакихъ проволочекъ или удержаній. Если кто либо изъ европейцевъ умретъ, не оставивъ завѣщанія, то его имущество передается консулу, для наслѣдниковъ и врученія имъ по принадлежности, безъ всякаго вмѣшательства фискальныхъ чиновниковъ и безъ всякихъ сборовъ въ пользу казны (капит. 1535 г. п. 9, 1569 п. 5, 1581 п. 9, 1604 п. 28, 1673 п. 18, 1740 п. 22), и только въ случаѣ совершенной небытности консула оно описывается и принимается на сохраненіе кадіемъ (кап. 1535 г. п. 9).

Приведенныя нами льготы и изъятія прямо дарованы капитуляціями; но независимо отъ послѣднихъ, обычай установилъ многія другія привилегіи. Г. Феро-Жиро въ своемъ классическомъ

сочиненіи по этому предмету, упомянутомъ нами выше, вполне справедливо замѣчаетъ, что эти необъятныя трактатами привилегіи исполняются не во всѣхъ случаяхъ, и что даже самое ихъ истолкованіе зависитъ отъ политическихъ событій, вслѣдствіе которыхъ то или другое государство Европы и его консулы или посланники получаютъ ббльшее или меньшее вліяніе въ Левантѣ. Онъ проводитъ, въ числѣ этихъ обычаевъ, право консуловъ принимать на себя законное преслѣдованіе ихъ единоплеменцевъ, совершившихъ преступленіе въ отношеніи къ оттоманскому подданному. «Не было примѣра», говоритъ Феро-Жиро, «чтобы по требованію консула это право не было ему предоставлено». (см. Т. I изд. 1866 г., стр. 65). Что касается преступленій и проступковъ между французами, то вышеупомянутый эдиктъ 1778 года, изъясняющій права и вѣдомство консуловъ по дѣламъ гражданскимъ, до 1789 года имѣлъ силу и въ дѣлахъ уголовныхъ; и, благодаря содержащимся въ этомъ эдиктѣ постановленіямъ, къ дѣламъ уголовнымъ стали примѣняться всѣ изъятія, постановленныя для дѣлъ гражданскихъ. Въ настоящее же время льготы, предоставленныя Франціи въ отношеніи уголовного судопроизводства, опредѣляются закономъ 28 мая 1836 года.

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшія подробности, касательно изъятій и гарантій, предоставляемыхъ капитуляціями французамъ и вообще европейцамъ, живущимъ на Востоцѣ, считая достаточно выясненными важность и значеніе этихъ привилегій; а также и то, что онѣ выходятъ изъ предѣловъ, принятыхъ законодательствомъ новѣйшихъ народовъ.

Какія же причины приводятся сторонниками ихъ уничтоженія?

Вопросъ объ уничтоженіи старинныхъ капитуляцій, сдѣлавшихся ненарушимыми частями трактатовъ съ Левантомъ, не есть новый: онъ, какъ выше сказано, былъ возбуждаемъ уже на парижскомъ конгрессѣ, въ засѣданіи 25 марта 1856 года.

Изъ протокола этого засѣданія за № 14 видно, что при обсужденіи упомянутаго трактата уполномоченные нѣкоторыхъ дер-

жавъ оказались весьма расположенными — по крайней мѣрѣ въ принципѣ — къ пересмотру капитуляцій, сообразно новому международному положенію Турціи. Графъ Кларендонъ выразился, что по его мнѣнію, европейскимъ державамъ, допустившимъ Турцію занять мѣсто въ ихъ средѣ, слѣдовало бы представить доказательство единодушія своихъ намѣреній и заботливости о благѣ всѣхъ своихъ подданныхъ, вошедши для этого въ переговоры, съ цѣлью — поставить ихъ торговлю и мореплаваніе въ условія, соответствующія новому положенію Турціи. Къ этому заявленію присоединился президентъ конгресса, графъ Валевскій, основывавшійся на новыхъ началахъ, имѣвшихъ выработаться конгрессомъ, и на гарантіяхъ, представляемыхъ для Европы принятыми въ послѣднее время турецкимъ правительствомъ мѣрами. Графъ Кавуръ въ свою очередь замѣтилъ, что торговое законодательство Турціи отличается замѣчательнымъ либерализмомъ и что анархія, господствующая въ договорахъ, или правильнѣе, въ личныхъ отношеніяхъ — между проживающими въ оттоманской имперіи чужестранцами, порождается только условіями ихъ исключительнаго положенія; это подтвердилъ баронъ Мантейфель, прибавивъ къ тому, что прусское правительство, при заключеніи торговаго трактата съ Портою, имѣло случай ознакомиться съ различнаго рода затрудненіями, порождаемыми многочисленностью и разнообразіемъ конвенцій съ Турціею, происшедшими вслѣдствіе старанія каждой державы выговорить для своихъ подданныхъ самыя лучшія условія.

Приведенныя нами заявленія уполномоченныхъ Англии, Франціи, Италіи и Пруссіи въ пользу отмены капитуляцій не должны были, естественно, встрѣтить возраженія со стороны великаго визиря Аали-Паши; напротивъ того, послѣдній не замедлилъ приписать всѣ затрудненія, препятствующія коммерческимъ сношеніямъ Турціи и видамъ ея правительства, исключительно капитуляціямъ, которыя, по его словамъ «отжили свой вѣкъ»; онъ даже вошелъ въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ подробностей, стремясь доказать, что привилегіи, дарованныя европейцамъ капитуляціями, ограничивая кругъ дѣйствія мѣстной администраціи, вредятъ

ихъ собственной безопасности и парализируютъ развитие между ними сдѣлокъ, и что присвоенная консуламъ и дипломатическимъ агентамъ власть надъ ихъ единоземцами, составляя какъ бы государство — или, вѣрнѣе, многія государства — въ государствахъ, служить непреодолимымъ препятствіемъ для какихъ бы то ни было улучшеній.

Но другіе члены конгресса — графъ Буоль и баронъ де Буркеней — не раздѣлявшіе оптимистическаго взгляда упомянутыхъ выше уполномоченныхъ и не заинтересованные дѣломъ въ такой мѣрѣ, какъ Аали-Паша, выразили мнѣнія, болѣе практическія и болѣе соответствующія требованіямъ политики. Графъ Буоль, признавая, что пересмотръ коммерческихъ договоровъ съ Турціею дѣйствительно можетъ представить нѣкоторыя выгоды, вмѣстѣ съ тѣмъ не скрывалъ, что по его мнѣнію слѣдуетъ быть весьма осторожнымъ, приступая къ подобному измѣненію, могущему какъ бы возобновить первобытныя времена существованія оттоманской имперіи — второй же, баронъ де Буркеней, соглашаясь съ тѣмъ, что капитуляціи соответвуютъ положенію, несомнѣнному съ существованіемъ правильнаго мирнаго трактата, и что предоставленныя ими отдѣльнымъ лицамъ льготы, къ сожалѣнію, ограничиваютъ власть Порты — вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что умѣстнѣе всего было бы сообразоваться съ произведенными у себя Турціею административными реформами, чтобы такимъ образомъ по возможности согласовать гарантіи, дѣйствительно необходимыя для чужеземцевъ, съ мѣрами принимаемыми Портою для ихъ достиженія.

Вслѣдствіе такого обмѣна мнѣній, уполномоченные, единогласно признавъ дѣйствительную необходимость пересмотра договоровъ, на которыхъ основываются коммерческія сношенія Порты съ другими державами, равно какъ и отмены льготъ, предоставленныхъ живущимъ въ Турціи чужеземцамъ, ограничились протоколярно выраженнымъ желаніемъ, чтобы по заключеніи мира открыты были въ Константинополѣ, по упомянутому вопросу, между Портою и другими договаривающимися державами переговоры, съ цѣлью —

удовлетворить, въ необходимой мѣрѣ, всѣмъ законнымъ требованіямъ и интересамъ.

Нельзя при этомъ не признать, что никогда еще не представлялось столь благоприятнаго случая къ отмѣнѣ левантскихъ капитуляцій, единодушно обвиняемыхъ въ томъ, что онѣ ставятъ иностранцевъ и *покровительствуемыхъ послѣдними* оттоманскихъ подданныхъ внѣ законовъ оттоманской имперіи. Для Европы, представляемой на конгрессѣ уполномоченными великихъ державъ, только что окончился періодъ продолжительныхъ войнъ, угрожавшихъ занятіемъ всего нашего материка и нарушившихъ многіе, самые разнообразные интересы. Часть населенія, потерявшая увлеченіе военною славою и предпочитающая блеску побѣдъ скромные, но болѣе прочныя результаты мирнаго труда, понятно должна была слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ мирныхъ переговоровъ. Австрія, взявшая на себя починъ въ мирныхъ предложеніяхъ; Россія, счастливо вышедшая, при помощи нѣкоторыхъ пожертвованій, изъ того изолированнаго положенія, въ которое была поставлена своими ошибками; Италія, ослѣпленная блестящимъ повидимому положеніемъ, занимаемымъ ею нѣкоторое время подъ покровительствомъ французскихъ штыковъ, и старавшаяся по преимуществу упрочить вліяніе свое на дѣла Европы; Франція—всѣ они были расположены къ полному, торжественному примиренію и къ взаимнымъ уступкамъ. Одна только Англія, болѣе практичная и втайнѣ недовольная прекращеніемъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи, могла внести диссонансъ въ эту общую гармонию, но и она волею неволею была увлечена общимъ потокомъ.

При всемъ томъ уничтоженіе капитуляцій на конгрессѣ не состоялось. Несмотря на надежды, подданыя Портѣ вышеупомянутымъ благоприятнымъ рѣшеніемъ уполномоченныхъ—не было сдѣлано никакой попытки осуществить это рѣшеніе; напротивъ того въ 1-мъ пунктѣ каждаго изъ многочисленныхъ, заключаемыхъ послѣ того Турціею съ разными державами трактатовъ мы находимъ слѣдующее формальное заявленіе: «Всѣ права, привиллегіи и изъятія, предоставленныя подданнымъ (такой-то державы) и

ихъ имуществу капитуляціями и существующими трактатами, подтверждаются нынѣ, на вѣчное время... и т. д...» Для примѣра представляемъ слѣдующіе трактаты: съ Англіею и Франціею—отъ 20 апрѣля 1861 г., съ Италіею—отъ 10 іюля 1862 г., съ Россіею отъ 22 января и 3 февраля 1862 г., съ Австріею—отъ 10 и 12 мая 1862 г., съ Американскими Соединенными Штатами—отъ 13 и 25 февраля 1862 г., съ Пруссіею и Таможеннымъ Союзомъ—отъ 20 марта 1862 года.

Сторонники отмѣны капитуляцій главнѣйшимъ доводомъ въ пользу своего мнѣнія выставляютъ гибельныя послѣдствія той легкости, съ какою европейскія государства принимаютъ левантскихъ уроженцевъ подъ свое покровительство. Дѣйствительно, существуетъ со стороны нѣкоторыхъ правительствъ ясно выраженное стремленіе къ слишкомъ поспѣшному, не сопряженному съ предварительнымъ испытаніемъ, дарованію оттоманскимъ подданнымъ правъ своей національности, такъ же точно поступаютъ и консулы, будучи къ тому уполномочиваемы своими правительствами. Такимъ образомъ число туземцевъ, пользующихся во время состоянія подъ покровительствомъ европейцевъ, изъятіями и льготами, дарованными исключительно послѣднимъ, постоянно возрастаетъ, вслѣдствіе распространенія торговыхъ сношеній Европы съ Турціею и другими государствами Леванта; и хотя Франція соблюдаетъ въ этомъ мѣру, но нельзя того же сказать о другихъ государствахъ, а нѣкоторыя изъ послѣднихъ, умышленно изыскивая случаи вмѣшаться въ дѣла Высокой Порты, удѣляютъ туземцамъ свое покровительство и права своей національности—просто за деньги. Коллассъ, въ своемъ интересномъ сочиненіи о Турціи въ 1864 году, говоритъ слѣдующее: «каждый оттоманскій подданный, мусульманинъ или христіанинъ, въ случаѣ надобности очень скоро находитъ государство, которое, по исполненіи желаемымъ извѣстныхъ формальностей, даруетъ ему немедленно права своей національности, или, не выѣзжая даже изъ Турціи, находитъ посольство, консульство или агентство, которое за деньги принимаетъ его подъ свое покровительство» (изданіе 1864 года, стр. 143).

Вообще противникамъ капитуляцій не трудно доказать, что упоминаемое *покровительство*, вслѣдствіе злоупотребленій, сдѣлалось средствомъ для достиженія неблаговидныхъ цѣлей: оно порождаетъ постоянныя столкновенія, вслѣдствіе подсудности посольскимъ канцеляріямъ споровъ между турецкимъ правительствомъ и *покровительствуемыми*, изъ которыхъ многіе къ тому же пользуются монополіями, держа на откупъ разныя статьи, какъ то: поставки для правительства, таможенные сборы, пробу металловъ и т. п. Отъ этого дѣла и вопросы чисто коммерческіе получаютъ значеніе политическихъ; канцелярія посольства, посредствомъ состоящихъ при ней драгомановъ, работаетъ надъ разрѣшеніемъ затрудненій—тогда какъ самъ *покровительствуемый*, увѣренный въ надежной поддержкѣ, спокойно, безъ хлопотъ ожидаетъ окончанія дѣла; благодаря упомянутой поддержкѣ, всѣ заявленныя претензіи удовлетворяются, съ порядочными притомъ процентами—и затѣмъ *покровительствуемый* вступаетъ съ турецкимъ правительствомъ въ новыя болѣе крупныя обязательства, чтобы окончить ихъ вышеописаннымъ порядкомъ. Подобныя спекуляціи, весьма частыя въ Турціи, имѣющія характеръ чисто мѣстный, безъ всякаго отношенія къ международнымъ сношеніямъ, обращаютъ канцеляріи посольствъ въ какія то бесплатныя коммерческія агентства. Имѣя въ виду прекращеніе подобнаго ненормальнаго состоянія, Оттоманская Порта въ первыхъ числахъ 1862 года сообщила посланникамъ всѣхъ державъ въ Константинополь объ учрежденіи ею смѣшанной комиссіи для повѣрки правъ туземцевъ—состоящихъ *подъ покровительствомъ* иностранныхъ державъ. Мы умолчимъ здѣсь о результатахъ работъ этой комиссіи—скажемъ только, что въ Турціи самыя либеральныя намѣренія и проекты, пожалуй, *зарождаются*, но отнюдь *не исполняются*.

Сторонники отмѣны Левантскихъ капитуляцій выставляютъ послѣдній препятствіемъ къ правильному внутреннему управленію Оттоманской Имперіи. Каждый иностранецъ или состоящій *подъ покровительствомъ* иностранной націи зависитъ, въ дѣйствительности, только отъ своего посольства или агентства; вслѣдствіе

сего каждая народность образуетъ въ Турціи нѣчто совершенно особое, независящее отъ мѣстныхъ законовъ, живущее отдѣльною жизнью, управляемое и судимое канцелярією своего посольства, по законамъ своего отечества. Подобный хаосъ несовмѣстенъ съ соблюденіемъ самыхъ даже элементарныхъ началъ стройнаго управления страной. «Приводятъ много примѣровъ», говоритъ Колласъ, «доказывающихъ, что вслѣдствіе вмѣшательства посольствъ турецкія власти не разъ были принуждены освобождать преступниковъ, задержанныхъ на мѣстѣ преступленія, даже подлежащихъ смертной казни; можно сказать, что принадлежность къ иностранной національности или покровительство послѣдней часто равносильны полной безнаказанности» (см. примѣчаніе на стр. 148). На основаніи капитуляцій домъ каждаго европейца на востокѣ составляетъ ненарушимое убѣжище, недоступное безъ разрѣшенія и присутствія подлежащаго консула.

Самые коммерческіе интересы также нарушаются капитуляціями Гг. Одилонъ Барро, Дюфоръ и Жюль Жавръ, на совѣщаніи съ вице-королемъ Египта Измаиломъ-Пашею въ 1862 году по поводу Суэцкаго канала, выразили слѣдующее: «разсмотрѣвъ способъ отправленія правосудія—этой первой принадлежности государственной власти—существующій во всѣхъ почти странахъ Востока въ силу капитуляцій, мы видимъ, что по каждому дѣлу, къ которому участвуетъ иностранецъ или состоящій подъ покровительствомъ иностранной державы, мѣстные органы юстиціи признаются несостоятельными, а присвоенная имъ власть переходитъ къ суду консула, т. е. къ учрежденію чужеземному; сообразивъ все неудобства, нареканія, непрестанныя столкновенія и вмѣшательства, вызываемыя такимъ порядкомъ вещей, мы не находимъ удивительнымъ, что подчиненныя ему государства съ безпокойствомъ встрѣчаютъ раждающіяся на своей территоріи значительныя учрежденія, которыя напротивъ поощряются у себя другими государствами, не имѣющими причины опасаться никакихъ вредныхъ послѣдствій и сохраняющими надъ упомянутыми учрежденіями подобающую власть и вліяніе». Капитуляціи выставляются также

главнѣйшимъ препятствіемъ къ развитію и осуществленію великихъ коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій, для которыхъ Турція представляетъ столь обширное и удобное поприще.

Въ настоящей статьѣ нами собрано все, могущее служить, такъ сказать, къ обвиненію восточныхъ капитуляцій: слѣдствіе полно, обвинительный актъ составленъ; остается только взвѣсить доводы обѣихъ сторонъ и произнести безпристрастный судъ по этому, столь часто возобновляемому вопросу.

Читатели, конечно, подобно намъ, полагають, что пора уже приступить къ категорическому обсужденію вопроса о благовременности отмены капитуляцій. Спрашивается — въ какомъ смыслѣ вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ европейскою политикою? можетъ ли онъ быть разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, и будетъ ли благоразумно такое рѣшеніе безъ утвердительной оговорки? здѣсь то именно было бы умѣстнымъ знаменитое *distinguo* философвъ древней школы: и въ самомъ дѣлѣ, политика въ существѣ своемъ, не состоитъ ли въ умѣнн дѣлать приличныя обстоятельствамъ оговорки и толкованія?

И дѣйствительно, если бы дѣло шло только о примѣненіи теоріи публичнаго права, принятаго всѣми цивилизованными націями, дальнѣйшее существованіе капитуляцій не устояло бы противъ соображенія, что допущеніемъ Турціи въ систему европейскихъ державъ прямо обусловливается непремѣнное участіе ея во всѣхъ правахъ, признаваемыхъ на занимаемомъ нами континентѣ неоспоримую принадлежностью государственной власти. Важнѣйшею изъ послѣднихъ безспорно признается право чинить судъ, и право это всѣ вообще правительства оберегаютъ очень ревностно. Всѣ теоретики согласны между собою въ томъ, что въ отправленіи правосудія каждое государство совершенно независимо отъ другихъ. Признано, что всѣ споры, возникшіе или предстоящіе къ разрѣшенію на территоріи извѣстнаго государства, должны быть разбираемы мѣстными судьями, согласно мѣстнымъ силу имѣющимъ законамъ и обрядамъ, и постановляемыя рѣшенія подлежатъ исполненію мѣстныхъ органовъ. Нечего и говорить о законахъ полицейскихъ и

относящихся къ общественной безопасности: обязательность ихъ для всѣхъ, живущихъ въ извѣстномъ государствѣ, не исключая иностранцевъ, до того слилось съ самымъ понятіемъ о государствѣ, что законы эти могутъ быть разсматриваемы какъ всемірныя. Вслѣдствіе того всякое иностранное вторженіе въ область юстиціи какого либо европейскаго государства было бы правительствомъ послѣдняго отклонено, какъ покушеніе противъ присвоенной ему власти.

Конечно, европейскими державами допускаются нѣкоторыя исключенія изъ упомянутаго принципа. Такъ напримѣръ въ морскихъ плаваніяхъ не представляется возможности подвергать споры, случающіеся между экипажемъ корабля, суду властей, находящихся въ мѣстѣ стоянки послѣдняго; для этой цѣли каждое государство имѣетъ въ иноземныхъ приморскихъ мѣстахъ своихъ агентовъ, которыми и разрѣшаются подобные споры. Но исполненіе такихъ рѣшеній, имѣя мѣсто на кораблѣ — такъ сказать отрѣзкѣ націи, подъ флагомъ которой плаваешь — не сопряжено съ проявленіемъ власти агента одного государства на территоріи другого, предъ которымъ онъ аккредитованъ. Другія государства идутъ въ этомъ отношеніи еще далѣе — они допускаютъ на своей территоріи существованіе иностранныхъ властей, въ лицѣ консуловъ, которымъ присвоена судебная власть; но, за весьма рѣдкими исключеніями, консуламъ нигдѣ не предоставлено власти исполнять рѣшенія, даже касающіяся ихъ единоземцевъ, и повсемѣстно принято, что право суда не заключаетъ въ себѣ права понужденія.

Таковы начала принятія христіанскими державами Европы, и за допущеніемъ ими въ свою среду Турціи, рождается вопросъ — по какому странному противорѣчію послѣдняя не вправѣ ввести и соблюдать на своей территоріи начала, охраняемыя христіанскими государствами у себя съ такою, вполне справедливою, заботливостью и ревностью.

Съ теоретической точки зрѣнія отвѣтъ на этотъ вопросъ, правду сказать, представляется для защитниковъ капитуляціи очень

затруднительнымъ, а доводы ихъ противниковъ — неотразимыи.

Скажутъ пожалуй, что въ странахъ, столь отличныхъ отъ западной Европы въ отношеніи религіи, законовъ, нравовъ и обычаевъ, свой собственный судъ представляется для иностранцевъ важнѣйшимъ залогомъ ихъ безопасности, и что только при этомъ условіи могли возникнуть въ этихъ отдаленныхъ странахъ столь полезныя и прочныя иностранныя учрежденія? Но развѣ правительства, заинтересованныя охраненіемъ Оттоманской имперіи, не провозглашаютъ, что Турція съ нѣкотораго времени вступила на путь прогресса, что ею совершены значительныя реформы, и притомъ въ сравнительно короткое время? Послѣднія учрежденія султана были встрѣчены въ Европѣ почти всеобщими рукоплесканіями: и хотя вмѣстѣ съ тѣмъ слышались нѣкоторыя проявленія недовѣрія, но онѣ безъ труда были заглушены одобреніемъ націй менѣе пристрастныхъ или можетъ быть болѣе довѣрчивыхъ. Послѣ того, какъ магометане стали сообразоваться съ законами, правами, идеями и вообще прогрессомъ европейцевъ, почему бы послѣднимъ не признать за первыми права на внутреннюю самостоятельность и не освободить ихъ отъ опеки, часто очень своекорыстной?

Разсматриваемый съ точки зрѣнія теоріи и подъ вліяніемъ удовольствія, внушаемаго сторонникамъ Турціи начавшимся въ ней, по видимому, либеральнымъ движеніемъ, вопросъ объ отмѣнѣ Левантскихъ капитуляцій не допускаетъ отрицательнаго отвѣта. Но предусмотрительная политика вовсе не должна руководствоваться никакими личными чувствами, по сему и имѣя въ виду, что вопросомъ этимъ затрагиваются многіе, весьма важные интересы, правительствамъ Европы слѣдуетъ относиться къ нему съ возможно болѣею осмотрительностью; и Порта, заставившая Европу ждать на себя въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, не въ правѣ отказать Европѣ въ нѣсколькихъ годахъ опыта. Въ самомъ дѣлѣ для того чтобы европейцы могли совершенно отказаться отъ предоставляемыхъ имъ въ Турціи привиллегій, слѣдуетъ, чтобы граж-

данское право последней немедленно сдѣлалось независимымъ отъ религіи; частныя же уступки со стороны еврейцевъ, вмѣсто предполагаемаго улучшенія, могутъ только усложнить положеніе дѣлъ и породить новыя затрудненія. Сама Франція, въ виду религіозныхъ различій, сохраняетъ для своихъ алжирскихъ подданныхъ дарованныя имъ изъятія, несмотря на то что послѣднія не соответствуютъ принятымъ въ ней началамъ гражданского права и политическимъ ея учрежденіямъ; можетъ ли она, довѣрившись нѣкоторымъ, только что обнародованнымъ реформамъ на основаніи послѣднихъ согласиться на отмену привилегій, которыми предоставлено французскимъ агентамъ въ Левантѣ право суда надъ проживающими тамъ ихъ соотечественниками? Дѣйствительно ли такое спокойствіе господствуетъ на Востокѣ? Правда, нынѣшній намѣстникъ пророка рѣшительно рукою подписалъ фирманы, содержащія въ себѣ многія, весьма благоприятныя для будущности Турціи обѣщанія, и фирманы эти обнародованы — но укрощенъ ли уже старый магометизмъ, и пересталъ ли уже слышаться ропотъ улемовъ? Нынѣ, когда надъ оттоманскою имперією собираются тучи, когда ежеминутно слѣдуетъ ожидать взрывовъ сдерживаемаго до толѣ фанатизма — умѣстно ли будетъ для Европы полагаться исключительно на турецкое правосудіе и довѣрять турецкимъ властямъ? Пусть либеральные султаны, подобные Абдуль-Азису, продолжаютъ начатое послѣднимъ дѣло цивилизаціи — пусть Европа ободряетъ и покровительствуетъ ихъ начинанія и, въ отмщеніе Османамъ за завоеваніе ими Константинополя, имѣвшее мѣсто въ началѣ новыхъ вѣковъ, завоюетъ его вторично — путемъ вторженія современныхъ идей; затѣмъ, когда существованіе вводимыхъ нынѣ въ Турціи новыхъ учрежденій будетъ упрочено — тогда только настанетъ для Европы время отречься отъ канитуляцій и предоставляемыхъ ими льготъ. Если магометане искренно стремятся къ прогрессу и пойдутъ этимъ путемъ — имъ не долго придется ждать довѣрія Европы; въ противномъ случаѣ къ чему Европа пребывать въ самообольщеніи, готовить себѣ печальныя разочарованія? Въ подобныхъ обстоятельствахъ медлить — не значитъ уклоняться,

а просто откладывать на дальнѣйшее время, что впрочемъ оправдывается послѣдними дѣйствіями мухамеданскаго правительства Туниса.

Но неудобноисполнимое въ Турціи, въ виду исчезнувшаго тамъ еще религіознаго фанатизма, оказывается возможнымъ и даже необходимымъ въ христіанскихъ земляхъ, находящихся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Портѣ, именно — въ Придунайскихъ княжествахъ. Причины, мотивирующія сохраненіе капитуляцій въ странахъ мусульманскихъ, для Бухареста и Яссы не существуютъ: населеніе Молдавіи и Валахіи отличается честностью, трудолюбіемъ и мирнымъ нравомъ; погребенія, принимающія непосредственное участіе въ управленіи страной, говоря вообще, знакомы съ западною Европою и выносятъ отуда расположеніе и стремленіе къ прогрессу; далѣе, политическіе перевороты пронесли надъ этими плодородными странами, не обогривъ почвы ихъ кровью; и если въ послѣднее время нѣкоторыя мѣста Молдавіи сдѣлались позорищемъ печальныхъ, неодобряемыхъ цивилизаціею фактовъ насилія — то послѣдніе должны быть приписаны преимущественно иностраннымъ вліяніямъ, успѣвшимъ довести мирныхъ по природѣ туземцевъ до состоянія возбужденія. Въ подобныхъ странахъ существованіе капитуляцій ничѣмъ не оправдывается, и онѣ, не соответствуя своему назначенію, вмѣстѣ съ тѣмъ производятъ разнъ между европейскими державами и туземнымъ населеніемъ, усматривающимъ въ капитуляціяхъ стѣсненіе своей свободы.

Спрашивается — пожертвуетъ ли Европа своими привилегіями въ пользу придунайскихъ княжествъ? Разрѣшеніе этого вопроса въ послѣднее время ожидалось отъ Россіи, и повидимому сношенія по этому поводу между Бухарестомъ и Петербургомъ еще не прекратились. Недавно распространился слухъ, что Россія изъявила желаніе совершенно отказаться отъ присвоенныхъ ей капитуляцій въ Сербіи. Но вскорѣ извѣстіе это оказалось невѣрнымъ. Русское правительство отнюдь не заключало подобнаго спеціальнаго договора съ Сербіею, а ограничилось сообщеніемъ князю Михайлу, что отнынѣ не будетъ требоваться непремѣннаго примѣненія капитуляцій, такъ

какъ пятнадцатилѣтній опытъ достаточно доказалъ бесполезность консульскаго вмѣшательства въ разрѣшеніе споровъ и полицейскую дѣятельность въ Сербіи; русское правительство оставило за собою только право наблюденія за порядкомъ производства упомянутыхъ дѣлъ, а право протеста и вмѣшательства — только въ случаѣ необходимости. Признавая подобную сдержанность со стороны Россіи вполне умѣстною, можно однако надѣяться со стороны другихъ государствъ Европы на болѣе обширныя уступки въ пользу Сербіи и придунайскихъ княжествъ. Въ отношеніи же къ мусульманскимъ странамъ дѣло объ уничтоженіи капитуляцій вышедши изъ области теоріи, сдѣлалось нынѣ — вопросомъ времени.

ПРОЦЕССЪ ФЕНІЕВЪ

1867-1868 г.

Маколей въ предисловіи къ своему сочиненію «Исторія Англіи со времени царствованія Якова II-го говоритъ: «Ирландія, обремененная проклятіемъ господства одного племени надъ другимъ, одного вѣрованія надъ другимъ, конечно осталась членомъ государства, но членомъ надломленнымъ и безжизненнымъ, членомъ, который не даетъ политическому тѣлу никакой силы, и на который съ упрекомъ указываетъ каждый, кто боится величія Англіи или ему завидуетъ. — Едва ли возможно въ нѣсколькихъ словахъ рѣзче и вѣрнѣе охарактеризовать взаимныя отношенія обѣихъ національностей. Дѣйствительно, Ирландія — больной, питающей на счетъ здоровыхъ соковъ политическаго организма членъ, и завистники Англіи всегда будутъ вправѣ съ злобной радостью ждать отъ него осуществленія своихъ надеждъ.»

Указывать на причины этого печальнаго явленія значило бы писать полную исторію Великобританіи. Поэтому мы ограничимся лишь тѣми историческими моментами, которые хоть сколько нибудь могутъ объяснить ирландскія событія 67-68 годовъ, — событія, вызвавшія въ Европѣ столько разнорѣчивыхъ толковъ, и со стороны англійскаго правосудія заклеянные четырьмя висѣльницами.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1154 году, папа Адрианъ IV, въ припадкѣ щедрости, подарилъ Ирландію англійскому королю Генриху II-му, въ землю полудикихъ тогда Ирландцевъ стали пере-

селяться Англичане и, опираясь на позволеніе короля, съ мечемъ въ рукѣ занимать лучшія пастбища и поля зеленого острова. Долгая и ожесточенная борьба аборигеновъ съ колонистами велась съ перемѣннымъ счастьемъ, и лишь Яковъ I-й дождался совершенно незаслуженнаго триумфа, что старѣйшины ирландскіе признали его верховную власть, по послѣдовавшей за этимъ миръ былъ не проченъ, и уже при Карлѣ I-мъ, когда къ племенной нетерпимости прибавилась еще и нетерпимость религіозная—Ирландцы произвели страшную рѣзню; гражданская война, поколебавшая всѣ силы Англіи, возгорѣлась съ новою яростію и лишь желѣзная энергія Кромвеля могла подавить возстаніе. Дорого обошлась Ирландіи кровь не прощенныхъ колонистовъ. Кромвель—по словамъ Маголея — велъ войну точно Израиль противъ Хананейянъ, и дѣйствительно — словно въ ветхозавѣтныхъ войнахъ—цѣлые города Ирландіи были разрушены до основанія, цѣлые тысячи беззащитныхъ людей были побиты, остальное населеніе разбѣжалось по лѣсамъ и болотамъ, или переселено въ Вестъ-Индію, а завоеванныя, заграбленные пажити стали добычею англійскихъ солдатъ и колонистовъ....

При Карлѣ II-мъ Ирландцамъ возвращена часть отнятой у нихъ недвижимой собственности, а Яковъ II-й стремился къ полному уравненію ирландской національности съ англійской и даже назначилъ съ этоюцѣлью Тугсонпел'я, *) Ирландца и католика—на-мѣстникомъ въ Ирландіи. Но Ирландская политика Якова лишь ускорила его собственное паденіе, и благодарности облагодѣлительствованныхъ имъ Ировъ было недостаточно, чтобы возвратить ему престолъ. Впрочемъ, когда онъ въ 1689 году высадился въ Ирландіи съ 5,000 французскаго вспомогательнаго войска, то Ирландцы толпами сбѣгались подъ его знамена, и ему скоро удалось завладѣть всѣмъ островамъ, за исключеніемъ городовъ Лондомери и

*) Такъ какъ англійскія фамиліи произносятся до такой степени своеобразно, что передать ихъ русскими звуками въ точности невозможно, то мы считаемъ болѣе удобнымъ оставлять ихъ написанными по англійски, чѣмъ искажать подходящими русскими звуками. *Прим. перев.*

Энисть: эти города, благодаря геройскому мужеству протестантскаго населенія, не сдались до конца. Генеральное сраженіе 1-го июля 1691 г. при рѣкѣ Бойль окончательно рѣшило участь Якова. Полная побѣда осталась на сторонѣ Вильгельма III, и новыя бѣдствія обрушились на вздохнувшую было свободѣе Ирландію: множество недвижимой собственности было конфисковано въ пользу протестантовъ; начались страшныя преслѣдованія за католическую религію, и католики подвергнуты всевозможнымъ, доходящимъ до смѣшного, ограниченіямъ. Всѣ попытки возстанія оставались послѣ этого безъ успѣха — напротивъ, лишь разжигали народную вражду и тѣмъ ухудшали положеніе побѣжденныхъ. Однако въ 1782 году—конечно лишь благодаря духу времени—Ирландіи сдѣланы нѣкоторыя уступки, религіозные законы нѣсколько смягчены, и ирландскому парламенту придана извѣстная самостоятельность, которая въ 1800 году была еще болѣе расширена, когда ирландскій парламентъ, для такъ называемаго полнаго объединенія обѣихъ частей королевства соединенъ съ англійскимъ. Но въ сущности объединеніе это было далеко не полное: Ирландія имѣла въ палатѣ лордовъ свое представительство въ лицѣ 32-хъ пэровъ, въ палатѣ общинъ—въ лицѣ 100 депутатовъ, но эти представители до 1829 года были подчинены тест-акту 1673 г., по которому всякій, отправляющій общественную должность или вступающій въ парламентъ, долженъ торжественно признать короля своимъ главнымъ духовнымъ главою, торжественно отвергнуть транссубстанціацію и причаститься по англиканскому обряду.

Съ 1832 года, со вступленія на парламентское поприще О'Connell'я въ англійскомъ парламентѣ и въ министерствахъ начались оживленныя пренія на счетъ ирландскаго вопроса. Въ ту пору положеніе страны было крайне плачевно: недвижимая собственность была въ рукахъ протестантовъ и не могла переходить къ католикамъ; протестанты — собственники жили большею частью въ Англии, а свои земли отдавали, за неимовѣрно высокую плату, совершенно безправнымъ въ отношеніи къ нимъ наемщикамъ. Конечно, вслѣдствіе этого земледѣліе было въ самомъ жалкомъ состоя-

ни; кромѣ того католическое населеніе въ семь милліоновъ душъ должно было платить на содержаніе протестантскихъ (!) церквей, не считывавшихъ и милліона прихожанъ, такъ называемую десятину, а въ то-же время собственными средствами, безъ всякой помощи со стороны государства, содержать свое собственное, католическое духовенство. Реформа была необходима, а между тѣмъ парламентскія пренія не вели ни къ чему рѣшительному.

Такое положеніе дѣлъ побудило О'Соннея требовать полного отдѣленія въ законодательномъ смыслѣ Ирландіи отъ Англіи, и эта идея встрѣтила громадное сочувствіе во всей Ирландіи. Между тѣмъ какъ О'Сонней заботился объ отдѣленіи своей родины мирнымъ путемъ, — подъ предводительствомъ Smith'a O'Brien'a образовалась партія, желавшая достигнуть самостоятельности Ирландіи путемъ оружія, и въ 1848 году въ надеждѣ на помощь революціонной Франціи — приготовила вооруженное возстаніе. Но англійское правительство предупредило кровопролитіе, и наэтотъ разъ вмѣсто кромвелевскихъ опустошеній, стало серьезно заботиться объ удовлетвореніи законныхъ требованій Ирландцевъ. Съ 1849 года открывается цѣлый рядъ законовъ, постановляющихъ размѣръ арендной платы и допускающихъ на ряду съ протестантскими университетами, университеты католическіе; наконецъ извѣстный Maunot-Bill назначаетъ изъ государственной кассы сумму на содержаніе католической семинаріи въ Мэнуутѣ.

Но всѣ эти уступки не уничтожили идеи вооруженнаго возстанія: партія O'Brien'a не отказалась отъ своихъ надеждъ — напротивъ, получила сильную поддержку въ сѣверо-американскихъ Ирландцахъ, которыхъ угналъ за океанъ голодъ 1846 и 1847 годовъ, и которые унесли съ собою на новую родину всю ненависть къ англискому игу. Такимъ образомъ въ 1862 году образовалось новое тайное общество — *Феніанское братство*.

Названіе Феніевъ сначала производили отъ древнихъ Финикійцевъ, которые по ирландскимъ преданіямъ уже имѣли въ Ирландіи колоніи. Потомъ распространилось убѣжденіе, что имя Феніевъ происходитъ отъ одной довольно мифической ирландской гасты

воиновъ, члены которой по имени знаменитаго вождя *Финна*, назывались *Finna*, т. е. люди Финна. Наконецъ одинъ защитникъ въ одномъ изъ множества процессовъ о Феніяхъ утверждаетъ; что Феніи въ VI столѣтіи составляли родъ королевской стражи, что они всегда были лучшею опорой трона, и что очень жаль, что въ настоящее время ихъ названіе соединено съ представленіями о такой бессмысленной революціонной попыткѣ.

Какъ бы то ни было, заговоръ открыто существовалъ въ Америкѣ подъ руководствомъ *Mahony* и нѣсколько менѣе открыто въ Ирландіи, подъ руководствомъ *Stephens'a*. Первымъ, такъ сказать, торжественнымъ шагомъ заговорщиковъ былъ конгрессъ ихъ представителей въ ноябрѣ 1863 года въ Чикаго. На этомъ конгрессѣ постановлено сдѣдующее. 1. Конгрессъ признаетъ ирландскую республику превозглашенною; 2. центральная исполнительная власть Ирландіи есть представительница союза Феніевъ въ Европѣ; 3) конгрессъ позаботится о подкрѣпленіи *Stephens'a* необходимою военною силою.

1864 годъ прошелъ весь въ военныхъ приготовленіяхъ, а 8 сентября 1865 года, когда американская война прекратилась, *Stephens* циркуляромъ объявилъ, что настало время дѣйствовать. Англійское правительство тоже поняло, что время дѣйствовать, и 15 сентября множество представителей союза было арестовано; бумаги и станки заговорщиковъ перешли въ руки англійской полиціи, а великобританскія войска, наводнившія во всѣхъ направленіяхъ Ирландію, сдѣлали всякую попытку возстанія невозможною. Въ концѣ октября уже и *Stephens* сидѣлъ въ тюрьмѣ, но ему оттуда при помощи тюремныхъ надсмотрщиковъ удалось вырваться; за то товарищи его осуждены на многолѣтнее заключеніе въ *схутгаузѣ*. Когда весною 1866 года явились новые симптомы возстанія, то правительство съ разрѣшенія парламента приостановило дѣйствіе знаменитаго закона *habeas corpus* для всей Ирландіи. Эта мѣра снова разбила всѣ надежды Ирландцевъ, потому что по ея обнародованіи прибывшія изъ Америки толпы Феніевъ послѣдили

оставить слишком ненадежную почву и выждать изъ за океана болѣе удобной минуты.

Въ надеждѣ на опору со стороны правительства Соединенныхъ штатовъ, Феніи попытались вторгнуться въ Канаду, но и тутъ ошиблись въ расчетѣ. Сѣверо-Американское правительство всѣми силами препятствовало переходу вооруженныхъ бандъ за границы Канады; а если нѣкоторымъ малочисленнымъ толпамъ заговорщиковъ удалось туда пробраться, то они безъ всякаго затрудненія были прогнаны самими жителями Канады.

Въ 1866-мъ году, за исключеніемъ нѣсколькихъ арестовъ, не осталось никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ феніанизма: правительство было увѣрено, что опасность окончательно устранена, и 5 февраля 1867 года въ тронной рѣчи, произнесенной при открытіи парламента, сказано: и постоянныя усилія и безумныя подстрекательства нѣсколькихъ измѣнниковъ породили осенью несбыточныя надежды въ недовольныхъ и навели страхъ на оставшуюся вѣрною закону часть народонаселенія Ирландіи; но твердость и умѣренность тамошняго правительства, а также открытая ненависть людей всякаго званія и всякаго исповѣданія къ возстанію, произвели то, что общественное спокойствіе возстановлено и всякая дальнѣйшая попытка вооруженнаго возстанія невозможна. Поэтому я (королева) убѣждена, что вы отмѣните изданные въ виду исключительныхъ обстоятельствъ для этой части моего королевства законы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, правительству ея величества пришлось горько разочароваться: оно убѣдилось, что не только въ Ирландіи, но и въ самой Англій заговоръ существуетъ въ такихъ значительныхъ размѣрахъ, какихъ оно не могло себѣ и представить.

Въ многочисленномъ городѣ Честерѣ, расположенномъ на сѣверо-восточной границѣ Валлиса, сходятся нѣсколько линій желѣзныхъ дорогъ сѣверной, южной и восточной Англій. Здѣсь же находится цитадель, въ которой въ то время кромѣ оружія волоцтеровъ хранилось около 9,000 ружей, 4,000 сабель и миллионъ патроновъ. Изъ Честера желѣзная дорога идетъ по сѣверному берегу Валлиса

и достигаетъ Голигейда на каналъ св. Георгія. Почтовый поѣздъ ежедневно доставляетъ почту изъ Честера въ Гелигейдъ, откуда пароходъ немедленно отвозитъ ее въ Дублинъ. На Честерѣ и сосредоточился планъ феніевъ — планъ, гениальность котораго признало даже англійское правительство. 11-го февраля изъ Шеффилда, Лидса, Манчестера и Ливерпуля въ Честеръ съ разными поѣздами должно было прибыть около 2,000 инсургентовъ: предполагалось завладѣть цитаделю, которую защищали лишь 50 человекъ гарнизона, захватить оружіе, съ почтовымъ поѣздомъ отправиться въ Голигельдъ и оттуда на почтовомъ пароходѣ отплыть въ Ирландію. Для предотвращенія преслѣдованій предполагалось перенортировать по пути рельсы и порвать телеграфныя проволоки. Все было готово, и по условію 11-го февраля въ Честерѣ сосредоточились большія массы подозрительнаго свойства людей... Но въ ночь съ 10-го на 11-е февраля одинъ изъ феніанскихъ предводителей сообщилъ весь планъ полиціи въ Ливерпулѣ, послѣдняя же передала его честерскимъ властямъ. Съ разсвѣтомъ дня 500 человекъ гражданъ были призваны къ присягѣ и къ отправленію спеціальной должности констаблей, а когда не смотря на это толпы инсургентовъ начали полудня подвигаться къ цитадели, то изъ Манчестра пріѣхалъ съ экстреннымъ поѣздомъ вызванный по телеграфу батальонъ шотландскихъ стрѣлковъ. Конечно о сопротивленіи со стороны инсургентовъ теперь не могло быть и рѣчи: ихъ главный вождь M'Afferty съ нѣсколькими другими зачинщиками остались въ рукахъ полиціи, остальные заботились лишь о томъ, какъ бы вернуться домой.

Въ это же время по предварительному соглашенію другая партія феніевъ въ 800 человекъ должна была занять лежащій на юго-восточномъ берегу Ирландіи Киллерней, но и тутъ измѣна разрушила все дѣло: на встрѣчу инсургентамъ былъ заблаговременно посланъ отрядъ матросовъ, который ихъ разогналъ и арестовалъ ихъ вождя капитана Moriarty. И M'Afferty и Moriarty приговорены къ смерти*).

*) Впослѣдствіи этотъ приговоръ смягченъ, и наказаніе замѣнено пухтаузомъ.

Такимъ образомъ приготовлявшееся къ началу марта общее возстаніе въ Ирландіи рѣшительно не удалось: банды послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ стычекъ съ констаблями разсѣялись, а за распространіемъ феніанизма на англійской почвѣ въ массѣ рабочихъ полиція слѣдила слишкомъ зорко, чтобы оно могло принять серьезныя размѣры. Къ несчастію въ исторіи феніанизма слишкомъ важную роль играетъ измѣна, и если она съ одной стороны помогала полиціи въ раскрытіи и предотвращеніи возстанія, то съ другой помогла и заговорщикамъ въ самой Англіи произвести двѣ кровавыхъ катастрофы, которыя привели въ волненіе всю страну и — какъ выражаются нѣкоторыя англійскія газеты — «заставили королевское правительство прибѣгнуть къ крайней строгости закона» — къ эшафоту за политическое преступленіе, на которое англичане съ гордостью указываютъ, какъ на варварство поработенныхъ народовъ материка Европы. Вызванные этими катастрофами процессы и составляютъ главнымъ образомъ содержаніе настоящей статьи.

13-го сентября 1867 года въ Манчестерѣ арестовано два подозрительныхъ человѣка; въ которыхъ полиція скоро узнала полковника Kelly и майора Deasy — двухъ представителей феніанизма и главныхъ виновниковъ мартовскихъ событій въ Ирландіи. До начала процесса ихъ продержали въ полицейской тюрьмѣ, а 18-го сентября они были препровождены къ судѣ. Обратная перевозка ихъ въ расположенную за городомъ тюрьму Belview послѣдовала въ три часа пополудни въ обыкновенно для этого употребляемой камерной каретѣ. Эта карета устроена такимъ образомъ, что на каждой ея длинной сторонѣ находится восемь замыкающихъ камеръ, которыя посерединѣ раздѣлены узкимъ корридормъ. Корридоръ служитъ мѣстопребываніемъ слѣдующаго съ арестантами, для надзора, полицейскаго чиновника. Входъ въ корридоръ находится на задней сторонѣ кареты и во время перевозки запирается. Ключъ хранится у сидящаго въ корридорѣ полицейскаго, такъ что дверь можетъ быть отперта лишь извнутри. И такъ, 18-го сентября въ одной изъ камеръ полицейской кареты были заключены Kelly и Deasy, а въ корридорѣ, кромѣ полицейскаго сержанта Brett'a, случайно находи-

лось нѣсколько женщинъ, судившихся за разные преступленія. Вѣроятно боязнь поштыки освободить двухъ феніевъ побудила властей на этотъ разъ усилить конвой около кареты: впереди рядомъ съ кучеромъ сѣло 4 полицейскихъ, на заднемъ входѣ стало еще 2 полицейскихъ, кромѣ того четверо слѣдовало за каретой на дрожкахъ. Разстояніе отъ зданія суда до тюрьмы Belview составляетъ около трехъ четвертей нѣмецкой мили. Не доходя съ четверть мили до этой тюрьмы путь проходитъ подъ мостомъ шеффилдской желѣзной дороги; не подалеку отъ моста, находящагося уже за городомъ, еще есть нѣсколько зданій, но дальше-влѣво большая площадь для приготовленія кирпичей, а вправо тянется длинная насыпь желѣзной дороги.

Какъ разъ за этимъ мостомъ совершенно неожиданно сдѣлано на карету стремительное нападеніе. Въ послѣдствіи намъ еще придется говорить о немъ подробно, теперь же скажемъ лишь вообще, что нападеніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ; лошади были застрѣлены, полицейскіе чиновники разогнаны камнями, а сержантъ Brett, отказавшійся отворить карету или выдать ключи, смертельно раненъ. Затѣмъ кто-то изъ сидѣвшихъ въ каретѣ взялъ у него ключи и передалъ ихъ нападавшимъ. Карета была отворена, Kelly и Deasy освобождены, и когда подоспѣла помощь — все было кончено. Brett хотя и прожилъ еще два часа, но все это время не приходилъ въ сознаніе, такъ что не могъ назвать своего убійцы.

Конечно всѣ ирландскія газеты сочли это событіе великою побѣдой феніанизма и величали его виновниковъ именами безпримѣрныхъ героевъ; но въ Англіи на него смотрѣли иначе: въ ней все слилось въ глубокомъ негодованіи; общественное мнѣніе смотрѣло на производившихъ нападеніе, какъ на огромную шайку убійць, которая должна дорого поплатиться за пролитую кровь и за такое наглое презрѣніе къ закону. Полиція напрягла всѣ силы къ открытію виновныхъ, а правительство, воспользовавшись предоставленнымъ ему правомъ, назначило особую, въ сущности ничѣмъ не отличающуюся отъ обыкновенныхъ судовъ, комиссію для обсужденія манчестерскаго дѣла. 28-го октября 1867 года на утверж-

деніе присяжной обвинительной камеры уже представлено было обвинение противъ 26 лицъ въ убійствѣ сержанта Brett'a, и того же числа противъ первой группы обвиняемыхъ, состоящей изъ пяти человекъ, обвиненіе утверждено. Въ тотъ же день процессъ противъ нихъ и начался бы, если бы защитники не потребовали отсрочки для того, чтобы просмотрѣть листы присяжныхъ и воспользоваться своимъ правомъ отвода, на что и представитель коронныхъ интересовъ генераль-атторней, и судьи согласились безпрекословно *).

Поэтому судебныя засѣданія открылись на слѣдующій день 29-го октября. Для того, чтобы предотвратить возможность повторенія событія 18 сент., вездѣ по пути отъ тюрьмы къ тому зданію, гдѣ засѣдала коммисія, и по всѣмъ прилежащимъ дорогамъ расхаживали вооруженныя револьверами констабли съ цѣлью разгонять всякое сборище народа. Впереди и позади тюремной кареты ѣхалъ отрядъ гусаръ съ обнаженными саблями, по обѣимъ сторонамъ шла пѣхота съ заряженными ружьями и примкнутыми штыками, а семь вооруженныхъ полицейскихъ сидѣли на разныхъ мѣстахъ самой кареты.

Понятное дѣло, что спокойствіе не было нарушено, и пять человекъ обвиняемыхъ — William O'Meara Allen, Михаилъ Larkie, Вильямъ Gould, Тома Maguire, Эдуардъ Shore — благополучно доставлены въ судъ. Здѣсь они законнымъ образомъ, посредствомъ защитника, протестовали противъ разбирательства ихъ дѣла въ особой коммисіи и просили, чтобы ихъ судили предъ лондонскимъ центральнымъ уголовнымъ судомъ; но предѣдатель объявилъ, что они не могутъ надѣяться на исполненіе ихъ просьбы главнымъ образомъ уже потому, что коммисія открыла свои засѣданія, впрочемъ

*) По французскому и по всѣмъ германскимъ кодексамъ (конечно въ тѣхъ странахъ, гдѣ учрежденіе жюри существуетъ) обвиняемымъ *всегда* предъ началомъ процесса сообщаются листы присяжныхъ для пересмотра; изъ настоящаго манчестерскаго процесса видно, что это же право предоставляется обвиняемымъ и въ Англіи; но второй большой процессъ сеніевъ, слѣдующій ниже, страннымъ образомъ доказываетъ совершенно противоположное.

согласился, чтобы протестъ съ произнесениемъ клятвы былъ прочтенъ адвокатомъ вслухъ. Протестъ этотъ приблизительно слѣдующій: «Я, Вильямъ Робертсъ и т. д. клянусь въ томъ: 1) что твердо и окончательно убѣжденъ, что коммисія не будетъ судить честно и беспристрастно; 2) что я между прочимъ дошелъ до убѣжденія въ этомъ по слѣдующимъ соображеніямъ: во-первыхъ, само по себѣ происшествіе 18-го сентября произвело напряженіе умовъ и безпокойство въ жителяхъ Манчестера и окрестныхъ городовъ; во-вторыхъ, въ тѣхъ округахъ, изъ которыхъ присяжные созваны, распространены самые нелѣпые слухи о какой-то будто-бы предстоящей революціи; въ третьихъ, необыкновенныя принятыя властями мѣры предосторожности еще больше развили здѣсь чувство безпокойства и недовѣрія; въ четвертыхъ, вся мѣстная пресса положительно стремится къ порожденію противъ обвиняемыхъ ненависти и — такъ сказать — заранѣе готовить обвинительный приговоръ; въ пятыхъ, общественное мнѣніе выразилось противъ обвиняемыхъ даже въ видѣ враждебныхъ демонстрацій во время предварительнаго слѣдствія; и наконецъ въ шестыхъ, послѣ происшествія прошло еще слишкомъ мало времени, чтобы вызванныя имъ страсти могли успокоиться. На основаніи всего этого я объявляю, что по моему крайнему убѣжденію обвиняемые не могутъ надѣяться на беспристрастный судъ не только въ Манчестерѣ, но и нигдѣ въ Ланкаширѣ, и что всѣ защитники обвиняемыхъ того убѣжденія, что не только въ интересахъ обвиняемыхъ, но и въ интересахъ человѣческаго правосудія слѣдуетъ процессъ о происшествіи 18-го сентября отдать на разбирательство лондонскаго центрального уголовного суда».

Этотъ протестъ въ высшей степени замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ въ нѣсколькихъ словахъ приведено все то, что обыкновенно приводятъ въ свою защиту противники суда присяжныхъ, особенно для политическихъ преступленій.

По прочтеніи вслухъ протеста судъ объявилъ, что если даже все сказанное и справедливо, то все же нѣтъ никакой причины устранять

отъ разбирательства всю для этого назначенную специальную комисію, послѣ чего одинъ изъ защитниковъ сказалъ, что онъ внимательно просмотрѣлъ списокъ присяжныхъ, но противъ общаго ихъ состава не считаетъ себя вправѣ дѣлать ни малѣйшихъ возраженій.

Затѣмъ послѣдовало составленіе присутствія присяжныхъ и прочтено обвиненіе, по которому вышепоименованные пять человѣкъ, особенно Allen, обвиняются въ убійствѣ сержанта Brett'a.

Для лучшаго разумѣнія этого обвиненія не должно упускать изъ вида, что убійство и участничество въ убійствѣ по англійскому праву понимаются нѣсколько иначе, нежели по кодексамъ другихъ европейскихъ народовъ. Вотъ что говорилъ на этотъ счетъ въ настоящемъ процессѣ предсѣдатель въ своихъ заключительныхъ; юридическихъ поясненіяхъ присяжнымъ: «Убійство есть умерщвленіе съ предумышленною злобой, и въ этомъ отношеніи не нужно, чтобы умыселъ преступника былъ направленъ именно на того, или другаго человѣка. Если нѣсколько лицъ сходятся для совершения какого-нибудь противузаконнаго дѣйствія, сопряженнаго съ насиліемъ, отъ котораго можетъ произойти опасность для человѣческой жизни, и если вслѣдствіе сдѣланнаго при этомъ насилія послѣдуетъ смерть человѣка, то преступленіе «убійства», уже существуетъ, хотя — можетъ быть — никто изъ преступниковъ и не желалъ смерти убитаго. При этомъ всѣ участвовавшіе по выраженному словесно или по безмолвному согласію въ совершеніи противузаконнаго поступка, окончившагося убійствомъ, виновны также, какъ и тотъ, кто собственноручно нанесъ смертельный ударъ или сдѣлалъ произведшій смерть выстрѣлъ». На вопросъ, признаютъ-ли себя обвиняемые виновными во взводимомъ на нихъ преступленіи, они въ одинъ голосъ объявили, что *невинны*. Затѣмъ слѣдуетъ рѣчь прокурора, который между прочимъ обращается къ присяжнымъ со строгимъ требованіемъ, забыть все, что они слышали за стѣнами суда и держаться лишь тѣхъ доказательствъ, которыя будутъ приведены въ судебномъ засѣданіи». Наконецъ, приступлено къ допросу свидѣтелей. Harwood — полицейскій, сидѣвшій

во время роковой перевозки, 18-го сентября на козлах камерной кареты, показалъ слѣдующее: Прежде чѣмъ карета подъѣхала подъ мостъ, онъ по другую сторону моста замѣтилъ уже большое скопище людей, и — едва лошади вышли изъ подъ свода, Larkie выбѣжалъ изъ толпы, схватилъ лошадей подъ уздцы, одну изъ нихъ застрѣлил и потомъ выстрѣлилъ, по всей вѣроятности не цѣля, въ сидѣвшихъ на козлахъ полицейскихъ. Gould въ то же время застрѣлилъ другую лошадь. Тогда Harwood соскочилъ съ козелъ, но Larkie приставляя къ его груди пистолеть обратился къ нему со словами: «что вамъ угодно». Harwood отвѣчалъ: «убирайтесь къ чорту! Я вамъ покажу, что мнѣ угодно!» И хотѣлъ отнять у Larkie пистолеть; но это ему не удалось. Онъ бросилъ Larkie въ лице камень и пустился бѣжать. Добѣжавъ до перваго фіакра, свидѣтель сѣлъ въ него и во всю лошадиную мочь поскакалъ къ тюрьмѣ Belview. Отсюда онъ захватилъ съ собою восемь челоувѣкъ тюремныхъ сторожей и немедленно направился съ ними къ мѣсту происшествія; но уже никого изъ производшихъ нападеніе не нашелъ. Вначалѣ происшествія онъ видѣлъ въ толпѣ (хотя лишь мелькомъ) Allen'a и Maguire'a.

Рядомъ съ Harwood'омъ на козлахъ сидѣлъ констабль Георгъ Shaw, который показалъ слѣдующее: когда карета выѣхала изъ подъ моста, въ толпѣ раздался крикъ — «остановите карету, застрѣлите лошадей!» Shaw соскочилъ съ козелъ немедленно вслѣдъ за Harwood'омъ. Между нападавшими онъ ясно различилъ Allen'a, Larkie, Gould'a, Shore'a, и (какъ ему кажется) видѣлъ также Maguire'a. Larkie, Gould и Shore пытались разломать карету, а Allen съ револьверомъ въ рукѣ наблюдалъ, чтобы ктонибудь не осмѣлился сопротивляться нападавшимъ; за тѣмъ онъ отошелъ къ задней стѣнкѣ кареты и въ то время, какъ его товарищи разгоняли полицейскихъ камнями, выстрѣлилъ въ карету. Свидѣтелю съ того мѣста, на которомъ онъ въ моментъ выстрѣла находился, казалось, что Allen выстрѣлилъ въ замочную скважину, чтобы выбить замокъ; но въ ту же минуту внутри кареты послышался крикъ: «онъ убить!» Когда полицейскіе въ свою очередь предпріяли на-

паденіе, то къ нимъ на помощь прибѣжалъ гражданскій чиновникъ Sprossan; но камни и выстрѣлы разогнали полицейскихъ, а Sprossan раненъ Allen'омъ въ ногу.

Кирпичникъ Patterson, работавшій неподалеку отъ мѣста происшествія и испуганный шумомъ нападенія, скрылся за отстоящую шаговъ на двадцать отъ кареты стѣну, изъ за которой, какъ рассказываетъ, видѣлъ слѣдующее: прежде всего Allen влѣзъ на крышу кареты и старался пробить ее камнями, которые подавалъ ему снизу Maguire; но крышка кареты, какъ показалъ другой свидѣтель, была сдѣлана изъ крѣпкаго дерева и окована желѣзомъ, такъ что Allen'у удалось пробить лишь очень маленькое отверстіе. Тогда онъ сошелъ внизъ и сталъ вооруженный двумя револьверами съ боку кареты, грозя убить каждаго, кто приблизится. Вдругъ послышался крикъ: «застрѣлите собаку! онъ внутри кареты!» Allen подбѣжалъ къ каретной двери, и приложивъ оба револьвера, къ замочной скважинѣ выстрѣлилъ. Въ каретѣ раздался женскій крикъ, дверь была отперта, сержантъ Brett безжизненный выпалъ изъ нея на землю, затѣмъ изъ кареты выбѣжали два скованныхъ по рукамъ человѣка и, сопровождаемые Allen'омъ, грозившимъ убить каждаго, кто осмѣлится къ нимъ приблизиться, пустились бѣжать по полю. Свидѣтель слышалъ, какъ Allen говорилъ одному изъ побѣжденныхъ: «ура, Kelly! Я скорѣ умру, чѣмъ васъ выдамъ!» Нѣсколько погодя, къ бѣжавшимъ присоединились стоявшіе до тѣхъ поръ сбоку кареты Larkie и Gould. Эмма Nolliday, бывшая уже нѣсколько разъ подъ судомъ и во то время тоже судившаяся за одно преступленіе, показала, что сидя вмѣстѣ съ нѣсколькими другими женщинами въ корридорѣ кареты, въ которомъ находился и сержантъ Brett, была свидѣтельницею слѣдующей сцены. Когда Brett почувствовалъ, что карета вдругъ остановилась и на нее посыпался градъ камней, онъ посмотрѣлъ въ ключевой клапанъ и вскрикнулъ: «Боже мой! Феніи!» Женщины подняли крикъ, но онъ приказалъ имъ молчать и старался поплотнѣе закрыть клапанъ; когда наверху кареты была сдѣлана дыра, то Brett изъ боязни, что, если онъ останется у клапана, въ него

легко может попасть камень, подался немного назадъ. Въ это же мгновеніе клапанъ, вращавшійся на прикрѣпленномъ его посерединѣ шпинькѣ, отворился, и въ нижнее отверстіе былъ вбитъ камень, такъ что ужъ клапана запереть было нельзя. Одинъ изъ нападавшихъ требовалъ у Brett'a ключей, говоря, что если ключи будутъ отданы, то никому не будетъ сдѣлано зла, что единственная цѣль нападенія есть освобожденіе двухъ арестантовъ. Но Brett отказался отдать ключи, сказавъ: «Будь что будетъ, а я останусь на своемъ мѣстѣ». Въ это время, какъ онъ это говорилъ, свидѣтельница взглянула въ нижнее отверстіе и увидѣла, что черезъ верхнее въ карету вставлено дуло пистолета. Въ человѣкѣ, державшемъ пистолетъ, она совершенно ясно распознала Allen'a. Со словами: «Карлъ отойдите! посмотрите сюда!» она бросилась къ Brett'у и всѣми силами старалась наклонить его внизъ; но какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда его голова была на одинаковой высотѣ съ дуломъ пистолета, послѣдовалъ выстрѣлъ, и Brett свалился. Тогда одинъ изъ нападавшихъ потребовалъ отъ женщины, чтобы онѣ взяли у Brett'a и отдали ему ключи, онѣ сначала отказывались, но когда имъ стали грозить смертію—отдали ключи. Дверь была отперта; свидѣтельница немедленно выпрыгнула изъ кареты и побѣжала прямо въ тюрьму; кромѣ Allen'a она не знаетъ ни одного изъ тѣхъ, кто производилъ нападеніе. Въ заключеніе свидѣтельница не забыла упомянуть, что объ обѣщанной за открытіе виновниковъ награды *) въ 200 фунтовъ стерлинговъ она узнала лишь по заключеніи въ тюрьму, когда уже объявила имя Allen'a. Тоже самое показала и сидѣвшая вмѣстѣ съ Holiday Елена Соорег, съ тою впрочемъ разницею, что сомнительную заслугу предъувѣдомленія Brett'a объ опасности приписывала себѣ.

Георгъ Mulholland, острый, дерзкій мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати отъ роду, разсказалъ, что «Allen или Larkie стрѣлялъ въ

*) Въ Англіи подобныя назначенія наградъ составляютъ уже стародавній обычай, и правительство теперь нерѣдко прибѣгаетъ къ этой мѣрѣ.

кучера Larkie старался разломать полученнымъ отъ Allen'a топоромъ дверь кареты, а Maguire по приказанію того же Allen'a старался камнями разбить верхъ кареты. Наконецъ Allen вышибъ молотомъ ключевой клапанъ и выстрѣлилъ внутрь кареты». Одинъ изъ защитниковъ замѣтилъ, что эти показанія Mulholland'a противорѣчатъ его показаніямъ на предварительномъ слѣдствіи. Мальчишка не могъ объяснить своихъ противорѣчій и на сдѣланные ему защитникомъ упреки отвѣтилъ: «я намѣренъ сдѣлаться юристомъ, поэтому такъ и поступаю».

Приводить здѣсь подробно всѣ другія свидѣтельскія показанія значило бы вдаваться въ совершенно-лишнія и не интересныя подробности, тогда какъ весь интересъ процесса лежитъ впереди. Поэтому остальные показанія будутъ приведены лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Кирпичникъ Pickay, цирюльникъ Griffiths, писарь Beek, торговецъ Knowles, извозчикъ Munn, стекольщикъ Thomas, констабль Trueman и работникъ Hunter видѣли, какъ Allen чрезъ ключевое отверстіе выстрѣлилъ въ карету. Griffiths видѣлъ въ толпѣ Maguire'a, но не знаетъ, принималъ ли онъ какое нибудь участіе въ нападеніи, напротивъ того Beek видѣлъ, какъ Gould и Maguire бросали въ полицейскихъ камнями, и какъ Larkie старался разломать верхъ кареты, а машинистъ Hughes видѣлъ, какъ Maguire подавалъ работавшему на верху кареты Allen'у камни, и какъ потомъ Maguire и Larkie стрѣляли въ полицейскихъ. Свидѣтель Джемсъ Магер видѣлъ, какъ Allen и Larkie стучали молотомъ въ каретную дверь, и какъ Allen стрѣлялъ въ Sprossan'a, хотя повидимому не для того, чтобы убить или ранить, но лишь для того, чтобы испугать. Господинъ Batty видѣлъ, что Larkie бросалъ камни, а Shore находился въ сидячемъ положеніи у каретной дверцы какъ бы собирая камни: въ это время, должно быть, въ него самого попалъ тяжелый камень, потому что онъ всталъ и шатаясь ушелъ. По выраженію его глазъ и по движеніямъ рукъ можно было заключить, что онъ нѣкоторымъ изъ стоявшихъ по дорогѣ людей отдавалъ приказанія. Констабль Bromley, сидѣвшій по правую руку

возлѣ кучера камерной кареты, показалъ, что когда онъ хотѣлъ встать, то Allen прицѣлился въ него, выстрѣлилъ и ранилъ въ правое бедро. Впослѣдствіи онъ видѣлъ, какъ Allen работалъ на крышѣ кареты, какъ Gould подавалъ камни, и какъ наконецъ Allen съ топоромъ въ рукѣ старался разбить каретную дверь. Между тѣмъ констабль Trueman бросился къ каретѣ; Gould въ него выстрѣлилъ, но Trueman получилъ отъ этого выстрѣла лишь легкую контузію въ плечо. Констабли Thomson и Trueman замѣтили, что въ числѣ бросавшихъ на полицію камни однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ лицъ былъ Shore, а стекольщикъ Thomas, даже утверждаетъ, что Shore на удачу выстрѣлилъ изъ пистолета. Показанія Thomas'a въ судебномъ засѣданіи вообще гораздо полнѣе, нежели на предварительномъ слѣдствіи, что дало одному изъ защитниковъ поводъ замѣтить, что обѣщанные за доносъ 200 фунтовъ удивительно изощрили его память. У другаго подобнаго же свидѣтеля Knowles'a защитникъ спросилъ: не говорилъ ли онъ однажды, что былъ бы очень радъ, еслибы чѣмъ нибудь могъ способствовать тому, чтобы хоть одинъ феній былъ повѣшенъ? Но свидѣтель отрекся отъ этихъ словъ и возразилъ, что считалъ бы позоромъ ихъ произнести.

Тюремные стражи Powell и Baxter, прибывшіе на мѣсто происшествія почти въ самый моментъ освобожденія Kelly и Deasy, чиновникъ желѣзной дороги Syerghy и рабочій Barlow въ общемъ единогласно показали, что видѣли, какъ освобожденные, конвоируемые Allen'омъ, Gould'омъ, Larkie и нѣсколькими другими, побѣжали по полю по направленію къ мидляндской станціи: здѣсь Syerghy видѣлъ, какъ нѣсколько человекъ изъ бѣжавшихъ помогали одному, у котораго руки были укутаны плащомъ, перебраться черезъ стѣну. Здѣсь же повидимому Allen отдѣлился отъ Larkie и Gould'a: преслѣдуемый онъ разъ выстрѣлилъ на воздухъ но наконецъ попалъ въ руки своихъ преслѣдователей, которые его связали и отняли у него револьверъ; два ствола были еще заряжены, но для выстрѣловъ недоставало пистоновъ. Baster между тѣмъ преслѣдовалъ Larkie и Gould'a. Larkie нѣсколько разъ цѣлилъ въ него, грозилъ смертью

и два раза спускалъ курокъ; но оба ствола дали осѣчку; тутъ Baster бросилъ въ Larkie тяжелымъ камнемъ, и хотя не попалъ, но Larkie быстро отклоняясь упалъ и былъ схваченъ. За нимъ схваченъ и Gould. Shore былъ арестованъ въ Манчестерѣ въ тотъ же вечеръ констаблемъ Hurt'омъ: Hurt'у показались подозрительными сильно испачканные грязью сапоги Shor'a; онъ спросилъ послѣдняго объ имени, но тотъ уклонялся дать прямой отвѣтъ, наконецъ пустился бѣжать. Hurt за нимъ погнался, нагналъ его въ одномъ закоулкѣ и констабльскимъ жезломъ свалилъ на землю. Поздно ночью арестованъ у себя на квартирѣ и Maguire; но Kelly и Deasy ускользнули изъ рукъ правосудія, — быть можетъ, навсегда.

Относительно перваго ареста двухъ послѣднихъ, констабль Dicken показалъ слѣдующее: съ 10-го на 11-е сентября онъ ходилъ ночью съ патрулемъ по улицамъ Манчестера и видѣлъ какъ въ одномъ довольно глухомъ мѣстѣ четыре человѣка (между ними былъ и Gould) горячо о чемъ то разговаривали. Потомъ два изъ разговаривавшихъ скрылись, а два другихъ направились къ лавкѣ купца Генриха Wilson'a. Они поступали въ дверь со словами: «все въ порядкѣ! отворите и пустите насъ войти», но прежде, чѣмъ вошли, были Dicken'омъ арестованы на основаніи закона о шатающихся по улицамъ бродягахъ. Арестованные назвали себя Джономъ Whita и Мартиномъ Williams; у каждаго изъ нихъ было по заряженному шестиствольному револьверу. На слѣдующее утро полиція узнала въ нихъ Kelly и Deasy, на которыхъ уже давно лежало сильное подозрѣніе въ феніанизмѣ.

Какъ видно изъ судебного засѣданія, при объявленіи Kelly и Deasy ареста не всѣ постановляемые закономъ формальности были соблюдены. Это обстоятельство дало поводъ къ горячимъ судебнымъ преніямъ: и судъ, и прокуратура, и защита сходились въ томъ мнѣніи, что еслибы незаконно арестованные Kelly и Deasy самовольно ушли изъ подъ ареста и при этомъ даже употребили насиліе, которое бы стоило жизни арестующему полицейскому чиновнику, то они по закону были бы оправданы, или сочтены просто за manslaughter'овъ — чело-вѣкоубійць по нерадѣнію или неосторожности; но защита стара-

лась доказывать, что право насильственного освобождения из под незаконного ареста принадлежит не только арестованным, но и третьим лицам, тогда как прокурор утверждал, что это право есть личное достояние лишь арестованного, т. е. лица несомненно увѣреннаго въ неправильности ареста, — стало бытъ имъ не могутъ пользоваться третьи лица, которыя никакъ не могутъ судить о законности или незаконности ареста въ данномъ случаѣ. Въ концѣ концовъ предсѣдатель по совѣщаніи съ другими членами коммисіи раздѣлилъ мнѣніе прокурора и объявилъ, что по его и его ученыхъ товарищей крайнему разумѣнію право судить о незаконности ареста принадлежитъ лишь незаконно арестованнымъ по закону, а на третьихъ лицъ переходить не можетъ. Защита была видимо разбита, и ужъ больше къ этому пункту не возвращалась.

Затѣмъ, послѣдовалъ допросъ оправдательныхъ свидѣтелей. Gould, Shore Maguire утверждали alibi, т. е.: старались доказать, что въ моментъ происшествія на мѣстѣ его не находились, а приведенныя ими для подтвержденія алиби лица показали слѣдующее: гувернантка миссъ Flanagan, которая сначала не хотѣла назвать семейства, при которомъ состоитъ, потомъ объявила, что уже давно приглашена къ купцу La Compte, но до окончанія манчестерскаго дѣла рѣшила жить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ и на основаніи этого рѣшенія дѣйствительно на время переселилась къ купцу Wilson'у — тому самому, у лавки котораго Kelly и Deasy арестованы, и который теперь въ числѣ прочихъ обвиняется по участію въ убійствѣ сержанта Brett'a. Она рассказываетъ, что 18-го сентября она случайно проходила по Huderoad и въ исходѣ четвертаго часа пришла къ тюремѣ Belview, около которой очень близко есть трактиръ. У трактирной двери она видѣла до тѣхъ поръ ей вовсе неизвѣстнаго Gould'a: онъ какъ ей показалась — разговаривалъ съ Wilson'омъ и игралъ съ его дѣтьми. На вопросъ, откуда она знаетъ Wilson'a, Flanagan отвѣчала, что она съ нимъ познакомилась два мѣсяца тому назадъ въ его магазинѣ чрезъ посредство господина Iones, который какъ она полагаетъ — постоянно путешествуетъ по торговымъ дѣ-

ламъ, и теперь находится въ Америкѣ. Нѣсколько сбивчивыя показанія дѣвицы Flanagan подтверждены Wilson'овой свояченицей госпожею O'Leary: она 18-го сентября около 3-хъ часовъ пополудни проѣзжала въ омнибусѣ съ Wilson'омъ, его женою и дѣтьми по Hyderoad? Wilson намѣревался отдохнуть на чистомъ деревенскомъ воздухѣ; но къ несчастію въ омнибусѣ у самыхъ воротъ тюрьмы Belview сломалась ось, и они всѣ должны были сойти въ упомянутый дѣвицею Flanagan трактиръ. По дорогѣ они встрѣтили Gould'a и нѣсколько минутъ съ нимъ говорили. Въ это самое время къ воротамъ тюрьмы быстро подѣхалъ на дрожкахъ полицейскій чиновникъ и сильно постучалъ въ дверь: онъ привезъ съ собою извѣстіе о кровавой катастрофѣ. Около того же времени подошла и стала разговаривать съ Wilson'омъ гувернантка Flanagan. Сынъ трактирщика Осипъ Fee и портной Kelly показали, что видѣли, приблизительно въ 4 часа пополудни у матери Fee въ принадлежавшей ей пивной лавочкѣ Shore'a. Госпожа Fee, очень старая дама, показала, что — какъ ей кажется — она тоже видѣла у себя 18-го сентября въ 4 часа пополудни Shore'a, но присягнуть на счетъ этого не можетъ. Элиза Parkins, живущая приблизительно въ полумилѣ разстоянія отъ Hyderoad'a показала, что считавшійся въ отпуску и проживавшій у нея братъ ея Тома Maguire 18-го сентября до половины четвертаго пополудни спалъ въ своей комнатѣ, и изъ дому вышелъ лишь въ 7 часовъ вечера. Сосѣдка Элизы Parkins Марія Ingham видѣла Maguire'a въ тотъ же день въ половинѣ четвертаго въ окно его спальни комнаты: онъ еще не былъ одѣтъ и спрашивалъ, не желаетъ-ли она, чтобы онъ ее проводилъ; но она ушла одна. Другая сосѣдка вдова Hapcock, проходя мимо дома Parkins въ половинѣ пятаго, видѣла какъ Maguire умывался. Кромѣ того одна свидѣтельница показала, что видѣла какъ Maguire между 4 и 5 часами спокойно курилъ у сестры трубку, другая — какъ онъ въ 4 часа прогуливался у себя по двору, третья, какъ онъ приблизительно въ половинѣ четвертаго сходилъ съ лѣстицы. Одинъ констабль, имѣвшій случай хорошо узнать Maguire'a въ его бытность въ отпуску показалъ, что Maguire — человекъ характера очень

спокойнаго, но по вечерамъ иногда слишкомъ испиваетъ. — Этими показаніями допросъ свидѣтелей и окончился.

Изъ защитниковъ первый говорилъ мистеръ Seymour за Allen'a и Shore'a. Рѣчь его продолжалась около 3¼ часовъ, и въ ней ораторъ потратилъ много времени на защиту себя самаго отъ подозрѣній въ феніанизмъ, на доказательства несостоятельности феніевъ. Потомъ защитникъ говорилъ, что уже самый фактъ, что въ Манчестерѣ — въ этомъ центрѣ торговли — могло быть произведено такое дерзкое нападеніе, навелъ ужасъ на всю Англію; этотъ ужасъ еще болѣе распространяетъ само правительство, нашедшее приличнымъ создать для разслѣдованія дѣла особую комисію, облеченную всѣми формальностями и всѣми строгостями закона. Обвиняемые конвоируются конницей и пѣхотой; изъ находящихся въ настоящую минуту во дворцѣ правосудія людей почти половина облеченные въ полную форму констабли; стукъ оружія слышится въ великолѣпныхъ корридорахъ этого дворца, даже самая зала засѣданій переполнена готовою мгновенно задуть всякую попытку бунта полицейскою и военною силой. «Я не порицаю послѣдственности съ какою въ настоящемъ дѣлѣ дѣйствуетъ, сказалъ онъ: парламентъ и народъ въ свое время выскажутъ насчетъ этого свое безпристрастное мнѣніе. Я не хочу порицать и тѣхъ чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности, которыя властями приняты для сохраненія порядка и для защиты закона. Но я прошу присяжныхъ не дѣйствовать по впечатлѣніямъ естественно этими мѣрами производимымъ и быть до крайности осторожными въ произнесеніи вердикта. Если вы, г-да присяжные, будете слѣдовать внутреннему голосу вашей совѣсти, объ васъ на вѣки останется добрая память, какъ объ людяхъ достойно дѣйствовавшихъ во времена всеобщаго возбужденія и напряженія умовъ». Переходя къ самому дѣлу ораторъ выражаетъ мнѣніе, что обвиненіе представило нападеніе въ гораздо большихъ размѣрахъ и придадо ему гораздо большее значеніе, нежели какъ это было на самомъ дѣлѣ. По показанію большинства обвинительныхъ свидѣтелей, лишь немногіе изъ нападавшихъ имѣли при себѣ револьверы; для остальныхъ един-

ственнымъ орудіемъ нападенія и защиты служили подбираемые по дорогѣ, на мѣстѣ самого происшествія, камни. Что же касается числа сдѣланныхъ выстрѣловъ, то по показаніямъ число ихъ измѣняется отъ трехъ до ста! Но сколько бы выстрѣловъ ни было, каковы результаты нападенія? Brett убитъ, Bromley и Sprossan ранены, Тгуемап контуженъ. Никакихъ другихъ несчастій не послѣдовало, и толпы преслѣдователей почти по пятамъ гнавшіеся за произведшими нападеніе, нашли лишь одинъ револьверъ — у Allen'a. Неужели послѣ этого не слѣдуетъ предположить, что обвинительные свидѣтели, раздраженные разжигающими газетными толками, зашли въ своихъ показаніяхъ слишкомъ далеко?» Далѣе защитникъ замѣчаетъ, что обвиненіемъ приведены не всѣ тѣ свидѣтели, которыхъ бы слѣдовало допросить, такъ напримѣръ вовсе не допрошенъ кучеръ тюремной кареты, не спрошены также и нѣкоторые изъ конвоировавшихъ карету констаблей. Кромѣ того, очевидно, обвиняемые, если и имѣли смертоносныя орудія, то не употребляли ихъ съ цѣлью убійства. Allen хотя и выстрѣлилъ въ Sprossan'a, но цѣлилъ ему въ ноги; онъ выстрѣлилъ — можетъ быть — и въ карету, но констабль Shaw увѣряетъ, что ему казалось, будто Allen хочетъ лишь выбить выстрѣломъ каретный замокъ. Оканчивая пересмотръ доказательствъ, защитникъ находитъ, что нѣкоторыя показанія неправдоподобны, другія — взаимно одно другому противорѣчатъ: если Allen даже дѣйствительно цѣлилъ въ Brett'a, то по всей вѣроятности выстрѣлъ не былъ бы смертеленъ, когда бы Эмма Holiday не оттаскивала Brett'a назадъ и не наклонила бы его до такой степени, что его голова пришлась какъ разъ въ уровень съ пистолетнымъ дуломъ. Честность Allen'a видна уже изъ того, что преслѣдуемый онъ два раза стрѣлялъ не въ преслѣдовавшихъ, а прямо на воздухъ: кто поступаетъ такимъ образомъ, никакъ не можетъ быть подозрѣваемъ въ убійствѣ съ предумышленіемъ. Алиби Goulda ничѣмъ не опровергнуто, а если алиби Shore'a и не вполне доказано, то не вполне доказано и его участіе въ нападеніи. Цвѣтистое заключеніе рѣчи состоитъ въ новомъ обращеніи къ присяжнымъ съ просьбою о непристрастїи и въ вы-

раженіи надежды, что скоро феніанизму будетъ положенъ конецъ, и тогда «ея величество ступить на свою собственную ирландскую землю» и т. д.

Гораздо короче и прозаичнѣе была рѣчь O'Brien'a — защитника Larkie и Maguire'a. Отъ то же начинается съ того, что просить присяжныхъ судить по совѣсти и благодарить генерала-атторнея за непристрастность дѣйствій. Затѣмъ доказываетъ, какъ трудно довѣрять самому правдоподобному показанію, когда оно касается частныхъ такого шумнаго и запутаннаго происшествія, и утверждаетъ, что во-первыхъ ни одинъ заслуживающій довѣрія свидѣтель не указалъ на Maguire'a, какъ на человѣка, принимавшаго какое бы то ни было участіе въ нападеніи, или какъ на приверженца феніанизма; во-вторыхъ, если и должно считать доказаннымъ, что Larkie въ нападеніи на карету принималъ дѣятельное участіе, то во всякомъ случаѣ нельзя обвинять его по участію въ убійствѣ, потому что рѣшительно не доказано, чтобы онъ участвовалъ въ нападеніи по предварительному съ другими нападавшими соглашенію, или чтобы въ предварительномъ планѣ нападавшихъ лежало намѣреніе прибѣгать къ такимъ дѣйствіямъ, отъ которыхъ можетъ произойти опасность для человѣческой жизни; по всей вѣроятности, если бы камерная карета конвоировалась — какъ обыкновенно дѣлается — однимъ чиновникомъ, — а вѣдь заговорщики не знали, что конвой усиленъ, то простая физическая сила нападавшихъ превозмогла бы безъ всякихъ затрудненій, и все дѣло окончилось бы лишь освобожденіемъ Kelly и Deasy. Защитникъ не споритъ, что — если свидѣтели говорятъ правду — Larkie заслуживаетъ тяжкаго наказанія, — но во всякомъ случаѣ отвергаетъ обвиненіе своего кліента по участію въ убійствѣ.

Въ заключеніе сказалъ рѣчь генераль-атторней. Какъ ни странно, что послѣднее слово въ Англійи, гдѣ вообще права обвиняемыхъ по уголовнымъ преступленіямъ до послѣдней степени расширены, предоставляется обвинителю, но ужъ таковъ англійскій законъ, что всегда, когда обвинитель является въ лицѣ самого генерала-атторнея, послѣднее слово принадлежитъ ему. Сдѣлавъ краткій очеркъ

происшествія, государственный обвинитель замѣчаетъ, что рѣшительно все равно, сколько бы лицъ ни принимали участіе въ нападеніи, сколько бы изъ нападавшихъ ни было вооружено огнестрѣльнымъ оружіемъ — все равно даже, имѣли ли нападашіе злой умыселъ убить человѣка или нѣтъ: для обвиненія достаточно того обстоятельства, что нападашіе дѣйствовали по предварительному соглашенію, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли при себѣ смертоносное оружіе, съ цѣлью, вслучаѣ крайности, къ нему прибѣгнуть, и что вслѣдствіе употребленія этого оружія человѣкъ убитъ. Затѣмъ обвинитель благодаритъ защитниковъ за увѣренность въ его непристрастіи, но находитъ сдѣланный ему упрекъ въ томъ, что онъ выставилъ не всѣхъ тѣхъ свидѣтелей, отъ показаній которыхъ могло бы значительно уясниться все дѣло, — не основательнымъ. На упрекъ этотъ онъ возражаетъ, что всѣ подобные свидѣтели предварительно допрошены, что показанія ихъ представляютъ лишь новыя улики противъ обвиняемыхъ, и что если они, совершенно готовые къ отвѣту, не приглашены въ настоящее засѣданіе, то это лишь потому, что генераль-атторней находитъ слишкомъ большое число свидѣтелей обременительнымъ какъ для судей, такъ и для присяжныхъ. Переходя къ дальнѣйшему разбору защиты, обвинительная власть говоритъ: если нѣсколько выстрѣловъ было сдѣлано на воздухъ, то это еще ничуть не оправдываетъ нападавшихъ, а напротивъ, показываетъ въ нихъ крайнюю систематичность дѣйствій; напавшіе на карету сначала стрѣляли для того, чтобы прогнать съ козелъ кареты сидѣвшихъ тамъ чиновниковъ; потомъ, чтобы навести на этихъ чиновниковъ больше страха, они подстрѣлили одного въ бедро; потомъ они стрѣляли съ цѣлью разогнать полицію и спѣшившихъ ей на помощь гражданъ; затѣмъ, чтобы завладѣть ключами отъ кареты, застрѣлили Brett'a, наконецъ — когда Kelly и Deasy были освобождены и пустились бѣжать — ихъ освободители стрѣляли, чтобы дать убѣгающимъ возможность уйти отъ преслѣдователей. Утверждаемое Gould'омъ алиби генераль-атторней находитъ крайне сомнительнымъ: Gould и его оправдывающіе свидѣтели показываютъ, что онъ въ моментъ

происшествія спокойно игралъ съ дѣтьми Wilson'a въ отстоящемъ на четверть мили отъ мѣста событія трактирѣ, а десять или двѣнадцать человѣкъ положительнѣйшимъ образомъ указываютъ на него, какъ на одного изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ нападеніи; кромѣ того не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что непосредственно по окончаніи нападенія Gould шелъ рука объ руку съ Allen'омъ и около самаго мѣста преступленія арестованъ. Подобнымъ же образомъ отвергаетъ генераль-атторней алиби Maguire'a и Shore'a. Заявляя, что вполне убѣжденъ въ виновности всѣхъ пяти обвиняемыхъ, онъ заключаетъ рѣчь выраженіемъ надежды, что рѣшеніе присяжныхъ должно доказать всѣмъ приверженцамъ «сумасброднаго» феніанизма, что ихъ произволь не можетъ оставаться безнаказаннымъ, и что «правосудіе не побоится прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ строгости, чтобы предохранить подданныхъ ея величества отъ повторенія подобныхъ преступленій».

Послѣднія слова заглушаются шумными одобреніями публики, которыя однако скоро прекращаются по требованію находящихся въ залѣ засѣданія блюстителей благочинія.

Послѣ заключительной рѣчи президента, присяжные удаляются въ камеру совѣщаній и послѣ двухчасоваго совѣщанія произносятъ обвинительный вердиктъ противъ всѣхъ пяти обвиняемыхъ. Затѣмъ президентъ предложилъ обвиняемымъ въ сущности совершенно лишній вопросъ о томъ, не могутъ-ли они въ защиту себя привести какія нибудь обстоятельства, которыя бы могли приостановить произнесеніе смертнаго приговора? И тутъ началась интереснѣйшая сцена, какая только когда либо происходила въ залахъ суроваго англійскаго уголовного суда.

До сихъ поръ обвиняемые спокойно и сдержанно слѣдили за ходомъ засѣданія: они терпѣливо выслушали тѣ проклятія феніанизму, которыя такъ обильно текли изъ устъ ихъ же собственныхъ защитниковъ; они какъ бы съ напряженнымъ вниманіемъ прослѣдили за короткою, но рѣзко очертившею весь дикій характеръ преступленія рѣчью прокурора, и когда президентъ въ заключительной рѣчи возставалъ противъ назначенія наградъ за шпіонство или

за свидѣтельство въ пользу обвиненія, на ихъ лицахъ можно было ясно прочесть, что они мнѣнїе президента раздѣляютъ вполнѣ. Никто бы не могъ предположить, что, по произнесеніи присяжными вердикта, обвиняемые до такой степени радикально, какъ это было на самомъ дѣлѣ, измѣнятъ свое поведеніе.

Первымъ изъ осужденныхъ, отвѣтилъ на вопросъ президента девятнадцатилѣтній Алленъ: «Милорды и джентльмены» — началъ обвиненный юноша: «Я не намѣренъ своимъ отвѣтомъ на предложенный вопросъ отнимать у васъ много времени. Вопросъ этотъ легко предложить, но отвѣтить на него я не въ состоянїи: вѣдь и гораздо болѣе ученые и краснорѣчивые люди не въ состоянїи были на него отвѣтить. Теперь же я бы желалъ, если вы позволите, разобрать хоть часть противъ меня приведенныхъ доказательствъ....»

Предсѣдатель. Слишкомъ поздно! Вы вѣроятно не поняли вопроса. Доказательства уже оцѣнены и присяжные произнесли свой вердиктъ. Мы не имѣемъ ни власти, ни права его измѣнять или подвергать критикѣ. Если вамъ угодно привести какое нибудь техническое или нравственное основаніе, въ силу котораго висящій надъ вами приговоръ можетъ быть отмѣненъ, мы готовы васъ слушать; но разбирать приведенныя противъ васъ доказательства и доказывать ихъ несостоятельность теперь поздно.

Алленъ. Хорошо, сэръ; но можетъ быть это можно будетъ сдѣлать завтра?

Предсѣдатель. Съ той минуты, какъ вердиктъ произнесенъ, право на это вы потеряли навсегда. Каковъ бы вердиктъ ни былъ, мы обязаны считать его справедливымъ, и весь вопросъ заключается теперь лишь въ томъ, нѣтъ-ли какихъ нибудь основаній для того, чтобы смертный приговоръ не состоялся?

Алленъ. Въ этомъ отношенїи, сэръ, я имѣю многое сказать.

Предсѣдатель. Говорите, — мы васъ слушаемъ.

Алленъ. Я убѣжденъ, что во всей этой залѣ никто не опечаленъ смертью сержанта Brett'a въ такой сильной степени, какъ я, и предъ лицомъ Вѣчнаго, Всемогущаго Бога утверждаю самымъ положительнымъ образомъ, что въ смерти этой я не повиненъ — да,

я невиненъ въ ней, какъ можетъ быть — никто въ цѣлой залѣ. Я говорю это не для того, чтобы выпросить себѣ пощаду: пощады я не прошу и не хочу, потому что желаю умереть такъ, какъ умерли прежде меня столько тысячъ людей за дѣло моей дорогой родины. Я желаю гордо и торжественно умереть за исповѣданіе республиканскихъ идей и за свободу изнывающаго подъ тяжкимъ игомъ, глубоко поработеннаго народа. Насъ спрашиваютъ, не знаемъ ли мы какихъ нибудь основаній, по которымъ смертный надъ нами приговоръ можетъ не состояться?... Но возможно-ли предлагать намъ этотъ вопросъ послѣ того, какъ судъ для нашего обвиненія удовольствовался показаніями отъявленныхъ плутовъ, праздношатающихся мальчишекъ и осужденныхъ преступниковъ и приговорилъ насъ — какъ ирландцевъ — къ петлѣ при такихъ уликахъ, при существованіи которыхъ не рѣшился бы повѣсить даже англійскую собаку? Я говорю здѣсь свободно и ясно, что съ тѣхъ поръ, какъ я арестованъ, я рѣшительно не вижу справедливости». Далѣе Allen говоритъ, что и въ судѣ онъ не нашелъ справедливости, и заключаетъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ:

«Что касается меня лично, то я вполне убѣжденъ въ законности каждаго дѣйствія, которое предпринималъ для защиты своей родины. Я ничего не боюсь! Для меня не страшно ожидающее меня наказаніе — на этомъ, милорды, я и окончиваю. (Послѣ не продолжительнаго молчанія). Позвольте мнѣ сказать еще нѣсколько словъ. Я отъ души благодарю господъ Seymour'a и Jones'a за ихъ краснорѣчивую защиту, точно также благодарю и господина Roberts'a. Я желаю кромѣ того, сэръ, сказать свое имя. Я не William O'Meara Allen, а William Philipp Allen. Я родился и выросъ въ Бандонѣ въ Коркѣ и горжусь своей родиной и происхожденіемъ. Милорды, я теперь все сказалъ».

Вслѣдъ за Allen'омъ обвиняемый Larkie сказалъ приблизительно слѣдующее:

«Я желаю сказать лишь нѣсколько словъ относительно сержанта Brett'a. И я, также какъ мой другъ Allen, глубоко опечаленъ его смертью. Далѣе я призываю Бога во свидѣтели въ томъ, что въ

роковой день 18-го сентября не имѣлъ при себѣ ни пистолета, ни револьвера, ни какого бы то ни было орудія, которымъ бы можно было убить дитя, а не то что взрослого человѣка. Милорды! Я конечно не буду отрицать, что я шелъ къ камерной каретѣ съ цѣлью помочь двумъ благороднымъ, заключеннымъ въ ней героямъ Kelly и Deasy: я шелъ туда съ цѣлью сдѣлать все, что только будетъ возможно, чтобы освободить ихъ изъ тюремнаго заключенія; но, милорды, ни я, ни кто другой изъ освобождавшихъ не имѣлъ намѣренія кого бы то ни было убивать. Что сержантъ Brett убить — это просто несчастный случай, и того, чья рука совершила убійство, вы не знаете: я былъ на мѣстѣ происшествія — въ немъ принимало участіе по крайней мѣрѣ полтора ста человѣкъ. Какъ это мнѣ ни прискорбно, но я долженъ сказать, милорды, что свидѣтельствовавшихъ противъ меня людей я считалъ честными, но они такими не оказались; впрочемъ я не хочу выражаться объ нихъ такъ, какъ выразился мой другъ Allen — я объ нихъ не буду вообще говорить. Все, что я могу сказать, это — что убѣжденъ, что слѣдствіе и процессъ противъ меня лично велся добросовѣстно. Мои свидѣтели и мой достойный адвокатъ сдѣлали все, что могли, чтобы спасти мнѣ жизнь, но я думаю, что старая пословица «чему быть, того не миновать» — вполне справедлива, и ужъ если человѣку разъ суждено умереть на висѣлицѣ или утопиться, такъ онъ не умретъ геройскою смертію въ кровавой сѣчѣ и не заснетъ вѣчнымъ сномъ въ постели. Я увѣренъ въ милосердіи божіемъ, и да проститъ Богъ всемъ тѣмъ, которые отняли у меня жизнь, а я умирая прощаю имъ отъ всей души!»

Затѣмъ говорилъ Gould; вотъ начало его рѣчи: «Прежде всего объявляю, что все свидѣтели, которые противъ меня свидѣтельствовали, свидѣтельствовали ложно. Съ самаго ранняго дѣтства, съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, не бросилъ я ни одного камня. Въ тотъ день, когда совершено преступленіе — вы считаете дѣло 18-го сентября преступленіемъ, а я нѣтъ — у меня не было даже и въ рукахъ пистолета. Имя мое — Михаилъ O'Brien. Я родился въ графствѣ Коркъ и имѣю честь числиться въ томъ же приходѣ,

въ которомъ былъ записанъ Crawley, сражавшійся въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ съ британскими войсками въ Митчельстоунѣ *) и падшій въ битвѣ за освобожденіе Ирландіи отъ англійской тираниі. Я гражданинъ сѣвероамериканскихъ соединенныхъ штатовъ, и если бы Charles Francis Adams **) исполнилъ въ отношеніи ко мнѣ свою обязанность, я бы не сидѣлъ на скамьѣ обвиняемыхъ и не отвѣчалъ бы на ваши вопросы. Но господинъ Adams не явился, хоть я къ нему и писалъ, — онъ не явился, чтобы посмотрѣть, найдутъ ли достаточныя для опроверженія обвиненія доказательства. Надѣюсь — американскій народъ на этотъ счетъ потребуеть отчета». Остальную часть рѣчи Gould прочелъ по тетрадкѣ, поэтому она сохранилась вполнѣ и въ томъ видѣ, какъ слѣдуетъ ниже: «Человѣкъ рожденъ свободнымъ. Богъ одарилъ его разными способностями для того, чтобы онъ ими пользовался, а не для того, чтобы онъ ихъ заглушалъ, и не для горестей, а для наслажденія предоставилъ въ его распоряженіе вселенную. Если человѣкъ убѣжденъ, что дѣйствуетъ законно и въ этомъ убѣжденіи что либо предпринимаетъ, то, конечно, онъ долженъ терпѣливо нести все послѣдствія своихъ предпріятій. Ирландія — эта прекрасная страна съ благодатнымъ климатомъ и съ плодоносными полями — могла бы съ избыткомъ удовлетворять потребностямъ населенія втрое большаго, чѣмъ настоящее. Но конечно никто кромѣ продажныхъ наемниковъ англійскаго правительства не станетъ утверждать, что въ ней есть хоть тѣнь свободы, или что въ жизни ея ограбленнаго, поработеннаго народа есть хоть искра довольства. Надо надѣяться однако, что скоро безумные, беспощадные тираны будутъ среди ликованій всего свѣта изгнаны изъ оскверненной ими страны. Какъ великолѣпно, съ какимъ жаромъ возстаетъ англійская аристократія противъ деспотизма владыкъ италіянскихъ и дагомейскихъ! Съ какимъ негодованіемъ говорятъ они объ истребленіи важнѣйшихъ неаполитанскихъ фамилій посредствомъ заключенія въ тюрьму ихъ предста-

*) Очень маленькая ирландская деревушка.

**) Американскій посланникъ въ Лондонъ.

вителей или вліятельнѣйшихъ членовъ! И кто не слышалъ, какъ британскіе аристократы порицають тираннію, заставляющую лучшихъ, честнѣйшихъ людей бесполезно увядать въ изгнаніи!...»

Президентъ. Очень жаль, что я долженъ васъ прервать; но я это дѣлаю исключительно лишь въ вашемъ собственномъ интересѣ. Все, что вы до сихъ поръ сказали, ни чуть не мѣшаетъ произнесенію надъ вами законнаго приговора. Вы повидимому читаете то, что другіе для васъ написали, и что производитъ на вашихъ судей лишь самое непріятное впечатлѣніе. Я совѣтую вамъ въ вашихъ собственныхъ интересахъ перемѣнить тонъ.

Gould. Сэръ, я все таки намѣренъ продолжать (читаетъ дальше). Англійскіе аристократы не находятъ словъ, чтобы выразить чувство омерзения, возбуждаемаго въ нихъ варварствами короля дагомейскаго, ежегодно приносящаго въ жертву по двѣ тысячи людей; но отчего эти нравственные аристократы, такъ благородно негодующіе противъ безправности другихъ государствъ и другихъ народовъ, не оглянутся серьезно на свою родную землю и не спросятъ самихъ себя: ужь не больше ли преступленій совершается у нихъ же дома ими самими или по крайней мѣрѣ съ ихъ полного согласія? Отчего они не глянуть на Лондонъ, гдѣ цѣлыя тысячи народа на имѣютъ хлѣба, между тѣмъ какъ сами аристократы утопаютъ въ роскоши и въ развратѣ? Отчего не обратятъ взоръ на Ирландію, гдѣ сотни и тысячи терпятъ невообразимую нужду и бѣдность, гдѣ столько добродѣтельныхъ, прекрасныхъ, трудолюбивыхъ женщинъ должны видѣть, какъ у нихъ на рукахъ умираютъ съ голоду дѣти! Отчего они не сопоставятъ такъ называемое величіе закона съ долгою, страшною бѣдностью благороднаго народа и не спросятъ послѣ того самихъ себя, на чью сторону должна естественно стать ирландская молодежь—на сторону ли закона, приговаривающаго лучшихъ людей къ петлѣ и къ изгнанію, или на сторону героевъ, отыскивающихъ средства скинуть съ себя жестокосердную тираннію и положить конецъ бѣдствіямъ, избравъ себѣ собственное, дѣйствительно заботящееся о народныхъ нуждахъ правительство? Я не намѣренъ отвѣчать на этотъ вопросъ—я убѣжденъ, что скоро

на него грозно отвѣтитъ весь ирландскій народъ. Я не удивляюсь тому, что меня осудили. Англійское правительство имѣетъ въ своихъ рукахъ такую власть, что можетъ осудить каждаго: оно назначаетъ судей, оно избираетъ присяжныхъ и посредствомъ такъ называемаго патронажа имѣетъ всегда возможность заставить законъ служить своимъ личнымъ цѣлямъ. Но я умру съ убѣжденіемъ, что за мою кровь воздастся сторицею тиранамъ, отваживающимся на такія ужасныя преступленія». Здѣсь повидимому писанная часть рѣчи оканчивается; но Gould прибавляетъ къ ней еще нѣсколько словъ. «Я утверждаю, что обвиненъ несправедливо, потому что въ то время, когда меня узнали, у меня на рукахъ и на ногахъ были цѣпи, а свидѣтели, которые присягнули, что я бросалъ камни, присягнули ложно, потому что — какъ показали двѣ дамы—я въ моментъ нападенія былъ у воротъ тюрьмы».

Окончивъ свою рѣчь, Gould передалъ ее защитнику—какъ замѣчаетъ докладчикъ—для напечатанія, и за нихъ сталъ говорить Maguire, королевскій матросъ, который все время засѣданія держался какъ бы въ сторонѣ отъ другихъ обвиненныхъ и обвиненіе котораго присяжными нѣсколько изумило слушающую публику. Онъ говоритъ совершенно инымъ тономъ, чѣмъ Gould: «Если ктонибудь когданибудь былъ въ судѣ обвиненъ несправедливо, такъ это—я: я ничего не знаю о феніанизмѣ; я всегда вѣрно служилъ моей королевѣ и всегда былъ на хорошемъ счету у начальства. Когда меня арестовали, я думалъ, что арестуютъ меня лишь потому, что я въ штатскомъ платьѣ, и неужели, милорды, вы думаете, что—если бы я не участвовалъ въ нападеніи—я бы не поспѣшилъ отправиться домой и надѣть форму, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе? Свидѣтели, которые показали, что видѣли меня въ числѣ нападавшихъ, дали ложныя показанія. Я невиненъ, неужели же противъ меня можетъ быть произнесенъ смертный приговоръ?»

Последній Говорилъ Shore. Въ своей рѣчи, полной какой то меланхолической покорности судьбѣ, онъ опровергаетъ нѣкоторыя свидѣтельскія показанія, высказываетъ сожалѣніе относительно

смерти Brett'a и увѣряеть, что совершенно невиненъ. «Если бы (говорить онъ) мы были обвиняемы въ убійствѣ старой женщины съ цѣлью вытащить у нея изъ кармана деньги, то при такихъ слабыхъ уликахъ были бы оправданы; но такъ какъ приписываемое намъ преступленіе имѣеть политическій характеръ, насъ обвинили. Да, если бы гдѣ нибудь въ сѣверной Америкѣ былъ освобожденъ Jefferson Davis, если бы изъ какого нибудь заточенія былъ освобожденъ *Гарибальди*, или если бы насильно освобождены были плѣнники абиссинскаго короля Теодора, по всей бы Англіи раздались одобрительныя рукоплесканія; но случилось это въ Англіи—и тѣ же, которые рукоплескали бы, если бы это произошло въ Италіи или Америкѣ, видявъ въ немъ что то ужасное. Если бы я былъ англичанинъ и находился на мѣстѣ происшествія, меня бы призвали къ обвинительному свидѣтельству; но такъ какъ я ирландецъ, меня заподозрили въ симпатіи къ нападавшимъ; на основаніи этого подозрѣнія я былъ арестованъ, а затѣмъ арестъ и обѣщаніе награды за открытіе виновныхъ въ нападеніи сдѣлали то, что я обвиненъ и осужденъ. Всѣ свидѣтели показали ложно; но въ ожиданіи скоро предстать предъ всемогущаго Бога я имъ прощаю. Я не думаю, что присяжные приступили къ дѣлу съ предвзятымъ намѣреніемъ насъ осудить; но они дѣйствовали подъ вліяніемъ газетныхъ толковъ, которые не переставали разжигать противъ насъ вражду. Я умираю въ мирѣ со всѣми, и смерти не боюсь. («И я тоже» восклицаютъ при этомъ другіе обвиненные). Относительно другихъ обвиненныхъ, дѣло которыхъ еще не рѣшено, я надѣюсь, что нашей крови будетъ довольно для того, чтобы утолить жажду крови.—Я американскій гражданинъ, называюсь не Shore, а Eduard O'Meagher Connor, родомъ изъ Корка, а постоянное мое жительство Огіо, гдѣ дорогія мнѣ сердца будутъ оплакивать мою смерть; но я могу послать имъ лишь горячій привѣтъ и утѣшеніе, что умру какъ христіанинъ и ирландецъ. — Несчастныя распри между нашими соотечественниками въ Америкѣ разбили и разсѣяли всѣ наши лучшія надежды на освобожденіе родины, и намъ конечно остается лишь покориться судьбѣ. Скоро прійдется

намъ проститься съ жизнью—я къ этому готовъ, и мнѣ остается сказать лишь одно : «Боже! благослови Ирландію!».

Послѣ того какъ обвиняемые повторили этотъ возгласъ, Gould снова поднялся и сказалъ: «Я желаю прибавить еще нѣсколько словъ. Въ моей политической карьерѣ нѣтъ ничего такого, въ чемъ бы я раскаявался. Я не знаю за собою ни одного поступка, который бы вызвалъ у меня на лицѣ румянецъ стыда, или которымъ бы я заслуживалъ кару Божью или презрѣніе со стороны своихъ соотечественниковъ. Я бы считалъ себя счастливейшимъ и блаженнейшимъ человѣкомъ, если бы могъ умереть на полѣ брани въ битвѣ за свободу родины. Теперь это для меня невозможно, но я надѣюсь и на эшафотѣ умереть какъ солдатъ, человѣкъ и христіанинъ!»

Этимъ рѣчи обвиненныхъ окончились. Судьи покрыли головы черными беретами, и предсѣдатель сдѣлалъ слѣдующее короткое, но строгое обращеніе къ обвиняемымъ:

«По непристрастномъ и полномъ разборѣ доказательствъ вы найдены виновными въ убійствѣ съ предумышленіемъ. Никто изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи не можетъ усомниться въ справедливости вердикта. Преступленіе совершено при такихъ обстоятельствахъ, которыя доказываютъ въ васъ необыкновенную дерзость. Среди бѣлаго дня, у самыхъ почти воротъ многолюднаго города, вы осмѣлились вырвать арестантовъ изъ рукъ правосудія. Это преступленіе таково, что потрясаетъ все основанія гражданского общества, и если бы оно могло остаться безнаказаннымъ, то не было бы никакихъ гарантій для жизни и собственности гражданъ, наступило бы полное господство насилія и террора. Несчастный убитый вами Brett былъ не простой гражданинъ, а полицейскій чиновникъ, которому были ввѣрены содержащіеся въ тюрьмѣ за тяжкія нарушенія закона арестанты; вы его убили за то, что онъ, мужественно исполняя свой долгъ, отказался исполнить ваши незаконныя требованія. Я убѣжденъ, что никто изъ васъ не имѣетъ къ Brett'у личной вражды и нисколько не сомнѣваюсь, что вамъ было бы гораздо пріятнѣе, ежели бы онъ вручилъ вамъ ключи и

такимъ образомъ помогъ вамъ освободить тѣхъ арестантовъ, съ цѣлью освобожденія которыхъ вы и составили заговоръ; но я не сомнѣваюсь также и въ томъ, что вы нападая были готовы на всякое насиліе, на всякое преступленіе, какого бы только потребовало исполненіе вашей преступной цѣли, и что Brett убить потому, что это необходимо было для выполненія вашего общаго плана. Для общественной безопасности большаго преступленія быть не можетъ; не можетъ быть—значить—преступленія, которое бы заслуживало большаго наказанія. Законъ назначаетъ за него опредѣленную кару, а я уменьшить ее не могу; точно также не могу я дѣлать различія между разными участниками преступленія. Подавать вамъ какую нибудь надежду насчетъ того, что жизнь ваша можетъ быть спасена, или что поднятые вашими защитниками юридическіе вопросы вамъ къ чему нибудь послужатъ—значило бы представлять вамъ дѣло въ ложномъ свѣтѣ. Поэтому я васъ самымъ серьезнымъ образомъ прошу—обратите всѣ ваши помыслы къ Богу. Кайтесь и молитесь распятому Христу—отъ него ни одинъ даже самый не раскаянный грѣшникъ не уходитъ безъ утѣшенія!—Я долженъ произнести надъ вами суровый приговоръ. Онъ заключается въ томъ, что вы, и каждый изъ васъ, будете отвезены отсюда въ то мѣсто, изъ котораго были привезены, что оттуда васъ препроводятъ на мѣсто казни; что вы тамъ будете повѣшены за шею и будете висѣть, пока не умрете, и что трупы ваши будутъ погребены сообразно исповѣданію каждаго изъ васъ въ стѣнахъ тюрьмы, въ которой вы содержались; да будетъ къ вамъ милостивъ Богъ своею безконечною милостью».

Приговоренные выслушали президента въ мертвомъ молчаніи. Прежде чѣмъ ихъ увели, они горячо пожалы защитникамъ руки и окинули взоромъ залу засѣданія, какъ бы въ надеждѣ встрѣтить въ нѣкоторыхъ лицахъ сочувствіе; но дѣйствіе приговора на публику было слишкомъ сильно, чтобы кто нибудь рѣшился выказать состраданіе... «Богъ съ вами, ирландцы и ирландки!» воскликнулъ оставляя залу Larkie.

Теперь осталось порѣшить еще съ двадцать однимъ обвиняемымъ

въ убійствѣ; но, повидимому, убѣжденіе, что пяти висѣлицъ достаточно для возмездія да смерть одного, было общее, и ближайшая группа, состоящая изъ шести обвиненныхъ, была присяжными послѣ четырехчасоваго совѣщанія оправдана, хотя приведенныя противу нея доказательства—пожалуй не были слабѣе, и защита не была сильнѣе, нежели доказательства и защита относительно приговоренныхъ къ смерти. Что же касается остальныхъ пятнадцати человѣкъ обвиняемыхъ, то прокуратура взяла назадъ обвиненіе ихъ въ убійствѣ и требовала преслѣдованія ихъ лишь за то, что они произвели тревогу, сдѣлали нападеніе на полицейскихъ чиновниковъ и т. п. Эти обвиненія конечно повели къ нѣсколькимъ обвинительнымъ приговорамъ, но большая часть обвиняемыхъ была совершенно оправдана. Вообще послѣ произнесенія смертнаго приговора надъ первыми пятью обвиняемыми, засѣданія комиссіи продолжались еще полторы недѣли, но не представляли ничего новаго—напротивъ—были скучнымъ повтореніемъ приведенныхъ въ первомъ засѣданіи разсказовъ о нападеніи, лишь съ нѣкоторыми неважными измѣненіями.

Само собою разумѣется—теперь все вниманіе сосредоточилось на приговоренныхъ къ смерти. Каждая газета считала первымъ долгомъ высказаться насчетъ произнесеннаго приговора, и между тѣмъ какъ ирландскіе или разсуждающіе по ирландски листки говорили, что приговоръ этотъ останется на англійскомъ правосудіи вѣчнымъ пятномъ, что судьи и присяжные дѣйствовали, какъ полиціанты деспотическаго правленія, что обвинительные свидѣтели были не что иное, какъ шайка клятвопреступныхъ, купленныхъ бродягъ,—вся англійская пресса посмотрѣла на приговоръ какъ на самое законное воздаяніе виновнымъ и не находила достаточно словъ, чтобы благодарить присяжныхъ и судей за точное и правильное исполненіе возложенной на нихъ обязанности. Вслѣдъ за вопросомъ о справедливости приговора первый представлявшійся вопросъ былъ слѣдующій: будетъ-ли министръ внутреннихъ дѣлъ ходатайствовать предъ ея величествомъ о помилованіи? И вотъ что

говорить на этот счет «Times» — как известно лучше всех других газет выражающая общественное мнение в Англии:

Высказав полное убеждение в виновности всех приговоренных, но сознавая, что — может быть для Shore'a и Maguire'a есть такие обстоятельства, в силу которых они могут быть помилованы, «Times» ставит вопрос: действительно ли Allen, Larkie и Gould должны быть казнены? и на него отвечает: «Съ полнымъ сознаниемъ нашего долга мы говоримъ всемъ тѣмъ, которые будутъ недовольны исполненіемъ приговора, что по нашему мнѣнію шадить жизнь людей, пролившихъ невинную кровь при отягчающихъ преступленіе убійство обстоятельствахъ, было бы со стороны правительства преступною слабостью. Какъ известно, никто изъ убійць не имѣлъ личной вражды къ тому герою, у котораго отнята ими жизнь лишь за то, что онъ не пожелалъ постыдно оставить свой постъ. Такъ поступаютъ почти всѣ дѣйствующіе по дорогамъ грабители. Ихъ цѣль — разбой, а не убійство, но они идутъ съ готовностью на все, они не задумываются прибѣгать вслучаѣ нужды къ смертоносному насилію, а за это во всехъ государствахъ, въ которыхъ смертная казнь существуетъ, виновные приговариваются къ эшафоту. Мы не беремъ отвѣчать на вопросъ, насколько побуждающіе мотивы у тѣхъ людей, которые убиваютъ ближняго, чтобы нарушить англійскій законъ, и которые на скамьѣ обвиняемыхъ объявляютъ, что готовы умереть за Ирландію, преступны предъ лицемъ Всевышняго — это иной вопросъ: человѣческому правосудію нѣтъ дѣла до мотивовъ — оно интересуется лишь намѣреніемъ, умысломъ. Если можно допустить, что въ настоящемъ случаѣ manslaughter'ы совершили убійство безъ предумышленія, то корона вправѣ воспользоваться своимъ правомъ помилованія. Но если не сомнѣнно, что убійство было предумышленно, и что только случай благоприятствовалъ тому, что лишь одинъ человѣкъ убитъ, то корона не должна прибѣгать къ своему праву помилованія, или — говоря точнѣе — должна подчиниться высшему закону, по которому просьба о помилованіи должна остаться безъ послѣдствій. Министръ внутреннихъ дѣлъ, которому предоставлено право ходатайствовать

о пощады, оставляя законъ идти своимъ путемъ, не беретъ на себя никакой отвѣтственности, тогда какъ становясь закону поперегъ дороги принимаетъ страшную отвѣтственность предъ обществомъ. Помилованіе убійцъ Brett'a было бы преступленіемъ противъ чиновниковъ, которые—какъ Brett—должны выбирать одно изъ двухъ: или смерть, или неисполненіе обязанности; преступленіемъ даже противъ тѣхъ, которыхъ лишь страхъ жестокаго наказанія можетъ удержать отъ повторенія манчестерскихъ событій. Если на убійство полицейскаго чиновника смотрѣть какъ на маловажное преступленіе единственно лишь потому, что оно совершено во время отправленія этимъ чиновникомъ государственной службы, то отъ полиціи нечего ждать, чтобы она охраняла общество отъ такъ наз. «американскихъ гражданъ», которые повидимому также спокойно плодятся въ Ирландіи, какъ и за океаномъ. Между нами поселился какой-то враждебный духъ, который можетъ быть изгнанъ лишь примѣрами самой крайней строгости. Каждый день приноситъ намъ новыя извѣстія о дерзкихъ нападеніяхъ на полицію, и слова «выстрѣлъ въ полицейскаго чиновника» стали слишкомъ часто являться заглавіями газетныхъ статей. Время наконецъ принудить людей уважать человѣческую жизнь и поставленныхъ для ея охраненія законныхъ властей! Время доказать тѣмъ, которые этого не знаютъ, что англійское правосудіе неумолимо, какъ правосудіе судьбы.

Между тѣмъ какъ «Times» настаивалъ на исполненіе надъ обвиненными смертнаго приговора, образовался особый комитетъ съ цѣлью ходатайствовать о помилованіи королевскаго матроса Maguire'a, въ виновности котораго общество сомнѣвалось самымъ положительнымъ образомъ. Флотскій капитанъ, подъ непосредственною командой котораго Maguire состоялъ, какъ матросъ военнаго корабля «Princess Royal», напечаталъ въ «Times» самый лучшій отзывъ о личности Maguire'a и замѣтилъ, что «не правдоподобно, чтобы человѣкъ, который во все время службы велъ себя во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненно, употребилъ короткое время отпуска на то, чтобы сдѣлаться участникомъ столь безразсуднаго

заговора». Дѣйствительно, Maguire былъ освобожденъ отъ всякаго наказанія и снова вступилъ на прежнюю службу. Скоро также помилованъ и Shore, но для него смертный приговоръ замѣненъ пожизненнымъ заключеніемъ.

Теперь всѣ тѣ, которые прежде боялись высказаться противъ исполненія смертнаго приговора надъ Allen'омъ, Larkie и Gould'омъ, съ надеждою подняли голову и стали каждый по своему добиваться отмѣны казни. Полковникъ Kelly въ дублинской газетѣ «The Irishman» грозилъ начать репрессаліи вслучаѣ, если трое приговоренныхъ не будутъ признаны военноплѣнными, и общалъ посредствомъ корсаровъ въ-конецъ разрушить англійскую торговлю. Во многихъ городахъ собирались митинги съ цѣлью во что бы то ни стало добиться отмѣны смертнаго приговора; въ самомъ Лондонѣ однажды собрался митингъ въ 25,000 человекъ, на которомъ «единогласно» рѣшено отправить къ министру внутреннихъ дѣлъ депутацію съ просьбою о ходатайствѣ насчетъ помилованія. Министръ депутаціи не принялъ; тогда подъ предводительствомъ какого-то Finley'я къ нему отправилась вторая депутація, которая насильно вломилась въ его жилище и, не обращая никакого вниманія на протестъ прислуги, оставила тамъ приготовленный заранѣе адресъ. Депутація удалилась лишь тогда, когда явилась для прогнанія ея полицейская сила. На слѣдующемъ митингѣ предложено было отправить депутацію уже не къ министру, а прямо къ королевѣ: депутація дѣйствительно отправилась въ Виндзоръ, но конечно принята не была; одинъ изъ состоящихъ при гофмаршалѣ чиновниковъ объявилъ, что королева принимаетъ прошенія о дѣлахъ, имѣющихъ государственный интересъ, лишь изъ рукъ своихъ министровъ. Когда депутація вышла изъ замка и направилась къ станціи желѣзной дороги, народъ встрѣтилъ ее бранью, свистомъ и шиваньемъ, вообще высказался противъ нея до такой степени враждебно, что полиція до самаго отхода поѣзда должна была употреблять всѣ усилія, чтобы защитить депутатовъ отъ слишкомъ рѣзкихъ выраженій народнаго негодованія.

Между тѣмъ какъ въ Лондонѣ митинги стремились къ тому,

чтобы путемъ депутацій, адресовъ и прошеній выхлопотать обвиненнымъ помилованіе, въ Бирмингамѣ собрался митингъ съ противоположной цѣлью—съ цѣлью настаивать на исполненіи приговора, и собравшіеся на этомъ митингѣ граждане до такой степени увлеклись своей ненавистью къ «манчестерскимъ злодѣямъ», что разграбили нѣсколько католическихъ церквей... Полиціи стоило порядочныхъ трудовъ прекратить эти проявленія фанатизма и доказать такимъ образомъ, что отстаивая законъ нигакъ не слѣдуетъ его нарушать.

Какъ бы то ни было, но тронная рѣчь, произнесенная 19 ноября при открытіи парламентскихъ сессій, положила конецъ всѣмъ надеждамъ на помилованіе. Въ этой рѣчи между прочимъ сказано: «Подавленный въ Ирландіи заговоръ, извѣстный подъ именемъ феніанизма, принялъ въ самой Англии форму организованныхъ убійствъ и разбоевъ. Эти преступленія должны быть наказаны самымъ строгимъ образомъ и я надѣюсь *точное исполненіе закона* и законныя усилія всей вѣрной мнѣ массы народа скоро положить имъ конецъ».

По произнесеніи тронной рѣчи приговоренные еще три дня оставались между страхомъ и надеждою: лишь полученная вечеромъ 22-го ноября телеграмма извѣстила ихъ, что всѣ усилія въ ихъ пользу остались безъ успѣха, и что на слѣдующій день, 23-го числа, казнь должна совершиться.

Правительство приняло всѣ мѣры предосторожности, чтобы не только всякая попытка освобожденія приговоренныхъ была безуспешна, но чтобы даже порядокъ не былъ нарушенъ. 2,500 чело-вѣкъ гражданъ были призваны подъ присягой къ отправленію специальной должности констаблей; ведущія къ тюрьмѣ улицы были заставлены баррикадами, чрезъ которыя прохожіе пропускались почти поодиночкѣ; всѣ близлежащія дороги, вся тюрьма, особенно же проходящая неподалеку отъ тюрьмы линія желѣзной дороги, были буквально залиты разнаго рода войсками. Полиція должна была держать зрителей поодаль отъ эшафота, а начальникъ города кромѣ того издалъ особую прокламацію, въ которой просилъ

всѣхъ «порядочныхъ» людей сидѣть во время казни дома. Этими усилиями правительство достигло того, что при совершеніи казни зрителей собралось не болѣе 10,000 человекъ, и изъ нихъ едва лишь 3,000 могли сказать, что дѣйствительно были очевидцами казни.

Въ роковой день 23-го ноября приговоренныхъ по ихъ собственной просьбѣ разбудили въ 4¹/₂ часа утра. Они выслушали обѣдню, исповѣдались, получили причастіе. Въ 7¹/₄ часовъ къ нимъ явился палачъ и началъ производить надъ ними свои ужасныя приготовленія; въ то же время одинъ сильный отрядъ войска расположился по обѣ стороны эшафота, другой—на находящейся по другую сторону тюремной стѣны на одинаковой высотѣ съ эшафотомъ платформѣ. Густой утренній туманъ покрывалъ землю, когда вдали отъ эшафота раздалось протяжное, заунывное пѣніе, въ которомъ скоро можно различить слова католической литаніи за умирающихъ «Боже! будь намъ милостивъ! Христе! будь намъ милостивъ!», и приговоренные, сопровождаемые каждый своимъ духовникомъ, взшли на эшафотъ. Первымъ взшелъ Allen—еще почти мальчикъ, съ невыразимо-болѣзненнымъ выраженіемъ на блѣдномъ, измученномъ лицѣ: его губы повидимому повторяли литанію, но голоса не было слышно. За нимъ твердымъ шагомъ и громко молясь слѣдовалъ съ довольно спокойнымъ видомъ Gould: его глаза съ глубокою вѣрой были устремлены на маленькое распятіе, которое онъ держалъ въ связанныхъ рукахъ. Наконецъ взшелъ и Larkie, который хотя и громко молился, и внятно повторялъ каждое слово литаніи, но физически былъ до такой степени истощенъ, что его съ обѣихъ сторонъ поддерживали тюремные стражи. Когда всѣ трое приговоренныхъ стали на роковую доску, и палачъ надѣлъ на голову Allen'у бѣлый колпакъ, Gould съ Allen'омъ крѣпко черезъ этотъ колпакъ поцаловались и горячо пожали другъ другу руки; но Larkie въ это время оставилъ послѣднія силы, и когда надѣли колпакъ Gould'у, Larkie всею своею тяжестью упалъ на него; его должны были приподнять и держать подъ руки все время, пока и на него не надѣли петлю и колпакъ. Палачъ отпрыгнулъ, подавилъ пружину—доска быстро опустилась, и трехъ человѣческихъ жизней

не стало... Въ это же самое мгновеніе невдалекѣ раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, — солдаты взялись покрѣпче за оружіе, тысячи отупѣвшихъ отъ страху лицъ смотрѣли мутными глазами вокругъ, желая угадать, что будетъ — наступила тяжелая, мертвая тишина, которую торжественно прерывали лишь зауспокойныя молитвы священниковъ... Скоро однако оказалось, что испугъ произведенный выстрѣлами былъ неоснователенъ: выстрѣлы эти были ни что иное, какъ сигналы о туманной погодѣ по линіи желѣзной дороги.

Если посмотрѣть на процессъ по манчестерскому дѣлу глазами беспристрастнаго сторонняго наблюдателя, то нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ существенныхъ промаховъ, скажемъ больше — нѣкотораго произвола какъ со стороны обвинительной камеры въ формулированіи обвиненія, такъ и со стороны присяжныхъ въ составленіи вердикта. Обвинительная камера, признавъ 26 человекъ виновными въ нападеніи на тюремную карету, девять изъ нихъ обвиняла въ убійствѣ сержанта Brett'a, остальныхъ 15 человекъ — лишь въ нарушеніи общественнаго спокойствія, въ нападеніи на полицейскихъ чиновниковъ и т. п.; между тѣмъ президентъ въ своемъ поясненіи и генераль — атторней въ своемъ обращеніи къ присяжнымъ утверждаютъ, что *по англійскому закону всѣ, участвовавшіе въ противузаконномъ дѣйстви, окончившемся убійствомъ, виновны въ убійствѣ, хотя бы и не всѣ его желали, и не всѣ были вооружены*; по какому же послѣ того праву обвиненіе противъ лицъ, по англійскому закону одинаково виновныхъ, сформулировано до такой степени различно? Затѣмъ присяжные, при одинаковой для всѣхъ девяти обвиняемыхъ въ убійствѣ силѣ доказательствъ и слабости защиты, пятерыхъ безусловно обвиняютъ, четверыхъ совершенно оправдываютъ. Конечно, судъ произносилъ надъ первыми смертный приговоръ и освобождая послѣднихъ изъ подъ судебного слѣдствія поступилъ лишь такъ, какъ долженъ былъ поступить: онъ — какъ говорилъ президентъ Allen'у — не въ правѣ подвергать критикѣ вердиктъ присяжныхъ — онъ долженъ лишь примѣнять къ вердикту положительный законъ, а законъ этотъ въ настоящемъ случаѣ ясенъ и простъ; но чѣмъ руководствовались присяжные при

составленіи діаметрально противоположныхъ вердиктовъ относительно людей въ одинаковой степени изблеченныхъ въ одномъ и томъ же преступленіи—это другой вопросъ. Говорять—они были того убѣжденія, что и пяти висѣлицъ недостаточно для того, чтобы искупить одно убійство; мы скажемъ, что во первыхъ убійство есть и по отношенію къ государству, и по отношенію къ частнымъ лицамъ вредъ вознаграждаемый—съ этой стороны ни двухъ, ни пяти, ни ста висѣлицъ достаточно быть не можетъ, напротивъ—умышленное умерщвленіе чловѣка, въ какой бы законной формѣ оно ни проявлялось, въ сущности есть все таки убійство, а въ этомъ отношеніи каждая смертная казнь не только не возстановляетъ—какъ выражаются нѣкоторые юристы—нарушеннаго преступленіемъ равновѣсія общественныхъ функций, но даже само по себѣ есть тяжкое преступленіе; во вторыхъ, положимъ даже, что смертная казнь необходима, что она можетъ служить остражкой и т. п., и въ такомъ случаѣ не оскорбительно ли для чувства справедливости, что вслѣдствіе произвольнаго вердикта одни приговариваются къ смерти, другіе освобождаются отъ всякой отвѣтственности, хотя по приведеннымъ въ судѣ доказательствамъ они должны считаться всѣ одинаково виновными? Пойдемъ еще дальше: судъ, спросивъ по объявленіи вердикта каждаго изъ пяти обвиненныхъ, не могутъ ли имъ быть указаны какія нибудь смягчающія вину обстоятельства, произнесъ надъ всеми смертный приговоръ, стало быть—вполнѣ подтвердилъ обвинительный вердиктъ и всѣхъ обвинительныхъ призналъ одинаково виновными; и послѣ этого Maguire остается свободнымъ, Shore на всю жизнь заключается въ цухтгаусъ, надъ остальными тремя смертный приговоръ приводится въ исполненіе... но вѣдь всѣ пять признаны одинаково виновными, и если министръ внутреннихъ дѣлъ рѣшился хлопотать о помилованіи двухъ изъ нихъ, отчего же онъ не позаботился и объ остальныхъ? Кромѣ того, не входя въ подробный разборъ доказательствъ, мы не можемъ однако не высказать своего мнѣнія, что онѣ крайне недостаточны и во многомъ противурѣчивы: одни и тѣ же свидѣтели (напр.: Mulholland и Thomas) на предварительномъ слѣдствіи показываютъ

одно, въ судебномъ засѣданіи— другое; констабль Shaw говоритъ, что Larkie, Gould и Shore ломали карету, и что ему лишь *кажется*, будто онъ примѣтилъ въ толпѣ Maguire'a, тогда какъ по относящемуся къ тому же моменту показанію Patterson'a карету ломали Allen и Maguire, а Larkie и Gould до самаго освобожденія двухъ арестантовъ просто стояли сбоку кареты; Baxter показываетъ, что преслѣдуемый имъ Larkie въ него стрѣлялъ, а изъ защитительной рѣчи O'Brien'я видно, что хотя Baxter же и арестовалъ Larkie, но пистолета у послѣдняго не оказалось; куда же этотъ пистолетъ такъ мгновенно исчезъ? Мы бы могли указать множество подобныхъ несообразностей и противорѣчій, но каждый внимательно читая вышеприведенный процессъ увидитъ ихъ и самъ; намъ же остается лишь повторить слова защитника, что «объщанная награда необыкновеннымъ образомъ изощрила память» многихъ свидѣтелей, и заключить мнѣніемъ Shore'a, что обвиненіе при такихъ слабыхъ, какъ вышеприведенныя, доказательствахъ возможно лишь въ *политическомъ процессѣ*. Само собою разумѣется, что подобныя обвиненія нисколько не служатъ тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ такъ незаконно составляются: опытъ доказываетъ, что обвиненія эти и слѣдующія за ними наказанія никого не устрашаютъ и нисколько не обезпечиваютъ администрацію отъ политическихъ безпорядковъ, напротивъ— лишь разжигаютъ страсти, а въ послѣднее время часто сами служатъ средствамъ побуждающимъ ко всевозможнымъ демонстраціямъ; вспомнимъ только, что дѣлалось прошлый годъ во Франціи, когда правительство вмѣшалось въ дѣло о подпискѣ на памятникъ Бодэну; вспомнимъ, какія громадныя траурныя процессіи ходили по всѣмъ большимъ городамъ Ирландіи и даже Англій, протестуя такимъ образомъ противъ совершенной казни и выказывая свое сочувствіе къ дѣлу казненныхъ...

По исполненіи смертнаго приговора надъ Allen'омъ, Gould'омъ и Larkie еще нѣсколько недѣль продолжалось волненіе умовъ и въ прессѣ шла горячая междоусобная война: въ то время какъ «Times» и «Daily Telegraph» съ жаромъ отстаивали правительство, «The Irishman» до такой степени энергично порицалъ и судъ, и

администрацію, и до такой степени открыто проповѣдывалъ мечь за «убійство трехъ мучениковъ», что правительство нашлось вынужденнымъ начать противъ редактора Pigott'a прслѣдованіе за печатное распространеніе воззваній, имѣющихъ цѣлью возбудить гражданскую войну.

Такимъ образомъ въ 1867 году въ Англіи производился процессъ о преступленіи противъ печати—процессъ, какихъ даже въ Ирландіи не было уже двадцать лѣтъ, не говоря объ Англіи Pigott былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на годъ, но скоро прощенъ. Затѣмъ наступило совершенное затишье; правительство еще разъ сочло возстаніе феніевъ навсегда поконченнымъ, и еще разъ жестоко ошиблось въ расчетѣ.

23 ноября 1867 года въ Лондонѣ были арестованы Burke и Casey—первый потому, что полиціи было сообщено будто онъ одинъ изъ вождей феніанизма, другой — потому, что при арестѣ Burke сильно сопротивлялся производившему арестъ полицейскому чиновнику и старался Burke во что бы то ни стало освободить. Оба они были немедленно заключены въ стоящую почти посрединѣ Лондона тюрьму Clerkenwall: въ ней часть тюремнаго двора обведена стѣною въ 25 футовъ вышины и въ 2 фута толщины, составляющею одно изъ сторонъ узкой улицы Congratation Lane, другую сторону которой составляетъ рядъ очень старыхъ домовъ, большею частью обитаемыхъ рабочими. Изъ верхнихъ этажей этихъ домовъ можно было видѣть весь тюремный дворъ и всѣхъ арестантовъ— въ томъ числѣ Burke и Casey'я,—когда они прогуливались отъ 3—4 часовъ пополудни. 12-го декабря дублинская полиція узнала, что существуетъ заговоръ съ цѣлью освободить Burke и Casey'я, и что днемъ освобожденія избрана пятница—13-го декабря. Эти свѣдѣнія были депешою сообщены въ Лондонъ, но начальство clerkenwall'ской тюрьмы нашло для преотвращенія освобожденія достаточнымъ измѣнить часъ арестантской прогулки: она сдѣлана утромъ въ 9 часовъ, такъ что въ 3 часа пополудни дворъ былъ пустъ. Никакихъ другихъ предосторожностей не было кромѣ развѣ той, что въ ближайшихъ къ тюрьмѣ улицахъ разставлено больше

обыкновеннаго полицейскихъ. Въ 4 часа по полудни нѣсколько человѣкъ видѣло, какъ двое подвели къ тюрьмѣ и скинули у тюремной стѣны какой то боченокъ; одинъ изъ везшихъ зажегъ— вѣроятно бывший въ сообщеніи съ боченкомъ фитель, и черезъ нѣсколько мгновеній послѣдовалъ сильный взрывъ, отъ котораго весь Лондонъ содрогнулся и послѣдствія котораго были ужасны. Конечно этотъ взрывъ образовалъ въ тюремной стѣнѣ огромную брешь, чрезъ которую среди общаго смятенія свободно проскользнули Burke и Casey; и конечно освобожденіе этихъ арестантовъ и крайнее нерадѣніе лондонской полиціи (которая безъ сомнѣнія могла легко предотвратить всю катастрофу) обошлось городу очень дорого. Всѣ ближніе дома были обращены въ груды развалинъ, на болѣе отдаленныхъ зданіяхъ крыши сорваны, и болѣе пятидесяти человѣкъ окровавленныхъ и изуродованныхъ лежало подъ обломками своихъ жилищъ. Очевидцы говорятъ, что такого разрушенія и смятенія не запомнить никто, кромѣ развѣ тѣхъ, которые видѣли и пережили землетрясеніе въ южной Америкѣ. Замѣчательно, что на мѣстѣ никто не умеръ; но черезъ нѣсколько дней было погребено восемь человѣкъ, умершихъ отъ полученныхъ при взрывѣ ранъ; число же тѣхъ, которые на всю жизнь остались калѣками, гораздо больше, — между прочимъ четверо совершенно лишились зрѣнія. Это въ высшей степени грубое и дерзкое преступленіе произвело во всей странѣ глубокое негодованіе: даже въ самой Ирландіи собиралось множество митинговъ для выраженія неудовольствія противъ преступныхъ освободителей, а въ Лондонѣ проживающіе тамъ Ирландцы поднесли за подписью 22,600 человѣкъ адресъ королевѣ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и съ заявленіемъ что они рѣшительно не одобряютъ дикихъ проявленій фанатическаго феніанизма. Кромѣ того въ Лондонѣ же цѣлый стрѣлковый баталіонъ, состоящій исключительно изъ Ирландскихъ волонтеровъ, явился къ городскимъ властямъ въ полной формѣ, но безъ оружія и предложилъ принять на себя должность специальныхъ констаблей для того, чтобы содѣйствовать прекращенію феніанскихъ престу-

пленій *). Все это не помѣшало однако феніямъ показать, что они все-таки не отказываются отъ своихъ плановъ, и уже 26 декабря такъ называемая башня Мортелла, выстроенная во время войны съ Франціею на берегу моря для наблюденія за непріятельскимъ флотомъ, была разграблена. Защищавшіе ее два артиллериста должны были бѣжать, а вооруженная банда нападавшихъ завладѣла хранившимися въ башнѣ мускетами; черезъ нѣсколько дней другая банда ихъ напала въ Коркѣ на магазинъ разнаго оружія и, грозя его владѣльцу револьверами, завладѣла всѣмъ, чѣмъ только могла; въ разныхъ мѣстахъ Ирландіи феніи стрѣляли въ констаблей, а въ Коркѣ одной личности, которая подозрѣвалась въ шпіонствѣ, бросили на голову бутылку съ греческимъ огнемъ (жидкостью, которая при доступѣ атмосфернаго воздуха быстро воспламеняется), которая впрочемъ разбилась, лишь упавъ съ головы на каменную мостовую, и тамъ жидкость воспламенилась не причинивъ никакого вреда. Такъ какъ въ это же время въ Лондонѣ въ другихъ большихъ городахъ Англіи происходили частые поджоги, то общественное мнѣніе, вооруженное противъ феніевъ, считало ихъ не безъ основанія единственными виновниками пожаровъ. Конечно Феніевъ обвинять за убійство, грабежи, поджоги и другія преступленія нельзя въ такой степени, какъ должно обвинять за нихъ обыкновенныхъ преступниковъ: вся исторія человѣчества доказываетъ, что слабый

*) Впрочемъ это было ужъ не такое добровольное изъявленіе преданности правительству, какъ съ перваго взгляду можно подумать — нѣтъ, это было лишь точное исполненіе военноминистерскаго рескрипта отъ 3 іюня, въ которомъ сказано: «Всѣ подданные ея величества, волонтеры и прочіе, обязаны всѣми силами подавлять возстаніе. Гражданскія власти должны съ этой цѣлью употреблять волонтеровъ не какъ вооруженное войско, но лишь какъ констаблей, которые хотя и подчиняются военной дисциплинѣ, но не должны имѣть никакого оружія кромѣ констабльскихъ жезловъ. Если же возстаніе будетъ имѣть цѣлью ниспровергнуть правительство, то гражданскія власти могутъ потребовать, чтобы волонтеры и вообще всѣ подданные вооружились. Къ огнестрѣльному оружію слѣдуетъ прибѣгать лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Волонтерамъ предоставляется право прибѣгать къ оружію всегда, когда дѣлается нападеніе на ихъ склады оружія или казармы.»

въ нервной борьбѣ съ сильнымъ постоянно прибѣгаетъ къ самымъ не позволительнымъ средствамъ и считаетъ вполне законнымъ каждый способъ хоть сколько нибуть ослабить врага; поэтому нападеніе на сильнаго такъ сказать изъ за угла, составляетъ какъ бы сложившійся вѣками для всего человѣчества обычай. Но съ другой стороны нельзя же отрицать, что по существу своему убійство остается всегда убійствомъ, грабежъ — грабежомъ, и что по основнымъ законамъ справедливости слабость вовсе не заключаетъ въ себѣ права на преступленія; поэтому понятно, что — какъ вездѣ въ подобныхъ случаяхъ — въ Англіи преступленія феніевъ вызвали и неудовольствія со стороны народа, и преслѣдованіе со стороны закона. Общественное негодованіе выразилось во враждебныхъ феніанизму демонстраціяхъ, а правительство напрягло всё свои силы, чтобъ открыть виновныхъ и положить проявленіямъ анархизма конецъ. Само собою разумѣется, что первымъ стремленіемъ въ этомъ отношеніи было желаніе найти тѣхъ преступниковъ, которымъ Лондонъ обязанъ разрушеніемъ *Cooperation zawe*, со всѣми печальными послѣдствіями.

Усиліями лондонской полиціи и общаніемъ награды за открытіе виновныхъ правительство достигло того, что въ апрѣлѣ 1868 года на утвержденіе обвинительной камеры присяжныхъ могло быть представлено обвиненіе противъ семи лицъ въ убійствѣ. Одно изъ обвиняемыхъ — O' Neill'я камера немедленно освободила изъ подслѣдствія, остальныхъ шесть человѣкъ передала суду. Имена этихъ шести слѣдующія: Вильямъ Desmond — башмачникъ, Тимофей Desmond (портной его родственникъ) Eplish, O'Keefe, Анна Guctise и Михаилъ Barret изъ Глазгова.

Судебныя засѣданія открылись 21 апрѣля предъ лондонскимъ центральнымъ уголовнымъ судомъ надъ предѣдательствомъ лорда перваго судьи, который въ агліиской юридической іерархіи послѣ лорда канцлера есть самое важное лице; на судебныхъ скамьяхъ рядомъ съ судьями сидѣла въ полномъ облаченіи вся юридическая артистократія, а въ главѣ обвиненія стоялъ, какъ и въ манчестерскомъ процессѣ, атторней-генераль, окруженный прокурорами

Актуарій объявилъ обвиняемымъ, что они обвиняются въ убійствѣ Анны Hodginson, которое измѣнительнымъ образомъ, умышленно и съ зараніе обдуманномъ злымъ намѣреніемъ совершили 13 декабря въ Sargewalt въ приходѣ Saint-Sames, въ округѣ лондонскаго центрального уголовного суда. На это всѣ обвиняемые возразили, что они невиновны. Затѣмъ одинъ изъ защитниковъ, ссылаясь на законъ временъ Георга IV, протестовалъ противъ того, что никому изъ обвиняемыхъ или изъ ихъ законныхъ представителей не были представлены списки присяжныхъ, и что по этому обвиняемые не могли воспользоваться правомъ отвода. Но председатель, въ совершенную противоположность председателю манчестерской комиссиі, объявилъ, что приводимый защитникомъ законъ относится лишь къ гражданскому процессу, что въ уголовныхъ дѣлахъ подсудимымъ право отвода не представляется никогда, и что конечно защитникъ не можетъ указать въ прошломъ *ни одного подобнаго случая*. По составленіи присутствія присяжныхъ было прочтено въ пространной формѣ обвиненіе, фактическое содержаніе котораго слѣдующее: Всѣ обвиняемые — члены союза феніевъ. Черезъ десять дней по арестованію феніевъ Burke и Casey'я въ Лондонъ прибыли Barret, назовавшій себя Jackson'омъ и капитанъ Murphy назвавшійся Hastin'омъ. Barret остановился въ гостиницѣ Pultenau у господина Fallon. Скоро Barret и Murphy сошлись съ портнымъ Mullani и чрезъ него познакомились съ другими обвиняемыми; Mullani кромѣ того былъ очень хорошо знакомъ съ сестрою Burke — госпожею Barгу, которая часто посѣщала въ тюрьмѣ своего заключеннаго брата. Повидимому планъ взорвать стѣну тюремнаго двора созданъ самимъ Burke, потому что изъ обвиняемыхъ никто не зналъ относительной крѣпости разныхъ частей стѣны такъ, какъ онъ; между тѣмъ, взрывъ произведенъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно были ворота наскоро заложенные камнемъ и представлявшія — стало быть — самый слабый пунктъ. И такъ по всей вѣроятности Burke создалъ

*) Это одна изъ первыхъ жертвъ взрыва.

планъ и съ точностью опредѣлили мѣсто, въ которомъ онъ долженъ быть вынолненъ. Всѣ обвиняемые за исключеніемъ — быть можетъ — Анны Justice знали о существованіи этого плана и должны были предвидѣть, что его исполненіе не можетъ осуществиться безъ огромной опасности для многихъ людей. Предводители феніанизма, такъ называемый центръ, сходились для совѣщаній въ домъ O'Donnell'я, и на одномъ совѣщаніи было рѣшено приступить къ сбору денегъ на покупку для произведенія взрыва пороху. 4 декабря неизвѣстный человѣкъ явился на фабрику Curtis'a и Harwey'я и потребовалъ 200 фунтовъ пороху. Порохъ этотъ 6-го декабря доставленъ въ Pultenay - Court № 8, гдѣ и сданъ въ четырехъ боченкахъ какому то господину, назвавшемуся Smith'омъ; доставившій порохъ фурманъ самъ отнесъ въ квартиру этого Smith'a одинъ боченокъ и видѣлъ, какъ три другихъ, по приказанію того же Smith'a, были переложены на приготовленную заранѣ повозку и куда то увезены. 11-го декабря была сходка заговорщиковъ, на которой днемъ осуществленія плана было опредѣлено 12 декабря, около четырехъ часовъ по полудни. Дѣйствительно — въ назначенное время одинъ или нѣсколько человѣкъ подвезли къ вышеупомянутому мѣсту стѣны тюремнаго двора боченокъ пороху и бросили черезъ стѣну служившій сигналомъ шаръ. Тогда Burke оставилъ ряды прогуливавшихся арестантовъ и отошелъ въ отдаленнѣйшій уголь двора; но попытка поджечь порохъ на этотъ разъ не удалась, а боченокъ, лежавшій на повозкѣ подъ холстомъ былъ увезенъ. Endlish, Тимофей Desmond и, есть основанія думать, O'Keeffe все это время были у самой тюрьмы. Въ тотъ же день вечеромъ происходило новое совѣщаніе заговорщиковъ, на которомъ Barret сказалъ Mullany: сегодня не удалось, но завтра я надѣюсь поджечь поудачнѣй. Въ пятницу 13 декабря Тимофей Desmond пришелъ, приблизительно около двухъ часовъ пополудни, и сообщилъ свидѣтелю Vaurhan'у, что взрывъ долженъ быть произведенъ въ $\frac{1}{2}$ 4 или 4 часа, что Анна Justice разузнала уже въ тюрьмѣ, когда арестанты будутъ прогуливаться, и что самъ онъ—Тимофей Desmond будетъ принимать

непосредственное участіе въ поджиганіи пороха. — Анна Justice дѣйствительно посѣщала 13-го декабря Casey'я и все время не отходила отъ тюрьмы, хотя впрочемъ держалась стороны противоположной тому мѣсту, въ которомъ взрывъ произведенъ: многие видѣли, какъ она тамъ не задолго до взрыва разговаривала съ Тимофеемъ Desmond. Около 4-хъ часовъ пороховъ былъ подожженъ. Нѣкоторые свидѣтели и этотъ разъ видѣли у боченка нѣсколько человѣкъ и замѣтили, что черезъ стѣну брошенъ сигнальный шаръ; въ человѣкъ же, поджигавшемъ пороховъ, узнали Barret'a. Patton и Barret вечеромъ пришли къ Mullany — первый съ окровавленнымъ ухомъ, второй съ почернѣвшей отъ пороху шеей. Вслѣдъ за ними пришелъ и English, и требовалъ отъ Mullany денегъ для того, чтобы дать возможность Barret'у и Patton'у скрыться. На слѣдующій день они снова встрѣтились: въ моментъ встрѣчи English какъ разъ читалъ статью о вчерашнемъ взрывѣ, озаглавленную «дьявольское преступленіе» и замѣтилъ Mullan'у слѣдующее: «Вотъ, какъ мы до рождества разрушимъ весь Лондонъ, такъ это будетъ еще болѣе дьявольская штука!» Около того же времени другой свидѣтель Vaughan встрѣтилъ обвиняемаго O'Keeffe. Vaughan сказалъ послѣднему, что однако просто ужасно, сколькихъ людей взрывъ сдѣлалъ несчастными! На это O'Keeffe возразилъ, что ничто подобное не обходится безъ большихъ жертвъ. Тутъ къ нимъ подошелъ Вильямъ Desmond и извѣстивъ объ арестѣ Тимофея Desmond'a прибавилъ: «а по дѣламъ ему, чортъ возьми! Вѣдь мы же посылали его домой спать! Ему тутъ дѣлать было нечего!» Дѣйствительно, заговорщики просили Тимофея Desmond'a уйти домой на томъ основаніи, что онъ былъ пьянъ. Barret очень скоро послѣ катастрофы оставилъ Лондонъ, и лишь 14-го января арестованъ въ Глазговѣ.

Въ заключеніе генераль-атторней говорить, что хотя показанія Vaughan'a и Mullany составляютъ самую важную часть доказательствъ въ пользу обвиненія, но что онъ — генераль-атторней вовсе не требуетъ отъ присяжныхъ имъ вѣрить, если они не будутъ подтверждены какими нибудь другими доказательствами. Его рѣчь

оканчивается общимъ выводомъ слѣдующаго содержанія. «Для обвиненія рѣшительно все равно, всѣ ли, или не всѣ обвиняемые присутствовали при взрывѣ; всякій, кто участвовалъ въ заговорѣ и зналъ, къ чему онъ поведетъ, кто погупалъ порохъ, посѣщаль сходки заговорщиковъ или давалъ имъ какую-нибудь помощь, предъ закономъ виновенъ, хотя бы даже и не присутствовалъ при самомъ взрывѣ».

Послѣ этого судъ приступилъ къ отбиранию показаній.— Прежде всего присяжнымъ представленъ и объясненъ инженеромъ подробный планъ тюрьмы и «Congregation Lawe», а также рассказано дѣйствіе взрыва на ближайшія зданія, изъ которыхъ одно отстояло отъ точки, въ которой взрывъ произведенъ, всего лишь на 24 фута. Потомъ коронный свидѣтель военный портной Mullany, показалъ слѣдующее: онъ симпатизировалъ феніанизму, хотя и не принималъ въ немъ особенно дѣятельнаго участія, и вступилъ въ общество феніевъ единственно потому, что много портныхъ уже до него туда вступило. 15-ть или 16-ть мѣсяцевъ тому назадъ, онъ былъ представленъ English'емъ капитану Kelly, который заставилъ его — Mullany — присягнуть въ вѣрности феніанизму и немедленно призналъ его за centrum (начальника надъ девятью членами общества), на томъ основаніи, что, во-первыхъ, Kelly ошибочно счелъ его за ревностнаго фенія, во-вторыхъ — English нашелъ его «очень приличнымъ малымъ». Скоро по заключеніи Burke къ Mullany явились Barret и Murphу. Barret объявилъ, что онъ хочетъ какъ-нибудь Burke освободить. Однажды, когда у Mullany былъ Murphу, къ нему пришла сестра Burke — госпожа Barry — и передала Murphу письмо. Когда она ушла, Murphу показалъ письмо Mullany — оно было отъ Burke и, повидимому, написано обыкновеннымъ черниломъ: но когда Murphу смочилъ его растворомъ мѣднаго купороса, между строками, написанными обыкновеннымъ черниломъ, выступили другія, нарисованъ планъ тюремнаго двора и написано слѣдующее: «Любезный другъ! Вы знаете мое положеніе. Неподалеку отсюда есть домъ, называемый «знаменитая пивная», а около него каналъ и слабое мѣсто стѣны. Если

вы взорвете въ томъ мѣстѣ боченокъ пороху, то стѣна полетитъ къ чорту. Постарайтесь скупать порохъ небольшими количествами, а поджечь его слѣдуетъ отъ $\frac{1}{2}$ 4 до 4 часовъ. Если вы этого не сдѣлаете — вы заслуживаете быть разстрѣленнымъ». На слѣдующій день Murphу показалъ письмо Barret'у, и на бывшей вечеромъ сходкѣ собралъ денегъ на покупку пороху. Скоро Mullanu узнать, что порохъ уже купленъ и на бывшей 11-го декабря у Вилльяма Desmond'a сходкѣ рѣшено произвести взрывъ 12-го декабря. Для этого принимавшіе въ дѣлѣ участіе должны были предварительно собраться у Вилльяма Desmond'a, и ужъ отъ него маленькими партіями отправиться къ тюрьмѣ: Вилльямъ Desmond и English пригласили съ собою также Mullanu, но онъ отказался; потому что былъ очень занятъ, а главное — счелъ «подобное занятіе неприличнымъ для отца семейства», и остался дома. Вечеромъ онъ встрѣтилъ English'a и Barret'a въ рестораціи. Barret сообщилъ, что попытка не удалась, но что онъ надѣется завтра снова попытаться, и предлагалъ Mullanu посмотрѣть боченокъ съ порохомъ; Mullanu однако не полюбоствовалъ. 13-го декабря вечеромъ Mullanu видѣлъ у себя въ домѣ Patton'a съ окровавленнымъ ухомъ; нѣсколько позднѣе встрѣтился въ кабакѣ и съ Barret'омъ: Barret до того времени постоянно носилъ большіе баккенбарды, теперь же былъ гладко выбритъ, и когда Mullanu началъ на этотъ счетъ подшучивать, Barret попросилъ его говорить потише, потому что онъ поджигалъ порохъ, и теперь побрился для того, чтобы его не узнали.

Защитникъ. Не страхъ ли побудилъ васъ къ предательству, когда вы были арестованы?

Mullanu. Я зналъ, что English хотѣлъ всѣхъ предать.

Защитникъ. Вы ждете денегъ?

Mullanu. Я ихъ не требовалъ и мнѣ ихъ не общали. Я до-
несъ единственно для того, чтобы спасти себя и свое семейство.

Защитникъ. Чего же вы, милостивый государь, ждете?

Mullanu. Ничего, и не знаю даже, чего я могу ждать.

Защитникъ. Не состоите ли вы подъ слѣдствіемъ за измѣну?

Mullany. Я думаю.

Защитникъ. И вы надѣетесь, что если васъ найдутъ виновнымъ—вы будете наказаны?

Mullany. Правительство можетъ со мною поступить какъ ему угодно. Дѣло въ томъ, что когда однажды мы вмѣстѣ съ English'емъ были призваны къ допросу, English объявилъ, что намѣренъ сдѣлаться доносчикомъ, что лучше пусть черезъ него другіе отправятся къ чорту, чѣмъ самъ онъ будетъ повѣшенъ. Я знаю English'a весьма хорошо, и очень вѣроятно, что онъ это можетъ сдѣлать; поэтому я, не рассчитывая на награду и рѣшилъ его предупредить—это для меня было единственнымъ средствомъ спасенія.

Какъ ни оригинальны и какъ ни странны для незнакомаго съ особенностями англійскаго закона показанія Mullany, но показанія Vaughan'a еще оригинальнѣе и страннѣе. Этотъ господинъ въ 1861 году поступилъ въ солдаты и дослужился до капрала, но въ слѣдствіи «за самовольную отлучку» разжалованъ въ рядовые; затѣмъ онъ дезертировалъ, два раза сидѣлъ въ рабочемъ домѣ, и ему кажется, *но хорошо онъ этого не помнитъ*, что разъ сидѣлъ тамъ въ отдѣленіи для одержимыхъ душевными болѣзнями; за то онъ хорошо помнитъ, что д-ръ French совѣтовалъ ему не пить, а д-ръ Jefferson совѣтовалъ пить.» Однажды, проходя по улицѣ, онъ *увидѣлъ объявленіе объ обѣщаніи награды* за открытіе виновныхъ, *но все его не прочелъ*, а черезъ три часа послѣ этого уже сдѣлалъ въ полиціи доносъ. Съ тѣхъ поръ онъ не работаетъ, а живетъ на тѣ деньги, которые ему даетъ полиція, и надѣется, по произнесеніи надъ обвиняемыми приговора, получить обѣщанную премію. Всѣ его показанія относительно подсудимыхъ ни что иное, какъ повтореніе сказаннаго въ обвиненіи генераломъ-атторней, а потому приводить ихъ не стоитъ.

По подтвержденіи служащимъ на фабригѣ Curtis и Hawwey прикащикамъ Ewen и фурманомъ Purchase приведенныхъ въ обвиненіи обстоятельствъ, касательно закупки на фабригѣ 200 фунтовъ по-

роху и доставленія его въ «Pultenay-Court № 8, слѣдуютъ общія показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей относительно обвиняемыхъ. Марса Kensley въ декабрѣ 1867 года жила въ «Pultenay-Court» у госпожи Martins и часто видѣла у нея Barret'a: онъ тогда носилъ бакенбарды и усы, но былъ безъ бороды. Марса Page жила напротивъ Pultenay-Court № 8 и видѣла тамъ Вилльяма Desmond'a разъ или два, а English'a часто. Ларисса de Poix очень часто видѣла у г-жи Martins Вилльяма Desmond'a, English'a и Keeffe. Аннъ Stringfellow помнитъ, что она часто видѣла Borret'a у clerksenwall'ской тюрьмы, но присягнуть, что видѣла дѣйствительно, не можетъ. — Затѣмъ слѣдуетъ рядъ показаній относительно неудавшейся попытки 12 декабря. Сара Smithers содержитъ неподалеку отъ тюрьмы маленькій трактиръ. 12-го декабря въ 3 часа пополудни къ ней зашли четыре человѣка и потребовавъ шива, хлѣба и сыру пробыли въ трактирѣ минутъ двадцать. «По ея крайнему убѣжденію между ними были Barret и English. Джемсъ Stratton стоя въ 3^{1/2} часа у своихъ воротъ видѣлъ какъ English входилъ въ трактиръ Smithers и потомъ выходилъ оттуда. Потомъ онъ видѣлъ, какъ два человѣка подвезли на одноколкѣ какой-то боченокъ и скинули его на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ на слѣдующій день произошелъ взрывъ. Когда свидѣтель ушелъ на минуту домой и послѣ снова возвратился, уже и боченокъ, и везшіе его люди исчезли. Въ одномъ изъ нихъ свидѣтель узналъ Тимофея Desmond'a. Ричардъ Walls проходя около ^{1/2} 4-го возлѣ стѣны тюремнаго двора видѣлъ тамъ двухъ человѣкъ съ одноколкой, возлѣ которой лежалъ боченокъ. Приближеніи свидѣтеля эти люди разошлись въ разныя стороны: одинъ изъ нихъ, проходя мимо Walls'a, оглянулся и засмѣялся; Walls въ тоже мгновеніе также оглянулся и посмотрѣлъ незнакомцу въ лицо: по его убѣжденію это былъ О'Кееffe. Вдругъ надъ боченкомъ вспыхнулъ синій огонекъ; но когда свидѣтель поравнялся съ боченкомъ, огонекъ погасъ, и свидѣтель даже не попытствовалъ разсмотрѣть боченокъ пообстоятельнѣе. Тюремный стражъ Clifford видѣлъ изъ своего дома, находящагося неподалеку отъ тюрьмы, какъ немного позже четырехъ часовъ два чело-

вѣка везли по направленію какъ бы отъ тюрьмы одноколку. Онъ думаетъ, что это былъ Тимофей Desmond и English, но присягнуть въ этомъ не можетъ. Тюремный сторожъ Care видѣлъ, какъ около 4-хъ часовъ, когда арестанты гуляли, чрезъ стѣну былъ брошенъ бѣлый шаръ. Care его поднялъ и отдалъ своимъ дѣтямъ, вмѣсто игрушки. Тюремный сторожъ Maskell, наблюдавшій во время прогулки за арестантами, видѣлъ какъ Burke вдругъ оставилъ свое мѣсто и ушелъ въ самый отдаленный уголъ двора, куда при послѣдовавшемъ на другой день взрывѣ даже не долетали камни; тамъ Burke снялъ сапогъ, сталъ какъ бы внимательно разсматривать свою ногу и пробылъ въ такомъ положеніи довольно долго.

Слѣдующія показанія относятся уже къ 14-му декабря, — дню, въ который преступленіе совершено окончательно. Главный тюремный стражъ Моогъ показалъ, что хотя арестанты каждый день прогуливались лишь разъ отъ 4 ч. до 5 ч., однако 13 декабря по извѣстнымъ начальству причинамъ совершено двѣ прогулки — первая утромъ, до прихода въ тюрьму Анны Justice, вторая въ обыкновенное время. Констатъ Vanger, состоявшій при тюрьмѣ на дежурствѣ, показалъ, что Анна Justice, до тѣхъ поръ никогда въ тюрьму не приходившая, пришла въ $\frac{1}{2}$ перваго и объявивъ, что она тетка Casey'я, получила позволеніе съ нимъ видѣться; она пробыла въ тюрьмѣ почти до часу. По выходѣ изъ тюрьмы она у воротъ ближняго трактира нѣсколько времени разговаривала съ Allen'омъ *)! Нѣсколько позднѣе пришла посѣтить своего брата Burke госпожа Barry: она пробыла въ тюрьмѣ до сорока минутъ втораго. Свидѣтель видѣлъ, какъ въ 3 часа безъ десяти минутъ Анна Justice разговаривала у входа въ пивную съ Тимофеемъ Desmond'омъ. Въ сорокъ минутъ четвертаго они ушли по направленію къ «Corporation-Lane», и тогда

*) Этотъ Allen не имѣетъ ничего общаго съ повышеннымъ: онъ просто шпионъ тайной полиціи или по прежней мѣрѣ что то въ этомъ родѣ. Низшимъ чиномъ полиціи это было неизвѣстно; по этому онъ тоже былъ арестованъ, и подозрѣніе на счетъ того, что самъ онъ принималъ непосредственное участіе въ произведеніи взрыва, казалось очень основательнымъ. Но впоследствии, по требованію инспектора полиціи Brennau'a, Allin освобожденъ.

послѣдовалъ взрывъ. Послѣ взрыва они побѣжали въ разныя стороны, но немедленно были арестованы. Инспекторъ полиціи Thomson тоже видѣлъ Анну Justice и Тимофея Desmond'a неподалеку отъ тюрьмы: Desmond повидимому былъ пьянъ; свидѣтель полагаетъ, что такъ какъ Desmond находился не слишкомъ близко отъ мѣста взрыва, а Thomson видѣлъ его почти въ то же мгновеніе, какъ взрывъ произведенъ, то невозможно допустить, чтобы прямой причиной взрыва былъ именно онъ. Констабль Quitton, проходя въ 3 часа въ партикулярномъ платьѣ мимо тюрьмы, видѣлъ, какъ Тимофей Desmond разговаривалъ съ Анною Justice, но потомъ отъ нея отошелъ и направился къ улицѣ «Corporation-Lane». Свидѣтель за нимъ издалека слѣдовалъ, но скоро потерялъ изъ виду, а когда самъ дошелъ до «Corporation-Lane», то Desmond уже возвращался. У тюремной стѣны свидѣтель замѣтилъ боченокъ и одноколку, но они ему подозрительными не показались, и онъ спокойно удалился. Черезъ четверть часа послѣ этого произошелъ взрывъ. Каретникъ Allum показалъ слѣдующее: проходя между 3—4 часами по «Corporation-Lane», онъ встрѣтилъ человѣка, везшаго на ручной повозкѣ какой-то боченокъ. У тюремной стѣны повозка остановилась, и боченокъ былъ снятъ. Въ это время къ везшему повозку подошелъ еще одинъ человѣкъ, и они вмѣстѣ приставили боченокъ плотно къ стѣнѣ. За тѣмъ привезшій боченокъ ушелъ съ своей повозкой туда, откуда пришелъ, а другой человѣкъ pokrылъ боченокъ кускомъ клеенки, а потомъ ушелъ въ ближній переулокъ, «Paint-James-Passage». Свидѣтель утверждаетъ, что это былъ Barret: у него тогда были длинныя рыжіе бакенбарды и маленькіе усы—бороды не было. Въ переулкѣ его повидимому поджидали еще два человѣка: въ одномъ [изъ нихъ свидѣтель предполагаетъ Вильяма Desmond'a, хотя и не можетъ присягнуть, что то былъ именно онъ, въ другомъ положительно узналъ Allen'a. Черезъ двѣ минуты послѣ того, какъ свидѣтель потерялъ этихъ людей изъ виду, послѣдовалъ взрывъ. Еще подробнѣе показанія торгующаго молокомъ Генриха Bird'a: разнося въ 3³/₄ часа молоко своимъ покупателямъ въ «Corporation-Lane», онъ видѣлъ, какъ два человѣка

везли на ручной повозкѣ какой-то боченокъ, подлѣ нихъ шелъ еще одинъ человекъ. У тюремной стѣны боченокъ былъ скинутъ, затѣмъ одинъ изъ везшихъ пошелъ съ повозкой обратно, другой съ помощью до сихъ поръ сопровождавшаго повозку приставилъ боченокъ плотно къ стѣнѣ и покрылъ его кускомъ клеенки. Когда бывшіе подлѣ боченка замѣтили, что съ другого конца улицы идетъ какой-то щеголевато одѣтый господинъ, то поспѣшили уйти въ «Saint-james-Passage». Щеголевато одѣтый господинъ подошелъ къ боченку и сталъ внимательно разсматривать его поверхность, какъ бы желая разобрать на немъ надпись; затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана трутъ или спичку, зажегъ и положилъ на боченокъ; потомъ плотно прикрылъ боченокъ клеенкой и тоже ушелъ въ «Saint-james-Passage». Между тѣмъ Bird, снабдивъ двухъ покупателей молокомъ, возвратился къ своей повозкѣ и рассказалъ проходившему мимо констаблю Moriarty обо всемъ видѣнномъ. Затѣмъ онъ поѣхалъ своею дорогой, а Moriarty направился къ боченку; но было уже поздно: взрывъ произошелъ прежде, чѣмъ Moriarty успѣлъ дойти до боченка. Свидѣтель утверждаетъ положительно, что поджегшій порохъ былъ Barret: онъ былъ одѣтъ въ длинный темнаго цвѣта сюртукъ, на головѣ у него была высокая шляпа; лице у него было здоровое, свѣжее, украшенное великолѣпными бакенбардами. Когда свидѣтель увидѣлъ Barret'a впоследствии въ тюрьмѣ, то бакенбарды у послѣдняго уже не было, и такъ какъ свидѣтель видѣлъ его лишь въ профиль, то сразу совершенно не узналъ, и даже ошибочно указалъ на другого арестанта O'Neill'a, какъ на поджегшаго порохъ. Сынъ часового подмастерья, интеллигентный мальчикъ 12 лѣтъ Карлъ Moseley показалъ, что, играя съ другими мальчиками въ «Corporation-Lane», онъ видѣлъ у самаго входа въ «Saint-james-Passage» трехъ человекъ, изъ которыхъ одинъ бросилъ что-то вродѣ мячика черезъ стѣну тюремнаго двора. Затѣмъ всѣ трое удалились въ «Passage», но скоро возвратились. Мальчикъ ушелъ на квартиру своихъ родителей, изъ которой—такъ какъ она была на третьемъ этажѣ и обращена окнами къ тюремному двору—легко было видѣть, какъ арестанты прогуливаются по

двору. Мальчикъ посмотрѣлъ въ окно, но дворъ былъ пустъ; за то у тюремной стѣны лежалъ небольшой боченокъ, а одинъ изъ прежде видѣнныхъ мальчикомъ трехъ незнакомцевъ старался приложить къ боченку фитиль и зажечь. Это ему удалось лишь за второй спичкой. Скоро послѣдовалъ взрывъ, и мальчикъ—тяжело раненый—лишь съ помощью пожарной лѣстницы могъ быть освобожденъ изъ полуразрушеннаго дома. Ему осталось въ памяти отъѣненное густыми длинными бакенбардами лице поджигавшаго порохъ—это былъ Barret. Почти тоже показалъ и другой 12-ти лѣтній мальчикъ Wheeler: онъ тоже игралъ неподалеку отъ боченка и вслѣдствіе взрыва лишился руки. Онъ объявилъ, что поджегъ порохъ Barret, и что онъ—свидѣтель—при первомъ полицейскомъ допросѣ не сказалъ имени поджигателя единственно лишь изъ боязни, что тотъ отомститъ.—Генрихъ Morris, находящійся въ обученіи у Mullanu, показалъ, что зналъ Barret'a еще недѣли за четыре до взрыва, такъ какъ онъ съ того времени сталъ очень часто вмѣстѣ съ какимъ-то Hastings'омъ посѣщать Mullanu. Barret называлъ себя постоянно Jackson'омъ. 13-го декабря послѣ обѣда, когда первыя свѣдѣнія насчетъ взрыва уже распространились, Mullanu оставилъ свою работу и куда-то ушелъ, но черезъ полчаса возвратился въ мастерскую и сталъ работать. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого въ мастерскую вошелъ портной Patton и попросилъ иголки и нитокъ, чтобы неможно зашить себѣ штаны. Шея у него была вымыта, но воротникъ рубашки окровавленъ, и кусокъ праваго уха оторванъ. Скоро Patton ушелъ въ нижнюю комнату, за нимъ послѣдовалъ и Mullanu, и свидѣтель—послѣдній съ цѣлью поставить на плиту утюгъ. Тамъ свидѣтель видѣлъ кромѣ домохозяевъ своего хозяина Barret'a, который, снявъ съ себя сюртукъ и жилетъ, мылъ покрытую грязью шею: у него еще были бакенбарды. Mullanu скоро возвратился въ мастерскую.—Анна Коеррл, бывшая у Mullanu въ услуженіи, показала, что Barret подъ именемъ Jackson'a за четыре недѣли до взрыва началъ очень часто посѣщать ея хозяина: къ нему хаживалъ и Burke, сначала подъ именемъ Brown'a, потомъ—Winslow'a. 13-го декабря Mullanu все

послѣобѣденное время работалъ. Встрѣчу съ Patton'омъ Коеррл рассказываетъ такъ же, какъ Morris, но въ заключеніе прибавляетъ: «когда я вечеромъ шла домой, встрѣтила Mullany и Barret'a; они сильно пьяные — выходили изъ трактира. Я просила Mullany немного денегъ, — онъ сказалъ, что нужно ихъ сначала въ трактирѣ размѣнять, и мы всѣ втроемъ вошли въ трактиръ. Лице Barret'a мнѣ показалось сразу знакомымъ, но я могла съ точностью опредѣлить, что это именно онъ, лишь когда мы заговорили, потому что Barret былъ уже безъ бакенбардъ и не въ длинномъ сюртукѣ, а въ пиджакѣ. Мы выпили грогу и долго разговаривали, какъ старые знакомые». — Въ заключеніе инспекторъ полиціи Thomson объявилъ, что при арестованіи Burke нашель у него маленькую запечатанную бутылку, которую и передалъ д-ру Odling для разслѣдованія; тюремный стражъ Саре объявилъ, что нашель разъ въ принесенномъ Burke госпожею Ваггу бѣльѣ кусокъ мѣднаго купоросу, а д-ръ Odling сообщилъ, что по изслѣдованіи содержимой въ бутылкѣ жидкости узналъ въ ней употребляемый для фотографіи и приводимый во многихъ сочиненіяхъ, какъ симпатическое чернило, растворъ хлористаго золота, который при соединеніи съ мѣднымъ купоросомъ быстро чернѣетъ. — Этимъ обвинительныя доказательства и окончились.

Президентъ замѣчаетъ, что по его мнѣнію относительно Анны Justice ничего не доказано; на это прокуроръ возражаетъ, что совершенно доказано, что она въ день взрыва была въ тюрьмѣ у Casey'я и потомъ разговаривала съ Desmond'омъ.

Президентъ. Но вѣдь 13-го декабря она была въ тюрьмѣ въ первый разъ, а не должно забывать, что уже 12-го числа сдѣлана попытка взорвать стѣну. Если бы она участвовала въ заговорѣ, она бы сообщила заговорщикамъ, что часъ прогулки измененъ. Мой ученый коллега раздѣляетъ мое мнѣніе, что противъ Анны Justice нѣтъ никакихъ подтверждающихъ обвиненіе доказательствъ.

На основаніи этихъ замѣчаній президента присяжные произносятъ на счетъ Анны Justice «невинна». Она быстро встаетъ, па-

луеть Bagget'a, жметъ другимъ обвиняемымъ руки и уходитъ со скамьи обвиненныхъ. Послѣ этого защитникъ O'Keeffe просить, чтобы и его кліента оправдали на томъ основаніи, что противъ него существуетъ лишь одно показаніе — показаніе предателя Vaughan'a. Президентъ замѣчаетъ, что защитникъ заходитъ слишкомъ далеко, называя Vaughan'a, не замѣшаннаго въ заговоръ *), предателемъ, далѣе—что онъ, президентъ, не вправѣ дѣйствовать относительно O'Keeffe такъ, какъ дѣйствовалъ относительно Анны Justice, потому что противъ O'Keeffe все-таки приведены кое-какія доказательства, и что поэтому лишь атторни-генераль имѣетъ право прекратить противъ O'Keeffe судебное преслѣдованіе. Атторни-генераль объявляетъ, что находитъ доказательства противъ послѣдняго недостаточными—и O'Keeffe освобождается.

Слѣдующія за тѣмъ защитительныя рѣчи относительно English'a и двухъ Desmond'овъ не представляютъ особаго интереса: защитники силятся поколебать достовѣрность главныхъ обвинительныхъ свидѣтелей Mullany и Vaughan'a, указываютъ на разныя незначительныя противорѣчія въ показаніи нѣкоторыхъ другихъ свидѣтелей, распространяются о гнусности изслѣдуемаго преступленія и въ заключеніе просятъ присяжныхъ оправдать обвиняемыхъ, чтобы доказать Ирландцамъ, что они вправѣ рассчитывать въ Англіи на безпристрастный судъ. Наконецъ начинаетъ свою рѣчь защитникъ Bagget'a—мистеръ Greene, почти подавленный—какъ самъ онъ выражается—сознаемъ лежащей на немъ тяжкой отвѣтственности, потому что впервые является защитникомъ въ уголовномъ процессѣ, въ которомъ ставится на карту человѣческая жизнь.

«Разныя обстоятельства», начинаетъ онъ, «стеклись вмѣстѣ, чтобы сдѣлать мою задачу особенно трудною. Давно уже не только въ Англіи, но можетъ быть—даже ни въ какомъ другомъ госу-

*) Изъ приведеннаго выше обвиненія видно, что Vaughan узналъ о взрывѣ отъ Тимофея Desmond'a; но въ такомъ случаѣ вѣдь должно предположить одно изъ двухъ: или Vaughan участвовалъ въ заговорѣ, или всѣ его показанія ложны.

дарствѣ не совершалось преступленія, которое бы вызывало такое глубокое, такое основательное негодованіе, какъ преступленіе 13 декабря; поэтому не удивительно, если въ сердцѣ присяжныхъ желаніе справедливой мести возьметъ верхъ надъ чувствомъ чело-вѣчности.

«Обвиняемые, не имѣющіе ни средствъ, ни друзей, съ трудомъ могли найти защитниковъ. Большая часть обвинительныхъ доказательствъ создана полиціею, которая отличается отъ осталь-наго чело-вѣчества тѣмъ, что сначала дѣлаетъ заключенія и ужъ потомъ выводитъ изъ нихъ факты, тогда какъ обыкновенные люди наоборотъ—выводятъ заключеніе лишь основываясь на фак-тахъ. Вообще въ настоящемъ дѣлѣ есть два сорта обвинитель-ныхъ доказательствъ: одинъ проистекаетъ изъ грязнаго источ-ника—идетъ отъ людей вродѣ предателя Mullany и—я бы сказалъ также, если бы не помнилъ уже сдѣланнаго на этотъ счетъ пре-зидентомъ замѣчанія—предателя Vaughan'a, другой—отъ незави-симыхъ свидѣтелей...»

Президентъ прерываетъ защитника и говоритъ, что хотя участіе Vaughan'a въ заговорѣ съ цѣлью совершить ужасное пре-ступленіе и не доказано, но присяжные должны ему вѣрить лишь съ крайней осторожностью.

За тѣмъ защитникъ переходитъ къ разбору обвинительныхъ доказательствъ, находитъ, что тождественность Barret'a съ Jack-son'омъ ничѣмъ не подтверждена, и совершенно неожиданно за-ключаетъ свою рѣчь обѣщаніемъ доказать, что въ моментъ взрыва Barret'a не было не только въ Лондонѣ, но даже нигдѣ въ Англии, что Barret въ то время въ Глазговѣ нагружалъ по обыкновенію клади, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ до взрыва жилъ постоянно въ Шотландіи, и не отлучался изъ Глазгова до самаго ареста.

Начинается допросъ оправдывающихъ свидѣтелей.

Сапожникъ M'Nulty изъ Глазгова показалъ слѣдующее: Barret'a я увидѣлъ въ первый разъ въ четвергъ 12-го декабря вечеромъ. Онъ пришелъ ко мнѣ съ лично мнѣ знакомымъ башмачникомъ Mullan'омъ и спросилъ чрезъ послѣдняго, не возьмусь ли я ему

починить пару сапоговъ. Я далъ утвердительный отвѣтъ и обѣщаль, что сапоги на другой день вечеромъ будутъ готовы. Въ назначенное время, т. е. въ пятницу 13-го декабря вечеромъ Barret пришелъ за сапогами, но мнѣ наканунѣ было столько работы, что я за нихъ и не принимался; поэтому просилъ Barret'a зайти за ними на слѣдующій день—въ субботу. Въ субботу Barret снова пришелъ, а сапоги все-еще не починались; Barret меня обругалъ, а я сказалъ ему, что—не будь онъ отъ Mullan'a—я бы его вышвырнулъ изъ мастерской вмѣстѣ съ сапогами.—Тутъ господинъ Barret нѣсколько поприутихъ. Между тѣмъ въ мастерскую вошли два знакомыхъ мнѣ сапожника Peake и Welsh, и я попросилъ ихъ сейчасъ же починить Barret'у сапоги. Они оба принялись за работу, а Barret въ ожиданіи сапоговъ послалъ за газетой и—когда она была принесена—прочелъ намъ статью о произведенномъ въ Лондонѣ взрывѣ. Когда сапоги были готовы, Barret ушелъ, и я увидѣлъ его лишь вчера въ тюрьмѣ. Когда происходила исторія съ сапогами, Barret былъ въ томъ же пиджакѣ, какъ и теперь, и съ очень небольшой бородкой. Mullan скоро уплатилъ мнѣ, что слѣдовало за починку, и уѣхалъ въ Америку: онъ не могъ починить Barret'у сапоговъ самъ потому, что въ то время имѣлъ очень много работы. Я знаю O'Neill'a. Въ воскресенье, когда Barret и O'Neill были арестованы, ко мнѣ пришелъ капитанъ M'All и спросилъ, знаю ли я Barret'a или Jackson'a? Я отвѣчалъ, что не знаю ни того, ни другаго. О починкѣ для Barret'a сапоговъ капитанъ M'All меня не спрашивалъ вовсе. Дня три или четыре спустя послѣ этого ко мнѣ пришелъ нѣкто M'Manus и спросилъ, помню ли я, что починалъ на дняхъ Barret'у пару сапоговъ? Когда я отвѣчалъ на вопросъ отрицательно, M'Manus прочелъ мнѣ одно письмо и тогда я дѣйствительно все припомнилъ».

Письмо, о которомъ идетъ рѣчь, представлено въ судъ и въ судъ прочтено. Оно писано Barret'омъ изъ тюрьмы «Millbank» къ одному глазговскому пріятелю, и содержаніе его слѣдующее: Barret жалуется, что на его голову обрушилась бездна несчастій, и что онъ попалъ въ когти закона, изъ которыхъ ужъ трудно вырваться.

Далѣ онъ просить своего друга зайти къ сапожнику M'Nulty и спросить, помнитъ ли тотъ, что починалъ ему сапоги. Если M'Nulty этого не помнитъ, то пусть припомнитъ слѣдующія обстоятельства: въ четвергъ Barret приходилъ къ нему съ Mullan'омъ, въ пятницу заходилъ за сапогами, но они не были готовы; въ субботу изъ-за этого была даже ссора, но послѣ, по просьбѣ M'Nulty, два знакомыхъ ему сапожника починили сапоги. Пока сапоги починались, Barret читалъ вслухъ статью о взрывѣ. — Письмо заканчивается просьбой прислать оставленное въ Глазговѣ бѣлье и — между прочимъ — красную рубашку, а также писать, но осторожно, потому что тюремный надсмотрщикъ читаетъ всѣ письма.

За чтеніемъ письма слѣдуютъ показанія сапожниковъ Peake и Welsh'a. Peake, работавшій у мастера Makintosh'a, въ субботу 14-го декабря окончилъ свою работу еще въ 9-ть часовъ утра и имѣя за тѣмъ много свободного времени послѣдовательно посѣтилъ своихъ друзей Macann'a и Finnis'a, потомъ въ 2 часа полуднѣ состоящую изъ 15 шиллинговъ заработную плату и бродя по улицамъ случайно встрѣтилъ Welsh'a, который предложилъ ему зайти къ ихъ общему другу M'Nulty. Тамъ они застали Barret'a, одѣтаго такъ же, какъ онъ теперь одѣтъ, починили ему сапоги и слышали, какъ онъ читалъ статью о взрывѣ, о которомъ они узнали въ тотъ же день еще утромъ.

Всѣ показанія Peake относительно Barret'a вполне подтверждены Welsh'емъ.

За тѣмъ кузнецъ Артуръ Виргоупе показалъ, что познакомился съ Михаиломъ Barret'омъ въ августѣ прошлаго года и съ тѣхъ поръ часто съ нимъ встрѣчался: кажется Barret работалъ около «Kais», но свидѣтель у него объ этомъ никогда не спрашивалъ, точно также, какъ не спрашивалъ и о томъ, гдѣ онъ квартируетъ. Когда они встрѣчались, то обыкновенно шли куда-нибудь гулять, и иногда вмѣстѣ пивали пиво. Все это время у Barret'a бакенбарды были очень короткіе и жиденькіе. 21-го ноября — за два дня до совершенія казни надъ осужденными по манчестерскому дѣлу — въ Глазговѣ былъ митингъ для составленія министру внутреннихъ

дѣлъ адреса съ просьбою о помилованіи приговоренныхъ. Свидѣтель вмѣстѣ съ Barret'омъ участвовали въ митингѣ, и тамъ факеломъ нечаянно сожгли Barret'у одинъ бакенбардъ. Поэтому Barret обрился, и съ тѣхъ поръ уже бакенбардъ не носилъ. По совершеніи казни въ Глазговѣ рѣшено было сдѣлать траурную процессію. Въ пятницу 13-го декабря собрался митингъ съ цѣлью окончательно опредѣлить время, размѣръ и направленіе демонстраціи, но редакторъ M'Corrie сообщилъ, что глазговскій епископъ не желаетъ, чтобы дѣлалась траурная процессія, и что—въ случаѣ если она будетъ—епископъ отказывается служить торжественную заупокойную обѣдню. Во время митинга свидѣтель не видѣлъ Barret'a, но встрѣтился съ нимъ непосредственно послѣ митинга въ трактирѣ: Barret повидимому нѣсколько дней уже не брился.

На вопросъ прокурора о феніанизмѣ свидѣтель отвѣчаетъ, что феніемъ онъ никогда не былъ, и что изъ его сочувствія къ казненнымъ въ Манчестерѣ вовсе не слѣдуетъ заключать, что онъ феній.

Выдувальщикъ стекла M'Manus показалъ, что давно знаетъ Barret'a, и что видѣлъ его на митингѣ 13-го декабря. Письмо отъ Barret'a ему передалъ для прочтенія сапожникъ M'Nulty нѣкто Hughes.

Послѣднимъ оправдательнымъ свидѣтелемъ является M'Corrie: «Я редактировалъ—начинаетъ онъ—еженедѣльное изданіе «ирландско-католическое знамя». Я знаю Barret'a уже мѣсяцевъ девять. У него были свѣтлые и рѣдкіе бакенбарды, которые ему также, какъ и мнѣ, сожгли на митингѣ факелами. Послѣ этого митинга приготовлялась траурная процессія, но я противъ нея протестовалъ, а въ четвергъ 12-го декабря узналъ, что приготовляемой процессіи не одобряетъ и епископъ; поэтому на митингѣ, собранномъ подъ моимъ предсѣдательствомъ 13 декабря, рѣшено процессіи не дѣлать. Barret вполне раздѣлялъ мои мнѣнія: я это положительно знаю по той причинѣ, что онъ меня сильно поддерживалъ, когда я старался склонить членовъ комитета на сторону епископа. Отчетъ объ митингѣ помѣщенъ въ первомъ вышедшемъ послѣ этого 20-го декабря номерѣ моей газеты.

Прокуроръ. Я вижу въ этой газетѣ статью подъ заглавіемъ «Шотландскія симпатіи къ убитымъ въ Манчестерѣ». Вѣроятно, здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ, которые тамъ повѣшены?

М'Corrie. Да, и я самъ писалъ эту статью.

Прокуроръ. Въ этой же газетѣ въ траурной коймѣ напечатано: «Торжественный реквиемъ за упокой душъ Allen'a, Lagkie и Gould'a; далѣе: «предложеніе траурной демонстраціи относительно трехъ учениковъ Allen'a, Lagkie и O'Brien'a. Тутъ рѣчь идетъ о «нашихъ умерщвленныхъ братьяхъ».

М'Corrie. Все это писалъ я.

Прокуроръ. Въ номерѣ вашей газеты отъ 14-го декабря помѣщена статья относительно обвиняемаго въ феніанизмѣ Thomson'a, въ которой между прочимъ сказано: «Если нужно еще какихъ-нибудь доказательствъ для того, чтобы было очевидно, что три Ирландца повѣшены не за убійство, а лишь для удовлетворенія чувства мести и изъ желанія вселить въ рядахъ феніевъ страхъ, такъ эти доказательства представляетъ исторія Thomson'a».

М'Corrie. Эту статью писалъ не я, и прочелъ я ее лишь по напечатаніи. Я не симпатизирую феніанизму — напротивъ, даже отвлекъ отъ участія въ немъ многихъ рабочихъ. Статьи моего журнала имѣютъ вообще направленіе ирландско-національное.

За этимъ слѣдуютъ возраженія со стороны атторней-генерала.

Противъ показаній M'Nulty прокуроръ приводитъ показаніе глазговекаго инспектора полиціи M'All'a. Послѣдній объявляетъ, что по полученіи изъ Лондона чрезъ главнаго констабля копія съ письма Barret'a онъ въ форменномъ платьѣ отправился къ сапожнику M'Nulty, и предлагая ему вопросы тутъ же записывалъ получаемые на нихъ отвѣты. M'Nulty сообщилъ, что о взрывѣ онъ узналъ еще въ субботу утромъ отъ своего пріятели O'Reill'a, что O'Reill оставилъ у M'Nulty газету, которую въ мастерской въ 2 часа пополудни James Lewis прочелъ вслухъ: въ ней между прочимъ подробно описывался взрывъ тюремной стѣны въ Лондонѣ. Кромѣ того M'Nulty объявилъ, что не только 13-го декабря, но вообще никогда никого не просилъ за себя работать, и что вообще не

помнить, чтобы въ ту пору кто-либо отдавалъ ему въ починку сапоги.—Вторично призванный къ допросу, М'Nulty долженъ былъ сознаться, что показанія инспектора М'Ал'я въ главномъ справедливы, и что онъ—М'Nulty—дѣйствительно говорилъ М'Ал'ю все, что тотъ ему приписываетъ.—Такъ какъ на этомъ допросѣ очистительныхъ свидѣтелей и окончился, то защитникъ Barret'a начинаетъ говорить снова: «Я боюсь, господа, что во вчерашней рѣчи слишкомъ многословилъ. Но сегодня—надѣюсь—не отниму у васъ много времени. Вы слушали обвинительныхъ свидѣтелей, и теперь вамъ остается рѣшить, заслуживаютъ ли они вашего довѣрія, или нѣтъ. Я съ своей стороны привелъ шесть свидѣтелей, изъ которыхъ три уже давно знаютъ Barret'a, поэтому лучше всѣхъ другихъ могутъ рѣшить вопросъ о тождествѣ извѣстнаго имъ Barret'a съ Barret'омъ, сидящимъ на скамьѣ обвиняемыхъ. Я прошу васъ, господа, объ одномъ—неподозрѣвайте, что между этими шестью свидѣтелями существуетъ заговоръ съ цѣлью васъ обмануть. Для того, чтобы подобное подозрѣнiе было основательно, слѣдовало бы доказать, что свидѣтели эти не только люди продажные, но что они кромѣ того феніи, и что Barret занималъ между ними высокую должность. Но ничего подобнаго не доказано, и лишь показанія Mullany говорятъ о томъ, что самъ Barret былъ феній. Если бы письмо Barret'a имѣло цѣлью пріобрѣтеніе свидѣтелей, то—конечно—Barret не послалъ бы его чрезъ тюремнаго надзирателя, потому что—какъ онъ очень хорошо зналъ—надзиратель читаетъ всѣ отправляемыя изъ тюрьмы письма: для Barret'a было бы гораздо проще войти со свидѣтелями въ стачку посредствомъ своего адвоката. Такимъ образомъ письмо можетъ доказывать лишь довѣріе, съ которымъ обращался Barret къ своимъ глазговскимъ друзьямъ. Обвинительная власть старалась опровергнуть достовѣрность показаній Burgoone'a и одного или двухъ другихъ приведенныхъ мною свидѣтелей, указывая на ихъ симпатіи къ казненнымъ въ Манчестерѣ Ирландцамъ; но вѣдь многіе раздѣляли эти симпатіи, а отъ этого до феніанизма еще очень далеко. Сравните, господа присяжные, обвинительныхъ и очистительныхъ свидѣте-

лей. Послѣдніе явились не съ петлей на шеѣ, какъ Mullany, не въ кандалахъ, какъ дезертиръ Vaughan, и не съ надеждою на щедрое вознагражденіе, какъ нѣкоторые другіе свидѣтели; нѣтъ—они добровольно явились изъ Глазгова, побуждаемые лишь безкорыстнымъ желаніемъ спасти жизнь несправедливо обвиняемому человѣку. И такъ я спокойно жду рѣшенія джюри. Оправдайте же, господа, человѣка, невинно просидѣвшаго въ тюрьмѣ три мѣсяца, и такимъ образомъ возвратите ему то положеніе, которое онъ занималъ до наложенія ареста».

Въ отвѣтъ на эту рѣчь атторней-генераль еще разъ напоминаетъ присяжнымъ, чтобы они вѣрили Mullany лишь настолько, насколько его показанія подтверждаются другими свидѣтелями, затѣмъ указываетъ на тѣ обстоятельства, которыя особенно говорятъ противъ каждаго изъ обвиняемыхъ, наконецъ переходитъ къ разбору доказательствъ «alibi» Barret'a: «Нѣтъ болѣе легкаго способа защиты», говоритъ онъ, «какъ утверждать alibi обвиняемаго, и для обвиненія нѣтъ ничего труднѣе, какъ это «alibi» опровергнуть, особенно когда защита объявляетъ alibi такъ поздно, что ни производящіе слѣдствіе чиновники, ни обвинитель не имѣютъ достаточно времени, чтобы собрать свѣдѣнія относительно характера и добросовѣстности подтверждающихъ alibi свидѣтелей. Я съ полнымъ убѣжденіемъ объявляю, что все доказательство alibi ложно, что это просто фокусъ со стороны Barret'a. Если справедливо, что Barretъ нѣсколько мѣсяцевъ до взрыва жилъ безвыѣздно въ Глазговѣ, отчего жъ онъ не представилъ въ этомъ отношеніи свидѣтелей производившимъ слѣдствіе чиновникамъ тѣмъ болѣе, что парламентскимъ актомъ правительству дозволено принять на себя всѣ издержки, какія только потребуются въ настоящемъ процессѣ для законнаго вознагражденія свидѣтелей?» Далѣе атторни-генераль находитъ неправдоподобнымъ, чтобы Mullan, будучи самъ сановникомъ, поручилъ починку Barret'a новыхъ сапоговъ M'Nulty, и находитъ противорѣчіе въ показаніяхъ Peake и Welsh'a: первый говоритъ, что онъ съ Barret'омъ и M'Nulty оставались въ комнатѣ одни, второй—что въ комнату разъ или два входила жена M'Nulty. Затѣмъ онъ указы-

ваетъ на противорѣчія въ показаніяхъ, данныхъ М'Nulty въ судѣ да и послѣ показаній инспектора полиціи М'All'я, и переходя къ показаніямъ г-на М'Соггіе'а, «этого вкрадчиваго человѣка, котораго защитникъ называетъ высокопочтеннымъ редакторомъ», говоритъ: «этотъ господинъ участвуетъ въ газетѣ, въ которой помѣщаются самыя возмутительныя, самыя разжигательныя статьи, и если римско-католическая часть населенія Глазгова беретъ свое направленіе изъ газеты М'Соггіе, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Глазговѣ бывають митинги съ факелами и тому подобныя демонстраціи, потому что нѣтъ ничего отвратительнѣе той политической пищи, каковую доставляетъ бѣднымъ работникамъ, «Ирландско-католическое знамя». М'Соггіе — человѣкъ, вполне заслуживающій названія литературнаго поденщика: онъ печатаетъ, что манчестерская казнь есть простое убійство, хотя очень хорошо знаетъ, что казнь это была справедливымъ воздаяніемъ за тяжкое преступленіе.... онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы возбуждать ненависть къ правительству, и все это для того, чтобы набить себѣ деньгами карманы. И, когда совершаются такія гнусныя, такія ужасныя преступленія, какъ лондонскій взрывъ или манчестерскоеубійство, люди вродѣ М'Соггіе виновны такъ же, какъ и тѣ, которые поднесли къ пороховому боченку зажженный трутъ, или убили полицейскаго чиновника во время отправленія ихъ государственной службы.»

«Показанія Вургоупе'а и М'Manus'а—продолжаетъ атторни-генераль—составляютъ явное противорѣчіе показаніямъ Моррис'а и госпожи Коерпл, поэтому неправдоподобны. Наконецъ удивительно, почему Варрет, если онъ дѣйствительно жилъ въ Глазговѣ, не сослался на свидѣтельство того, кто вмѣстѣ съ нимъ работалъ, или того, у кого жилъ? Съ моей стороны было бы крайне преступно удовольствоваться такими слабыми очистительными доказательствами для того, чтобы прекратить обвиненіе противъ Варрет'а». — Рѣчь окончилось тѣмъ, что защитникъ Варрет'а на вопросъ прокурора о томъ, почему Варрет не сослался на того, у кого работалъ, замѣтилъ, что Варрет долгое время былъ безъ ра-

боты и страдалъ слабостью зрѣнія, такъ что одинъ изъ свидѣтелей долженъ былъ постоянно помогать ему деньгами.

Президентъ начинаетъ заключительную рѣчь, такъ называемое charge, рассказомъ о томъ, какимъ образомъ умерла Анна Hodgkinson, по убійству которой—собственно говоря—и производится формальнымъ образомъ настоящій процессъ: она жила въ одномъ изъ наиболѣе пострадавшихъ отъ взрыва домовъ; кусокъ стекла попалъ ей въ шею, перерѣзалъ сонную артерію, и Hodgkinson умерла отъ потери крови и отъ происшедшаго вслѣдствіе засоренія кровью дыхательнаго горла удушья. Переходя къ самому юридическому поясненію, президентъ говоритъ: «Кто дѣлаетъ попытку освободить законнымъ образомъ заключеннаго въ тюрьму за преступныя дѣйствія, тотъ уже совершаетъ преступленіе. Кто при совершеніи преступленія, или при попыткѣ его совершить убиваетъ—хотя бы и не преднамѣренно—человѣка, тотъ по англійскому закону виновенъ въ убійствѣ. Многіе говорятъ, что законъ, наказывая всякое преступленіе, окончившееся умерщвленіемъ человѣка, какъ убійство, слишкомъ строгъ; но мы здѣсь собрались не для того, чтобы судить законъ, а для того, чтобы его примѣнять. Кромѣ того разсматриваемое преступленіе представляетъ убійство еще и въ другомъ отношеніи, а именно: если кто либо предпринимаетъ противузаконное дѣйствіе безъ намѣренія убить человѣка, но знаетъ, что это дѣйствіе представляетъ для человѣческой жизни опасность, и если это дѣйствіе на самомъ дѣлѣ оканчивается умерщвленіемъ человѣка, то оно представляетъ убійство не только по англійскому, но вѣроятно и по всякому другому закону *)». И такъ, если вы думаете, что взорвавшіе стѣну знали, что взрывъ представляетъ опасность и можетъ по всей вѣроятности стоить людямъ жизни,

*) Въ этомъ случаѣ президентъ ошибается: за исключеніемъ Англій едва ли не во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ лишь предумышленное убійство наказывается какъ убійство, такъ что напр. если поджигатель, зная, что въ домѣ есть люди и что эти люди спятъ, поджигаетъ домъ, и люди въ пожарѣ гибнутъ, то обыкновенно—его судятъ не какъ убійцу, а какъ поджигателя.

вы и по нравственному, и по положительному закону должны обвинить произведшихъ взрывъ въ убійствѣ».

«Само собою разумѣется», продолжаетъ предсѣдатель, «присяжные вправѣ постановить рѣшеніе довольствуясь даже однимъ, ничѣмъ не подкрѣпляемыми показаніями одного изъ соучастниковъ, если по ихъ мнѣнію послѣдній заслуживаетъ довѣрія; но съ нѣкотораго времени судьи обыкновенно совѣтуютъ присяжнымъ не довѣрять показаніямъ того, кто надѣется самъ спастись лишь выдавъ другаго, если только его показанія не подтверждаются другими свидѣтелями. Этотъ совѣтъ особенно важенъ—конечно—въ томъ случаѣ когда противъ обвиняемыхъ существуетъ лишь одна улика—показаніе соучастника, и въ этомъ случаѣ со стороны присяжныхъ было бы крайнею неосторожностью ею довольствоваться. Съ другой стороны присяжные не должны требовать, чтобы каждое отдѣльное показаніе предателя было подтверждено другими свидѣтелями: если бы это было возможно, то показанія предателя не имѣли бы никакого смысла. Къ сожалѣнію въ настоящемъ случаѣ пришлось прибѣгнуть къ этого рода доказательству, и надо сказать—въ разслѣдуемомъ дѣлѣ оно не лишено значенія: къ счастью для общества люди, рѣшающіеся на подобныя преступленія, очень часто между собою не ладятъ, и первые доносятъ на своихъ сообщниковъ полиціи. Въ высшей степени желательно, чтобы участвующіе въ подобныхъ измѣническихъ планахъ наконецъ убѣдились въ томъ, въ чемъ бы давно долженъ былъ ихъ убѣдить опытъ—что самая большая опасность грозитъ имъ со стороны тѣхъ, съ которыми тѣснѣе всего связаны». Съ этой точки зрѣнія лордъ главный судья разбираетъ показанія Mullau и находитъ, что изъ нихъ большая часть подтверждена показаніями другихъ свидѣтелей, такъ напримѣръ—повидимому чрезвычайно интересный рассказъ о написанномъ симпатическими чернилами письмѣ подтверждается находженіемъ у Burke раствора хлористаго золота и мѣднаго купороса и т. п. За то совѣтуетъ присяжнымъ не довѣрять показаніямъ Vaughan'a. Переходя къ вопросу о виновности каждаго изъ подсудимыхъ отдѣльно президентъ замѣчаетъ, что не убѣжденъ

въ виновности Вилльяма Desmond'a, что хотя послѣдній и принадлежитъ къ безпокойной партіи феніевъ, но изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ прямо участвовалъ въ преступленіи, потому что «къ чести человѣчества должно сказать, что не всѣ принадлежащіе къ какой-нибудь безумной политической партіи одинаково способны пренебрегать человѣческимъ существованіемъ».

Относительно English'a президентъ высказывается не ясно, но довольно опредѣленно требуетъ оправданія Тимофея Desmond'a. Относительно Barret'a находить, что показанія Mullany большею частью подтверждены другими свидѣтелями, особенно же Morris'омъ и госпожею Коеррл; за тѣмъ переходитъ къ представленному защитой «alibi». «Это доказательство «alibi», — говоритъ онъ, — самое замѣчательное, какое только я встрѣчалъ въ моей многолѣтней практикѣ, потому что если вѣрить очистительнымъ свидѣтелямъ, то остается Barret'a безусловно оправдать; но въ такомъ случаѣ надобно предположить одно изъ двухъ: или Morris, г-жа Коеррл и другіе обвинительные свидѣтели введены въ удивительный обманъ чувствъ, или же просто составленъ отвратительнѣйшій, какой только когда-либо существовалъ заговоръ съ цѣлью руками правосудія совершить человѣкоубійство». Разбирая самое «alibi», президентъ находить въ немъ нѣкоторыя слабыя стороны, и во первыхъ то обстоятельство, что защита лишь три дня тому назадъ стала на него ссылаться, тогда какъ не было для обвиняемаго ничего проще, какъ немедленно по наложеніи на него ареста и по объявленіи ему содержанія обвиненія сказать, что онъ въ моментъ взрыва былъ въ Глазговѣ, и указать на людей, которые могутъ это подтвердить. Но Barret до послѣдняго времени не говорилъ ничего подобнаго. Что касается показаній, будто Barret присутствовалъ въ Глазговѣ на нѣсколькихъ митингахъ, то объ митингахъ Barret въ своемъ письмѣ не говоритъ ни слова. Что касается показаній M'Corrie, то помѣщаемыя имъ въ газетѣ «ирландско-католическое знамя» статьи до такой степени возмутительны, доказываютъ въ авторѣ такое извращеніе всякаго нравственнаго чувства, что личность его не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія. —

Поясненія свои президентъ заключаетъ слѣдующими словами: «Какъ ни важно для общественнаго спокойствія, чтобы столь тяжкое преступленіе не осталось безнаказаннымъ, но еще важнѣе, чтобы было соблюдено священное основаніе всякой справедливости, по которому лучше оправдать виновнаго, чѣмъ обвинить невиннаго. Я совершенно убѣжденъ, господа, что никогда еще присяжные не слѣдили за ходомъ процесса съ такимъ вниманіемъ, какъ вы, и что вы произнесете справедливый вердиктъ. Я увѣренъ, что никто не усомнится въ правильности и добросовѣстности вашего рѣшенія».

Послѣ продолжавшагося 2¹/₂ часа совѣщанія присяжные возвращаются въ залу засѣданія и тутъ начинается обставленное въ Англіи почти драматическою торжественностью произнесеніе вердикта.

Актуарій. Господа присяжные! Смотрите на обвиняемых! Обвиняемые! Смотрите на господъ присяжныхъ! Что скажете вы, джентльмены джюри, виновенъ ли невиненъ Вильямъ Desmond?

Присяжный старшина. Невиненъ.

Виновенъ ли English или невиненъ?

Невиненъ.

Виновенъ ли Тимофей Desmond или невиненъ?

Невиненъ!

Виновенъ ли Михаилъ Bagget или невиненъ?

Виновенъ!

Вы говорите, что Вильямъ Desmond, English и Тимофей Desmond невинны, и что Михаилъ Bagget виновенъ, и въ этомъ заключается весь вашъ вердиктъ?

Да, вердиктъ заключается въ этомъ.

Три оправданныхъ встаютъ съ обвинительной скамьи, а къ Bagget'у актуарій обращается со слѣдующими словами:

«Михаилъ Bagget! Вы обвинялись въ убійствѣ Анны Hodgkinson, но объявили себя невиннымъ и положились на судъ вашей страны. Этотъ судъ находитъ васъ виновнымъ, и вы изобличены въ убій-

ствѣ. Не имѣете ли вы сказать чего нибудь такого, что могло бы повести къ отмѣненію надъ вами смертнаго приговора?

Судебный приставъ. Слушайте! Слушайте! Слушайте! Милорды королевскіе судьи подѣ страхомъ ареста приказываютъ всѣмъ присутствующимъ хранить молчаніе, пока будетъ читаться надъ обвиненнымъ смертный приговоръ.

Лордъ председатель (покрывая чернымъ баретомъ голову): Михайль Barret! По самомъ строгомъ обслѣдованіи дѣла вы найдены виновнымъ въ убійствѣ, при томъ въ убійствѣ сопровождаемомъ самыми ужасными усиливающими вину обстоятельствами. Не довольствуясь участіемъ въ заговорѣ противъ правительства этого королевства, вы осмѣлились стать между закономъ и посаженнымъ въ тюрьму за государственную измѣну человѣкомъ; для освобожденія этого человѣка вы совершили ужаснѣйшее изъ извѣстныхъ въ послѣднее время преступленій, не обращая вниманія на то, сколько исполненіе вашего плана принесетъ вреда жизни и собственности людей, населяющихъ ближнія къ тюрьмѣ улицы. Я думаю, если бы вы сообразили, сколько вы уничтожили жизней, сколькихъ людей изуродовавъ сдѣлали навѣки неспособными къ работѣ калѣками—вы бы сами себя ужаснулись! Насчетъ вердикта скажу вамъ, что я съ нимъ относительно васъ совершенно согласенъ. По всему видно, что вы въ заговорѣ участвовали, и что именно ваша рука поднесла къ пороховому боченку огонь. Я не знаю ничего такого, что бы еще могло усилить вашу виновность... Ваши дни сочтены. Смиритесь и приготовляйтесь къ смерти, которая для васъ уже близка. Я не желаю усиливать въ васъ обусловливаемаго вашимъ положеніемъ чувства горести, и совѣтую искать утѣшенія тамъ, гдѣ его можетъ найти каждый. Ваше преступленіе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, и я не могу васъ обнадеживать насчетъ того, что приговоръ будетъ смягченъ. Поэтому мнѣ остается примѣнить къ вамъ законъ, по которому вы отсюда будете отведены туда, откуда приведены; оттуда васъ поведутъ на лобное мѣсто...

Barret. Милордъ! Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ!

Преосвященный. Что вы намерены говорить?

Barret. Я не намерен говорить плачевным тоном или просить о помиловании, нет — я обращаюсь к вашему лордству как к человеку, на жизнь которого сделано жестокосердное нападение, и желаю защищаться против взводимого на меня обвинения, потому что глубоко убежден, что никогда умышленно, преднамеренно или по злобе не делал для человеческой жизни вреда». Затѣмъ Barret переходитъ къ частностямъ процесса и находитъ, что между обвинительными свидѣтелями нѣтъ и двухъ такихъ, которые бы другъ другу не противорѣчили. «Полиція», продолжаетъ онъ, «неожиданно схватила меня въ Глазговѣ и потащила въ Лондонъ, гдѣ я остался совершенно одинъ — безъ друзей и безъ помощи. Я не дѣлаю упрека глазговской полиціи: я виню во всемъ ту подлую, отвратительную сволочь, которая тѣсно связана съ полицейскими властями и всегда готова на всякую гнусность, лишь бы извлечь выгоду или хоть заслужить благосклонную улыбку начальства. То-то теперь всѣ эти господа радуются успѣху своей клеветы! Мальчишка Wheeler показалъ противъ меня лишь послѣ долгихъ угрозъ со стороны полиціи, а Bird сначала указалъ на O'Neill'a и ужъ потомъ, по намекамъ полиціи, на меня, потому что боялся, какъ бы не лишиться своей доли въ добычѣ. Но я, стоя теперь на краю могилы, клянусь и объявляю здѣсь торжественно, что я вопреки присяжнымъ показаніямъ моихъ обвинителей во время взрыва былъ не въ Лондонѣ, а въ Глазговѣ. Теперь перейду къ представителю негодяевъ Mullanu и къ его челяди. Morris особенно напиралъ на то, что я былъ такъ близко отъ точки взрыва, что почернѣлъ отъ пороховаго дому. Это до такой степени глупо, что даже не заслуживаетъ вниманія — такой вздоръ можетъ затесаться въ голову лишь тупоумному портняжному подмастерью. Morris и госпожа Коеррл — по мнѣнію генераль-атторнея — подтверждаютъ показанія Mullanu; но удачно ли они это дѣлаютъ? Morris показалъ подъ присягой, что я въ тотъ вечеръ у Mullanu былъ, Mullanu — что я у него не былъ, это генераль-атторней Ея Величества называетъ подтвержденіемъ! Mullanu присягнулъ, что у меня была

полная борода, госпожа Коерри присягнула, что у меня бороды не было, — это генераль-атторней также называетъ подтвержденіемъ! Я желаю указать еще на одно обстоятельство, которое генераль-атторней, не смотря на все свое остроуміе, оставилъ неразъясненнымъ: Mullany утверждаетъ, что я вмѣстѣ съ Murphу пріѣхалъ въ Лондонъ лишь съ цѣлью освободить Burke, тогда какъ Morris и госпожа Коерри говорятъ, что я за шесть недѣль до взрыва былъ постояннымъ посѣтителемъ Mullany; но вѣдь Burke просидѣлъ въ тюрьмѣ всего на всего три недѣли!...

«Вообще я былъ далеко отъ подобныхъ дерзкихъ предпріятій, и если приписывать ихъ феніямъ, то обвиненіе, противъ меня направленное, дѣлается еще смѣшнѣе: сэръ Ричардъ Мауне и разныя газеты утверждаютъ, что въ Лондонѣ живетъ болѣе 10,000 вооруженныхъ феніевъ; неужели же они для исполненія своихъ плановъ станутъ вызывать изъ Глазгова столь малоспособнаго и такъ низко поставленнаго человѣка, какъ я? Вѣдь этакія нелѣпыя фантазіи можетъ создавать лишь встревоженное воображеніе испуганнаго чиновника!»

Затѣмъ Bagget утверждаетъ, что назвалъ глазговской полиціи хозяина, у котораго работалъ нѣсколько лѣтъ, и что полиція призывала хозяина въ допросу, но постаралась это обстоятельство тщательно скрыть. Вообще онъ защищаетъ alibi и говоритъ, что для Ирландіи крайне унижительно и крайне оскорбительно, что англійскій судъ, рѣшая дѣло о жизни или смерти человѣка, не придаетъ никакого значенія присяжному показанію ирландца. Послѣ короткаго молчанія, въ продолженіе котораго онъ какъ бы старается совладать съ переполняющими его чувствами, Bagget на вопросъ президента, не имѣетъ ли онъ еще чего сказать, отвѣчаетъ: «Еще нѣсколько словъ — и я готовъ. Какъ я уже сказалъ, я теперь буду готовиться къ отходу туда, гдѣ надѣюсь найти справедливость. Клянусь моею вѣрою во всепрощающую милость Верховнаго Судьи, предъ котораго скоро предстану и предъ котораго рано или поздно предстанутъ всѣ — и судьи и присяжные, и преступники, чтобы отдать въ каждомъ дѣйстви отчетъ, клянусь надеждою на примиреніе

съ Богомъ и на мѣсто въ тѣхъ райскихъ жилищахъ, гдѣ царствуетъ вѣчная радость и гдѣ не знаютъ горя, — всѣмъ этимъ влянусь, что и тамъ я буду вѣчно думать о бѣдной и несчастной Ирландіи! У престола Всевышняго, который одинаково выслушиваетъ молитвы всѣхъ смертныхъ отъ государей до простыхъ бѣдняковъ, буду я молиться объ освобожденіи моей несчастной родины; а здѣсь я оставляю одинъ завѣтъ—пусть дѣти Ирландіи никогда не оставляютъ попытокъ скинуть съ себя унижительное, оскорбительное иго. Я не требую никакихъ петицій и демонстрацій съ цѣлью спасти мнѣ жизнь. Я не хочу жить долѣе съ огненнымъ клеймомъ Каина на челѣ. Я самъ желаю пойти на эшафотъ и въ могилу—тамъ я найду справедливость, въ которой мнѣ здѣсь отказываютъ!

«Однако я отнял у суда больше времени, чѣмъ предполагалъ. Благодарю ваше лордство за снисходительность и за вниманіе, съ которымъ вы меня слушали. Благодарю господина моего защитника за сдѣланныя имъ въ мою пользу усилія. Рано мнѣ приходится расставаться съ жизнью *); но если Богу угодно отозвать меня такъ рано, я встрѣчу смерть безъ страха и съ надеждою, что можетъ—быть Богъ приметъ мою бѣдную, ничтожную жизнь какъ искупительную жертву за бѣдную, страждущую родину... Я твердымъ шагомъ взойду на эшафотъ и, умирая съ утѣшительнымъ убѣжденіемъ, что постыдное пятно убійства на мнѣ не лежитъ, соединю молитвы объ успокоеніи души съ молитвами объ успокоеніи души съ молитвами о возрожденіи Ирландіи! Я готовъ».

Предсѣдатель. Я ничего не могу сказать относительно вердикта или доказательствъ. Все это зрѣло обсуждено. Процессъ противъ васъ велся такъ основательно, такъ безпристрастно, какъ, можетъ быть, не велся никогда въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ставится на карту человѣческая жизнь. Джюри произнесло вердиктъ

*) Ваггеу было всего 27 лѣтъ.

послѣ тщательнаго обсужденія дѣла, и я съ этимъ вердиктомъ совершенно согласенъ. Что касается доказательствъ, то хотя можетъ быть въ нихъ и есть противорѣчія, какъ это обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, но главные пункты обвиненія доказаны до очевидности, и меня радуеть, что вы при всѣхъ стараніяхъ доказать вашу невинность ни разу не коснулись той части доказательствъ, которая утверждаетъ ваше пребываніе въ моментъ взрыва въ Глазговѣ *). Вполнѣ убѣжденный въ томъ, что вы были на мѣстѣ взрыва, я крайне сожалею, что вы вмѣсто выраженія чувства горести и раскаянія употребили послѣдній случай говорить въ этомъ судѣ или вообще говорить публично для того, чтобы обвинить показывавшихъ противъ васъ свидѣтелей и осыпать ихъ ругательствами. Я готовъ вѣрить вамъ въ одномъ—что вы съ ужасомъ и сожалѣніемъ вспоминаете о томъ, сколько вы причинили смертей, страданій и несчастья, и что вы сами не могли думать, чтобы послѣдствія вашего преступленія были столь ужасны; но съ другой стороны я не могу вообразить, чтобы тотъ, кто прибѣгаетъ къ столь разрушительному орудію, какъ боченокъ пороха, не могъ ясно предвидѣть послѣдствій: у самаго боченка играли невинныя дѣти, за стѣной были люди, и если бы они гуляли были бы все умерщвлены,—тому, кто поступаетъ такимъ образомъ, не слѣдовало бы говорить о несправедливости. Не говоря уже о чувствѣ отвращенія, которое возбуждаетъ совершенное вами злодѣяніе, грустно и больно видѣть чловѣка съ вашими способностями—чловѣка, который бы могъ сдѣлать въ своей жизни столько добра—участвующимъ въ преступномъ заговорѣ и доведеннымъ до того горькаго положенія, въ какомъ вы теперь находитесь. Вы говорите—и я надѣюсь, что говорите вы это серьезно—вы намѣрены употребить остающееся вамъ время на приготовленіе къ смерти,—мнѣ не остается теперь ничего больше, какъ только произнести надъ вами страшное слово закона»...

*) Нельзя не удивляться, что президентъ такъ скоро забылъ главное содержаніе рѣчи Ваггера: вѣдь оно все около «alibi» и вертится!

Слѣдуетъ объявленіе смертнаго приговора въ той самой формѣ, какъ и по окончаніи процесса по манчестерскому дѣлу, Barretъ выслушиваетъ приговоръ спокойно и съ достоинствомъ. Духовникъ тюрьмы Newgate произноситъ протяжное «аминь». Обвиненный, сопровождаемый стражей, твердымъ шагомъ удаляется.

Днемъ совершенія казни назначено было 12 мая 1868 года. Сообразно желанію Barret'a, въ его пользу не дѣлалось никакихъ демонстрацій; но защитникъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ записку, въ которой собрано все, что можно было сказать, противъ справедливости приговора или противъ обвинительныхъ доказательствъ и который заключается просьбою отсрочить исполненіе казни, а тѣмъ временемъ удостовѣриться въ справедливости того, что представляетъ защита. Записка между прочимъ содержитъ слѣдующія важныя свѣдѣнія: 1) что еще два человека—Young и Ablot видѣли изблизи, какъ зажженъ фитиль—первый изъ нихъ показалъ полиціи, что заживавшій фитиль былъ уже нѣсколько разъ упомянутый O'Neill, второй—что это былъ Вилльямъ Desmond; 2) что въ Глазговѣ люди, пользующіеся общимъ довѣріемъ, видѣли Barret'a безъ бакенбардъ 20 и 21 ноября.—Вслѣдствіе этого казнь отсрочена до 26 мая; но 25-го мистеръ Bright обратился къ министру со вторичною просьбою объ отсрочкѣ и предложилъ ему въ палатѣ общинъ слѣдующій до крайности странный, но по англійскому праву вполне возможный исходъ: правительство можетъ начать противъ Barret'a новое обвиненіе по убійству, но уже не Анны Uodgkinson, а какойнибудь другой жертвы взрыва, такимъ образомъ еще разъ провѣрить всѣ обвинительныя и очистительныя доказательства и потомъ съ обвиненнымъ поступить такъ, какъ должно будетъ поступить съ нимъ по новому вердикту. На это министръ отвѣтилъ, что въ Глазговѣ для изслѣдованія доказательствъ alibi былъ командированъ членъ тайной полиціи, который уже передалъ лорду первому судѣ результаты своихъ наблюденій; но лордъ первый судья по нимъ

лишь еще болѣе убѣдился въ справедливости вердикта, и министр его мнѣніе раздѣляетъ вполне.

Barret встрѣтилъ извѣстіе о томъ, что казнь должна совершиться 26 мая, съ тѣмъ удивительнымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, которое послѣ его страстной рѣчи не оставляло его ни на минуту.

25 числа Barret легъ спать въ 10-ть часовъ вечера, но спалъ мало. На слѣдующее утро онъ всталъ въ 6-ть часовъ и остальное время до казни провелъ въ бесѣдѣ съ духовникомъ. Въ 8-мъ часовъ утра тюремные колокола зазвучали, въ огромныхъ собравшихся вокругъ эшафота массахъ народа раздалось «шляпы долой!», и на эшафотъ взошелъ тюремный духовникъ, за нимъ— приговоренный. Barret твердымъ шагомъ поднимался по лѣстницѣ, хотя и былъ скованъ по рукамъ и по ногамъ; толпа встрѣтила его и проклятіями и рукоплесканіями; но онъ и на то, и на другое не обращалъ вниманія: онъ шелъ на смерть безъ удальства, но и безъ страха: когда палачъ надѣлъ на него петлю, онъ попросилъ лучше завязать веревку, и потомъ—когда доска изъ-подъ его ногъ выпала— Barret почти мгновенно умеръ безъ всякой видимой борьбы.

Дѣйствительно ли Barret зажегъ у порохового боченка фитиль? И дѣйствительно ли казнь надъ нимъ была наказаніемъ, или онъ просто жертва юридической ошибки, незаконно умерщвленный руками закона человѣкъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ съ полнымъ убѣжденіемъ не возможно, тѣмъ болѣе, что обвинять Barret'a—если въ дѣйствительности онъ былъ правъ—значить нѣкоторымъ образомъ дѣлаться причастнымъ совершенному надъ нимъ юридическому убійству; оправдывать—если онъ былъ виноватъ—значить безсовѣстно клеветать на казнившій его законъ. И такъ лучше оставить этотъ вопросъ нерѣшеннымъ и указать лишь на то, что въ самомъ производствѣ процесса особенно бросается въ глаза.

Первое въ этомъ отношеніи—конечно—личности свидѣтелей, а въ нихъ прежде всего то, что ихъ присяжныя показанія полны противорѣчій *) очистительные свидѣтели подъ присягой показываютъ совершенно противоположное тому, что показываютъ подъ присягой свидѣтели обвинительные, мало того; одни и тѣ же свидѣтели иногда сами себѣ въ присяжныхъ показаніяхъ противорѣчатъ, таковы M'Nulty, Bird и т. д.

Потомъ бросается въ глаза то обстоятельство, что по английскому закону человѣкъ, участвовавшій въ измѣнническомъ заговорѣ и впослѣдствіи донесшій на своихъ сообщниковъ, какъ Mullany, остается свободнымъ; этотъ законъ, также какъ и обѣщаніе награды за доносъ на важнаго преступника, есть не больше, какъ средство къ развитію наушничества, которымъ и сомнительно, и безнравственно доходить до священной истины! Вообще подобные поощрительные законы, какъ обѣщаніе за доносъ награды или прошенія, имѣютъ или могутъ имѣть смыслъ лишь у народовъ, стоящихъ на низкой степени цивилизаціи; но въ Англійи—гдѣ личность человѣка пользуется такими огромными правами и гдѣ судя по политической свободѣ гражданъ, надобно полагать, что законъ относится къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ—эти законы лишены всякаго значенія; ихъ можно объяснить лишь крайней консервативностью націи, и къ раскрытію истины они плохо служатъ. Разсматривая эти законы далѣе съ общечеловѣческой точки зрѣнія, нельзя не видѣть въ нихъ крайней несправедливости, съ одной стороны, и доказательствъ ненормальности того общества, для котораго они существуютъ, съ другой: прошеніе за доносъ на соучастниковъ есть нѣкоторымъ образомъ законный патентъ на безнаказанное совершеніе преступленій. Любопытно знать, какъ поступитъ англійскій центральный уголовный судъ въ томъ слу-

*) Это обстоятельство самымъ нагляднымъ образомъ доказываетъ, что въ настоящее время присяга обратилась въ пустую форму, и что присягой, также какъ и пыткой, изъ которой присяга развилась, добиться до истины очень трудно.

чаѣ, если—положимъ—три человѣка произведутъ взрывъ въ видѣ взрыва clegkewall'ской тюрьмы и потомъ въ одинъ и тотъ же день, часъ, даже въ одно и тоже мгновеніе, сдѣлаютъ другъ противъ друга совершенно равновильный доносъ? Въдъ послѣдовательность требуетъ, чтобы они все были помилованы? Но развѣ это не будетъ крайняя несправедливость? И развѣ ее можетъ терпѣть нормально организованное человѣческое общество?

Чрезвычайно неприятное и рѣзкое впечатлѣніе дѣлаетъ послѣдній отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ защитнику Bagget'a—мистеру Bright'у: отказать въ переслѣдованіи дѣла тамъ, гдѣ по закону оно допускается, и сослаться въ этомъ отношеніи на результаты командировки въ Глазговъ фискала—крайняя несправедливость и крайняя жестокость. Дѣйствительно, что было проще и рациональнѣе, какъ объявить обвиненіе противъ Bagget'a прекращеннымъ по недостатку доказательствъ и потомъ немедленно начать противъ него—какъ предлагалъ мистеръ Bright—новое обвиненіе въ убійствѣ? Тогда бы дѣло, начавшееся въ гласномъ судѣ съ присяжными, въ такомъ же судѣ и переслѣдовалось бы; тогда бы—можетъ быть—защита представила достаточно сильныя опроверженія обвиненій, а можетъ быть, присяжные по болѣе зрѣломъ обсужденіи дѣла произнесли бы совершенно иной вердиктъ и при прежнихъ доказательствахъ защиты... Но гласный судъ съ присяжными и релейное обсужденіе дѣла въ кабинетѣ лорда перваго судьи и министра внутреннихъ дѣлъ по свѣдѣніямъ, представленнымъ чиновникомъ тайной полиціи, рѣшительно не вяжутся.

Казнь Bagget'a, такъ же какъ и манчестерскія казни, не положила стремленіямъ феніанизма конца: еще лѣтомъ 1868 года въ Лондонѣ открытъ большой складъ оружія, по всей вѣроятности заготовленный феніями, а въ Коркѣ въ Ирландіи отлично вооруженная банда изъ 60 человѣкъ подъ предводительствомъ од-

ного американца разграбила значительное собраніе оружія у частнаго человѣка. Тамъ и сямъ феніи стрѣляли въ констаблей...

Какъ эти случаи ни маловажны, но они доказываютъ, что возстаніе не уничтожено, а лишь подавлено. Конечно въ мирное время феніанизмъ для Англій не страшенъ; но каждый благомыслящій англичанинъ долженъ быть убѣжденъ, что въ случаѣ серьезной войны или какихъ нибудь внутреннихъ беспорядковъ Ирландія поставитъ на сторону враговъ своей повелительницы многочисленное войско, которое въ борьбѣ съ правительствомъ показало, къ какимъ средствамъ оно способно прибѣгать для обезпеченія врага.

Все это вполне подтверждаетъ слова Маколея, что «Ирландія—изломанный, обезжизненный членъ политическаго тѣла, на который съ надеждою и упрекомъ указываютъ ненавидящіе и боящіеся могущества Англій».

Дѣло принца Пьера Бонапарта.

— Засѣданія верховнаго уголовного суда Франціи въ городѣ Турѣ.

Съ девяти часовъ вокругъ Судебной палаты тѣснилась плотная, но спокойная и молчаливая толпа. До тѣхъ поръ фізіономія города не очень измѣнилась; волненіе замѣтно было скорѣй въ гостинницахъ, населенныхъ пріѣзжими, а на улицахъ тишина не нарушалась. Зала суда впрочемъ была биткомъ набита, когда, въ 11 час., судебный приставъ доложилъ о прибытіи членовъ высшаго суда въ красныхъ мантияхъ. Судъ состоялъ изъ президента г. Гландаза и гг. членовъ Занжакоми, Баскли, Декаррьеръ, Гастанбидъ и Савари.

Генераль прокуроръ г. Гранпэрре со своимъ помощникомъ г. Бергони заняли мѣста коронныхъ обвинителей.

Въ залѣ немедленно водворилось глубокое малчаніе.

По прочтеніи вслухъ декрета, сзывающаго въ Турѣ верховный судъ на 21 марта 1870 г. для суда надъ Пьеромъ Бонапартомъ, президентъ объявилъ засѣданіе открытымъ. Послѣдовалъ поименный вызовъ присяжныхъ, изъ которыхъ по жребію назначено 36 дѣйствительныхъ и четыре дополнительныхъ. Наконецъ вводятъ подсудимаго: онъ весь въ черномъ, скрутку его застегнуть на всѣ пуговицы, онъ очень блѣдешъ и повидимому взволнованъ; въ петлицѣ у него розетка офицера Почетнаго Легіона, въ рукѣ онъ держитъ красную засаленную книжку.

Президентъ. (подсудимому). Встаньте, объявите ваше имя и фамилию.

Подсудимый. Пьеръ Бонапартъ.

Президентъ. Ваши лѣта?

Подсудимый. Пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ.

Президентъ. Гдѣ вы имѣете жительство?

Подсудимый. На Отельской улицѣ, въ домѣ подъ № 59, въ Парижѣ.

Президентъ. Садитесь. Мы приведемъ къ присягѣ гг. присяжныхъ.

По исполненіи этой формальности, президентъ сказалъ слѣдующую рѣчь присяжнымъ для уясненія имъ важности возлагаемой на нихъ обязанности:

«Господа присяжные! Мы обязаны главнымъ образомъ старшинству лѣтъ честию предсѣдательствовать въ высшемъ судѣ; да будетъ намъ дозволено сказать вамъ нѣсколько словъ о характерѣ этого верховнаго судилища и объ обязанностяхъ, которыя всеѣмъ намъ, здѣсь, надлежитъ исполнить.

«У французовъ есть одно чувство, быть можетъ болѣе ревнивое, чѣмъ даже чувство свободы: это — чувство равенства, въ особенности равенства предъ правосудіемъ. Поэтому понятно, что созваніемъ верховнаго суда встревожилось не мало людей, даже самаго возвышеннаго ума, и представился вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ необходима такая чрезвычайная мѣра, не достаточно ли обыкновеннаго права на всѣ задачи правосудія и не лучше ли было бы предоставить это дѣло обычному теченію? Надо было повиноваться закону, но спѣшимъ прибавить, что повиновеніе это не должно сопровождаться сожалѣніемъ. По нашему крайнему убѣжденію законъ, учреждая верховный судъ, не только не посягаетъ на великій принципъ равенства, но имѣетъ единственной цѣлью съ наибольшей твердостью проводить примѣненіе этого принципа. Правосудіе тогда только можетъ быть равно для всѣхъ, если оно достаточно сильно, чтобы всѣмъ относиться спокойно и безпристрастно. Обязанность эту обыкновенно легко исполнить, но въ смутную

пору могутъ встрѣтиться такія обстоятельства, которыми смутится даже самый твердый духъ; тогда должно соразмѣрить употребляемую силу съ трудностями дѣла и придать закону большее могущество противъ того, котораго достаточно для обыденныхъ потребностей. Этой необходимости, понятой и признанной во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, особенно въ странахъ, предшествовавшихъ намъ въ практическомъ примѣненіи принципа свободы — въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, наша старинная монархія старалась удовлетворить большимъ сосредоточіемъ, сказать прямо — истиннымъ злоупотребленіемъ карательной власти: власть усиливали въ ущербъ правосудію, судъ замѣняли особыми комиссіями; исторія сохранила намъ печальныя воспоминанія объ этихъ произвольныхъ и потому почти всегда безжалостныхъ судилищахъ. Тысяча семьсотъ восемьдесятъ девятого года законъ нашъ преслѣдовалъ ту же цѣль только другими путями: онъ сталъ искать въ свободѣ ту силу, которую старинный режимъ искалъ въ произвольной власти; вмѣсто того, чтобы отмѣнить гарантіи, даруемыя общимъ правомъ, онъ, напротивъ, поставилъ себя въ честь расширить ихъ, увеличить, почти можно сказать, преувеличить, и ни въ чемъ этотъ либеральный духъ такъ явно не высказался, какъ въ учрежденіи верховнаго суда.

«Въ уголовныхъ дѣлахъ, какъ вамъ извѣстно, гг. присяжные, нашъ судебный строй покоится на благодѣтельномъ союзѣ безсмѣнной магистратуры и самой страны, въ лицѣ временной магистратуры — суда присяжныхъ. Съ точки зрѣнія гарантіи, если и не очень для васъ важно, чтобы судьи, раздѣляющіе труды ваши, стояли на высшей степени судебной іерархіи, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что къ этимъ ступенямъ ихъ привелъ путь долгій и не легкій, что большая часть изъ нихъ, достигнувъ ихъ, вступили въ лѣта, въ которыя разумъ зрѣлъ, честолюбіе слабѣетъ, а чувство долга крѣпнѣетъ и приближается къ послѣднему расчету съ тѣмъ, кто, для своего суда, не нуждается ни въ допросахъ, ни въ свидѣтельскихъ показаніяхъ. Въ этомъ торжественномъ судебномъ искусствѣ мы собственно исполняемъ должность судей, на

турнирѣ большая часть суда приходится на долю присяжныхъ, а потому въ эту сторону клонились главные заботы законодателя; быть присяжнымъ значить пользоваться правомъ, но въ тоже время исполнять страшную должность. Никто, никогда не предлагалъ, чтобы принципъ всеобщей подачи голосовъ примѣнялся и къ назначенію присяжныхъ; нужно дѣлать выборъ и этотъ выборъ всегда невольно внушалъ недовѣріе.

«Но можетъ ли недовѣріе это встрѣтиться въ настоящемъ случаѣ? Общій списокъ верховнаго суда присяжныхъ составляется по принципу всеобщей подачи голосовъ, примѣненному не въ сферѣ политическихъ состязаній, а въ менѣ горячей средѣ департаментскаго представительства, правосудіе въ настоящемъ случаѣ будетъ пользоваться просвѣщеннымъ и безкорыстнымъ содѣйствіемъ людей, засѣдающихъ, въ силу довѣрія къ нимъ ихъ согражданъ, въ общихъ совѣтахъ каждаго департамента, послѣ двухъ испытаній, которыми руководствуетъ одинъ жребій.

«Отъ участія въ судѣ присяжныхъ общимъ правомъ устраниются только должностные лица, тѣсно связанные съ дѣйствіями вышнихъ государственныхъ властей. Въ высшемъ судѣ число условій, устраниющихъ отъ такого участія, увеличивается, чтобы не могло возникнуть даже подозрѣнія, что къ правосудію сколько-нибудь примѣшивается политика; число присяжныхъ утроено; для осужденія преступника требуется значительное большинство. Что же касается формъ судопроизводства и наказаній, то положенія нашихъ законовъ сохраняютъ всю свою силу; принимаются съ избыткомъ всякія предосторожности, чтобы поставить правосудіе на высоту, недоступную никакому постороннему вліянію; подсудимый является не предъ ассизнымъ судомъ какой-нибудь одной части страны, а предъ судомъ, представляющимъ собою всю страну. Мудрость законодателя однако не переступила цѣли, и настоящаго процесса довольно, чтобы доказать вѣрность его соображеній. Процессъ этотъ, повидимому, не долженъ бы имѣть вовсе политическаго характера. Общество просто требуетъ у принца Пьера Наполеона Бонапарта отчета въ пролитой имъ крови, обвиняетъ его

въ нарушеніи святѣйшаго изъ всѣхъ законовъ, первѣйшей изъ всѣхъ заповѣдей: «не убей». Факты, сами по себѣ выхваченные изъ жизненной среды, въ которой они произошли, ничѣмъ не разнились бы отъ множества прискорбныхъ драмъ, которыми на одинъ день питается любопытство и которые на слѣдующій день забываются. Шумъ, поднявшійся изъ-за этого дѣла, не объяснялся бы даже однимъ общественнымъ положеніемъ подсудимаго, такъ какъ онъ давно возвратился въ частную жизнь и, какъ онъ самъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, былъ между нами несчастнымъ лицомъ. И кому же приписать эту странную огласку, это волненіе, которое невольно сказывается даже въ этой оградѣ? Тому, что политика съ ея страстями ворвалась въ этотъ процессъ, проникла въ него со всѣхъ сторонъ, примѣшиваешь свое, слишкомъ часто несправедливое, озлобленіе къ спокойной и честной оцѣнкѣ судей. Мы не отступимъ, господа, отъ сдержанности и самообладанія, предписываемыхъ намъ долгомъ. Но для того, чтобы отрицать это прискорбное вторженіе, нужно было бы или сначала ничего не видѣть, или теперь все позабыть.

«Отельская катастрофа громомъ разразилась тотчасъ послѣ правительственнаго акта, столь же мудраго, сколько и безкорыстнаго, взывавшаго къ честнымъ людямъ всѣхъ партій и отмѣтившаго первый, крупный шагъ замиренія, которое съ каждымъ днемъ дѣлаетъ успѣхи. Все поняли, что это вѣроятно лишь преступленіе, подлежащее вѣдѣнію одного правосудія, но что это во всякомъ случаѣ большое несчастіе для страны. Предчувствія эти, къ сожалѣнію, сбылись и предвидѣнное несчастіе едва не достигло размѣровъ бѣдствія, подвергающаго опасности общества; опасность эта устранена мудрыми мѣрами, а также, съ радостію признаемъ это, разсудительностію глубоко и законно взволнованной, но не потерявшей публики. Правосудіе немедленно исполнило свой долгъ, но мѣры предосторожности оказались лишними — подсудимый самъ предался въ его руки и ждетъ вашего приговора.

«Что теперь надлежитъ вамъ дѣлать, гг. присяжные? Вы должны внести въ процессъ истину, возвратитъ ему настоящіе размѣры,

очистить его отъ всѣхъ элементовъ, по крайней мѣрѣ постороннихъ, могущихъ смущать духъ вашъ, видѣть въ подсудимомъ единственно человѣка, имѣющаго право правосудіе, должное всѣмъ, общее всѣмъ, равное для всѣхъ; искать вдохновенія только въ преніяхъ, которыя сію минуту предъ вами откроются. Конечно, было бы почти афектаціей съ нашей стороны требовать отъ васъ, чтобы вы забыли всѣ посторонніе факты, но вы будете смотрѣть на нихъ только съ юридической точки зрѣнія, насколько они неизбежно относятся къ обвиненію, и съ цѣлью разрѣшить единственные вопросы входящіе въ вашу компетентность: виновенъ ли подсудимый и въ какой степени онъ виновенъ. Этотъ же гамъ и крикъ, эти поголовныя обвиненія противъ человѣка, находившагося подъ охраною правосудія, вы будете помнить только для того, чтобы не довѣрять тяжелымъ впечатлѣніямъ, быть можетъ оставленнымъ ими въ вашихъ умахъ. Чтобы уберечься отъ реакціи чувствъ, которая если бы перешла за предѣлы справедливости, сдѣлалась бы опасной не для подсудимаго, а для общества, интересы котораго тоже ввѣрены вамъ.

«Задача ваша безъ сомнѣнія трудна, господа присяжные, но именно потому, что она трудна, страна обращается къ вашему просвѣщенному сужденію и вашей самостоятельности; вы будете тверды, умѣренны, непристрастны. Вы не поддадитесь никакому предубѣжденію или малодушію. Приговоръ вашъ—вѣрный отголосокъ вашей совѣсти, который приметъ всѣми почтительно и съ покорностію, будетъ въ одно и то же время дѣломъ правосудія и спасительнаго успокоенія умовъ. Вы можете рассчитывать на содѣйствіе судей, какъ судьи рассчитываютъ на ваше содѣйствіе; движимые сознаніемъ одной и той же обязанности, у насъ будетъ одно и то же желаніе, одна и та же цѣль—раскрыть истину, всю истину, ничего кромѣ истины!»

Послѣ этой рѣчи секретарь суда прочелъ обвинительный актъ противъ принца Бонапарта. Актъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Прошлаго января десятаго числа около половины перваго часа

пополудни гг. Иванъ Сальмонъ, по прозванію Викторъ Нуаръ, и Ульрихъ де Фонвьель, сотрудники газеты «la Marseillaise», отправились въ отѣль, на квартиру принца Наполеона Бонапарта. Имъ было поручено передать ему отъ имени г. Паскаля Груссе вызовъ на дуэль, на основаніи письма принца, напечатаннаго 30-го декабря прошедшаго 1869 г. въ газетѣ «L'avenir de la Corse». Г. Паскаль Груссе считалъ себя оскорбленнымъ этимъ письмомъ, хотя и не былъ въ немъ поименованъ, и требовалъ вознагражденія съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ проводилъ своихъ двухъ свидѣтелей до отѣля.

«Принцъ Пьерръ съ своей стороны, наканунѣ, 9 января, послалъ вызовъ г. Рошфору, редактору газеты «Marseillaise» по поводу статьи подписанной «Lanipe» съ ругательствами противъ него. Пока г. Паскаль Груссе дождался на улицѣ съ другимъ лицомъ, которыхъ онъ, по его словамъ, встрѣтилъ на дорогѣ и захватилъ съ собою, гг. Нуара и Фонвьеля ввели къ принцу. Нѣсколько мгновеній спустя г. Викторъ Нуаръ, шатаясь, вышелъ отъ него и упалъ на тротуарѣ; вслѣдъ за нимъ г. де Фонвьель выбѣжалъ изъ дома безъ шляпы, съ шестиствольнымъ револьверомъ въ рукѣ, крича: убиваютъ. Г. Нуара немедленно снесли въ соседнюю аптеку, гдѣ онъ скончался, не бывъ въ состояніи произнести ни одного слова. Выстрѣлъ попалъ въ полость сердца и рана вызвала кровотеченіе, убившее его почти наповалъ. Пальто г. Фонвьеля было прострѣлено.

«Что же происходило въ домѣ принца? Какими обстоятельствами сопровождалась сцена, столь плачевно окончившаяся? на этотъ счетъ имѣлись два показанія — г. де Фонвьеля и принца. Вотъ первое показаніе, данное г. де Фонвьелемъ на слѣдствіи:

«Мнѣ и товарищу моему Виктору Нуару Оскаръ Груссе, публицистъ, нашъ общій другъ поручилъ увѣдомить принца Пьера Бонапарта, что г. Груссе считаетъ себя грубо оскорбленнымъ имъ и требуетъ вознагражденія съ оружіемъ въ рукахъ. Мы всѣ трое Нуаръ, Груссе и я сегодня утромъ собрались въ редакціи газеты «Marseillaise»; у Нуара была нанята карета, номера не помню, мы

выѣхали изъ редакціи около часу пополудни и поѣхали прямо въ отѣль. Хорошенько не помню, какой дорогой мы поѣхали, впрочемъ кажется мы проѣхали вдоль Сены, и мимо Трокадеро. Недалеко отъ отѣля, хотя я самаго мѣста въ точности опредѣлить не могу, Нуаръ подозвалъ Сальмона и онъ сѣлъ къ намъ въ карету. Остановившись предъ домомъ принца, мы, всѣ четверо, вышли изъ кареты, но не отпустили ее. Груссе и Сальмонъ остались внизу, прохаживаясь предъ домомъ, мы съ Нуаромъ вошли. Намъ встрѣтили два лакея, у которыхъ мы спросили: дома ли принцъ? Они отнесли наши карточки и возвратились съ отвѣтомъ, что дома. Нѣсколько минутъ спустя насъ ввели въ комнату перваго этажа, кажется большую гостиную и мы сѣли, дожидаясь принца. Минуть шесть спустя онъ вышелъ изъ смежной комнаты; онъ былъ въ широкихъ панталонахъ и вообще въ домашнемъ костюмѣ.

«М. Г., началъ я, пріятель мой, Викторъ Нуаръ, и я явились «къ вамъ отъ имени Паскаля Груссе съ порученіемъ, которое это «письмо объяснить вамъ». И въ тоже время я подалъ ему письмо, которое вы мнѣ предъявляете и въ тождественности котораго я готовъ подписаться. Принцъ взялъ письмо и отвѣчалъ намъ:

«Такъ вы не отъ господина Рошфора? вы не изъ его по-«деньщиковъ?» и пр. — «Потрудитесь прочесть это письмо, М. Г., и вы увидите, что дѣло касается не г. Рошфора». Онъ взялъ письмо, подошелъ къ окну и прочелъ его, потомъ сложивъ его пополамъ, бросилъ на столъ и подошелъ къ намъ. «Я вызвалъ «г. Рошфора, потому что г. Рошфоръ есть знамя крамоль; что же «касается г. Груссе, мнѣ нечего ему отвѣчать. Вы солидарны съ «этими негодяями (*ces misérables*) что ли?...» — «М. Г., отвѣчалъ «я, мы пришли честно и вѣжливо просить у васъ отвѣта». — «Со-«лидарны ли вы съ этимъ народомъ (*ces gens-là*)?» Викторъ Нуаръ отвѣтилъ ему: «мы солидарны съ нашими друзьями.» Принцъ далъ пощечину Виктору Нуару, отступилъ на шагъ или на два, неожиданно вынулъ револьверъ изъ кармана, въ которомъ онъ все время держалъ руку, и выстрѣлилъ въ Нуара. Послѣдній схватился обѣими руками за грудь и вышелъ въ ту же дверь, въ которую

мы вошли. Принц тотчасъ же нацѣлилъ дуло пистолета на меня и выстрѣлилъ во второй разъ, пока я старался высвободить мой пистолетъ, который, въ футлярѣ, былъ въ карманѣ моего пальто. Принцъ сталъ предъ дверью, цѣлясь въ меня, въ третій разъ выстрѣлилъ и я вышелъ крича: à l'assasin! Я прошелъ нѣсколько комнатъ, сбѣжалъ съ лѣстницы, по которой мы вошли, и нашелъ Нуара на тротуарѣ умирающимъ».

Разсказъ принца Пьера значительно разнится отъ разсказа Фон-велья. Вотъ его заявленіе:

«Я написалъ Рошфору письмо, которое должно быть напечатано въ сегодняшнихъ вечернихъ газетахъ; я предлагалъ ему драться съ нимъ на дуэли. Сегодня около половины третьяго часу пополудни я сидѣлъ въ своей комнатѣ, въ халатѣ, только что вставъ съ постели послѣ визита моего доктора, который уже нѣсколько дней лечитъ меня отъ сильной мигрени. Вошла женщина, находящаяся у меня въ услуженіи, и доложила мнѣ, что меня спрашиваютъ двое господъ, въ то же время она подала мнѣ ихъ карточки. Я подумалъ, что они присланы Рошфоромъ и велѣлъ просить ихъ, не прочитавъ именъ ихъ на карточкахъ. Я ихъ заставилъ ждать едва минуту. Когда я вошелъ въ гостиную, я увидалъ предъ собою двухъ господъ, которые держали руки въ карманахъ и встрѣтили меня съ вызывающимъ видомъ. Шляпы ихъ были поставлены куда-то. Я не зналъ этихъ господъ, даже никогда не видалъ ихъ. Они сказали мнѣ почти въ одно время: «Намъ поручено передать вамъ это письмо». И одинъ изъ нихъ, кажется тотъ, что поменьше ростомъ, подалъ мнѣ то письмо, которое вы мнѣ теперь предъявляете, подписанное—Оскаръ Груссе. Я мелькомъ взглянулъ на письмо, увидѣлъ подпись и сказалъ: «Съ Рошфоромъ съ удовольствіемъ буду драться, съ однимъ изъ его поденщиковъ—не стану». Тогда тотъ, что побольше, весьма повелительно сказалъ мнѣ: «Прочтите же письмо». Я отвѣтилъ: «Я уже прочелъ. Солидарны вы съ нимъ?» Тогда тотъ, что побольше (Нуаръ), сильно ударилъ меня кулакомъ по лѣвой щекѣ, другой вынулъ изъ кармана пистолетъ и старался взвести курокъ, опираясь на лѣвую руку, въ которой онъ держалъ

футляръ. Я отступилъ на два шага, вынулъ изъ праваго кармана шестиствольный пистолетъ, который обыкновенно пишу при себѣ, и выстрѣлилъ въ того, что побольше; я былъ отъ него въ двухъ или трехъ метрахъ. Онъ немедленно повернулся и вышелъ чрезъ фехтовальную залу, чрезъ которую пришелъ. Все это продолжалось одно мгновеніе. Тотъ что поменьше бросился за кресло и оттуда старался выстрѣлить въ меня. Тогда я выстрѣлилъ въ него, но не попалъ; онъ вышелъ изъ-за кресла и направился, полусогнувшись, къ другой двери, ведущей изъ гостиной въ бильярдную. Онъ прошелъ совсѣмъ близко отъ меня, но такъ какъ въ эту минуту въ его приемахъ не было ничего угрожающаго, я въ него не стрѣлялъ,—еслибы выстрѣлилъ, онъ былъ бы убитъ почти въ упоръ— а послѣдовалъ за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи. Въ бильярдной, поровнявшись съ дверью столовой, онъ обернулся и нацѣлилъ на меня пистолетъ; тогда я снова выстрѣлилъ въ него, но не попалъ и второй господинъ въ свою очередь исчезъ.»

«Таковъ рассказъ подсудимаго, онъ представляетъ прямую противоположность съ рассказомъ г. де Фонвьеля по важному вопросу о томъ, кѣмъ былъ совершенъ первый насильственный актъ, въ происшествіи 10 января. На слѣдствіи по этому вопросу собраны слѣдующія свѣдѣнія.

«Многіе лица видѣли и признали на лицѣ подсудимаго несомнѣнные слѣды удара: докторъ Морель, видѣвшій принца около половины втораго того же дня показываетъ, что онъ замѣтилъ на его щекѣ сильную красноту съ опухолью. Въ томъ же свидѣтельствуется докторъ Пинель и еще нѣсколько лицъ. Съ другой стороны даже изъ нѣкоторыхъ словъ самого г. Фонвьеля выходитъ, что г. Викторъ Нуаръ дѣйствительно ударилъ принца въ лицо. Г. Лешантръ, отѣльскій мясникъ въ то время, какъ помогаль переносить тѣло Виктора Нуара въ аптеку, слышалъ, какъ кто-то, сзади его, говорилъ: «Онъ убилъ моего друга, но по крайней мѣрѣ получилъ здоровую пощечину». Тотчасъ послѣ этого, г. де Фонвьель говорилъ въ аптеку и г. Лешантръ увѣряетъ, что узналъ тотъ самый голосъ, который произносилъ приведенныя выше слова. Другой

свидѣтель г. Венъвомъ, архитекторъ, присутствовавшій въ моментъ смерти Виктора Нуара, и слышавшій, какъ г. де Фонвьель рассказывалъ происшедшую сцену, утверждаетъ, что послѣдній самъ говорилъ, что Викторъ Нуаръ, обмѣнявшись съ принцемъ, приведенными выше словами, подошелъ къ нему и далъ ему пощечину. Въ тотъ же день г. Венъвомъ повторилъ это другимъ лицамъ, которые подтвердили его заявленіе. Г. Мургуенъ архитекторъ слышалъ отъ г. Фонвьеля слова, хотя и не столь точныя, однако весьма знаменательныя: Викторъ Нуаръ далъ или собирался дать принцу Нуару пощечину. Свидѣтель утверждаетъ, что г. де Фонвьель употребилъ то или другое изъ этихъ выраженій. Наконецъ въ части, куда его привели, чтобы снять съ него показаніе, г. де Фонвьель, рассказывая полицейскимъ всѣ подробности своего визита у принца, прибавилъ, что его пріятель, считая себя оскорбленнымъ, выступилъ впередъ: «Ну и понимайте!».

«Агенты дополняютъ это тѣмъ, что г. де Фонвьель произнося слова эти поднялъ руку, какъ бы собираясь ударить. Они заявляютъ, что хотя г. де Фонвьель и не сказалъ прямо, что Нуаръ ударилъ принца, но онъ сдѣлалъ жестъ, означающій то же. Рядомъ съ этими показаніями имѣются и другія, изъ которыхъ выходитъ, что г. де Фонвьель, тотчасъ послѣ отѣльской драмы, рассказывалъ ее въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она является въ его показаніи, предъ судебнымъ слѣдователемъ. Въ числѣ послѣднихъ свидѣтелей нужно назвать въ особенности г. Груссэ, г. Мортрѣ, владѣльца аптеки, въ которую былъ перенесенъ убитый, и доктора Семласэле, присутствовавшаго въ моментъ смерти: оба слышали, какъ г. де Фонвьель рассказывалъ, что подсудимый ударилъ въ лицо г. Нуара, прежде чѣмъ въ него выстрѣлилъ.»

«Какъ бы то ни было и хотя бы даже принять за истину рассказъ подсудимаго, тѣмъ менѣе останется положительно достоверно то, что онъ умышленно умертвилъ г. Виктора Нуара. Правосудіе не можетъ допустить, чтобы преступленіе это оправдывалось насильственнымъ актомъ, который позволила себѣ жертва. Точно также вѣрно, что подсудимый два раза стрѣлялъ въ г. де Фонвьеля.»

«Вслѣдствіе вышесказаннаго Пьеръ Бонапартъ обвиняется:

1) въ томъ, что онъ 10 числа, прошедшаго января, въ Парижѣ (Отелѣ) умышленно умертвилъ Ивана Сальмона, по прозванію Виктора Нуара, съ тѣмъ еще обстоятельствомъ, что за этимъ преступленіемъ слѣдовало преступленіе, ниже опредѣляемое; 2) въ томъ, что онъ въ тотъ же день, въ тотъ же часъ, и въ томъ же мѣстѣ совершилъ противъ Ульриха де Фонвеля покушеніе на умышленное убійство, каковое покушеніе, проявленное началомъ исполненія, осталось безъ послѣдствій единственно по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ воли покусившагося, съ тѣмъ еще обстоятельствомъ, что этому преступленію предшествовало преступленіе, выше опредѣляемое:

«Каковыя преступленія предусматриваются и наказаніе имъ постановляется ст. 2, 275, 304 уголовного уложенія.»

По прочтеніи обвинительнаго акта, который подсудимый выслушалъ спокойно и безстрастно, секретарь поименно вызываетъ свидѣтелей, вытребованныхъ прокурорскимъ надзоромъ, гражданскихъ истцовъ и защиты.

Г. Лорье. Гг. члены суда! прошу дозволенія сдѣлать одно замѣчаніе отъ имени Луи Нуара, гражданского истца. Мы по его желанію вытребовали Анри Рошфора и, если наши свѣдѣнія вѣрны, г. Рошфоръ не могъ или не пожелалъ явиться. Дѣло не въ причинѣ его отсутствія, а въ томъ, что по нашему мнѣнію необходимо для раскрытія истины выслушать г. Рошфора, и мы просимъ г. президента употребить свою власть, чтобы заставить свидѣтеля явиться въ судъ.

Президентъ. Дѣйствительно г. Рошфоръ не откликнулся когда его вызвали? Мы приказываемъ, чтобы его немедленно привели.

Свидѣтели уходятъ въ назначенную для нихъ залу; изъ нихъ сорокъ пять вытребованы прокурорскимъ надзоромъ, 22 защитой и 19 гражданскими истцами.

Президентъ приступаетъ къ допросу подсудимаго.

През. Вы пріѣхали во Францію въ 1848 году?

Подсудимый. Я приѣзжалъ и прежде съ разрѣшенія Іюльскаго правительства. *През.* Да, но вы только въ 1848 г. поселились во Франціи и были избраны членомъ учредительнаго собранія. Въ года предшествовавшіе этому времени произошло нѣсколько фактовъ, о которыхъ напоминаютъ газеты, но факты эти почерпнуты изъ весьма невѣрныхъ источниковъ и потому чрезвычайно трудно провѣрить ихъ. Ктому же они совершенно чужды обвиненію и мы оставимъ ихъ въ сторонѣ; впрочемъ если коснетъ ся ихъ рѣчь, вы объяснитесь и скажете все, что сочтете полезнымъ для своей защиты. Въ настоящую минуту мы припомнимъ только одинъ фактъ, случившійся во Франціи въ 1849 г. Вы были членомъ національнаго собранія и на засѣданіи дали пощечину одному изъ вашихъ собратьевъ; можете вы сказать что-нибудь въ объясненіе этого поступка? *Подс.* Все, что можно было сказать въ объясненіе, я сказалъ тогда же; теперь могу прибавить одно, что я отвѣтилъ на оскорбленія, что, вѣроятно, помнитъ г. Одилонъ Барро, съ которымъ я былъ въ то время въ отличныхъ отношеніяхъ. (Президентъ прочитываетъ приговоръ, присудившій подсудимаго въ 1849 г. только къ уплатѣ 200 франк. штрафа въ уваженіе смягчающихъ обстоятельствъ, каковыми признаны оскорбительныя рѣчи противъ его семейства).

През. Во всякомъ случаѣ чрезвычайно жалко, что произошелъ такой скандалъ въ особенности въ засѣданіи національнаго собранія, и вы должны были бы устоять противъ увлекшаго васъ душевнаго движенія. *Подс.* Я тогда же съ кафедры заявлялъ, что мнѣ не приходила мысль оскорбить національное представительство. *През.* Въ 1851 г. вы возвратились въ частную жизнь и съ тѣхъ поръ жили то въ Корсикѣ, то въ Отелѣ? *Подс.* Да, вслѣдствіе мѣры, распустившей національное собраніе. *През.* Въ какихъ вы были отношеніяхъ съ газетою «Avenir de la Corse» и ея редакторомъ г. Делла-Рокка? *Подс.* Съ г. Делла-Рокка у меня были отличнѣйшія отношенія, какія только могутъ быть съ человекомъ, котораго глубоко уважаешь. *През.* Вы написали г. Делла-Рокка письмо, первая часть котораго не заключаетъ въ себѣ ни-

чего предосудительнаго, но во второй половинѣ есть фраза истинно достойная сожалѣнія, вродѣ слѣдующей: «я могъ бы привести еще много фактовъ, способныхъ заставить биться сердца всѣхъ сыновъ древней Кирносы (Корсики), этого гнѣзда лавровъ, какъ справедливо называютъ ее. Что же касается нѣсколькихъ жалкихъ бастійскихъ *fourdanés* (мошенниковъ, негодяевъ), которымъ рыночные продавцы должны бы задать внушительный урокъ, нѣсколько жалкихъ *iудѣ* и *измѣнниковъ* и пр.» Газета эта вела ожесточенную полемику съ газетою «*La Revanche*» и статья ваша имѣла весьма прискорбныя послѣдствія. Вы сами, въ уваженіе вашего имени, должны сожалѣть, что увлеклись до такихъ горячихъ полемическихъ приѣмовъ, до выраженія такихъ злобныхъ чувствъ. *La Revanche* отвѣтила статью такою же неистовою, какъ ваша, надо правду сказать; отсюда и произошли нападки на васъ газеты «*Marselleuse*», побудившія васъ вызвать на дуэль г. Рошфора.

Подс. Я хотѣлъ защититься отъ моихъ ругателей, я не могъ рѣшительно допустить, чтобы въ Корсикѣ, гдѣ всѣ боготворятъ Наполеона, позволяли себѣ такіе нападки, которые исходятъ отъ ничтожнаго меньшинства. *През.* Повторяю, вы можетъ быть могли бы удержаться. Ваша горячность была причиною несчастной сцены, происшедшей 10 января. Потрудитесь сказать намъ, какъ было дѣло, когда эти господа явились къ вамъ? *Подс.* Около двухъ часовъ по полудни я сидѣлъ въ моей гостиной, когда служанка принесла мнѣ карточки двухъ лицъ, спрашивавшихъ меня. Такъ какъ я наканунѣ послалъ вызовъ г. Рошфору, я естественно предположилъ, что они отъ него, и сказалъ: просите. Я хотѣлъ пройти въ свою комнату, чтобы надѣть сюртукъ, когда увидалъ въ той комнатѣ, чрезъ которую мнѣ надо было пройти, двухъ господъ—г. Виктора Нуара и г. де Фонвеля, какъ я впоследствии узналъ; они держали руки въ карманахъ и напустили на себя угрожающій видъ; они подали мнѣ листъ бумаги и вмѣстѣ сказали: «Читайте». Я прочелъ письмо, которое было отъ г. Груссе, и отвѣчалъ: «Такъ вы не отъ г. Рошфора? Драться съ г. Рош-

форомъ я готовъ съ удовольствіемъ, но съ однимъ изъ его по-
деньщиковъ—нѣтъ». Тогда тотъ, что побольше, съ нетерпѣніемъ
сказалъ мнѣ: «Прочтите же письмо!» Я отвѣчалъ: «я уже про-
челъ его. Солидарны ли вы съ нимъ?» Тогда онъ ударилъ меня
въ лицо, между тѣмъ какъ другой вынулъ изъ кармана револь-
веръ и сталъ меня страшать имъ. Въ ту же минуту я выстрѣ-
лилъ въ того, который меня ударилъ; другой спрятался за кресло
и изъ-за него направилъ оружіе свое противъ меня; но я под-
ступилъ къ нему и выстрѣлилъ въ него изъ револьвера. Онъ про-
шелъ чрезъ комнату, сгибаясь, по направленію къ двери биллиард-
ной. Пока онъ проходилъ мимо меня, я могъ законно убить его,
потому что онъ все-еще держалъ въ рукѣ оружіе; когда онъ до-
шелъ до двери изъ биллиардной въ столовую, онъ опять прицѣ-
лился въ меня и я въ третій разъ выстрѣлилъ. Спрашиваю всѣхъ
порядочныхъ людей, здѣсь присутствующихъ, могъ ли я при та-
кихъ обстоятельствахъ поступить иначе? *През.* Стало быть вотъ
какъ произошло дѣло. Теперь переберемъ факты сначала. Ваше за-
явленіе не согласуется съ нѣкоторыми показаніями. Вы вышли
изъ вашей спальни и вошли въ гостиную, гдѣ ждали васъ два
господина? *Подс.* Да. *През.* Почему вы взяли съ собою револь-
веръ? *Подс.* Онъ былъ при мнѣ. *През.* Но развѣ вы не могли
бы отложить его, такъ какъ вы полагали, что въ гостиной ждали
васъ секунданты г. Рошфора? Вамъ слѣдовало къ нимъ выдти безъ
оружія. Положимъ, что вы любите оружіе и упражняетесь въ стрѣль-
бѣ въ вашемъ саду, однако я спрашиваю васъ, почему, когда вамъ
доложили о лицахъ, которыхъ вы сочли за секундантовъ г. Рош-
фора, вы не отложили револьвера, бывшего при васъ? *Подс.* Мнѣ
въ голову не пришло. *През.* Однако это вопросъ довольно серьез-
ный. И такъ, у васъ не только былъ револьверъ въ карманѣ, но
вы держали руку на этомъ револьверѣ? стало быть вы не просто
забыли его? *Подс.* Руку я безспорно держалъ въ карманѣ и ре-
вольверъ тоже безспорно былъ въ немъ. *През.* И такъ по ва-
шему выходить, что вы не придали никакой важности этому об-
стоятельству. Значитъ мы имѣемъ отвѣтъ вашъ по первому пунк-

ту: Вы вышли въ истинную, гдѣ нашли двухъ лицъ, ожидавшихъ васъ, что вы имъ сказали? *Подс.* Съ Рошфоромъ я готовъ драться, но ни съ однимъ изъ его поденщиковъ. *През.* Г. де Фонвьель говоритъ, что вы употребили другое выраженіе, приведенное въ обвинительномъ актѣ. *Подс.* Онъ говоритъ неправду. Я не употребилъ этого выраженія, которое вдобавокъ не входитъ въ мою обыкновенную рѣчь. *През.* Тогда вы подошли и въ эту минуту Нуаръ тоже подошелъ и ударилъ васъ въ лицо. *Подс.* Да, послѣ того, какъ я сказалъ: солидарны ли вы съ нимъ? тогда онъ меня ударилъ, а Фонвьель сталъ угрожать мнѣ. Онъ положительно раньше меня вынулъ пистолетъ изъ кармана. *През.* Однако тутъ нужно сдѣлать одно замѣчаніе: видѣли ли вы, какъ г. Фонвьель вынулъ пистолетъ изъ кармана? *Подс.* Когда я взглянулъ на него, пистолетъ уже былъ у него въ рукѣ. *През.* Но пистолетъ былъ въ футлярѣ? *Подс.* Футляръ не мѣшаетъ; притомъ онъ упиралъ пистолетъ въ футлярѣ, который онъ держалъ, въ лѣвой рукѣ. *През.* Значитъ вы не видали самаго движенія, которымъ онъ вынулъ его изъ кармана? *Подс.* Не видалъ. *През.* Когда вы выстрѣлили въ Виктора Нуара, развѣ вы не замѣтили, что онъ раненъ? *Подс.* Нѣтъ, я послѣ того уже не обращалъ на него вниманія. Я занялся Фонвелемъ, который угрожалъ мнѣ. *През.* Однако выстрѣлившіи въ человѣка на разстояніи 3 или 4 шаговъ, должны же вы были думать, при вашемъ навыкѣ къ оружію, что вы можете быть и ранили его. Нуаръ былъ человѣкъ молодой, сильный и если бы вы его не ранили, онъ бросился бы на васъ; вы должны были это сообразить? и вмѣсто того онъ остался неподвиженъ: какъ это васъ не навело на мысль, что онъ раненъ? *Подс.* Онъ вышелъ. *През.* Онъ вышелъ молча, не произнося ни одного упрека. Однимъ словомъ вы не замѣтили, что онъ раненъ? *Подс.* Я былъ занятъ однимъ Фонвелемъ. *През.* Если бы вы знали, что онъ раненъ, гнѣвъ вашъ вѣроятно бы утихъ, потому что ни отъ чего такъ скоро не усмиряется гнѣвъ человѣка, какъ отъ вида раненнаго противника? Вы этого не замѣтили. Надо признаться, что эта сцена произошла съ замѣча-

тельной быстротою, если вы даже не замѣтили выхода Нуара. *Подс.* Фонвьель старался взвести курокъ своего пистолета. *През.* и это ему никакъ не удавалось? *Подс.* Онъ забылъ вынуть шомполь, но употреблялъ всё усилія, чтобъ это сдѣлать. *През.* Правда ли, что вы въ эту минуту выстрѣлили въ него съ того мѣста, гдѣ стояли? Онъ, Фонвьель, увѣряетъ, что вы прошли черезъ всю гостиную и стали въ дверяхъ, чтобы преградить ему дорогу и не дать ему выдти. *Подс.* Да вѣдь въ этой двери и ключа-то нѣтъ. *През.* Это ничего, ключа не нужно. Онъ увѣряетъ, что вы стали передъ этой дверью, чтобы преградить ему дорогу, и этимъ объясняется его выходъ въ другую дверь, ведущую въ биллиардную. *Подс.* Онъ прятался за кресломъ и все-еще старался выстрѣлить. *През.* Фонвьель направился къ столовой? *Подс.* Къ биллиардной. *През.* Правда, къ биллиардной. Почему вы послѣдовали за нимъ въ биллиардную? *Подс.* Я стоялъ въ дверяхъ. *През.* Какъ бы тамъ ни было, вы послѣдовали за нимъ, онъ былъ очень взволнованъ, старался прятаться за кресло, пробрался въ биллиардную; впоследствии оказалось, что нѣсколько кресель опрокинута, ясно, что у этого человѣка была одна мысль—уйти изъ вашей квартиры—вы выстрѣлили въ третій разъ—это было уже совсѣмъ лишнее? *Подс.* Я тогда выстрѣлилъ, когда онъ обернулся. *През.* Но вѣдь вы его преслѣдовали? *Подс.* Нѣтъ не преслѣдовалъ. *През.* Какъ же нѣтъ, когда онъ бѣжалъ оставляя шляпу, палку и футляръ отъ револьвера? *Подс.* Онъ все-еще замахивался на меня револьверомъ. *През.* Однако онъ былъ въ биллиардной, когда вы въ третій разъ выстрѣлили? *Подс.* Я выстрѣлилъ потому, что онъ обернулся и прицѣлился ко мнѣ, я даже не входилъ въ биллиардную. *През.* Но вы стояли въ дверяхъ? *Подс.* Палка была у Сальмона. *През.* Однако Фонвьель оставилъ свою шляпу, оставилъ свой футляръ? Онъ держалъ себя не наступательно? *Подс.* напротивъ, очень наступательно. Вы увидите, что показаніе его противорѣчиво. *През.* Послѣ ухода Нуара и Фонвьеля что вы сдѣлали, возвратились въ гостиную? *Подс.* Да. *През.* Не заперлись ли вы? *Подс.* Не помню. *През.* Вы послали за агентомъ? *Подс.*

Да, для того, чтобъ онъ предупредилъ полицейскаго комиссара. Агентъ пришелъ, но полицейскій комиссаръ пришелъ долго спустя и пришелъ другой, изъ другаго квартала. *През.* Вы даже составляли записку, съ изложениемъ фактовъ? *Подс.* Да, для комиссара. *През.* На щекѣ у васъ были слѣды удара? на какомъ мѣстѣ?— Принцъ указываетъ на мѣсто подлѣ лѣваго уха. *През.* Въ какую минуту показали вы этотъ знакъ? Во первыхъ, показали ли вы его агенту, который пришелъ первый? *Подс.* Нѣтъ. *През.* Показали ли вы полицейскому комиссару? *Подс.* Нѣтъ. *През.* И не намѣревались показать комиссару? *Подс.* Нѣтъ. *През.* Агенту даже и не говорили? *Подс.* Я показалъ одному доктору Морелю. Не особенно лестно показывать слѣды пощечины, да еще отъ такой руки.— Въ эту минуту приносятъ и кладутъ на столъ вещественныя доказательства (платье, палку и пистолеть). *През.* Вы сами выдали себя правосудію? *Подс.* Я долженъ былъ такъ поступить. *През.* Садитесь.

Генераль прокуроръ. Г. президентъ не считаетъ ли умѣстнымъ приказать раздать планы гг. присяжнымъ?

Планы раздаются и президентъ даетъ объясненія, необходимыя для уразумѣнія мѣстоположенія и движеній подсудимаго, Виктора Нуара и Фонвелья.

Г. Флоке. Не потрудится ли г. президентъ спросить у подсудимаго, какъ онъ объяснить то обстоятельство, что пистолеть, изъ котораго сдѣлано было три выстрѣла, оказался съ полнымъ зарядомъ, когда его схватили? *Подс.* Во первыхъ его не схватывали—я самъ отдалъ его полицейскому комиссару.

Г. Флоке. Это—упущеніе, должно было схватить. *Подс.* Я его зарядилъ слыша шумъ отъ столпившагося предъ моей дверью народа. *Г. Лорье.* Подсудимый перемѣнилъ ли панталоны въ промежутокъ между той минутой, когда ему доложили о посѣтеляхъ, и той, когда онъ вышелъ? *Подс.* Нѣтъ, не мѣнялъ. *Г. Лорье.* Не были ли на немъ панталоны со штрипками? *Подс.* У меня никогда не было такихъ. *Г. Лорье.* Слѣдствіе такъ ска-

зываетъ. Самъ подсудимый говоритъ, что онъ снялъ панталоны со штрипками. *Г. Флоке*. Дѣло разсказано на два манера. Сперва подсудимый сказалъ, что онъ былъ у принцессы въ панталонахъ со штрипками, въ костюмѣ не совсѣмъ приличномъ для принятія чужихъ, и что онъ прошелъ въ свою комнату, чтобы переменить панталоны; во второй разъ онъ объявилъ, что былъ въ своей комнатѣ, когда ему доложили о приходѣ этихъ господъ. *Подс.* На мнѣ не было панталонъ со штрипками; я только скинулъ халатъ и надѣлъ сюртукъ.

Засѣданіе прерывается на полчаса, оно снова открывается въ 2 часа 45 м.

— *През.* Приведите подсудимаго. Призовите перваго свидѣтеля. Является г. Руадо, 50 лѣтъ, полицейскій комиссаръ въ Парижѣ. *През.* Вы производили первый осмотръ въ отельскомъ домѣ? Припомните и разскажите намъ все подробности?

— *Свидѣт.* 10-го января, въ то время, какъ происходили извѣстныя событія, я былъ въ полицейской префектурѣ; я поспѣшилъ въ Отель и засталъ принца Пьера Бонапарта съ докторомъ Морелемъ; я просилъ принца объяснить мнѣ, какъ было дѣло. Вотъ что онъ мнѣ сказалъ: «Я былъ въ моей комнатѣ, когда служанка принесла мнѣ карточки двухъ господъ, я къ нимъ вышелъ; они вмѣстѣ подали мнѣ письмо и сказали: «прочтите». «Оно было подписано Паскалемъ Груссе—это былъ вызовъ на дуэль. «Я отвѣчалъ: съ Рошфоромъ—охотно, съ однимъ изъ его поденщиковъ—никогда. Тогда Викторъ Нуаръ сказалъ мнѣ: прочтите «же письмо! Я отвѣчалъ ему: «я уже прочелъ. Солидарны ли вы «съ этими людьми?» Онъ отвѣчалъ мнѣ: «мы солидарны съ нашими друзьями» и въ то же время ударилъ меня въ лицо. Въ «ту же минуту другой поменьше ростомъ вынималъ пистолетъ изъ «кармана, тогда я выстрѣлилъ въ того, что побольше; другой «спрятался за кресло, направляя на меня дуло своего пистолета. «Я пошелъ къ нему, выстрѣлилъ, не попалъ въ него, онъ убѣжалъ «жалъ чрезъ бильярдную; тамъ онъ остановился и опять въ меня «прицѣлился. Я во второй разъ выстрѣлилъ и снова не попалъ».

Принц отдалъ намъ палку со шпагою, шляпу, револьверъ и двѣ визитныя карточки. Я просилъ принца дать мнѣ честное слово, что онъ не выдетъ изъ своего отеля, и онъ далъ его не колеблясь. Тотчасъ затѣмъ я отправился въ аптеку, гдѣ я узналъ, что тѣло Виктора Нуара положили на носилки и понесли въ Пасси. Я возвратился къ принцу и когда я сталъ дѣлать ему еще вопросы, онъ сказалъ мнѣ: «Я сейчасъ написалъ на этомъ листѣ бумаги все, «что случилось; мнѣ нечего ни прибавить, ни убавить. Можете про- «честь». Я снялъ вѣрную и точную копию съ этого документа, послѣ чего принцъ сказалъ мнѣ, что онъ непременно желаетъ, чтобы его судили какъ можно скорѣе и что онъ готовъ слѣдовать за мною всюду, куда я сочту нужнымъ его везти. Я велѣлъ привести фіакръ и онъ въ него сѣлъ со мною и д-ромъ Морелемъ; мы поѣхали въ полицейскую префектуру и прибыли туда около 7 ч. в., я немедленно возвратился въ Отель, думая продолжать осмотръ, но засталъ тамъ г. судебного слѣдователя и мнѣ оставалось только составить протоколъ. Я по дорогѣ встрѣтился съ моимъ секретаремъ, который разсказалъ мнѣ факты такъ, какъ слышалъ ихъ отъ другихъ свидѣтелей.

През. Вы говорите, что сняли копию съ бумаги, показанной вамъ принцемъ. *Свид.* Дословно, г. президентъ, и внесъ ее въ мой протоколъ 10-го января. *През.* Принцъ говорилъ вамъ, что онъ видѣлъ пистолеть въ рукахъ Фонвьеля, прежде чѣмъ самъ выстрѣлилъ? *Свид.* Помнится мнѣ, что принцъ мнѣ сказалъ такъ, что въ ту минуту, когда его ударили и онъ клалъ руку въ карманъ, онъ видѣлъ, какъ г. де Фонвьель вынулъ изъ своего кармана ящикъ съ револьверомъ. *През.* Вы замѣтили слѣды пули на деревянныхъ панеляхъ? Предъявить свидѣтелю вещественныя доказательства. Свидѣтель указываетъ на панель, на которой пуля оставила слѣдъ, потомъ отскочила отъ нея косымъ рикошетомъ, по направленію отъ выходной двери къ дверямъ гостиной. *През.* Первая пуля, пущенная въ г. Фонвьеля въ гостиной, прострѣлила ему пальто, ее не могли найти, и вѣроятнѣе всего, что она застряла въ пальто и потомъ пропала. Пули впрочемъ очень маленькаго калибра. Теперь

г. полицейскій комисарь скажите, не слышали ли вы показаній такихъ свидѣтелей, которые бы слышали изъ устъ самого Ульриха де Фонвьеля, что его пріятель далъ пощечину принцу прежде, чѣмъ принцъ въ него выстрѣлилъ? *Свид.* Лично я ничего не узналъ. Первый разсказъ по этому вопросу былъ сдѣланъ мнѣ письменно однимъ изъ моихъ собратовъ. Секретарь этого полицейскаго комисара сказалъ мнѣ, будто г. Фонвьель сказалъ: принцъ убилъ моего друга, но по крайней мѣрѣ подучилъ здоровую пощечину.

През. Не слышали ли вы, чтобы внутри дома дѣлались угрозы и пришлось бы отвести дѣтей въ уединенный павильонъ? *Свид.* Я допрашивалъ лакеевъ, кучера, конюха и горничную; лакеи объявили мнѣ, что когда Викторъ Нуаръ упалъ предъ домомъ, на улицѣ произошло серьезное смятеніе, что имъ угрожали, называли ихъ убійцами; они сочли за лучшее затворить ворота и народъ еще пуще расшумѣлся послѣ того, какъ тѣло унесли въ аптеку. Когда горничная увела дѣтей въ павильонъ, ради безопасности, снаружи хотѣли проникнуть въ домъ, съ улицы Ерлангеръ, ломая заборъ; добрались уже до куска земли, на которую выходятъ окна, горничная погасила лампу и легла, чтобы ни попадаться никому.

Г. Флоке. Помнить ли г. полицейскій комисарь, въ которомъ часу ему сдѣлано было заявленіе принцемъ? *Свид.* Я пріѣхалъ къ принцу въ половинѣ пятого, заявленіе его выслушалъ должно быть въ половинѣ шестаго. *Г. Флоке.* Г. комисарь списалъ ли письменную декларацію принца или унесъ съ собою? *Свид.* Я только списалъ ее, но только дословно. *Г. Флоке.* Въ рукахъ г. де-Грава находится декларація, написанная собственной рукой подсудимаго: между нею и копіею внесенной въ протоколъ есть существенная разница. *Свид.* Я списалъ ее дословно, съ совершеннѣйшей точностью, самъ принцъ это призналъ. *През.* Знаетъ ли подсудимый, куда дѣвалась эта декларація? *Подс.* Рѣшительно не знаю. *През.* Замѣтили ли вы на щекѣ принца слѣды удара? *Свид.* Когда я пріѣхалъ, было половина пятого и совсѣмъ темно. Принцъ показалъ мнѣ на свою щеку, но я ничего не видалъ и немогъ видѣть, потому что было слишкомъ темно.

Анелъмъ Даллеманъ (25 лѣтъ, секретарь полицейскаго комисара). Дасятого текущаго января [въ четверть третьяго полудни, г. Делонэ, инспекторъ рынка въ Отелѣ, пріѣхалъ въ комисариатъ, чтобы увѣдомить г. полицейскаго комисара, что принцъ Пьеръ Бонапартъ, сію минуту у себя дома, убилъ человѣка pistolетнымъ выстрѣломъ, и что тѣло перенесено къ г. Мортрѣ, аптекарю въ Отелѣ. Зная, что г. комисаръ вызванъ въ полицейскую префектуру около полудня, я послалъ къ нему мальчика изъ конторы, а самъ отправился къ аптекарю. Въ небольшой комнатѣ, налѣво отъ аптеки, я увидѣлъ тамъ молодаго человѣка на видѣ 21 года, смуглаго, блѣднаго, съ маленькими усиками; на немъ были темные панталоны, полотняная рубашка, растянутая на груди съ кровяными пятнами на лѣвомъ боку, руки у него были въ черныхъ перчаткахъ. На томъ же лѣвомъ боку, повыше груди, я замѣтилъ небольшое черное отверстіе, изъ котораго сочлились капли крови, произведенное повидимому маленькой pistolетной пулею. Д-ръ Пине, котораго я привезъ съ собою тотчасъ же приступилъ къ судебно-медицинскому осмотру и составленный имъ протоколъ былъ отправленъ въ префектуру. Я потребовалъ остальное платье убитаго; мнѣ подали шелковый жилетъ, очень открытый, короткій, черный сюртукъ, нагонецъ, пальто изъ темнаго сукна, въ лѣвомъ боку котораго я замѣтилъ дыру, прошедшую сквозъ подкладку. Увидѣвъ нѣсколько человѣкъ въ аптекѣ, я обратился къ господину, который писалъ на конторкѣ аптекаря и объявилъ мнѣ, что имя его Паскаль Груссе, что ему 25 лѣтъ, что онъ сотрудникъ газеты «Marseillaise» и демократической корсиканской газеты «Revanche». Онъ изложилъ мнѣ происшедшее въ слѣдующихъ словахъ:

«Я поручилъ моимъ пріятелямъ Ульрику де Фонвьелю и Виктору Нуару, явиться къ принцу Пьеру Бонапарту и требовать отъ него отъ моего имени вознагражденія за ругательное письмо, помѣщенное имъ въ одномъ изъ номеровъ «Avenir de la Corse». Пріѣхавъ, они вошли въ домъ, чтобы отдать принцу письмо, въ которомъ я излагалъ ему цѣль ихъ визита. Минуть 20 спустя

пока я прохаживался предъ воротами изъ дома, шатаясь вышелъ пріятель мой Викторъ Нуаръ, котораго я принялъ въ объятія; я замѣтилъ, что онъ раненъ въ грудь, и просилъ нѣсколькихъ прохожихъ помочь мнѣ перенести его въ аптеку; въ эту минуту вышелъ и Ульрикъ де Фонвьель и пошелъ съ нами въ аптеку, крича, что совершенно убійство.

Въ аптекѣ былъ еще одинъ господинъ, я подошелъ къ нему, онъ мнѣ сказалъ, что его зовутъ Ульрикъ де Фонвьель и что онъ сотрудникъ газеты «Marseilleuse», я спросилъ его, какъ было дѣло, онъ мнѣ сказалъ слѣдующее:

«Мы втроемъ г. Паскаль Груссе, Викторъ Нуаръ и я, пріѣхали къ принцу Пьеру Бонапарте сегодня въ 1¹/₄ по полудни; Виктору Нуару и мнѣ было поручено требовать отъ принца вознагражденія отъ имени Паскаля Груссе по поводу ругательнаго письма, помѣщеннаго въ газетѣ «Avenir de la Corse». Мы вошли въ домъ и отдали свои карточки лакею; насъ ввели въ маленькую гостиную, потомъ чрезъ фехтовальную залу, въ большую гостиную; чрезъ нѣсколько минутъ принцъ вышелъ, я ему подалъ письмо г. Паскаля Груссе. Принцъ, прочитавъ его, скончалъ въ рукѣ; затѣмъ сказалъ намъ: я не стану драться съ вами, а только съ г. Рошфоромъ, я не знаю ни его клеветовъ, ни его стервъ; затѣмъ принцъ еще сказалъ: солидарны ли вы? Викторъ Нуаръ сдѣлалъ шагъ къ нему и отвѣчалъ: мы солидарны со всѣми дѣянiями нашихъ друзей. Въ ту же минуту принцъ далъ Виктору Нуару пощечину правой рукою, а лѣвой вынулъ пистолеть и въ упоръ выстрѣлилъ въ него. Викторъ Нуаръ бросился съ поднятыми на воздухъ руками къ двери растворилъ ее и вышелъ, а я спрятался за кресло; тогда и я вынулъ револьверъ изъ лѣваго кармана моего пальто, но въ ту минуту, какъ я поднимался, принцъ выстрѣлилъ въ меня и пуля прошла чрезъ воротникъ моего пальто. Я направился къ другой двери и въ то время, какъ я уже хотѣлъ выйти, принцъ второй разъ въ меня выстрѣлилъ, но пуля въ меня не попала», я сошелъ

«внизъ, увидѣлъ Виктора Нуара умирающаго и сталъ кричать: «убійство.»»

Предс. Можете ли вы по крайней мѣрѣ приблизительно сказать время, истекшее между минутой пораженія Виктора Нуара, и тою минутою, когда вы слышали приведенный вами рассказъ г. де Фонвьеля?—*Свид.* По крайней мѣрѣ $\frac{3}{4}$ часа. Я рассчитывалъ время слѣдующимъ образомъ: $\frac{1}{4}$ часа на проѣздъ ко мнѣ посланнаго, $\frac{1}{4}$ часа на проѣздъ мой въ аптеку и $\frac{1}{4}$ на нужный осмотръ и разговоръ съ д-ромъ Пинелемъ и г. Паскалемъ Бруссэ. Подождавъ почти до 4 часовъ и видя, что предъ аптекой собралась довольно большая толпа, я взялъ на себя распорядиться переноскою тѣла въ Нельсе; я велѣлъ положить его на носилки, пошелъ за каретой, въ которую сѣли гг. Паскаль Груссэ, де Фонвьель и д-ръ Пинель, и въ ту минуту, какъ я тоже собирался въ нее сѣсть, одинъ изъ почталыоновъ отельскаго почтамта, по имени Рустанъ, вручилъ мнѣ шестиствольный револьверъ съ рукою изъ слоновой кости, дуломъ и барабаномъ изъ дамаской стали съ серебряною насѣчкою. Почталыонъ сказалъ мнѣ, что этотъ револьверъ отдалъ ему Фонвьель, когда вышелъ отъ принца, въ немъ были всѣ шесть зарядовъ и ясно было, что изъ него не стрѣляли. Я спросилъ г. де Фонвьеля, ему ли принадлежитъ этотъ пистолетъ, и онъ отвѣчалъ утвердительно. Затѣмъ я спросилъ его, какимъ образомъ у него оказался револьверъ, онъ сказалъ, что всегда ходитъ съ револьверомъ. Я сѣлъ въ карету наусупротивъ г. Паскаля Груссэ, рядомъ съ д-ромъ Пинелемъ, дорогою я замѣтилъ кровяныя пятна на бѣломъ фулярѣ, завязанномъ вокругъ шеи г. де Фонвьеля; на вопросъ мой, откуда взялись эти пятна, онъ сказалъ, что не раненъ, и въ ту же минуту показалъ мнѣ свою правую руку. Я замѣтилъ на большомъ пальцѣ между первымъ и вторымъ суставами, у самаго выема руки кровавую ссадину и спросилъ его; что это такое? онъ объяснилъ мнѣ; ссадилъ себѣ руку стараясь вы- свободить пистолетъ и взвести курокъ.

Присяжнымъ показываютъ пистолетъ де Фонвьеля.

Ульрикс де Фонвель (сотрудникъ газеты «Marselleuse»). Я долженъ начать съ кануна воскресенья: мой пріятель и товарищъ Груссе просилъ меня быть его секундантомъ, получивъ письмо изъ Корсики съ порученіемъ вступиться за газету «Revanche», въ которой онъ сотрудничалъ и которая считала себя глубоко оскорбленною ругательнымъ письмомъ Пьера Бонапарта. Я принялъ порученіе. Вечеромъ я говорилъ объ этомъ съ Рошфоромъ; онъ удивился этому рѣшенію и даже выразилъ намѣреніе недопустить этой встрѣчи. Поэтому мы на слѣдующее утро сговорились съ Нуаромъ, что я напишу Груссе и посоветую ему повидаться съ Рошфоромъ; мы должны были въ часъ пополудни отправиться въ редакцію, я засталъ тамъ Груссе, и сказалъ ему; Рошфоръ хочетъ драться съ Пьеромъ Бонапартомъ; мы сѣли въ карету и поѣхали въ Отель. Если я все это разскажалъ вамъ, это для того чтобы доказать, что въ это время дѣло еще не было рѣшено.

През. Какое дѣло?—*Свид.* Я хочу сказать, что мы думали не ѣхать въ Отель, что ничего не было рѣшено, однако, поѣхали. Не доѣзжая нѣсколькихъ минутъ до Отеля, намъ встрѣтился Сотонъ, Викторъ Нуаръ сказалъ намъ: вотъ Сотонъ. Наконецъ мы пріѣхали къ дому № 59 на Отельской улицѣ; мы направились прямо въ домъ, насъ встрѣтили два лакея и спросили: какъ доложить объ насъ? мы вынули карточки и отдали ихъ одному изъ лакеевъ, который съ нами ушелъ. Другой ввелъ насъ въ какую-то пріемную, мы подождали минуты двѣ-три и насъ попросили въ первый этажъ. Насъ провели чрезъ фехтовальную залу въ гостиную, въ которой мы пробыли восемь или десять минутъ; наконецъ мы услышали, что растворяется дверь и вошелъ Пьеръ Бонапартъ; онъ подошелъ къ намъ держа обѣ руки въ карманахъ. М. Г., сказалъ я, подавая ему письмо, мы съ порученіемъ отъ одного пріятеля. Пьеръ Бонапартъ сказалъ: такъ вы не отъ Рошфора? вы не изъ его поденщиковъ? Онъ ушелъ къ огню и прочелъ письмо. Прочитавъ, лихорадочно скомкалъ его въ рукѣ и выронилъ, потомъ подошелъ ко мнѣ со словами: «я вызвалъ Рошфора потому, что онъ знаменосецъ, что же касается Груссе, у меня нѣтъ ни-

какихъ дѣлъ съ нимъ». Нуару онъ сказалъ: «солидарны ли вы съ этими стервами»? въ тоже мгновеніе онъ далъ пощечину Нуару и отступивъ немного выстрѣлилъ въ него; мой пріятель пораженный пулею отворилъ дверь и вышелъ. Я понялъ, что жизнь моя въ опасности, увидѣвъ, что пистолеть этого человѣка направляется противъ меня, тогда я опустилъ руку въ карманъ и бросился въ правую сторону. Тутъ послѣдовалъ выстрѣлъ въ меня. Я выхватилъ футляръ съ револьверомъ. Бонапартъ направился къ двери и заперъ ее; я стоялъ за кресломъ и сдѣлалъ себѣ ограду изъ него; въ эту минуту мнѣ удалось вынуть револьверъ изъ футляра и броситься въ билиардную. Тамъ по мнѣ былъ сдѣланъ второй выстрѣлъ; я растворилъ дверь на небольшую лѣстницу и сбѣжалъ съ нея, крича: «убійство». Выйдя на улицу я нашелъ моего бѣднаго пріятеля Нуара издыхающимъ, экзальтація моя въ ту же секунду затихла, я отдалъ пистолеть попавшемуся тутъ человѣку, и тѣло моего пріятеля перенесли къ аптекарю. Если позволите, я расскажу суду, въ какомъ настроеніи былъ Нуаръ, входя къ Пьеру Бонапарту. Онъ еще въ первый разъ участвовалъ въ подобномъ дѣлѣ; онъ былъ одѣтъ нарядно, въ перчаткахъ, былъ веселъ, какъ всегда, но сознавалъ важность возложеннаго на него порученія и говорилъ: «я имъ покажу этимъ Бонапартамъ, что такое порядочные люди» (*движеніе*); онъ былъ очень милъ, очень спокоенъ. *През.* Между подсудимымъ принцемъ Пьеромъ и Груссе существовало сильное раздраженіе, почему же вы поѣхали къ принцу вмѣсто того, чтобъ послать ему свидѣтелей, и почему вы поѣхали съ оружіемъ? стало быть вы ожидали нападенія? — *Свид.* Я совершенно ожидалъ ругательствъ и оскорбленій, но не думалъ, что найду убійцу. — *Подс.* Не вамъ говорить объ убійцахъ, вспомните орсиньевскія бомбы — сами вы убійцы. — *През. и свид.* Почему при васъ былъ пистолеть? — *Свид.* Еслибы при мнѣ не было пистолета, я бы теперь не стоялъ здѣсь и не могъ бы свидѣтельствовать въ истинѣ; не стоялъ бы я здѣсь. Я уже конечно не забывалъ, какъ герцогъ приказалъ своимъ лакеямъ палками отколотить г. Контѣ. — *През.* Если вы предполагали, что у принца вамъ грозитъ какіе-нибудь

опасность, почему вамъ было ѣхать самимъ, почему вы не послали вмѣсто себя свидѣтелей? *Свид.* Да вѣдь мы сами были посланы въ качествѣ секундантовъ; а если въ карманѣ у меня былъ пистолетъ, то это потому, что я всегда выхожу съ оружіемъ на улицу, но не хожу съ оружіемъ у себя дома, что гораздо хуже. Еслибы я былъ безоруженъ, меня теперь не было бы здѣсь. — *През.* Очень можетъ быть, но въ такомъ случаѣ не надо было ѣхать: Америка дала намъ много хорошаго, но не слѣдуетъ заимствоваться отъ нея револьверомъ.

По требованію, г. Леру, защитника подсудимаго, перечивываются показанія, прежде данныя де Фонвьелемъ. Первое показаніе составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мнѣ было поручено — мнѣ и товарищу моему, Виктору Нуару, Паскалемъ Груссѣ, публицистомъ, нашимъ общимъ другомъ, явиться къ принцу Пьеру Бонапарту и требовать у него вознагражденія съ оружіемъ въ рукахъ отъ имени Груссѣ, считавшаго себя грубо оскорбленнымъ имъ. Мы сегодня утромъ втроемъ, Нуаръ, Груссѣ и я, собрались въ редакціи газеты «Marselleuse»; у Нуара была наемная карета, № которой не запомню. Въ редакцію мы пришли около часу и поѣхали прямо въ Отель, хорошенько не помню по какой дорогѣ; впрочемъ кажется, что мы проѣхали вдоль Сены, и мимо Трокадера. Не задолго до нашего пріѣзда въ отель, на мѣстѣ котораго я не могу съ точностью опредѣлить, Нуаръ подозвалъ Сотона, который сѣлъ къ намъ въ карету. Подѣхавъ къ дому принца, мы всѣ четверо вышли изъ кареты, пока отпустили ее. Груссѣ и Сотонъ остались внизу и принялись расхаживать предъ домомъ; мы съ Нуаромъ вошли и у двухъ лакеевъ спросили: дома ли принцъ? намъ отвѣчали, что дома, сперва спросивъ, кто мы такіе. Мы отдали свои карточки; нѣсколько минутъ спустя насъ провели въ комнату въ первомъ этажѣ, кажется большую гостинную; мы сѣли, дожидаясь принца. Немного погодя, минутъ можетъ быть десять, принцъ вышелъ изъ смежной комнаты, онъ былъ въ широкихъ панталонахъ и вообще въ домашнемъ костюмѣ. «М. Г., сказалъ я, мой пріятель Викторъ Нуаръ и я явились къ вамъ отъ имени г. Па-

скала Груссе съ порученіемъ, которое письмо это объяснить вамъ. Въ то же время я подалъ ему письмо, которое вы мнѣ предъявляете и въ то же время котораго я готовъ подписаться. Принцъ взялъ письмо и сказалъ мнѣ: значитъ вы не отъ Рошфора? вы не изъ его поденщиковъ? «Потрудитесь прочесть письмо, м. г., и вы увидите, что дѣло касается не г. Рошфора». Онъ взялъ письмо, подошелъ къ окну, прочелъ его, затѣмъ сложилъ вдвое и, бросивъ на стулъ, подошелъ опять къ намъ. «Я вызвалъ г. Рошфора, сказалъ онъ, потому что онъ — знамя крамолы; что касается г. Груссе, мнѣ нечего ему отвѣтить. Солидарны ли вы съ этими негодяями?» «М. г., отвѣчалъ я, мы пришли честно, вѣжливо спросить у васъ отвѣта.» «Солидарны ли вы съ этими людьми?» опять спросилъ онъ. Викторъ Нуаръ отвѣтилъ: «мы солидарны съ нашими друзьями. Принцъ далъ пощечину Виктору Нуару, отступилъ на шагъ или два, неожиданно вынулъ револьверъ изъ кармана, въ которомъ держалъ руку, и выстрѣлилъ въ Нуара. Нуаръ схватился обѣими руками за грудь и вышелъ въ дверь, въ которую мы вошли. Принцъ тотчасъ же нацѣлилъ пистолетъ въ меня и выстрѣлилъ второй разъ, пока я старался достать пистолетъ, лежавшій въ футлярѣ, въ карманѣ моего пальто. Принцъ сталъ предъ дверью, цѣлясь въ меня, и въ третій разъ выстрѣлилъ; я же вышелъ, крича: «убійство!» Я прошелъ черезъ нѣсколько комнатъ и сошелъ по той же лѣстницѣ, по которой мы взошли; на тротуарѣ я нашелъ Нуара умирающаго. Мы перенесли его къ аптекарю, но никакія пособія не помогли; онъ испустилъ послѣднее дыханіе, какъ только его внесли въ аптеку. Я желаю чтобы вы выслушали докторовъ Пинеля и Саммозѣля, которые были при Нуарѣ въ послѣднія минуты и могутъ дать вамъ указанія насчетъ полученной имъ раны. Прибавлю въ отвѣтъ на вашъ вопросъ, что мнѣ неизвѣстно, имѣлъ ли Нуаръ при себѣ пистолетъ, во всякомъ случаѣ я не видѣлъ, чтобъ онъ его употребилъ. При мнѣ же былъ пистолетъ, въ футлярѣ, но я не употребилъ его въ томъ смыслѣ, что не стрѣлялъ изъ него; со мною тоже была палка со шпагою внутри, но я шпаги не выни-

маль. Эту палку вмѣстѣ съ моей шляпой я оставилъ въ гостиной принца: *Вопр. судеб. слѣдователя.* Стало быть по вашимъ словамъ принцъ первый позволилъ себѣ насильственное дѣйствіе, давъ пощечину Нуару? Разскажь принца по этому пункту формально противорѣчить вашему, — по его словамъ выходитъ, что Нуаръ первый ударилъ его, и они подтверждаются немедленно послѣдовавшимъ осмотромъ двухъ врачей. Остаются ли вы при вашемъ показаніи? *Ответъ свид.* Мое показаніе есть выраженіе истины. — Мы, судебный слѣдователь, беремъ и печатаемъ, какъ вещественное доказательство, съ пояснительною надписью, которую мы подписываемъ вмѣстѣ съ свидѣтелемъ, пальто, которое было на немъ надѣто и которое разорвано въ двухъ мѣстахъ на лѣвомъ плечѣ, показывая слѣды одной или двухъ пуль. По прочтеніи подписанъ и проч.»

Второе показаніе г. де Фонвьеля.

«Я остаюсь при показаніи, сдѣланномъ мною, 10 числа сего мѣсяца предъ г. судебнымъ слѣдователемъ. — Мы предъявили свидѣтелю пистолеть съ ручкою изъ слоновой кости, равно и футляръ, въ которомъ онъ заключался, и онъ объявилъ, что признаетъ его. Еще предъявили мы ему палку съ кинжаломъ, найденную послѣ происшествія у принца въ гостиной; свидѣтель объявилъ, что признаетъ ее за ту самую, которую держалъ въ рукахъ, когда поѣхалъ къ принцу. Еще мы предъявили ему опечатанное пальто, разорванное въ двухъ мѣстахъ, разъ въ самомъ воротникѣ, съ лѣвой стороны, другой — пониже; свидѣтель объявилъ, что и пальто признаетъ. *Суд. слѣд.* Среди весьма понятнаго вниманія, которое должно было вызвать въ васъ разсказанное вами происшествіе, не возможно ли, что вы спутались насчетъ удара, нанесеннаго принцемъ Виктору Нуару: и не Викторъ ли Нуаръ, напротивъ, ударилъ принца? — *Свид.* Я остаюсь при своихъ предыдущихъ показаніяхъ и снова утверждаю, что не Викторъ Нуаръ принца, а принцъ ударилъ Виктора Нуара, сперва наговоривъ намъ ругательства, безъ всякаго къ тому повода съ нашей стороны, такъ какъ мы не сказали ему даже ни одного слова, могущаго показаться ему оскорбительнымъ. — *Суд. слѣд.* Силенъ ли былъ ударъ, ко-

торый, по вашимъ словамъ, принцъ нанесъ Виктору Нуару?—*Свид.* Пощечина была сильная, такая сильная, что Викторъ Нуаръ долженъ былъ придти въ большое волненіе. — *Суд. слѣд.* Которой рукою принцъ по вашему ударилъ Виктора Нуара?—*Свид.* Лѣвой, а правую держалъ въ карманѣ панталонъ, изъ котораго и вынулъ пистолеть. — *Суд. слѣд.* Вы поѣхали къ принцу по чужому дѣлу? Не противно ли всѣмъ порядкамъ, принятымъ въ подобныхъ дѣлахъ, являться съ оружіемъ къ лицу, которому посылается вызовъ?—*Свид.* Я не нарочно взялъ съ собою оружіе, отправляясь къ принцу; я всегда хожу съ оружіемъ и револьверъ у меня постоянно въ карманѣ, и въ рукѣ палка со шпагою. Эти предосторожности я долженъ брать по своимъ занятіямъ. Я выхожу изъ редакціи иногда въ два часа утра и часто разѣзжаю изъ Парижа въ Діепшъ по дѣламъ газеты «La lugne directe», которой я редакторъ; прибавлю, что выхожу утромъ изъ дому и прихожу только спать. — *Суд. слѣд.* Какъ бы ни сильна была эта привычка, вы должны были бы измѣнить ей, собираясь исполнить мирное порученіе, вѣренное вамъ? — *Свид.* Можетъ быть и слѣдовало бы это сдѣлать, но я не жалѣю, что остался вѣршею своей привычкѣ, потому что въ настоящемъ случаѣ это спасло мнѣ жизнь. — *Суд. слѣд.* Когда вы вышли изъ дома принца, не держали ли вы пистолеть въ рукѣ, и не сказали ли вы: ахъ, каналья, еслибы пистолеть мой не осѣкся, я бы его убилъ. — *Свид.* Я помню очень ясно все, что произошло внутри дома, но когда я увидѣлъ друга своего убитымъ, мною овладѣло такое смятеніе и волненіе, что я уже не въ состояніи запомнить, что было,.. По прочтеніи и проч.»

Третье показаніе де Фонвьеля.

«Имя мое Ульригъ де Фонвьель, жительство имѣю на улицѣ Аббатисъ, № 50, въ Монмартрѣ. — *Суд. слѣд.* Въ какую минуту вынули вы пистолеть изъ футляра и въ какую взвели курокъ?—*Свид.* Въ ту минуту, когда я стоялъ за большимъ кресломъ. Предъ тѣмъ принцъ уже выстрѣлилъ въ меня и пуля пробила мнѣ пальто: я взвелъ курокъ для того, чтобъ удержать его на почтительномъ разстояніи; пользуясь смущеніемъ, въ которое при-

велъ его мой жестъ, я вышелъ изъ гостиной—въ дверь, ведущую въ билиардную, и оттуда уже отыскалъ лестницу. Выйдя изъ дома, я увидѣлъ Виктора Нуара, лежащаго на тротуарѣ, его перенесли въ аптеку и тамъ онъ испустилъ послѣдній вздохъ. Пошли за д-ромъ Самазелемъ; затѣмъ я въ сопровожденіи городского от-правилъ въ часть, гдѣ было еще нѣсколько полицейскихъ аген-товъ. Въ отвѣтъ на сдѣланные мнѣ вопросы, я рассказалъ, какъ было дѣло, согласно съ показаніемъ, которое я сдѣлалъ судеб-ному слѣдователю. Я возвратился въ аптеку, гдѣ лежало тѣло; тамъ я засталъ д-ра Самазеля, д-ра Пинеля и еще нѣсколько че-ловѣкъ. Я поѣхалъ съ гг. Пинелемъ, Лалеманомъ и Груссе про-водить тѣло въ Нелье. Я рассказалъ г. Самазелю, какъ произошла катастрофа, и вѣроятно рассказалъ ему вторично съ большими под-робностями, возвратившись изъ части.... По прочтеніи и проч.».

По требованію г. Деспанена президентъ указываетъ свидѣтелю на противорѣчія въ его показаніи: въ вашемъ второмъ показаніи ска-зано, что второй выстрѣлъ былъ сдѣланъ съ порога двери го-стиний. — *Свид.* Я этого не говорилъ. *Деспаненъ.* У свидѣтеля сказано: «выстрѣливъ второй разъ» принцъ въ столъ преддверью цѣлясь въ меня; въ третій разъ выстрѣлилъ и я вышелъ, крича: убійство.» — *Свид.* Я сказалъ, «я вышелъ», но не говорилъ, что я вышелъ изъ этой комнаты. Еслибы меня свезли въ Отель, я бы могъ высказаться опредѣлительнѣе, — я все время объ этомъ про-силъ, но это не было сдѣлано ни разу. — *Г. Деманенъ.* Не по-трудиться ли свидѣтель сказать намъ, говорилъ ли онъ въ ка-кое-нибудь время дня, что принцъ получилъ пощечину отъ Вик-тора Нуара? — *Свид.* (энергически). Я никогда не говорилъ ничего другаго, кромѣ того, что сейчасъ показалъ; я готовъ поклясться въ этомъ могилою Виктора Нуара; я сказалъ одну правду и ни разу ничего не измѣнялъ въ своемъ разсказѣ. — *Г. Лорье.* Из-вините меня, г. президентъ, но мой достопочтенный собратъ слиш-комъ быстро переходитъ отъ одной мысли къ другой; пуля оста-вила слѣды на стѣнѣ билиардной, слѣдовательно выстрѣлено было въ билиардной. — *Г. Леру.* Безъ сомнѣнія. Но вопросъ въ томъ,

согласно ли показаніе, сдѣланное теперь въ судѣ, съ первыми показаніями, вотъ и все. — *Г. Лорье*. Не угодно ли г. президенту спросить свидѣтелей, держалъ ли Викторъ Нуаръ шляпу въ рукѣ, когда онъ былъ пораженъ, и была ли она еще у него, когда онъ упалъ на улицѣ. — *Свид.* Конечно, у насъ у каждаго была шляпа въ рукѣ.

Паскаль Груссе (25 лѣтъ, сотрудникъ газеты «Marseilleuse»). Президентъ дѣлаетъ свидѣтелю, предписанные закономъ, вопросы: на вопросъ, вы не приходите сродни подсудимому, свидѣтель отвѣчаетъ: «у матери его было столько любовниковъ, что я не могу знать, сродни ли я ему прихожусь или нѣтъ». При этихъ словахъ въ собраніи поднимается сильный шумъ, генераль-прокуроръ встаетъ и въ нѣсколькихъ словахъ клеймитъ этотъ отвѣтъ, оскорбительный для человѣка, занимающаго такое положеніе, какъ подсудимый, оскорбительный кромѣ того для двора, и объявляетъ, что если свидѣтель еще разъ позволитъ себѣ подобную непристойность, онъ предастъ его судебному преслѣдованію. — *През.* Мы слышали этотъ отвѣтъ, но хотѣли оставить его безъ вниманія, полагая, что почти никто его не слышалъ: такъ какъ оказывается противное, мы скажемъ свидѣтелю: дайте свое показаніе со спокойствіемъ, подобающимъ свидѣтелю, и не употребляйте больше выраженій, которыя здѣсь не приняты и непонятны. Не знаю, въ ходу ли они гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но здѣсь мы не потерпимъ, чтобы ихъ употребляли.

Свид. Озлобленность моихъ выраженій объясняется отчасти тѣмъ, какъ правосудіе относится ко мнѣ, во всемъ этомъ дѣлѣ. Со мною все время обращались не какъ со свидѣтелемъ, а совершенно какъ съ подсудимымъ. Припомните-ка въ какихъ выраженіяхъ составленъ обвинительный актъ, и скажите, не такъ ли на меня смотритъ г. генераль-прокуроръ, какъ на подсудимаго.

Свидѣтель, послѣ того какъ президентъ вторично приглашаетъ его ограничиться фактами, на счетъ которыхъ требуются его показанія, сначала объясняетъ, какъ началась его ссора съ принцемъ Пьеромъ Бонапартомъ, какъ была основана газета «La Re-

vanche», въ чемъ состоитъ ея полемика съ газетой «L'Avenir de la Corse», наконецъ какое письмо принцъ помѣстилъ въ послѣдней. Всѣ эти подробности мы найдемъ далѣе въ письменной деклараціи г. Груссе, которая была прочитана въ судѣ и которую мы приводимъ ниже. Дойдя до сцены, которой онъ былъ очевидцемъ, г. Груссе продолжаетъ:

«Пока г. де Фонвьель съ Викторомъ Нуаромъ были у г. Пьера Бонапарта, мы прохаживались передъ домомъ съ г. Сотонемъ. Вдругъ мы увидѣли въ дверяхъ высокую фигуру Виктора Нуара. «Смотрите-ка», сказалъ я Сотону, «Викторъ Нуаръ спотыкается!» Въ ту же минуту бѣдный Викторъ Нуаръ упалъ, или вѣрнѣе, рухнулся напередъ, распластался, и уже не вставалъ. Мы подбѣжали къ нему и въ это самое мгновеніе явился де Фонвьель, съ поднятыми на воздухъ руками, крича «Убійство!» Туда я долженъ прибавить одну подробность: Нуаръ былъ въ перчаткахъ, и когда упалъ очевидно держалъ въ рукѣ шляпу. Шляпа эта меня поразила своей бѣлой тульей; онъ вѣроятно купилъ ее къ свадьбѣ. Мы перенесли Нуара къ аптекарю, и стали звать на помощь. Сосѣди стояли на порогахъ своихъ дверей и смотрѣли на насъ весьма равнодушно. Я крикнулъ: «Это республиканецъ, убитый однимъ изъ Бонапартовъ!» Тогда жители возвратились въ свои дома всѣ какъ будто струсили. Никогда я съ большей печалью не сознавалъ, до какой степени это правительство въ восемнадцать лѣтъ своего существованія унизило умы во Франціи... (*Движеніе*).

Генераль-Прокуроръ. Господа, мы нисколько не расположены пускаться въ неидущія къ дѣлу обвиненія. Свидѣтель, сейчасъ говорившій, былъ уже приговоренъ къ тюремному заключенію, теперь онъ навлекъ на себя новое преслѣдованіе; принимая во вниманіе эти обстоятельства, мы полагаемъ, что лучше будетъ просто отвести его обратно въ тюрьму, въ которой онъ содержится и приказать прочесть его письменную декларацію.

Президентъ соглашается съ этимъ предложеніемъ; жандармы, приведшіе г. Груссе и стоявшіе у двери пока снимали съ него

показаніе, уводятъ его. Затѣмъ читаются письменныя деклараціи его.

Первое показаніе Жака-Франсуа Паскаля Груссе, двадцати пяти лѣтъ, публициста (жительство имѣеть на Рейнской улицѣ № 76). За пять недѣль до извѣстнаго происшествія завязалась горячая полемика между газетами «L'Avenir de la Corse», издающеюся въ Парижѣ, безъ казеннаго штемпеля и безъ залога, и газетою «La Revanche», демократическимъ органомъ Корсики, выходящимъ въ Бастіи. 30-го прошедшаго декабря, принцъ Пьеръ ввязался въ эту полемику, помѣстивъ въ «L'Avenir la Corse» неслыханно ругательную статью: онъ, между прочимъ, обзывалъ сотрудниковъ «Revanche» нищими, мазуриками, подлецами, іудами, позорящими свое отечество, негодяями, которымъ рыночныя торговцы и носильщики должны были бы дать внушительный урокъ и которыхъ корсиканскіе горцы давно бы выпотрошили, еслибы ихъ не удерживали. Номеръ газеты съ этой статьей пришелъ въ Бастію 4 или 5 января, и произвелъ самое прискорбное впечатлѣніе въ краю столь раздробленномъ вѣковыми усобицами, въ которомъ частныя и политическія распри столь легко обагрятся кровью. Подстрекательство къ убійству, сквозившее въ письмѣ, принца единодушно признали опаснымъ для жизни всѣхъ сотрудниковъ «Revanche». Г. Томмази, редакторъ газеты и въ то же время старшина адвокатскаго сословія въ Бастіи, поспѣшилъ написать во всѣ французскія демократическія газеты циркуляръ съ указаніемъ на статью принца Пьера Бонапарта и просьбою разобрать ее по заслугамъ; въ то же время одинъ изъ сотрудниковъ «Revanche» г. Фармолé, членъ совѣта адвокатскаго сословія въ Бастіи, прислалъ мнѣ въ Парижъ, гдѣ я исполняю должность представителя этой газеты, самый номеръ «Avenir de la Corse» отъ 30 декабря, съ приложеніемъ письма, въ которомъ были, между прочимъ, слѣдующія многозначительныя слова: «Вамъ знакомъ здѣшній край, любезный другъ; вы знаете, какое значеніе могутъ приобрѣсти угрозы, произносимыя царственными устами (une bouche princière). Повѣрьте, что съ нынѣшняго дня жизни нашей угрожаетъ весьма

серьезная опасность. Наши поселяне понятія не имѣютъ, что справедливо и что нѣтъ; каждый, кто подниметь на насъ руку, будетъ заранѣе увѣренъ въ безнаказанности. Буйство будутъ — это неминуемо... »Документы эти пришли въ Парижъ въ субботу, 8 января. Я тотчасъ же понялъ опасность положенія моихъ сотрудниковъ, и разсудилъ, что единственное средство просто и окончательно разрѣшить эту великосвѣтскую полемику: потребовать у г. Пьера Бонапарта вознагражденія съ оружіемъ въ рукахъ, отъ имени всѣхъ сотрудниковъ «Revanche», оскорбленныхъ его статьей. Порѣшивъ на этомъ, я отправился въ редакцію газеты «Marseillaise», съ намѣреніемъ просить пріятелей моихъ, Виктора Нуара и де-Фонвьеля быть моими секундантами. Я засталъ тамъ одного Виктора Нуара, который немедленно согласился, и мы отложили свиданіе съ Фонвьелемъ до слѣдующаго дня, воскресенія. Въ воскресенье, 9 января, въ 4 часа попол., я засталъ въ редакціи обоихъ моихъ пріятелей; г. де-Фонвьель тоже принялъ порученіе. Тогда я вышелъ изъ редакціи съ Викторомъ Нуаромъ, и мы отправились въ Палé-Ройяль спросить у швейцара адресъ г. Бонапарта, послѣ чего я возвратился къ себѣ домой. На слѣдующее утро—въ понедѣльникъ, 10 января, около 9 ч. посыльный принесъ мнѣ на домъ письмо отъ г. де-Фонвьеля, извѣщавшее меня, что г. де-Рошфоръ, нашъ редакторъ, узнавъ накануне вечеромъ о порученіи, данномъ мною моимъ двумъ пріятелямъ, просилъ ихъ ничего не предпринимать, прежде чѣмъ онъ лично переговоритъ со мною. Г. де-Фонвьель въ тоже время увѣдомлялъ меня, что онъ будетъ ждать меня въ редакціи съ Викторомъ Нуаромъ, около 1 ч. попол. Позавтракавши, я поспѣшилъ къ г. Рошфору, на Прованскую улицу, № 57. По дорогѣ, на углу улицы Друб, я встрѣтилъ самого г. Рошфора—онъ выходилъ изъ дома. Первымъ его словомъ было: «Я шелъ къ вамъ; я сейчасъ получилъ вызовъ отъ г. Пьера Бонапарта—хотите быть моимъ секундантомъ съ Миллеромъ?» Я отвѣтилъ, что вынужденъ отказать, такъ какъ у меня у самого такое же дѣло съ Пьеромъ Бонапартомъ. Мы рѣшили, что онъ попроситъ г. Арну, и отпра-

вились въ редакцію «Marseillaise». По дорогѣ г. Рошфоръ старался отговорить меня посылать секундантовъ принцу, но я отвѣчала ему, что наши дѣла ничего общаго не имѣютъ и одно другому ни мало не мѣшаютъ. Въ редакціи мы застали г. Милльера, который въ это самое утро, перебирая громадную редакціонную корреспонденцію, вскрылъ письмо принца, вызывавшее г. Рошфора на дуэль и поспѣшилъ доставить его по назначенію. Г. Рошфоръ и г. Милльеръ отправились отыскивать г. Арну, который живетъ на Вогезской улицѣ, близъ Пласъ-Ройяль. Г. Рошфоръ имѣлъ твердое намѣреніе драться съ принцемъ въ тотъ же день, еслибы удалось ему приѣхать въ Отѣль со своими секундантами до 3-хъ ч. Я же остался въ редакціи, ждать своихъ секундантовъ. Въ 12^{3/4} ч. они явились, и мы тотчасъ же уѣхали въ Отѣль, въ двумѣстной коляскѣ, въ которой они приѣхали. Всю дорогу мы проѣхали какъ нельзя веселѣе. Викторъ Нуаръ, характеръ котораго всегда отличался откровенностью и общительностью, въ этотъ день былъ какъ-то особенно въ духѣ и веселъ. Въѣзжая въ Отѣль, мы увидѣли нашего общаго пріятели, г. Жоржа Сотона, сотрудника газеты «Réveil», повидимому прогуливавшася. Мы остановили коляску и спросили его, что онъ тутъ дѣлаетъ? Онъ отвѣтилъ намъ, что ищетъ дачу. Тогда мы сказали ему о цѣли нашей поѣздки и пригласили его присоединиться къ намъ на Большой улицѣ, № 59, и побыть со мною, пока мои секунданты будутъ у принца. Затѣмъ мы поѣхали далѣе, но едва проѣхали сотню шаговъ, какъ всѣ вспомнили, что ничего не стѣдуетъ одному изъ насъ сѣсть подлѣ кучера и уступить свое мѣсто г. Сотону, что и было сдѣлано. Такимъ образомъ мы подѣхали къ воротамъ № 59, на Большой Отѣльской улицѣ, и остановились. Ворота были растворены настежь; два лакея курили на порогѣ; г. де Фонвьель и Викторъ Нуаръ соскочили и тотчасъ вошли въ домъ. Мы съ г. Сотонъ, между тѣмъ, пѣшкомъ прошли въ табачную лавочку, что у входа въ Булоньскій лѣсъ, закурили по сигарѣ, и возвратились обратно, разговаривая. Поровнявшись съ № 59, мы повернули направо въ боковую улицу, выходящую почти напротивъ Бонапарта. Въ ту

минуту, какъ мы возвращались на Большую улицу (минуть десять послѣ того, какъ пріатели наши ушли отъ насъ), Викторъ Нуаръ явился въ воротахъ и грохнулся на улицу, головой впередъ. «Посмотрите-ка,» сказалъ я Сотону, «Нуаръ споткнулся... Онъ должно быть раненъ,» прибавилъ я, видя, что онъ не поднимается. Мы подбѣжали къ нему. Въ ту же минуту явился Фонвьель, крича «убійство!» Мы подняли нашего несчастнаго друга и уже объ одномъ думали, какъ перенести его въ сосѣдную комнату; онъ лежалъ безъ чувствъ, и я уже думалъ, что онъ мертвъ, однако онъ испустилъ послѣднее дыханіе только когда его положили на полъ въ аптегѣ. Слѣдующій затѣмъ часъ прошелъ въ медицинскихъ и судебныхъ осмотрахъ. Ихъ производили докторъ Пинель съ г. Лальманомъ, секретаремъ полицейскаго комиссара въ Пасси, но докторъ Пинель былъ отозванъ г. Марелемъ, домашнимъ докторомъ г. Пьера Бонапарта, для произведенія судебно-медицинскаго осмотра въ домѣ послѣдняго. Можетъ быть не лишне замѣтить, что тотчасъ послѣ убійства я просилъ г. Сотона подождать секундантовъ г. Рошфора, чтобы извѣстить ихъ о случившемся. Вотъ почему г. Сотонъ видѣлъ, какъ вышелъ г. Морель, въ ту минуту какъ онъ шелъ въ аптеку за докторомъ Пинелемъ. Выходя, г. Морель сказалъ лицамъ, толпившимся около воротъ: «У принца щеку вотъ какъ вздуло,» причемъ онъ обѣими руками представилъ опухоль по крайней мѣрѣ въ двадцать сантиметровъ. Тѣмъ временемъ достали носилки; я написалъ уже семь мого злополучнаго пріателя о постигшемъ ее несчастіи, и мы вчетверомъ—г. де Фонвьель, докторъ Пинель, г. Лальманъ и я—сѣли въ карету и проводили тѣло къ дому, въ Нелли. Незадолго передъ нашимъ отъѣздомъ, почтальонъ, получившій на сохраненіе пистолетъ г. де Фонвьеля, принесъ его г. Лальману, который при насъ осмотрѣлъ его и убѣдился, что всѣ пули цѣлы и что не было сдѣлано ни одного выстрѣла. По дорогѣ мы спросили г. де Фонвьеля о подробностяхъ драмы, которой онъ тоже чуть не сдѣлался жертвой. Тогда докторъ Пинель сказалъ намъ, что когда его пригласили въ домъ къ принцу Пьеру, онъ первый изъ постороннихъ

слышалъ его объясненія, что разсказъ во всемъ сходенъ съ разсказомъ г. де Фонвьеля; что онъ былъ еще въ сильно возбужденномъ состояннн, когда онъ, докторъ, видѣлъ его; что онъ, принцъ, съ жаромъ объявилъ, что обозвалъ посѣтителей гадинами и стервами, что онъ никакъ не могъ въ точности опредѣлить, въ какую минуту ему была дана пощечина, которую онъ, будто-бы, получилъ. Д-ръ Пинель присовокупилъ, что, по его мнѣнню, синякъ, замѣченный имъ на лѣвой щекѣ г. Бонапарта около челюсти, не могъ произойти отъ пощечины. Впрочемъ вотъ какъ разсказалъ мнѣ дѣло г. Фонвьель, сначала въ аптекѣ, а потомъ въ каретѣ, по дорогѣ въ Нелли: «Входя въ домъ принца, сказала онъ, мы отдали карточки лакею, который провелъ насъ въ первый этажъ, въ фехтовальную залу. Нѣсколько минутъ спустя, насъ ввели въ гостиную, мы нѣсколько мгновений побыли одни, потомъ принцъ вошелъ. Будучи постарше, я первый заговорилъ, и сказала: «М. Г., мы къ вамъ отъ г. Паскаля Груссэ съ письмомъ. Я держалъ письмо въ правой рукѣ, шляпу и палку въ лѣвой. Принцъ сказалъ на это: «Такъ вы не отъ г. Рошфора?»—«Нѣтъ, отвѣчали мы; это совсѣмъ другое дѣло». Онъ взялъ письмо, и отошелъ къ окну, чтобы прочесть его; потомъ возвратился къ намъ, гнѣвно комкая его, и сказала: «Я готовъ драться съ Рошфоромъ, но не имѣю никакихъ дѣлъ съ его поденьщиками.» — «М. Г.,—возразилъ я ему,—мы пришли вѣжливо просить васъ поговориться съ нами по «дѣлу чести»; мы имѣемъ право на такую же вѣжливость съ вашей стороны.» Тогда онъ сказала: «Стало быть вы солидарны съ этими стервами?» Викторъ Нуаръ, до тѣхъ поръ не говорившій, съ вѣжливостью отвѣтилъ: «Мы солидарны съ нашими друзьями.» Въ ту же минуту принцъ, передъ которымъ, съ правой стороны, стоялъ Викторъ Нуаръ, тогда какъ я стоялъ налѣво отъ него, далъ ему лѣвой рукою затрещину (*une taloche*), затѣмъ, быстрымъ движеніемъ вынулъ изъ кармана панталонъ правую руку, которую онъ все время держалъ въ немъ, какъ вошелъ, выстрѣлилъ въ него почти въ упоръ изъ револьвера. Нуаръ немедленно повернулся на каблукахъ и

вышелъ въ дверь, въ которую мы пришли. Что до меня касается, видя, что принцъ направляетъ противъ меня дуло своего револьвера, я бросился къ дивану и искалъ въ боковомъ карманѣ моего пальто револьверъ, который я всегда ношу при себѣ въ футлярѣ. Этому движенію я вѣроятно обязанъ жизнью, потому что пуля, пущенная въ меня въ это мгновеніе, встрѣтила пальто мое, растянутое на манеръ ширмъ. Принцъ тотчасъ же ринулся (à bondi) къ двери, въ которую вошелъ Викторъ Нуаръ, чтобы перегородить мнѣ дорогу. Я же ссадилъ себѣ руки, стараясь открыть футляръ револьвера, и никакъ не могъ. Вдругъ я замѣтилъ другую дверь и бросился къ ней. Она выходила въ бильярдную, куда принцъ послѣдовалъ за мною и въ третій разъ выстрѣлилъ. Мнѣ удалось наконецъ взвести курокъ моего револьвера, и я держалъ его нацѣленнымъ въ принца отступая; вѣроятно отъ вида оружія у него рука дрогнула, и это мѣшало третьей пулѣ попасть въ меня.» — Прибавлю на всякій случай, что Викторъ Нуаръ, когда онъ упалъ на тротуаръ, былъ въ перчаткахъ и держалъ въ правой рукѣ шляпу, которая скатилась подлѣ него. Братъ Виктора, Луи Нуаръ, сказывалъ мнѣ, что у него былъ револьверъ, но что онъ его не взялъ, отправляясь въ Отель.»

Протоколъ втораго показанія Паскаля Груссе.—*Судебный слѣдователь.* Изъ вашего вчерашняго показанія выходитъ, что первой причиною происшествія 10 января была полемика, завязавшаяся между газетами «L'Avenir de la Corse» и «La Revanche», изъ которыхъ первая издается въ Парижѣ, а вторая въ Бастіи. Почему вы лично вступились въ полемику, касающуюся только сотрудниковъ «Revanche?»—*Свидѣтель.* Впервыхъ, полемика, собственно говоря, началась еще раньше появленія «Revanche»; она была такъ сказать личная между редакторомъ «Avenir de la Corse» и мною. Во вторыхъ я—одинъ изъ основателей «Revanche» и единственный ея представитель въ Парижѣ. Я имѣлъ формальную, письменную довѣренность, уполномочивающую меня дѣйствовать во всемъ отъ имени моихъ сотрудниковъ.—*Судеб. слѣд.* Цѣль подобной довѣренности понятна, когда дѣло идетъ

объ интересахъ газеты, но не совсѣмъ понятно, почему вы сочли себя вправѣ замѣнить собою того изъ вашихъ сотрудниковъ, котораго полемика лично касалась. Вызовъ на дуэль никогда не можетъ произойти отъ болѣе или менѣе задорной полемики объ отвлеченныхъ предметахъ; такую мѣру можно объяснить только тогда, если полемика оскорбляетъ личность, и оскорбляемое лицо одно можетъ судить о томъ, какого ей потребовать вознагражденія.—*Свид.* Статья, напечатанная г. Пьеромъ Бонапартомъ въ «Avenir de la Corse», была оскорбительна для всѣхъ сотрудниковъ «Revanche», а не для одного въ особенности. Г. Пьеръ Бонапартъ всѣхъ насъ обзываетъ подлецами, нищими, измѣнниками, іудами, позорящими свое отечество, людьми, стоящими, чтобъ ихъ валяли палками—не говоря уже о прямомъ подстрекательствѣ къ убійству, которое содержится въ той же статьѣ. Ругань эта прямо касалась моей личности, такъ какъ я одинъ изъ наиболее усердныхъ сотрудниковъ «Revanche». Кромѣ того, статья г. Пьера Бонапарта, главнымъ образомъ направленная противъ поносителей Наполеона I, болѣе всѣхъ касалась меня, едва мѣсяць назадъ выпустившаго книгу о государственномъ переворотѣ Брюмера, VIII года республики. Наконецъ въ виду естественнаго волненія и опасенія, увы! слишкомъ основательныхъ, вызванныхъ въ Корсикѣ тою же статьею, я думалъ, что приведу дѣло къ наиболее простому и наименѣе кровавому разрѣшенію, приглашая автора ея на поединокъ, который между порядочными людьми окончательно рѣшаетъ вопросы.—*Суд. слѣд.* Знали ли вы, что г. де Фонвьель, отправляясь съ г. Викторомъ Нуаромъ къ принцу, чтобы отдать ему ваше письмо, берутъ съ собою револьверъ и палку съ книжаломъ?—*Свид.* Мнѣ совершенно не было извѣстно, имѣетъ ли г. де Фонвьель при себѣ оружіе и именно въ этотъ день, но я давно зналъ за нимъ привычку ходить съ такой палкой, и съ тѣхъ поръ, какъ ему приходится часто разъѣзжать въ качествѣ редактора газеты «Le Ligne directe de Dieppe», онъ завелъ и револьверъ, который всегда держалъ въ карманѣ.—*Суд. слѣд.* По вашему показанію оказывается, что приготовленіе къ вызову и выборъ секун-

дантовъ сопровождались большой неосторожностью, чтобъ не сказать больше. Въ такихъ дѣлахъ, кажется, принято, что секунданты, если и берутся изъ числа пріятелей, по крайней мѣрѣ должны быть лично чужды причинѣ, служившихъ поводомъ къ дуэли. Причины же эти были въ настоящемъ случаѣ чисто политическія, онѣ касались редакціи газеты «Marseillaise», въ которой ваши пріятели оба сотрудничали. Вы должны были опасаться, чтобы, будучи воодушевляемы одними чувствами съ вами, они не сыграли возложенную на нихъ роль лично незаинтересованныхъ посредниковъ не съ подобающимъ спокойствіемъ и умѣренностью. Прибавлю еще, что, сопровождая ихъ, вы разжигали въ нихъ тѣ же чувства, которыми сами волновались. Наконецъ, выборъ въ секунданты двадцати-однолѣтняго Виктора Нуара, у котораго, какъ слышно, былъ вспыльчивый характеръ, долженъ былъ еще болѣе растравить сношенія съ лицомъ, получающимъ вызовъ. — *Свид.* Секунданта весьма естественно искать между тѣми пріятелями, съ которыми встрѣчаешься каждый день. Ктому же до г. де Фонвьеля и Виктора Нуара вовсе не касалась распря, открывшаяся между г. Пьеромъ Бонапартомъ и сотрудниками «Revanche». Въ эту минуту въ «Marseillaise» была всего одна статья, относившаяся къ нему, и эту статью писалъ г. Лавинь. Что же касается вызова, посланнаго г. Пьеромъ Бонапартомъ г. Рошфору и полученнаго имъ въ самое утро 10 января, секунданты мои узнали о немъ отъ меня же, когда мы ѣхали въ Отель. Прибавлю, что Викторъ Нуаръ, котораго нѣкоторыя газеты почему-то упорно выставляютъ человекомъ задорнымъ и вспыльчивымъ, имѣлъ напротивъ кротчайшій и смиреннѣйшій характеръ и въ ссорахъ между молодежью всегда игралъ роль примирителя. Не взирая на свою молодость, умъ у него былъ крайне зрѣлый, и не слѣдуетъ забывать, что съ тринадцати-лѣтняго возраста онъ былъ предоставленъ самъ себѣ и научился справляться въ жизни безъ чужаго руководства. Сопровождать моихъ секундантовъ въ Отель я положительно имѣлъ право, и меня побудило къ этому единственно желаніе скорѣе узнать результатъ свиданія. Извощикъ, который везъ насъ, въ

случаѣ надобности могъ бы засвидѣтельствовать, что разговоръ нашъ вовсе не походилъ на разговоръ людей, взаимно разжигающихъ другъ друга.—*Суд. слѣд.* Было ли дано знать принцу, что къ нему явятся ваши секунданты?—*Свид.* Насколько извѣстно мнѣ—нѣтъ, секунданты сами везли ему письмо съ моимъ зовомъ.—*Суд. слѣд.* Въ такомъ случаѣ ваше личное присутствіе тѣмъ болѣе становилось лишнимъ: принцъ, не ждавшій вашихъ секундантовъ, не могъ выбрать своихъ, и вы поѣхали такъ поздно, что покончить въ тотъ же день не было возможности.—*Свид.* Вѣроятности, конечно, не было, но и невозможности не было, и я наказалъ своимъ секундантамъ торопиться дѣло, такъ какъ оно тянулось уже два дня.—*Суд. слѣд.* Вы сами говорили, что въ подобныхъ дѣлахъ не принято встрѣчаться позже 3-хъ ч. попол. Свиданіе вашихъ секундантовъ съ принцемъ происходило въ 1¹/₂ ч., слѣдовательно ему не оставалось времени достать секундантовъ, свести ихъ съ вашими, обсудить выборъ оружія, условія поединка, а главное—выбрать мѣсто, непременно гдѣ нибудь далеко.—*Свид.* Обычай не драться послѣ 3-хъ ч. попол. не строго соблюдается; кромѣ того, повторяю, что я не считалъ вѣроятнымъ, чтобы дуэль состоялась въ тотъ же день, но не считалъ и невозможнымъ, и на всякій случай не хотѣлъ самъ затруднить дѣло своимъ отсутствіемъ.»

По прочтеніи этого документа засѣданіе закрывается (въ 5 ч. попол.) и снова открывается на слѣдующій день, 22 (10) марта, въ 11 ч. утра. Зала суда такъ же полна, какъ и наканунѣ, вокругъ зданія такая же толпа; на лицахъ нельзя разобрать никакого чувства кромѣ любопытства. Въ числѣ почетныхъ слушателей, помѣщающихся полукругомъ за членами суда и по большей части принадлежащихъ къ высшимъ судебнымъ сферамъ, оказывается маршалъ Барагэ д-Ильё.

Президентъ. Подсудимый, мы у васъ попросимъ одного объясненія, которое вы, можетъ быть, уже дали, но которое вчера ускользнуло отъ насъ. Вы говорили, что, въ переговорахъ съ гг. де-Фонвелемъ и Нуаромъ, вы имъ отвѣчали съ лѣвой рукой

согнутой въ энергической позѣ. Такъ ли? *Подсуд.* Я сдѣлалъ жестъ, которымъ обыкновенно усиливаютъ свои слова. *През.* Стало быть не съ угрожающимъ намѣреніемъ? *Подсуд.* Ужъ никакъ. *Г. Флокé.* Я видѣлъ въ слѣдственныхъ протоколахъ, что у подсудимаго рука была поднята въ энергической позѣ. *Подсуд.* Полуподнята. *Презид.* Вотъ какъ сказано: «Лѣвая рука у меня была полуподнята въ энергической позѣ». Призовите одного изъ свидѣтелей. *Жакъ-Батистъ Мильеръ (52 лѣтъ, отвѣтственный редакторъ газеты «Marselleuse». Этого свидѣтеля, подвергнутаго предварительному заключенію, вводятъ два жандарма, какъ и г. Паскаля Груссе).* Въ день происшествія, т. е. въ понедѣльникъ, я около 9¹/₂ ч. у. отправился въ редакцію разобрать корреспонденцію. Я нашелъ между прочими письмами письмо г. Пьера Бонапарта, и тотчасъ же самъ доставилъ его г. Рошфору. Читая его, онъ сказалъ: «это дуэль; надо покончить какъ можно скорѣе; пойду искать секундантовъ». Я предоставилъ свой экипажъ г. Рошфору. Послѣ того я увидѣлъ его только днемъ, съ г. Груссе. Я совсѣмъ не зналъ, что у г. Груссе вышло такое же дѣло съ принцемъ по поводу полемики съ газетой «Avenir de la Corse». Во всякомъ случаѣ г. Паскаль Груссе долженъ былъ предоставить первую очередь г. Рошфору и не могъ быть его секундантомъ. Мы поѣхали въ законодательный корпусъ за г. Артуромъ Арну, но не застали его и велѣли передать ему, чтобы онъ пришелъ. Онъ не явился. Г. Рошфоръ слегка закусилъ и отправился на засѣданіе. Г. Артуръ Арну пріѣхалъ въ редакцію. Мы наняли карету и по дорогѣ уговорились сказать г. Бонапарту, что г. Рошфоръ считаетъ себя грубо оскорбленнымъ этимъ письмомъ, котораго нельзя назвать вызовомъ на дуэль, и просить его указать намъ своихъ секундантовъ, чтобы мы могли переговорить съ ними. Мы твердо рѣшились этимъ ограничиться. Когда мы пріѣхали въ Отѣль, мы увидѣли кучку народу, изъ которой выдѣлились г. Сотонъ и г. Саммазель, который меня знаетъ, такъ какъ онъ меня лечитъ; они бросились держать лошадей, крича: «Не входите! въ этомъ домѣ убиваютъ людей!»

«Какъ, убиваютъ»? воскликнулъ я, соскакивая на землю. Я сначала думалъ, не вышло ли не совсѣмъ честной дуэли съ Викторомъ Нуаромъ, и не потому ли онъ убитъ. «Тѣмъ болѣе слѣдуетъ войти», рѣшилъ я, и просилъ двухъ полицейскихъ отправиться со мною къ полицейскому комисару; они сказали мнѣ, что комисаръ уже былъ, но уѣхалъ. Тутъ же рядомъ строился домъ; я обратился къ стоявшимъ тамъ людямъ. Когда я узналъ, что убійца спокойно сидитъ у себя дома, судъ пойметъ, что меня охватило чувство глубокаго негодованія, — это пойметъ каждый честный человекъ, — я старался уговорить толпу сломать дверь, чтобы схватить убійцу. И возвратился въ редакцію и, заставъ тамъ г. Рошфора, рассказалъ ему о происшедшемъ. Когда онъ узналъ, что было сдѣлано два выстрѣла, онъ впалъ въ совершенное отчаяніе; онъ сначала думалъ, что г. де-Фонвьель тоже убитъ. Мы совѣщались о томъ, что намъ слѣдуетъ дѣлать, и я предложилъ отправиться въ министерство юстиціи, но г. Оливье тамъ не было; мы подумали, что если правосудіе уже приняло свои мѣры, то намъ нечего хлопотать; если же не приняло ихъ, наши хлопоты будутъ совершенно лишними и потому сочли за лучшее больше не мѣшаться. *През.* Вы говорите, что письмо принца къ г. Рошфору нельзя даже назвать вызовомъ на дуэль, однако письмо это начинается слѣдующимъ выраженіемъ: «Изругавъ и оскорбивъ поочереди всѣхъ тѣхъ родныхъ, не щадивъ ни женщинъ ни дѣтей, вы оскорбляете меня перомъ одного изъ вашихъ поденщиковъ; это совершенно естественно, такъ должно было быть, только у меня есть одно преимущество надъ другими, носящими мое имя; я хотя и Бонапартъ, все-таки частное лицо».

Свид. Я говорилъ и думаю только то, что письмо это составлено въ такихъ необычайныхъ выраженіяхъ, что мы не могли смотрѣть на него какъ на формальный вызовъ, а должны были счесть его за оскорбленіе, и въ такомъ случаѣ г. Рошфоръ имѣлъ право выбрать оружіе и постановить условія дуэли.

Г. Леру. Прошу у суда дозволенія прочесть это письмо принца Пьера Бонапарта.

«Милостивый Государь! Изругавъ и оскорбивъ по очереди «всѣхъ моихъ родныхъ, не щадивъ ни женщинъ ни дѣтей, вы «оскорбляете меня перомъ одного изъ вашихъ поденщиковъ; это «совершенно естественно, такъ должно было быть; только у меня «есть одно преимущество надъ другими носящими мое имя: я хо- «тя и Бонапартъ, все-таки частное лицо. Поэтому я васъ рѣшаюся «спросить: гарантируется ли ваша чернильница вашей грудью, хо- «тя и признаюсь вамъ, что, дѣлая этотъ шагъ, весьма мало «расчитываю на успѣхъ, такъ какъ я узналъ изъ газетъ, что «ваши избиратели положительно наказали вамъ отказывать во «всѣхъ требуемыхъ вознагражденіяхъ чести и беречь свою дра- «гоцѣнную жизнь. При всемъ томъ я дерзаю попытать счатіе въ «надеждѣ, что слабый остатокъ французскаго чувства заставитъ «васъ уклониться въ мою пользу отъ мѣръ предосторожности, въ «которыхъ вы ищете себѣ убѣжища. Итакъ, если, паче чаянія, «вы согласитесь снять запоръ, дѣлающій вашу почтенную личность «вдвойнѣ неприкосновенной, вы не найдете меня ни во дворцѣ, ни «въ замкѣ, я живу просто на Отельской улицѣ № 59 и общаю «вамъ, что если вы ко мнѣ явитесь, вамъ не скажутъ, что меня дома нѣтъ.

«Въ ожиданіи вашего отвѣта имѣю честь кланяться вамъ.

Пьеръ Наполеонъ Бонапартъ».

Господину Анри Рошфору, на Абукерской улицѣ, № 9, въ Парижѣ.

През. Вы сказали на слѣдствіи: «я сначала такъ понялъ, что можетъ быть онъ погибъ въ несовсѣмъ честной дуэли (combat de loyal), но намъ сказали, что онъ просто убитъ (assasiné).
Свид. Думая, что тѣло еще въ домѣ, я сказалъ: «тѣмъ болѣе надо войти! Когда я узналъ, что тѣло унесено, я хотѣлъ подзадорить толпу сломать ворота, чтобы схватить убійцу, но толпа, состоявшая преимущественно изъ женщинъ, не только не пошла за мною, но обступила меня и много помѣшала мнѣ войти въ домъ; тогда я обратился къ городovýmъ сержантамъ, требуя, что-

бы призвали полицейскаго комисара; мнѣ отвѣтили, что комисаръ былъ и уѣхалъ. Понявъ, что полиція не вмѣшается, мы съ г. Арну уѣхали и отправились прямо въ законодательный корпусъ уведомить г. Рошфора о случившемся. *През.* Я долженъ сказать вамъ еще, что полицейскій комисаръ, какъ только узналъ о происшествіи, явился къ подсудимому; правосудіе исполнило свою обязанность и вообще не позволительно подзадоривать толпу ломать ворота. *Свид.* Человѣкъ убитъ, убійца могъ убѣжать; я думалъ помочь правосудію. *През.* У васъ, я вижу, странное понятіе о правосудіи; подстрекать толпу къ посягательству на частное жилище никому не позволено. *Свид.* Позвольте вамъ возразить, г. президентъ. У каждого чувство правосудія сообразно съ своими понятіями, и я думаю, что оно у меня такъ сильно, какъ у кого либо другаго. Заявляю, что то, что я сказалъ здѣсь, я говорилъ г. президенту обвинительной палаты высшаго суда и здѣсь только повторилъ, присовокупивъ, что насупротивъ строился домъ и что я предлагалъ выломать двери. Итакъ позвольте мнѣ, г. президентъ, при всемъ уваженіи къ вашему мнѣнію, имѣть также и свое и сказать, что когда человѣкъ находится въ такихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ негодованія и глубокаго раздраженія, предъ лицомъ подобнаго преступленія, когда убійца можетъ убѣжать, должно быть понятно, какія чувства волновали меня. Я долженъ присовокупить, что когда я отъ городскихъ узналъ, что г. полицейскій комисаръ уже пріѣзжалъ и входилъ въ домъ, я понялъ, что намъ тутъ нечего дѣлать, и мы удалились. Я не одобряю принятыхъ мѣръ; я нахожу, что поступили не такъ, какъ слѣдовало поступить съ частнымъ лицомъ, но въ ту минуту я думалъ, что ничего не сдѣлано, и что полиція оставляетъ убійцу на свободѣ; поэтому не думаю, чтобы я заслужилъ нареканіе. *През.* Правосудіе въ этомъ дѣлѣ исполнило долгъ свой безъ хвастовства и шуму, но исполнило его, оно приняло все нужныя мѣры, чтобы подсудимый не могъ бѣжать, и обошлось съ нимъ какъ съ человѣкомъ подлежащимъ тяжкому подозрѣнію. Вы ошибались, полагая, что она не исполнитъ своей обязанности, и взы-

вали къ силѣ—вотъ что мы находимъ прискорбнымъ, но все-же мы признаемъ общій умѣренный тонъ вашего показанія. Повторяю, мы о томъ только сожалѣемъ, что правосудіе было заподозрѣно вами въ неисполненіи долга. *Свид.* Я долженъ сказать, что думалъ не столько о правосудіи, сколько о полиціи. (*Движеніе*).

През. Вы были съ оружіемъ, при васъ былъ заряженный револьверъ? *Свид.* Я очень хорошо понимаю, г. президентъ, куда мѣтитъ вашъ вопросъ, и въ отвѣтъ на него положительно заявляю, что не былъ вооруженъ, потому что на мнѣ было не наступательное оружіе, а просто оборонительное. Имя мое Жанъ Баптистъ, 24 іюля въ мои именины, день выпавшій въ такую пору, когда никто не могъ считать себя безопаснымъ, жена моя подарила мнѣ револьверъ, совершенно неспособный убить человека; я такъ привыкъ имѣть его при себѣ, что когда г. Д'Омьс (*Судебный слѣдователь*) сдѣлалъ мнѣ по этому поводу вопросъ, онъ у меня былъ въ карманѣ и я сказалъ: «вотъ онъ». Онъ самага крошечнаго калибра, совершенно безвредный; вы сами поймете, что жена не станетъ дарить мужу опаснаго оружія. Повторяю, я въ карманѣ никогда не носилъ наступательнаго оружія.

Подсуд. Оборонительное оружіе—это латы и каски. (*Движеніе*). Надѣюсь, что высшій судъ присяжныхъ оцѣнитъ по достоинству показанія товарища Сальмона и Фонвьеля. Не онъ ли съ Арну въ моей «Marseillaise» пока я сидѣлъ подъ ключемъ печатно похвалялись, что какой бы ни вышелъ приговоръ общаго суда, они меня убьютъ. *Свид.* Прошу судъ принять мѣры, чтобы моему показанію оказывалось должное уваженіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если были употреблены выраженія, которыя употребляетъ подсудимый, судъ сдѣлалъ бы мнѣ замѣчаніе. Пьеръ Бонапартъ не болѣе имѣетъ права говорить мнѣ дерзости, чѣмъ я намѣренъ говорить ихъ ему.

Г. Флокé. Не угодно ли г. президенту спросить свидѣтеля, въ которомъ часу онъ пріѣхалъ въ Отель. *Св.* Было около 2³/₄ ч. по-полудни. *Г. Флокé.* Когда свидѣтелю сказали, что у подсудимаго былъ уже полицейскій комисарь, ему сказали правду, но

этотъ комисаръ не произвелъ даже судебного осмотра, а удовольствовался просто оффиціознымъ визитомъ, отъ котораго незамѣтно никакихъ слѣдовъ въ процедурѣ. Въ 3½ ч. агенты правосудія еще не являлись: г. Рондо пріѣхалъ между 4½ и 5 ч., слѣдовательно чувства, волновавшія свидѣтеля, были вполне законны: онъ хотѣлъ помѣшать бѣгству убійцы; это — право каждого гражданина. *Св.* Законъ даетъ каждому гражданину право задержать личность виновнаго въ случаѣ накрытія на мѣстѣ преступленія. *През.* Когда изъ дома доходятъ до него крики, — намъ извѣстенъ законъ. *Г. Флоке.* Но если въ домѣ убиваютъ людей. *Подс.* Полицейскаго комисара въ ту минуту не было въ конторѣ; вмѣсто него явился агентъ. *Г. Лорье.* Въ такомъ случаѣ я сдѣлаю слѣдующее замѣчаніе: если агентъ полиціи явился на квартиру подсудимаго въ то время, какъ публика шумѣла, онъ не исполнилъ своей обязанности: не произвелъ ни ареста, ни осмотра. *Г. Мильеръ* удаляется. Приведшіе его жандармы хотятъ увести его.

Г. Лорье. Намъ можетъ быть еще понадобятся показанія г. Мильера; мы просимъ еще оставить его въ залѣ. *Ген. прокуроръ.* Это едвали возможно. Онъ подвергается заключенію, по тяготящему на немъ обвиненію ему нельзя позволить имѣть сообщеніе съ публикою. *Г. Флоке.* Всѣ другіе свидѣтели по снятіи съ нихъ показанія остаются въ залѣ; нужно, чтобъ они имѣли возможность слышать, что говорятъ другіе, и повѣрять ихъ показанія, г. Мильеръ долженъ пользоваться правами всѣхъ свидѣтелей; если требованіе наше не будетъ уважено, г. Лорье и я составимъ протестъ. *Ген. прокуроръ.* Можете дѣлать всѣ замѣчанія, какія сочтете нужными. Требуемъ, чтобъ г. Мильера снова привели, когда вы пожелаете сдѣлать ему вопросъ, но положеніе его не дозволяетъ ему имѣть сообщеніе съ публикою. Я требую, чтобы свидѣтеля отвели обратно въ тюрьму. *Г. Флоке.* Я вѣроятно выразился не довольно ясно. Повторяю, что, разъ войдя въ залу суда, свидѣтель долженъ остаться въ ней и повѣрять слѣдующія показанія. Для г. Мильера нисколько нельзя измѣнить этихъ условій; я формально требую, чтобъ его оставили въ залѣ;

пускай г. генераль прокуроръ отдѣлить его отъ публики. Этотъ пунктъ я предоставляю на его отвѣтственность, но мы не можемъ взять на себя отвѣтственности поступить иначе; мы формально протестуемъ, мы требуемъ, чтобы г. Мильера оставили въ залѣ съ предоставленіемъ г. генераль прокурору права принять какія ему заблагоразсудится мѣры предосторожности противъ сообщенія г. Мильера съ публикою, котораго онъ опасается. *През.* Судъ постановляетъ имѣть объ этомъ совѣщаніе.

Послѣ совѣщанія, продолжавшагося $\frac{1}{4}$ часа, судъ, удалившись въ залу совѣта, возвращается въ залу суда и постановляетъ резолюцію, что: принимая во вниманіе, что въ интересахъ судебного преслѣдованія, которому подвергается свидѣтель, необходимо, чтобы онъ былъ поставленъ въ невозможность сообщаться съ кѣмъ бы то ни было, свидѣтель г. Мильеръ будетъ присутствовать при преніяхъ подъ стражею.

През. Стража должна наблюдать, чтобы свидѣтель г. Мильеръ не могъ имѣть никакого сообщенія со своими сосѣдами, и отдѣлить его совершенно отъ всѣхъ. Жандармы, приведшіе свидѣтеля, отводятъ его на конецъ залы и становятся по сторонамъ его.

Анри де Шабриньо (28 л., публицистъ, живущій въ Парижѣ, сотрудникъ газеты «Figaro»). Наканунѣ происшествія 9 января я встрѣтился съ Викторомъ Нуаромъ, съ которымъ былъ знакомъ; мы съ нимъ не видались около мѣсяца и онъ очень меня обрадовалъ. Онъ сказалъ мнѣ: «ты никакъ не догадаешься, что я буду дѣлать завтра» — «А что?» — «А вотъ что, я, Викторъ Нуаръ, отправляюсь къ одному изъ Бонапартовъ, меня Груссе взялъ свидѣтелемъ». Онъ сказалъ мнѣ это смѣясь. Предстоящая экспедиція забавляла его, такъ что онъ даже употребилъ такое слово, которое не могу повторить, не извиняясь предъ судомъ, такъ какъ оно черезчуръ уже отзывается буржуа. «Что, каково, — сказалъ онъ, — не такъ ли?» а я могу увѣрить, что въ его приемахъ, въ его манерѣ держать себя не видать было ни малѣйшаго намѣренія совершить буйство. «Я напечатаю это извѣстіе въ «Figaro», скажешь я, если это можетъ быть тебѣ приятно?» «Нѣтъ, — отвѣчалъ

онъ, — не нужно разглашать этого дѣла въ газетахъ, потому что Рошфору не хочется, чтобы дуэль состоялась, а если извѣстіе выйдетъ наружу, она будетъ неизбежна». *През.* (присяжнымъ). Гг. присяжные! Вопросъ, вызвавшій этотъ отвѣтъ, имѣлъ цѣлью выяснить, не для того ли Груссе послалъ принцу вызовъ, чтобы помѣшать ему драться съ Рошфоромъ; но вопросъ разрѣшается отрицательно, такъ какъ изъ отвѣта оказывается, что дуэль съ г. Груссе имѣлась въ виду уже 9 числа, тогда какъ вызовъ принца былъ полученъ только 10 числа утромъ. (Свидѣтелю) Въ которомъ часу встрѣтились вы съ Викторомъ Нуаромъ 9 числа? — Около полуночи.

Г. Флоке. Судя по тому, что говорилъ свидѣтелю Викторъ Нуаръ, не выходитъ, чтобы дуэль наканунѣ уже была рѣшеннымъ дѣломъ; рѣшено было только отправиться въ Отель. Наконецъ изъ того же показанія выходитъ, что Викторъ Нуаръ отправлялся туда безъ всякой злобной мысли, такъ какъ онъ даже надѣялся, что дѣло уладится.

Г. Леру. Въ письменномъ показаніи свидѣтеля на слѣдствіи сказано такъ: «я у Груссе свидѣтелемъ въ его дуэли».

Елизавета Жилье (горничная, живущая въ Отелѣ у принца). Въ день происшествія я пошла къ принцу, который былъ у принцессы, и вручила ему двѣ карточки, отданныя мнѣ конюхомъ. Принцъ прошелъ всю свою комнату и приказалъ мнѣ просить на верхъ двухъ особъ, ожидавшихъ внизу.

Свидѣтельница говоритъ очень слабымъ голосомъ, поэтому приводимъ ея письменное показаніе, которое президентъ прочелъ суду.

«Въ понедѣльникъ 10 сего мѣсяца, около 2 ч. пополудни я мела биллиардную, когда Гютенъ Эрнстъ, служившій конюхомъ у принца, принесъ мнѣ двѣ визитныя карточки, прося отнести ихъ принцу, и сказалъ мнѣ, что два господина, принесшіе ихъ, ждутъ внизу и очень спѣшатъ. Я вошла въ гостиную, гдѣ застала принца сидящимъ у камина и разговаривающимъ съ принцесою; я подала ему обѣ карточки и прибавила: что эти господа

очень спѣшать. Принцеса тотчасъ же вышла, сказавъ, что идетъ одѣваться; принцъ же сказалъ мнѣ, что ему нездоровится и не хочется принимать, но что онъ однако-же сейчасъ одѣнется; онъ велѣлъ мнѣ прибавить дровъ въ каминъ и просить на верхъ дожидавшихся господъ; затѣмъ прошелъ въ свою комнату, а я вышла къ нимъ чрезъ фехтовальную залу.

Въ ту минуту когда я отворила дверь изъ этой залы на лѣстницу, я столкнулась съ ними; одинъ изъ нихъ ростомъ побольше— Викторъ Нуаръ, какъ я впоследствии узнала, стоялъ уже на площадкѣ, недалеко отъ двери, другой поменьше стоялъ на площадкѣ на послѣдней ступени; у обоихъ на головахъ были шляпы. Оба пошли въ фехтовальную залу, куда я послѣдовала за ними. Проходя чрезъ эту комнату, тотъ что побольше— Викторъ Нуаръ, спросилъ меня, указывая на дверь гостиной: тамъ онъ, принцъ-то Бонапартъ; и еще спросилъ, туда ли имъ войти. Я отвѣчала утвердительно и онъ обернувшись сказалъ другому, что поменьше: «войдемъ». Онъ самъ отворилъ дверь въ гостиную и, входя въ нее, оба сняли шляпы. Я сказала имъ, что принцъ одѣвается, сейчасъ выйдетъ, пригласила ихъ сѣсть. Потомъ я вышла чрезъ фехтовальную залу и сошла внизъ подъ ворота, гдѣ осталась поболтать съ нашимъ кучеромъ, г. Бернаромъ. Едва прошло нѣсколько минутъ, какъ мы услышали глухой трескъ выстрѣла изъ комнаты, но такъ какъ принцъ очень часто стрѣляетъ изъ оконъ гостиной въ мишень, поставленную въ саду, я не обратила на это вниманія, какъ вдругъ г. Викторъ Нуаръ сбѣжалъ съ лѣстницы, спотыкаясь и шатаясь какъ пьяный, стукнулся объ ворота и упалъ на тротуаръ, ударясь колѣнами и руками. На немъ была шляпа. Мы съ Бернаромъ успѣли подойти къ нему, но онъ уже не произносилъ ни одного слова. Въ эту минуту прибѣжалъ и товарищъ его что поменьше, г. Ульрихъ де Фонвель, растерянный, безъ шляпы, размахивая по воздуху револьверомъ и крича: «убійство». Онъ подбѣжалъ къ дверцамъ экипажа, который стоялъ предъ воротами и въ которомъ сидѣли еще два господина, повидимому дожидавшіе чего-то, и отворивъ дверцы сказалъ имъ

кричите: «убійство», Пьеръ Бонапартъ сейчасъ убилъ Виктора Нуара. Тѣ двое тоже закричали, а такъ какъ мы въ это время, т. е. конюхъ, кучеръ и я, окружали раненаго, г. де Фонвьеля, догадавшись, что мы принадлежимъ къ дому принца, направилъ револьверъ противъ кучера и конюха. Тогда ужъ мы ушли подъ ворота и заперли ихъ и я слышала, запирая ихъ, какъ г. де Фонвьель сказалъ: «все убійцы запираются». Я бросилась скорѣе въ гостиную, и тамъ нашла нѣсколько кресель опрокинутыми, а принца сидящимъ на диванѣ. Онъ спросилъ меня, ушли ли эти люди, и сказалъ, что они приходили убивать его. Я опять спустилась на улицу и нѣсколько времени спустя, поднимаясь по лѣстницѣ ведущей въ билиардную, замѣтила футляръ отъ револьвера раскрытый, но не подняла его, а только сказала объ этомъ нѣсколькимъ слугамъ. Больше я ничего не знаю.

По прочтеніи... и пр.»

Свидѣтельница признаетъ, что это показаніе отъ слова до слова вѣрно, и объявляетъ, что она не имѣетъ ничего прибавить къ нему.

Суд. слѣдователь. Въ какомъ состояніи была гостиная, когда вы вошли въ нее? *Св-ца.* Я замѣтила, что кресло на сторонѣ камина опрокинуто; шляпа, которую вы мнѣ предъявляете, была поставлена на маленькій круглый столикъ, а палка стояла въ углу, у стола. Я нашла футляръ отъ револьвера на маленькой, черной лѣстницѣ, ведущей въ билиардную; по этой же лѣстницѣ сошелъ г. Ульрихъ де Фонвьель. Онъ былъ безъ шляпы, держалъ въ рукѣ пистолеть и кричалъ: «убійство. Пьеръ Бонапартъ сейчасъ убилъ Виктора Нуара». Свидѣтельница была предъявленъ футляръ отъ револьвера, найденный въ комнатѣ принца, она отвѣчала: футляръ, который я нашла, былъ раскрытъ, а этотъ закрытъ; впрочемъ, мнѣ кажется, что я его узнаю.

Г. Лорье. Когда свидѣтельница вошла къ принцу въ первую минуту, пожаловался ли онъ, что его ударили? *Св-ца.* Да, онъ сказалъ, что его ударилъ Викторъ Нуаръ. *През.* Такъ и сказалъ: Викторъ Нуаръ? *Св-ца.* О, нѣтъ! имени его онъ не зналъ; онъ

только сказалъ: тотъ что побольше. *Г. Лорье.* Въ которомъ часу онъ это говорилъ? *Св-ца.* О, это было позже. *Г. Лорье.* Но въ первую минуту ничего не говорилъ? *Св-ца.* Нѣтъ. *През.* Но онъ вамъ сказалъ слова, болѣе знаменательныя: «они приходили меня убивать». *Г. Лорье.* Это другая точка зрѣнія. *Г. Леру.* Когда Викторъ Нуаръ упалъ, въ рукѣ у него была шляпа или на головѣ? *Св-ца.* На головѣ. *През.* Свидѣтельница говорила, что входя они поставили свои шляпы? *Св-ца.* Да. *Г. Флоке.* Свидѣтельница заявила, что посѣтители были въ шляпахъ и, входя въ гостиную, поставили ихъ. *Св-ца.* Тотъ что поменьше снялъ шляпу, а другой не снялъ. *Г. Леру.* Не слѣдовало бы мѣнять вопроса: мы спрашивали, была ли на немъ шляпа, когда онъ упалъ; вотъ что мы хотѣли выяснитъ. *Г. Лорье.* Тутъ между моими собратами и мною возникаетъ споръ о томъ, гдѣ у Виктора Нуара была шляпа, когда онъ упалъ; я не желаю придирааться, но напомию, что г. Груссэ, въ той части своего изустнаго показанія, которую можно назвать хладногровой, сказалъ, что Нуаръ держалъ шляпу въ правой рукѣ, когда упалъ. Если возобновится этотъ споръ, я долженъ буду просить снова привести г. Груссэ, но пока ограничусь этимъ замѣчаніемъ.

Руфине (дворецкій принца Бонапарта). Я взшелъ на верхъ нѣсколько мгновеній послѣ происшествія посмотрѣть, что такое случилось: въ гостиной нахожу шляпу и палку, стучусь въ дверь къ монсеньеру, который уже заперся. Онъ спрашиваетъ: вы, Руфине? я говорю: да, монсеньеръ: онъ мнѣ говоритъ: стерегите ворота. *През.* Говорилъ онъ вамъ о случившемся? *Св.* Онъ сказалъ мнѣ, что два неизвѣстныхъ ему господина приходили убивать его. *През.* Не спрашивалъ ли онъ васъ, ушли ли эти два человѣка? *Св.* Спрашивалъ. *През.* А позднѣе, около 4 ч., не слыхали ли вы крику угрозъ? *Св.* Слыхалъ. Кричали: «мы до него доберемся, мы его убьемъ!» *През.* Помните ли вы, въ которомъ часу вы наканунѣ отправили письмо къ г. Рошфору? *Св.* Послѣ полудня, но часу не помню. *През.* Я вамъ прочту ваше показаніе, данное на слѣдствіи.

«Мы предъявили свидѣтелю письмо, помѣщенное въ газетѣ «le Pays» въ № отъ 16 января и подписанное Оффмеръ, и на вопросъ, онъ ли авторъ этого письма, онъ отвѣтилъ утвердительно. Онъ показалъ слѣдующее: во вторникъ между 4 и 5 часами вечера я отправился въ домъ, гдѣ жилъ Викторъ Нуаръ, на Рыночной улицѣ № 29 въ Нельи; было много народу, такъ что даже собрались на дворъ, мнѣ однако удалось пробраться въ комнату, гдѣ лежало тѣло. Лицо и грудь были открыты; мнѣ въ особенности хотѣлось осмотрѣть лицо, потому что я читалъ въ «Marsellaise» рассказъ, будто принцъ сильно ударилъ Виктора Нуара въ лицо и тотчасъ затѣмъ умертвилъ его. Еслибы это была правда, то, по моему мнѣнію, слѣдъ отъ удара не могъ бы исчезнуть и долженъ бы быть замѣтенъ. Итакъ я съ величайшимъ вниманіемъ осмотрѣлъ поочередно обѣ щеки и убѣдился, что ни на той, ни на другой нѣтъ ни малѣйшаго слѣда удара.

«По прочтеніи... и пр.»

На вопросъ г. Леру свидѣтель объявляетъ, что у принца нѣтъ панталонъ со штрипками, а есть очень широкіе, съ большими карманами. *През.* Когда принцъ сказалъ вамъ, что два господина хотѣли убить его, говорилъ ли онъ вамъ, что его ударили? *Св.* Да, онъ говорилъ, что его ударилъ тотъ что побольше.

Просперъ Пинель (59 лѣтъ; безъ опредѣленныхъ занятій). Проходилъ мимо дома принца въ ту минуту, когда Виктора Нуара только что упавшаго уносили въ аптеку; свидѣтель услыхалъ, будто въ Нуара выстрѣлили въ упоръ, но не думаетъ, чтобъ это было возможно; онъ приподнималъ руки у покойника, на нихъ были черныя перчатки, застегнутыя на пуговики. «Г. де Фонвьель сказалъ мнѣ, присовокупляетъ свидѣтель, что принцъ ударилъ Виктора Нуара». *През.* Но вы показывали, что въ то же время г. Фонвьель говорилъ вамъ, что ни у него, ни у его пріятели не было оружія? *Свид.* Да. *През.* И вы изъявили удивленіе, когда вамъ сообщили, что найденъ футляръ отъ револьвера.— *Г. де Фонвьель* (снова призванный судомъ). Я этому господину ничего не рассказывалъ, кромѣ того, что рассказывалъ другимъ.

Свид. Ну, да, именно. Мы совершенно согласны въ томъ, что г. де Фонвьель сказалъ, что ни у него, ни у его пріятеля не было оружія (*общій смѣхъ*). *Г. де Фонвьель.* Г. президентъ, я далъ здѣсь полное показаніе, притомъ какъ могъ я это сказать, когда я вышелъ съ револьверомъ въ рукѣ и отдалъ его почтальону—первому кто мнѣ попался?

Одинъ изъ присяжныхъ. Свидѣтель сію минуту показалъ, что г. де Фонвьель говорилъ ему, что происшествіе случилось вслѣдствіе драки (*гѣхе*), я желаю знать, доподлинно ли это слово было употреблено? *Свид.* Да, онъ употребилъ слова: драка или ссора, или перебранка (*смѣхъ*). *През.* Я сейчасъ прочту вамъ ваше письменное показаніе, если вы имѣете сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе, вы мнѣ скажите.

«Въ день происшествія, около 2¹/₂ час. пополудни я зашелъ къ аптекарю г. Марте; мнѣ сказали, что туда положили тѣло публициста, котораго только-что убили. Въ кабинетѣ рядомъ съ аптекою я увидалъ тѣло молодого человѣка; мнѣ сказали, что это Викторъ Нуаръ. Онъ лежалъ на паркетѣ, рубашка его была разстегнута и подъ лѣвымъ сосцемъ видѣлась ранка отъ пули маленькаго калибра. Замѣтивъ какъ мало крови вытекло изъ раны, я сказалъ: эта рана сдѣлана выстрѣломъ изъ револьвера, на разстояніи четырехъ или пяти шаговъ. Такъ какъ я жилъ въ Калифорніи, мнѣ нѣсколько разъ доводилось видѣть раны отъ револьверовъ. Я осмотрѣлъ тѣло, особенно лицо съ величайшимъ вниманіемъ; я не замѣтилъ слѣдовъ побоевъ. Черты лица вовсе не были искривлены; я замѣтилъ, что на рукахъ у Виктора Нуара перчатки черныя, лайковыя, съ одной пуговкою. Въ аптекѣ я видѣлъ г. де Фонвьеля, сильно разстроеннаго, что показалось мнѣ весьма естественнымъ, послѣ того, что случилось. Я попросилъ его рассказать мнѣ подробности этого печальнаго дѣла: онъ сказалъ мнѣ, что явился съ своимъ пріятеlemъ къ принцу; что, вслѣдствіе перебранки, принцъ далъ пощечину Виктору Нуару, затѣмъ правой рукой выстрѣлилъ изъ пистолета и ранилъ на смерть. Выходя изъ аптеки, я увидѣлъ д-ра Мореля, среди небольшой

кучки народа; онъ говорилъ, что на принца напали, что на лицѣ его замѣтенъ слѣдъ сильной пощечины и что даже въ гостиной у него нашли футляръ отъ револьвера. Меня тѣмъ болѣе удивило, что футляръ нашли въ гостиной, что я положительно помню, какъ г. де Фонвьель говорилъ мнѣ, что ни у него, ни у его пріятеля не было оружія.— По прочтеніи.... и проч.».

Жанъ Батистъ де Лабрюеръ (начальникъ отдѣленія (chef du bureau) въ министерствѣ художествъ, 58 л., жительство имѣющій на улицѣ предмѣстья Сен-Дени № 52). Въ день происшествія около 3 ч. пополудни г. де Граве, сотрудникъ газеты «Figaro», вошелъ въ мое отдѣленіе и сказалъ мнѣ съ очень взволнованнымъ видомъ: «знаете, что сейчасъ случилось? говорятъ принцъ Пьеръ Бонапартъ убилъ Виктора Нуара». «Значитъ была дуэль», возразилъ я. Онъ отвѣчалъ мнѣ: не знаю. Какъ слышно, была схватка, въ которой погибъ Викторъ Нуаръ». Я предложилъ г. де Граве: «поѣдемъ немедленно къ принцу». Мы сѣли въ экипажъ, въ которомъ онъ пріѣхалъ. Пріѣхали. Принцъ принялъ насъ въ гостиной; при немъ были д-ръ Морель, принцеса и можетъ быть еще другое лицо, только утвердительно не сумѣю сказать. Принцъ пошелъ мнѣ на встрѣчу, протянулъ мнѣ руку. Я его спросилъ: «принцъ, что такое случилось». Онъ отвѣчалъ мнѣ: «большое несчастье. На меня напали въ моемъ домѣ, вооруженною рукою, и я долженъ былъ защититься; я выстрѣлилъ въ одного изъ нападавшихъ и ранилъ его». Тогда онъ пригоснулъ рукою къ своей лѣвой щекѣ, показывая мнѣ, куда онъ получилъ ударъ. Я тщательно осмотрѣлъ щеку, на ней дѣйствительно были слѣды сильного удара; глазъ показался мнѣ влажнымъ, точно изъ него вытекло нѣсколько слезъ, какъ это бываетъ, когда ударъ поражаетъ мѣсто около глаза. Принцъ вкратцѣ рассказалъ мнѣ главныя обстоятельства происшедшей сцены. Я сначала думалъ, сказалъ онъ, что господа эти пришли отъ Рошфора, которому я наканунѣ послалъ вызовъ на дуэль; я спросилъ ихъ, отъ него ли они? они отвѣчали мнѣ отрицательно, «но прочтите письмо», сказали они мнѣ грубо. Прочитавъ его я положилъ его на столъ, я сказалъ этимъ

господамъ: я не знаю г. Груссе и не имѣю съ нимъ дѣла; съ г. Рошфоромъ драться я готовъ, но съ однимъ изъ его поденщиковъ—нѣтъ. Солидарны ли вы съ ними?—прибавилъ я—и въ то же мгновеніе тотъ, что побольше, ударилъ меня въ лицо, между тѣмъ какъ другой угрожалъ мнѣ пистолетомъ. Я отступилъ на два шага и выстрѣлилъ въ перваго». Принцъ объявилъ мнѣ, что увидалъ пистолеть у Фонвьеля въ ту самую минуту, какъ получилъ ударъ; тутъ-то онъ и выстрѣлилъ. Принцъ присовокупилъ, что пока тотъ, котораго онъ ранилъ, вышелъ въ ту самую дверь, въ которую они вошли, другой г. де Фонвьель спрятался за два кресла и прицѣлился въ него; тогда я выстрѣлилъ во второй разъ, продолжалъ принцъ, больше для того, чтобы заставить его выдти изъ-за кресель, чѣмъ съ цѣлью убить его. Это вполнѣ доказывается и тѣмъ, что послѣдовало. Послѣ моего выстрѣла г. де Фонвьель вышелъ изъ занятой имъ позиціи, думая уйти черезъ дверь въ билиардную, и прошелъ близко отъ меня; меня отдѣляя отъ него только пред-диванный столъ и еслибы я хотѣлъ лишить его жизни, я бы могъ убить его въ упоръ, но я сообразилъ: «этотъ меня не ударилъ, пускай уходитъ! Я пошелъ за нимъ до входа въ билиардную и остановившись на порогѣ смотрѣлъ, какъ онъ уходилъ. Но поровнявшись съ дверью столовой онъ обернулся и опять въ меня прицѣлился, тогда я выстрѣлилъ въ него во второй разъ, послѣ чего онъ уже окончательно бѣжалъ». Принцъ еще присовокупилъ: «мнѣ хотѣлось самому рассказать все случившееся и я сейчасъ составилъ обстоятельную записку о происшествіи; если хотите прочесть ее, пройдите въ мою комнату» — что я и сдѣлалъ. Г. де Гравъ, бывший со мною, сказалъ принцу: «Въ высшей степени важно, чтобъ было ясное изложеніе происшествія, потому что сегодня же вечеромъ всѣ газеты заговорятъ о немъ и по-своему оцѣнятъ его и хорошо было бы противопоставить истину лживымъ и преувеличеннымъ рассказамъ, которые могутъ быть напечатаны. Довѣрьте мнѣ эту замѣтку и сегодня же вечеромъ она будетъ помѣщена въ газетѣ «Figaro». Принцъ отвѣтилъ: пожалуй, но мнѣ хотѣлось бы оставить у себя копію. «Я вы-

шелъ съ г. де Гравомъ и отправился въ свое отдѣленіе, потомъ возвратился въ Отель и переночевалъ въ домѣ принца съ нѣсколькими пріятелями, чтобы оберегать его семью, которой, какъ слышно было, грозила опасность. Принцъ слишкомъ благородный человѣкъ (trou loyal) чтобы разсказъ его не былъ вполне согласенъ съ истинною. — *Г. Лорье*. Визитъ д-ра Пинеля не предшествовалъ его визиту г. де Лабрюера? *Свид.* Не знаю. *Г. Лорье*. Я у подсудимаго спрашиваю. *Подс.* Да, предшествовалъ.

Поль Адольфъ Кассаньякъ (27 л., литераторъ). Первая часть моего показанія относится къ нравственному состоянію принца въ день происшествія. У принца было еще другое дѣло чести, въ которомъ онъ просилъ меня быть его секундантомъ; я писалъ къ г. Томази и онъ отвѣтилъ мнѣ письмомъ, столь же вѣжливымъ, какъ и мое къ нему. Въ воскресенье утромъ я пріѣхалъ къ принцу, чтобы заняться другимъ его дѣломъ съ г. Рошфоромъ, мы вмѣстѣ составили письмо къ нему. Г. Шарль Аббаттуччи провелъ этотъ день съ нами, принцъ былъ покоенъ; на слѣдующій день около 4 час. пополудни, одинъ изъ моихъ пріятелей показалъ мнѣ только-что вышедшій номеръ газеты «Parlement», въ которомъ говорилось, что г. Нуаръ убитъ, и прибавилъ: «говорятъ, дому принца угрожаетъ опасность, народъ бунтуетъ въ Отели.» Я поѣхалъ туда больше для подкрѣпленія гарнизона и охраненія жены и дѣтей принца. Я распрашивалъ его и замѣтилъ на его щекѣ черный знакъ съ желтымъ отливомъ. Онъ сказалъ мнѣ: «меня ударили» и казался удивленнымъ, что я объ этомъ не зналъ. Онъ былъ покоенъ и не ждалъ дуэли съ г. Груссе. Третій пунктъ показанія моего касается привычки принца имѣть при себѣ оружіе. Съ нѣкотораго времени доказано, что это полезная предосторожность; принцъ всегда ходилъ съ оружіемъ, даже у себя дома.

Г. Флоке. На какомъ мѣстѣ лица свидѣтель замѣтилъ слѣды удара? — *Св.* Такъ какъ я не думалъ, чтобы этотъ фактъ стали оспаривать, я не обратилъ особеннаго вниманія—не знаю даже, на лѣвой щекѣ или на правой. *Г. Флоке*. Это не важно. *Св.* Знакъ тянулся кругомъ всей щеки. *Г. Флоке*. Свидѣтель сейчасъ гово-

рилъ, что онъ провелъ все воскресенье съ подсудимымъ, не упражнялся ли онъ съ нимъ въ фехтованіи? *Св.* Нѣтъ, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ я получилъ ударъ саблей. *Г. Флоке.* Именно потому, что мы думаемъ, не получилъ ли свидѣтель этотъ ударъ саблей, фехтуя съ подсудимымъ, мы спрашиваемъ, не случилось ли это въ воскресенье? *Св.* Могу увѣрить, что принцъ не пытался меня убить. *Г. Флоке.* Я ставлю вопросы спокойно и логично; прошу свидѣтеля стараться отвѣчать на нихъ такъ же. *През.* Вопросы должны ставиться свидѣтелямъ черезъ меня. *Г. Флоке.* Я просилъ бы, чтобъ и отвѣты свидѣтелей давались черезъ васъ, г. президентъ. Спрашиваю свидѣтеля: не было ли ему нанесено раны невольно въ воскресенье, во время фехтованія? *Св.* Фехтуя съ принцемъ, никогда ничего не случилось, онъ вполне владѣлъ собою. *През.* Какого числа полученъ отвѣтъ отъ г. Томази? *Св.* Я получилъ отвѣтъ четыре или пять дней послѣ того, какъ писалъ къ нему, 24 числа.

Г. Делла Рокка (64 л., отставной капитанъ). Я знаю принца давно и очень ему преданъ. 10-го января я проходилъ мимо café de la paix съ г. де-Кассапьякомъ и г. де ла Гардомъ; вдругъ одинъ мой пріятель прошелъ тутъ же съ газетою *Parlement* и рассказалъ мнѣ объ Отѣльскомъ дѣлѣ. «Господа, сказалъ я, хотите ѣхать со мною въ Отель?». Мы взяли карету. Выходя изъ нея, мы наперерывъ спѣшили къ принцу. Вошли; принцъ объяснилъ намъ дѣло. Вдругъ г. де ла Гардъ сказалъ: «монсиньеръ ушибленъ». Принцъ сказалъ мнѣ: «любезный капитанъ, это не менѣе того скверное дѣло». Тѣмъ временемъ явился полицейскій комисарь, онъ сказалъ принцу: «мнѣ нужно поговорить съ вами». Принцъ просилъ его въ свой кабинетъ, а я вышелъ изъ дому. Однако мы рѣшились возвратиться и переночевать въ Отели, чтобы оберегать принцессу и ея дѣтей. Когда мы воротились, намъ сказали: «принцъ сейчасъ уѣхалъ въ Консьержери.» Кажется, два дня спустя д-ръ Пинель видѣлъ слѣды удара на его щекѣ.

Защитники и адвокаты. Д-ръ Морель. *Св.* Правда, я перепутываю имена.

Бьетъ половина втораго и засѣданіе прерывается. Въ два часа оно вновь открывается и продолжается допросъ свидѣтелей.

Г. Ж. Делла Рокка (37 л., смотритель библіотеки въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и редакторъ газеты «Avenir de la Corse»). Въ ноябрѣ прошедшаго года газета «La Revanche» основана въ Бастіи г. Томази; въ первомъ же номерѣ онъ напечаталъ статью оскорбительную для памяти Наполеона I. Въ ней было даже слѣдующее выраженіе: «желательно было бы, чтобы нѣсколько членовъ представительнаго собранія товарищей г. Арена послѣдовали его примѣру: тогда орелъ былъ бы задушенъ въ яйцѣ.....». *През.* Сократите ваше показаніе. Перейдите прямо къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ этой полемики. *Св.* Я возразилъ на эту статью съ величайшей умѣренностію. Я напечаталъ статью, въ которой догазывалъ, что Наполеонъ I служилъ неразрывной связью между Франціею и Германіею; статья эта вызвала одобреніе значительнаго большинства моихъ согражданъ. На номерѣ съ письмомъ принца означено число 30 декабря, но въ сущности онъ появился 29-го и пришелъ въ Адегго 1 января; я утверждаю, что онъ былъ посланъ въ тотъ же день въ редакцію «Marsellaise». *Г. Луи Томази* возразилъ на статью принца и отвѣтъ его вызвалъ сильнѣйшее волненіе въ Корсикѣ, потому что въ письмѣ принца не было никакихъ нападокъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ на г. Груссе. Номеръ съ этимъ отвѣтомъ былъ полученъ въ Парижѣ 8 января въ 10 ч. утра, я отвезъ его принцу, который объявилъ мнѣ о своемъ намѣреніи требовать вознагражденія у г. Томази и сдѣлалъ мнѣ честь спросить, согласенъ ли я быть однимъ изъ его секундантовъ. Онъ сверхъ того просилъ меня съѣздить отъ его имени съ такимъ же предложеніемъ къ г. Полю де-Кассаньяку; послѣдній согласился. На другой день, въ воскресенье, я въ 11 ч. отправился въ Отель; вслѣдъ за мною долженъ былъ пріѣхать г. Поль де-Кассаньякъ. Когда я пріѣхалъ, я засталъ домъ въ сильномъ волненіи. Я спросилъ у людей: «что случилось?» Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ мнѣ: «два какихъ-то человѣка пришли, выругали принца, ударили его въ лицо и дѣло кончилось пистолет-

нымъ выстрѣломъ, словомъ — большимъ несчастіемъ». Съ тѣхъ поръ появлялись статьи въ «Marsellaise», въ которыхъ меня называли соучастникомъ принца; понятно, что подобное обвиненіе оскорбительно для честнаго человѣка. Я долженъ привести еще одинъ фактъ, который можетъ быть не лишень значенія. Нѣсколько дней послѣ происшествія я былъ у г. Кюшваль-Кларинье и онъ мнѣ сказалъ: «Я не удивляюсь тому, что произошло въ Отелѣ, потому что три или четыре дня предъ тѣмъ г. Мажьяръ, сотрудникъ газеты «Presse», встрѣтилъ Виктора Нуара, который ему сказалъ: «Я взбѣшенъ, ищущій съ кѣмъ бы поссориться и не нахожу; мнѣ хочется задушить человѣка». Продолжая свое показаніе, свидѣтель распространяется о сильномъ огорченіи, которое онъ замѣтилъ у принца Пьера Бонапарта. Принцъ, между прочимъ, сказалъ ему съ глубокой грустью: «меня оскорбили, мнѣ угрожали, дали пощечину — что жъ вы ходите, чтобы вы сдѣлали?»

Де Манжъ. Номеръ «Avenir de la Corse» съ письмомъ принца 29 былъ отправленъ или 30 декабря? *Свид.* Я самъ отправлялъ, отъ былъ полученъ 30 декабря.

Мильеръ (снова призванный). Я узналъ о полемикѣ въ «Avenir de la Corse» и предполагаемой дуэли г. Груссе только въ понедѣльникъ въ 11 ч. утра — я это утверждаю положительно. Не говорю, что «Avenir de la Corse» не былъ присланъ, но я его не видалъ. *Г. де Манжъ.* Г. Мильеръ, не зналъ ли статьи Эрнеста Лавини, напечатанной въ номерѣ «Marsellaise» отъ 10-го января, вышедшемъ 9-го? *Г. Мильеръ.* Я зналъ статью, намекающую на распри, возникшія въ Корсикѣ, но не зналъ ни о полемикѣ, ни о замышляемой дуэли Груссе съ принцемъ. *Г. Теодоръ де Гравъ* (41 года, публицистъ). 10-го января я былъ въ редакціи газеты «Figaro»; вдругъ входитъ одинъ изъ нашихъ собратовъ и объявляетъ намъ объ Отельскомъ происшествіи. Я тотчасъ же отправился къ г. де ла Брюйеръ, зная, что онъ также какъ и я друженъ съ принцемъ. Онъ спросилъ меня: «значить была дуэль?» я отвѣчалъ: нѣтъ, какъ слышно, все происходило въ самомъ домѣ. «Мы вмѣстѣ поѣхали въ

Отель; я спросилъ у лакея, попавшагося намъ въ сѣняхъ, что такое случилось. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что два господина явились съ вызывающимъ видомъ и, входя, еще спросили: здѣсь домъ Бонапарта? Я засталъ принца въ гостиной, съ нимъ была принцесса. Самое мое появленіе равнялось вопросу и онъ сказалъ мнѣ тономъ, исполненнымъ боли: «меня оскорбили, ударили!» и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указалъ мнѣ на свою лѣвую щеку со словами: «вы видите, меня ударили въ лицо». Я сказалъ ему: «я пріѣхалъ къ вамъ въ качествѣ не только друга, но и публициста; мнѣ вѣроятно придется писать объ этомъ дѣлѣ, поэтому прошу васъ поточнѣе припомнить все, что произошло». Принцъ объяснилъ мнѣ, что эти два господина явились къ нему, заложивъ руки въ карманъ, въ шляпахъ, и подали ему письмо отъ г. Груссе, что онъ имъ сказалъ: «значить вы не отъ г. Рошфора? Драться съ г. Рошфоромъ я готовъ, но съ какимъ-нибудь изъ его поденщиковъ нѣтъ. Солидарны ли вы съ этими людьми?» Какъ онъ мнѣ рассказывалъ, правую руку онъ держалъ въ карманѣ панталонъ, а лѣвую энергически поднятою. Тотъ, что побольше, ударилъ его въ лицо, и въ тоже время онъ видѣлъ, какъ другой, поменьше, угрожалъ ему пистолетомъ; тутъ онъ выстрѣлилъ въ Нуара, который ушелъ, между тѣмъ какъ тотъ спрятался за кресло! «Я пошелъ на него, рассказывалъ мнѣ принцъ, чтобы заставить выйти, и выстрѣлилъ по немъ. Онъ всталъ и, скорчившись, прошелъ въ бильярдную; тамъ онъ остановился и прицѣлился въ меня; тогда я во второй разъ выстрѣлилъ и онъ исчезъ. Впрочемъ, прибавилъ принцъ, если вы хотите объ этомъ писать, то вотъ вамъ самое лучшее средство: вотъ вамъ самое лучшее средство: вотъ вамъ изложеніе факта, которое я написалъ въ первую же минуту». Съ этого документа была сдѣлана копія, но я копію оставилъ и такъ какъ кромѣ истины ничего печатать не хотѣлъ, то взялъ съ собою подлинникъ. *През.* Сколько времени приблизительно послѣ происшествія пріѣхали вы въ Отель? *Свид.* Часа полтора. *През.* Увѣрены ли вы, что принцъ говорилъ вамъ, что видѣлъ пистолетъ въ рукѣ Фонвеля прежде,

чѣмъ выстрѣлилъ самъ? *Свид.* Увѣренъ. *През.* Вы сохранили эту записку принца? *Свид.* Она теперь при мнѣ. *През.* Она приведена въ протоколѣ. *Г. де Манжъ.* Это тотъ самый разсказъ, что напечатанъ въ «Figaro». *Г. Флоке.* Свидѣтель тотчасъ ли увидѣлъ знаки на щекѣ принца? *Свид.* Да, глазъ былъ ушибленъ и часть щеки.

Поль де Кассаньякъ (снова призванный по просьбѣ г. де Манжа) сказалъ, что знакъ отъ ушиба, уже посинѣвшій, занималъ низъ щеки.

Президентъ читаетъ записку принца слѣдующаго содержания:

«1) Они явились съ угрожающимъ видомъ, съ заложеными въ карманы руками, подали мнѣ слѣдующее письмо (выписывается «письмо г. Груссе»). 2) По прочтеніи этого письма я сказалъ: «съ г. Рошфоромъ охотно готовъ драться, съ какимъ ни будь изъ его поденщиковъ — нѣтъ». 3. «Прочтите письмо,» сказалъ большой такимъ тономъ... 4. Я отвѣчалъ: «я уже прочелъ письмо. Солидарны ли вы съ нимъ?» 5. «Я держалъ правую руку въ правомъ карманѣ панталонъ, на моемъ маленькомъ пятиствольномъ револьверѣ, лѣвая рука была у меня полуподнята въ энергической позѣ, когда большой сильно ударилъ меня въ лицо. 6. Маленькій вынулъ изъ кармана шестиствольный пистолетъ, я отступилъ на два шага и выстрѣлилъ въ того, который меня ударилъ. 7. Другой прикорнулся за креслами и оттуда старался выстрѣлить, но никакъ не могъ взвести курка. Я сдѣлалъ два шага къ нему, и выстрѣлилъ въ него, но должно быть не попалъ; тогда онъ убѣжалъ прямо въ дверь; я бы могъ опять выстрѣлить, но такъ какъ онъ меня не ударилъ, то я пропустилъ его, хотя онъ все-еще держалъ пистолетъ въ рукѣ. Дверь оставалась растворенной, онъ остановился въ сосѣдней комнатѣ и обратилъ пистолетъ свой противъ меня. Я выстрѣлилъ по немъ вторично и онъ упалъ».

Свид. Я спрашивалъ принца, почему онъ не выстрѣлилъ сначала въ того, у котораго было оружіе, и онъ мнѣ отвѣтилъ: «Признаюсь вамъ откровенно, что я въ ту минуту думалъ только

о томъ, чтобы отомстить за нанесенное мнѣ оскорбленіе — я не думалъ о защитѣ!» *Г. Лорье*. Не потрудится ли г. президентъ спросить подеудимаго, что онъ разумѣлъ подъ словами: рука полуподнятая, въ энергической позѣ; пусть онъ намъ покажетъ? *Подсуд.* Я разумѣю такой жестъ, которымъ усиливается смыслъ словъ. (*Подсудимый вытягиваетъ руку назадъ, съ жестомъ челоуьтка оживленно объясняющагося*).

Шарль Онорѣ Пинель (41 г., докторъ медицины въ Парижѣ). *През.* Въ качествѣ врача вамъ было поручено произвести осмотръ.

Протоколъ объ этомъ осмотрѣ прочитывается президентомъ и мы ограничиваемся приведеніемъ его:

«Вчера 10 января около половины третьяго по полудни г. полицейскій комиссаръ въ Пали поручилъ мнѣ осмотрѣть раны Виктора Нуара. Когда я прибылъ въ аптеку Мортрѣ, гдѣ было положено тѣло, оказалось, что въ немъ болѣе не было ни искры жизни, но оно было еще совсѣмъ теплое. Я увидѣлъ подъ лѣвою грудью круглую ранку, діаметромъ въ восемь сантиметровъ; рана эта была чистая, какъ всѣ раны отъ огнестрѣльнаго орудія; скажу яснѣе, холодное оружіе производитъ разрывъ съ боляющимися, висячими краями, тогда какъ пуля производитъ прорывъ и уничтожаетъ встрѣченную кожу. Рана Виктора Нуара была послѣдняго свойства, слѣдовательно я съ перваго взгляда могу утвердительно сказать, что она нанесена огнестрѣльнымъ оружіемъ. Судя по направленію раны, я заявилъ мнѣніе, что пуля дошла до сердца, что и причинило смерть, путемъ постепеннаго истеченія крови. Мой собратъ Морель приглашалъ меня осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ слѣды удара, будто-бы полученнаго принцемъ. Я согласился на его просьбу и осмотрѣлъ принца, у котораго оказался на челюсти синякъ, размѣромъ приблизительно въ двухфранковую монету, задняя и вертикальная часть которой была яснѣе обозначена, чѣмъ передняя. Трудно объяснить, что именно могло произвести этотъ синякъ, былъ ли онъ слѣдствіемъ пощечины, данной рукою, на которой былъ бы перстень, или

«рукою, вооруженной набалдашникомъ отъ палки, этого я совершенно не могу опредѣлить. Можно дѣлать догадки: принцъ могъ «ушибиться, преслѣдуя Фонвьеля по гостиной, или пуля могла «попасть въ него рикошетомъ, или наконецъ, могли ударить его «деревянные осколки или куски штукатурки; но, повторяю, невозможно отдать предпочтеніе ни одной изъ этихъ различныхъ гипотезъ.»

«*Судебный слѣдователь.* Еслибы Виктору Нуару, предъ его «выходомъ изъ гостиной, было нанесено тѣлесное поврежденіе, «ударъ и прочее, могли бы обнаружиться слѣды его, несмотря «на то, что смерть послѣдовала нѣсколько минутъ спустя».

«*Свид.* По промежутку времени, истекшему между полученіемъ «раны и дѣйствительною смертію, я могу утвердительно сказать, «что слѣды насилія не имѣли бы времени обнаружиться и не могли «бы ускользнуть отъ нашего изслѣдованія.

«По прочтеніи... и прочее.»

Къ концу показанія д-ра Пинель чувствуетъ себя нездоровымъ и принужденъ на нѣкоторое время прервать его, потомъ продолжаетъ и заявляетъ, что онъ замѣтилъ на лицѣ принца слѣдъ легкаго ушиба за ухомъ, пониже. — *През.* Какъ за ухомъ? за ухомъ можно ударить кулакомъ, но никакъ не дать пощечину? — *Свид.* Нѣтъ можно, г. Президентъ; предположите, что на рукѣ, нанесшей пощечину, былъ большой перстень—дѣло возможное.

Призываютъ опять г. де ла Брюейра. — *През.* На какомъ именно мѣстѣ замѣтили вы слѣдъ удара? — *Свид.* Почти подъ самымъ ухомъ. Мнѣ показалось, судя по знаку, что ударъ не очень давно нанесенъ. — *През.* Не въ томъ дѣло, а въ томъ, гдѣ былъ знакъ отъ удара? — *Свид.* Не за ухомъ.

Призываютъ г. Поля де Кассаньяка. — *През.* На какомъ мѣстѣ вы замѣтили знакъ отъ удара? — *Свид.* Знакъ распространялся по значительной части лица; близъ уха былъ синеватый знакъ, который шелъ отъ уха, къ передней части лица.

Призываютъ г. Казанова. — *През.* На какой части лица былъ слѣдъ удара? — *Свид.* указываетъ на переднюю часть лѣвой щеки.

Призываютъ г. де Грера.—*През.* Гдѣ вы видѣли слѣдъ удара на лицѣ принца?—*Свид.* Я нѣсколько разъ видѣлъ этотъ слѣдъ на лицѣ принца; видалъ его и недѣлю спустя, въ Консержерн онъ принялъ разные оттѣнки.

През. (подс.) Объясните въ точности, на какомъ мѣстѣ былъ знакъ? Подсудимый указываетъ на середину щеки.

През. (д-ру Пинелю) Какъ вы могли такъ ошибиться и сказать, что по осмотрѣ ударъ оказался нанесеннымъ за ухомъ? Наука можетъ ошибиться насчетъ нѣкоторыхъ вопросовъ, но тутъ ужъ ошибиться невозможно, стоитъ только посмотреть.—*Свид.* Отъ слѣху я можетъ быть ошибся. — *През.* Принимаемъ ваши объясненія.—*Свид.* Замѣчу еще, что монсеньеръ далъ мнѣ весьма мало времени на осмотръ. у меня не было достаточно данныхъ; еслибы я имѣлъ шесть минутъ времени, я бы осмотрѣлъ его вполне добросовѣстно. — *Г. Лорье.* Спрашиваю свидѣтеля, не были ли перчатки Виктора Нуара въ минуту осмотра тѣла застегнуты и совершенно цѣлы?—*Свид.* Онѣ были цѣлы, на вздержкахъ.—*Г. Лорье.* И плотно застегнуты?—*Свид.* Совершенно плотно.—*Г. де Манжэ.* Осмотрѣлъ ли г. Пинель тѣло Нуара? не нашелъ ли на немъ какого слѣда личнаго насилія?—*Свид.* Мнѣ это не было поручено, впрочемъ другаго слѣда, кромѣ раны, не было на тѣлѣ.—*Г. де Манжэ.* Еслибы и былъ нанесенъ ударъ, такъ незадолго до смерти, остался ли бы слѣдъ?—*Свид.* Остался бы, еслибы ударъ былъ сколько-нибудь силенъ.

Докторъ Морель (61 г., имѣющій жителство въ Отелль). Я нѣсколько дней уже лечилъ Его Высочество, онъ былъ нездоровъ. Въ понедѣльникъ утромъ я былъ у него; я засталъ его лежащимъ, его любимая поза—растянуться на кушеткѣ и даже ночью; онъ почти всегда ходитъ въ широкихъ панталонахъ и широкихъ сапогахъ, прикрывается шкурой и часто спитъ такъ, на кушеткѣ. Я долженъ сказать, что онъ немножко нѣженка. Давъ ему принять микстуру—я думаю мнѣ нечего говорить вамъ какую—(общій смѣхъ) я ушелъ. Вечеромъ я опять пришелъ, нашелъ большую толпу предъ домомъ, и одинъ полицейскій агентъ рассказалъ мнѣ

о случившемся. Я прошелъ къ принцу и нашелъ его очень взволнованнымъ; онъ мнѣ разсказалъ все, что произошло, и кончилъ словами: «что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?» Я ему отвѣтилъ: «Вы знаете мой характеръ, на вашемъ мѣстѣ я бы убилъ ихъ обоихъ» (*Продолжительный смѣхъ*). Я въ эту минуту замѣтилъ ушибъ на щеку его и сказалъ: «Монсенърь, да у васъ разшиблена нижняя челюсть»; знакъ былъ большой, шириною въ трехфранковую монету (*Смѣхъ*)... знаю, что рука шире!

Нѣсколько минутъ спустя принцъ сказалъ мнѣ: «однако, кажется, на улицѣ говорятъ, что одинъ изъ нихъ умеръ. Это меня удивляетъ, потому что онъ спустился съ лѣстницы.» Затѣмъ онъ мнѣ сказалъ: «Подите-ка взгляните и прежде чѣмъ заняться мною посмотрите, не нужно ли ему подать помощь, въ случаѣ если онъ въ самомъ дѣлѣ умеръ.» (*Смѣхъ*). Я сказалъ присутствующимъ: «принцъ ушибленъ.» Меня спросили, что такое? я отвѣтилъ: «принцъ получилъ пощечину;» и никто не усомнился въ моихъ словахъ, потому что я всегда говорю правду. Тогда я встрѣтилъ двухъ отельскихъ собратовъ, я имъ сказалъ: «принца ударили.» Они сказали: «Если его ударили, это дѣло серьезное.» Я сказалъ: «Пинель, пойдемъ со мною къ принцу;» и въ то же время встрѣтилъ полицейскаго комиссара 7-го округа, мы возвратились къ принцу. Пинель видалъ ушибъ совершенно также какъ и я. *През.* На какомъ мѣстѣ щекы? *Свид.* На самомъ выдающемся; на скулу. Это былъ для насъ фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнiю. Мнѣ даже помнится, что я сказалъ полицейскому комиссару: «Посмотрите, какъ принцъ ушибленъ.» *През.* Значитъ ушибъ былъ весьма серьезенъ и очень замѣтенъ? *Свид.* Потомъ явился г. Руадо и еще нѣсколько лицъ; принцъ написалъ въ министерство Императорскаго Двора, вѣрно то, что онъ въ этотъ день былъ нездоровъ. Глаза у него были влажные, онъ чихалъ и говорилъ мнѣ между прочимъ: «Если у меня состоится дѣло съ Рошфоромъ, я думаю, докторъ, вамъ придется сопровождать меня... въ качествѣ врача» (*Смѣхъ*). *През.* Г. Пинель произвелъ осмотръ съ вами? *Свид.* Да. *През.* Но онъ сдѣлалъ его иначе? *Свид.* Это

меня удивляетъ. Если Пинель говорить другое, то говорить не по совѣсти. *Г. Лорье*. Спрашиваю свидѣтеля: былъ ли произведенъ осмотръ щеки принца мною и д-ромъ Пинелемъ одновременно? *Свид.* Нѣтъ, сначала мною; я случайно встрѣтился съ Пинелемъ. *През.* Печему вы его призвали? *Свид.* Потому, что его обыкновенно призываетъ полицейскій комиссаръ. *Г. Лорье*. Г. Пинель сдѣлалъ визитъ принцу, д-ръ Морель видалъ ли уже принца въ это время? *Свид.* Я его видалъ и прежде и въ это время видалъ. (*Шумъ и смѣхъ*).

Президентъ по замѣчаніи генераль прокурора просить адвокатовъ не обращаться прямо къ свидѣтелю.

Г. Лорье. Мнѣ кажется невозможно болѣе почтительно, чѣмъ мы, относиться къ высшему суду. *През.* Мы не винимъ васъ въ этомъ шумѣ, но онъ распространяется въ толпѣ, а судъ долженъ сохранять свое достоинство.

Президентъ прочитываетъ письменное показаніе свидѣтеля.

«Я—домашній врачъ принца Пьера Бонапарта; я лечу его уже нѣсколько дней отъ сильнаго гриппа, который задерживаетъ его на кушеткѣ, что для него равняется постели, такъ какъ онъ чаще поживаетъ на этой кушеткѣ, чѣмъ въ постели. Вчера 10 января я навѣстилъ его около 10 ч. утра; ему еще очень нездоровилось; онъ вдыхалъ іодъ, принималъ лохи, пицаны и былъ на діетѣ. Я возвратился въ тотъ же день около половины третьяго, у него только-что были два неизвѣстныхъ господина; онъ казался очень взволнованнымъ, рассказалъ мнѣ, что онъ сначала думалъ, что они присланы Рошфоромъ; что по обмѣнѣ нѣсколькихъ словъ, произнесенныхъ неизвѣстными угрожающимъ тономъ, одинъ изъ нихъ далъ ему пощечину въ лѣвую щеку; что онъ тогда вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ въ ударившаго его. Что этотъ незнакомецъ тотчасъ же удалился, а товарищъ его угрожалъ принцу пистолетомъ, вслѣдствіе чего принцъ два раза стрѣлялъ, но ни разу не попалъ въ него. По немедленному произведенному мною осмотру, оказалась у принца на лѣвой щекѣ очень сильная краснота, съ легкой синевою и опухолью, какъ

«будто ударившая его рука была вооружена твердымъ тѣломъ — перстнемъ или набалдашникомъ палки. Утверждая самымъ энергическимъ образомъ, что слѣдъ этого удара былъ для меня, какъ нельзя болѣе, очевиденъ. Я пробылъ около часу, тогда мнѣ пришла мысль пригласить собрата моего Пинеля освидѣтельствовать слѣды личнаго насилія, потерпѣннаго принцемъ, такъ какъ я зналъ, что полицейскій комиссаръ обыкновенно поручаетъ Пинелю судебно-медицинскіе осмотры. Онъ вмѣстѣ со мною пошелъ къ принцу и въ моемъ присутствіи освидѣтельствовалъ слѣды еще замѣтные, хотя и очень ослабленные, удара, на который жаловался принцъ. Считаю долгомъ прибавить въ подтвержденіе привычки принца всегда хотить съ револьверомъ, что однажды въ Рамбулье, нѣсколько лѣтъ назадъ, пистолетъ нечаянно выстрѣлилъ у него въ карманѣ и чуть не поранилъ ему ляжку. Я тогда же сдѣлалъ ему замѣчаніе на счетъ этой привычки, превратившейся въ настоящую манію, но никакъ не могъ уговорить его отказаться отъ нея. Я кромѣ того нашелъ въ гостиной принца, близъ стола между двумя окнами, выходящими въ садъ, палку со стилетомъ, которая была схвачена правосудіемъ; стилетъ былъ отчасти выдвинутъ; я подвигалъ его взадъ и впередъ и совсѣмъ задвинулъ. Когда я нашелъ ее, она была въ такомъ видѣ, какъ будто не думали ее употреблять.»

«По прочтеніи... и прочее.»

Доктора Тардье и Бержеронъ не отказываются на вызовъ ихъ имени. Вводятъ слѣдующаго по списку свидѣтеля г. Вильона.

Эмиль Вильонъ (столяръ 54 лѣтъ, имѣющій жительство на улицѣ rue d'Allemagne № 62). 5 января между 11 и 12 часами я былъ у г. Прюдомма, торговца сукнами, на улицѣ des bons enfans. Одинъ изъ прикащиковъ сказалъ при мнѣ: «на дняхъ произойдетъ славная штука, принцъ Пьеръ Бонапартъ будетъ вызванъ на дуэль и если онъ не захочетъ драться, его убьютъ въ его бюро». Онъ прибавилъ: «это задумали товарищи г. Рошфора». През. Да правда ли это? Свид. Клянусь прахомъ моей матери. (*Шумъ въ публикѣ*). През. Здѣсь не театр. Правосудіе должно

быть почитаемо, я велю вывести тѣхъ, кто станетъ шумѣть. (Свидѣтелю). Итакъ вы сами слышали эти слова? Свид. Влянусь!

Франсуа Алексисъ Жобаръ (торговый прикащикъ, имѣющій жительство въ Парижѣ на улицѣ St. Нопоге № 140). *През.* Вамъ былъ сдѣланъ допросъ по поводу словъ, приписываемыхъ вамъ. Скажите то, что вы знаете. Свид. Я ровно ничего ни знаю. *През.* Но вѣдь вы служите прикащикомъ у г. Пруданта на улицѣ des bons enfans? Свид. Служу. *През.* Вы ли говорили: «произойдетъ славная штука, пойдутъ къ принцу Бонапарту вызывать его, и если не захочетъ драться—убьютъ его»? Впрочемъ говорятъ, что не вы сказали это, а вамъ сказалъ г. Римбо. Свид. Правда, такъ говорятъ, но онъ этого не говорилъ при мнѣ. *Г. Вильонъ* (снова призванный). Слова эти были сказаны ему у г. Пруданта. *Г. Жобаръ.* Это ложь. *Г. Вильонъ.* Вы сами лжецъ. *През.* Свидѣтели, обращайтесь къ суду. (*Жобару*). Вы признаете, что г. Вильонъ приходилъ къ г. Пруданту 5 января? *Г. Жобаръ.* Признаю. *Г. Вильонъ.* Вы возились со штукаами сукна, когда вамъ это было сказано. *Г. Жобаръ.* Пускай я сказалъ, коли хотите.

Луи Римбо (торговый прикащикъ). *През.* Вы рѣзали кусокъ сукна 5 января для г. Вильона. Свид. Нѣтъ, не я, недумаю. *През.* Не говорили ли вы: произойдетъ славная штука, принца Пьера Бонапарта вызовутъ на дуэль и, если онъ не захочетъ драться, его убьютъ?» Свид. Нѣтъ я этихъ словъ не говорилъ, по той уважительной причинѣ, что я совершенно не зналъ принца Пьера Бонапарта. (*Улыбки въ публикѣ*). *Г. Вильонъ* (снова призванный). *Г. Римбо* говорилъ это. Когда его спросили, онъ покраснѣлъ; онъ не хорошо дѣлаетъ, что отпирается. *Г. Римбо.* М. Г. это оскорбленіе! *Г. Вильонъ.* Да, оскорбленіе для меня. *През.* Не разговаривайте другъ съ другомъ. Итакъ вы утверждаете этотъ фактъ, а вы отрицаете его; присяжные разберутъ дѣло. Можете садиться.

Г-жа Моренъ (42 л. швея). 5 января я была у г. Вильона;

онъ пришелъ домой и сказалъ: «я слыхаль, что принца Пьера Бонапарта вызовутъ на дуэль и что, если онъ не захочетъ драться, его убьютъ въ его бюро». Вотъ что сказалъ мнѣ г. Вильонъ. *През.* Не принесъ ли онъ съ собой сукна? *Св-ца.* Да, метръ и 20 сантиметровъ. *През.* Какъ вы замѣтили, придавалъ ли г. Вильонъ важность этимъ словамъ? *Св-ца.* Нѣтъ. *През.* Какого рода чловѣкъ г. Вильонъ? *Св-ца.* Это господинъ, который занимается только своимъ ремесломъ.

Фурье столяръ. *През.* Не слыхали ли вы 5 января, чтобы вамъ хозяинъ сказалъ: «я сейчасъ слышалъ забавную штуку?» *Св-ца* Г-жа Моренъ спросила его: «что такое?» онъ отвѣтилъ: «пойдутъ вызывать принца Пьера Бонапарта къ нему на домъ и, если онъ не захочетъ драться, его убьютъ». *През.* Принесъ ли г. Вильонъ кусокъ сукна, когда возвратился домой? *Свид.* Я не замѣтилъ. *През.* Чѣмъ занимается г. Вильонъ? Ничего другаго не дѣлаетъ, кромѣ своей торговли? *Свид.* Кажется такъ. *През.* Говорилъ ли онъ въ пользу принца? *Свид.* Я никогда не слыхаль.

Г. Римбо опять вызываютъ. *През.* Вотъ что говорилъ Вильонъ 5 января, какимъ же образомъ онъ могъ знать заранѣе, что произойдетъ 10-го? *Г. Римбо.* Не знаю, но не знаю также и всего того, что обомнѣ говорили и что совершенно ложно. *През.* Въ такомъ случаѣ три свидѣтеля все лгутъ... Г. Римбо просить позволенія удалиться, но генераль-прокуроръ этого не допускаетъ. Въ эту минуту приставъ докладываетъ, что прибыли доктора Тардье и Бержеронъ.

Амбрудзъ Тардье (професоръ при порижскомъ факультетѣ, 52 лѣтъ). Я дѣлалъ вскрытіе тѣла Виктора Нуара; это былъ чловѣкъ молодой, высокаго роста, часть платья уже была снята съ него. На немъ были панталоны, обувь и перчатки. Рана была всего одна близъ сердца; пуля, поразившая его была маленькая, выстрѣлъ былъ сдѣланъ совершенно прямо. Острый конецъ сердца былъ пораженъ, послѣдовало значительное кровотеченіе; слѣда драки не было никакого. И такъ освидѣтельствовать причину смерти было вовсе не мудрено.—Вотъ результатъ моихъ опера-

цій. Продолжать ли мнѣ, г. президентъ? *През.* Продолжайте. *Свид.* Я долженъ былъ осмотрѣть пальто: во первыхъ, оказалось, что нѣтъ прожога, ни окраски отъ пороха, была только просто дыра, — изъ этого мы заключили, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ на разстояніи по крайней мѣрѣ метра. Еслибы разстояніе было меньше, пальто было бы прожжено. Я тоже осмотрѣлъ пальто г. де Фонвьеля, съ цѣлью опредѣлить направленіе пули. На немъ два двойныхъ отверстія; одно на передней верхней части груди, другое чрезъ воротникъ. Первое отверстіе имѣетъ видъ дыры въ формѣ неправильнаго круга; съ задней стороны оно представляетъ разрывъ, съ прямоугольными клочьями, завороченными внутрь. И эта часть отверстія ниже передней. Что касается втораго отверстія, оно помещается повыше ворота: это почти что круглая дыра, съ вдавленными краями, тогда какъ подкладка представляетъ продолговатый разрывъ, немножко косвенный, а холстъ, положенный между воротникомъ и подкладкою, торчитъ наружу, — изъ этого слѣдуетъ вывести, что бортъ пальто и воротникъ прострѣлены снизу вверхъ. Выстрѣлъ очевидно былъ сдѣланъ на порядочномъ разстояніи, направленіе его косвенное и г. де Фонвьель должно было стоять сильно повернувшись въ профиль. *През.* Можете ли вы, г. докторъ, выразить мнѣніе, могущее дать перевѣсъ на сторону доктора Пинеля или д-ра Мореля? *Свид.* Я не видалъ подсудимаго, но, рассмотрѣвъ показаніе г. Пинеля и г. Мореля, я могъ дать самому себѣ отчетъ о томъ, что происходило и чего я лично не свидѣтельствовалъ. Во первыхъ, д-ръ Морель 10 января освидѣтельствовалъ на щекѣ принца сильную красноту съ нѣкоторою синевою и опухолью шириною въ двухъфранговую монету, слѣдовательно нанесеніе удара въ щеку кажется доказано; ударъ былъ нанесенъ прямо. Я долженъ былъ осмотрѣть, не было ли на рукѣ Нуара чего нибудь, что могло произвести синякъ; оказалось, что на немъ были черныя перчатки, но перстня не было; зато на рукавчикахъ рубашки у него были круглыя, перламутровыя запанки, очень толстыя и очень твердыя, слѣдовательно округленный и

твердый предметъ, которымъ объясняется знакъ на лицѣ принца, имѣется на лицо.

Одинъ изъ присяжныхъ. Г. д-ръ Пинель сію минуту говорилъ, что отъ общей блѣдности лица подсудимаго мгновенно могла исчезнуть краснота отъ удара. *Свид.* Что касается красноты, она отъ душевнаго волненія могла исчезнуть, но изліяніе крови—дѣло другое: ни опухоль, ни синева не могли исчезнуть отъ душевнаго волненія.

Лорье. Я попрошу судъ потрудиться постановить, чтобы г. де Фонвьель надѣлъ пальто, которое было на немъ 10-го января, такъ чтобы гг. присяжные совершенно ясно и наглядно поняли, какимъ путемъ прошла пуля.

Генераль-Прокуроръ. Требованіе это кажется мнѣ вполне справедливо.

Леру. Я нисколько ему не противлюсь. Призываютъ г. де Фонвьеля, онъ надѣваетъ пальто.

Лорье. Для того, чтобы опытъ былъ полонъ, нужно, чтобы г. де Фонвьель сдѣлалъ рукою то самое движеніе, какъ въ ту минуту, когда вынималъ револьверъ изъ кармана. (Свидѣтель мѣняется нѣсколькими словами съ д-ромъ Тардье и адвокатами, которые обступаютъ его, чтобы указать, какимъ образомъ было раскрыто пальто въ минуту выстрѣла).

Де Фонвьель. Замѣчу, что опытъ этотъ производится еще въ первый разъ, на слѣдствіи его не дѣлали. *Г. Тардье.* Чтобы уяснить себѣ вопросъ я заставилъ одного изъ судебныхъ приставовъ надѣть пальто.

Одинъ изъ присяжныхъ. Полагаетъ ли г. д-ръ Тардье, что г. Ульрихъ де Фонвьель былъ согнувшись, когда въ него выстрѣлено? *Г. Тардье.* По моему мнѣнію пальто пробито третьимъ выстрѣломъ,—тѣмъ, который былъ сдѣланъ въ бильярдной, когда г. Фонвьель стоялъ, выпрямившись. *Ген.-Прокуроръ.* Однако противъ этого предположенія г. доктора говорить то обстоятельство, что слѣды пули на стѣнѣ бильярдной отстоятъ отъ полу на высоту не болѣе одного метра. *Д. Тардье.* Да, но я не могу знать

того, въ какомъ положеніи стрѣляла рука. *Г. де Фонвьель*. Но тутъ есть одинъ весьма простой вопросъ—гдѣ другая пуля. *През.* Вы могли унести ее въ платьѣ, сами того не зная, и она могла упасть впослѣдствіи; это конечно только догадка, но догадка не лишенная вѣроятія, такъ какъ въ гостиной не нашли ни пули, ни слѣда отъ нея.

Жоржъ Бержеронъ (30 л. докторъ медицины). Г. Бержеронъ былъ приглашенъ правосудіемъ для медицинскаго осмотра тѣла Нуара вмѣстѣ съ г. Тардье. Онъ описываетъ одну рану, сдѣланную пулей револьвера, которая была найдена въ самой ранѣ, среди сгустковъ крови. На тѣлѣ Виктора Нуара, по словамъ его, не было никакого поврежденія; лицо также не представляло знаковъ ушиба, удара или синяковъ: руки были въ перчаткахъ, которыхъ не снимали. Края раны не представляли слѣдовъ обжога, слѣдовательно выстрѣлъ былъ сдѣланъ на разстояніи, по крайней мѣрѣ, метра. *През.* Я вамъ сдѣлаю вопросъ, который былъ уже сдѣланъ г. д-ру Тардье. Одинъ изъ присяжныхъ спрашивалъ, не могъ ли вслѣдствіе блѣдности лица покойника исчезнуть слѣдъ удара, еслибы таковой и былъ нанесенъ. *Свид.* Нѣтъ, г. президентъ, за сильнымъ ударомъ непременно слѣдуетъ изліаніе крови и оно было бы замѣтно, можетъ быть даже еще замѣтнѣе послѣ смерти.

Луи Даниель Мортре (38 л. аптекаръ, имѣющій жительство на Отельской улицѣ № 42 въ Отелѣ). Въ понедѣльникъ 10 января принесли ко мнѣ въ аптеку тѣло Виктора Нуара, который тутъ же почти немедленно испустилъ послѣднее дыханіе. Я велѣлъ положить его въ небольшомъ кабинетѣ, смѣжномъ съ аптекою. Тѣло сопровождали г. де Фонвьель, Груссе и Сатонъ. Я далъ знать г. Саммазелю, который немедленно явился, но успѣлъ только засвидѣтельствовать смерть. Г. де Фонвьель отправился въ часть сдѣлать донесеніе. Возвратившись, онъ нѣсколько разъ рассказывалъ сцену, происходившую у принца; я слышалъ, какъ онъ говорилъ, что принцъ сказалъ ему: «вы солидарны съ этими стервами?» На что по его словамъ Викторъ Нуаръ отвѣтилъ: «мы

солидарны съ нашими друзьями». Что тогда принцъ подошелъ къ Виктору Нуару, далъ ему пощечину лѣвой рукою и выстрѣлилъ правой. Мнѣ такъ помнится, что г. де Фонвьель сказалъ, что принцъ далъ пощечину лѣвой рукою, а выстрѣлилъ правою. Г. де Фонвьель присовокупилъ, что по немъ было сдѣлано два выстрѣла, которые пробили ему пальто; онъ пришелъ, показывалъ воротникъ, пробитый пулею. *През.* Имѣете вы еще что-нибудь сказать? *Свид.* Да, было говорено, будто г. Фонвьель сказалъ, что его пріятель ударилъ по лицу. Увѣряли, что это было сказано не только на улицѣ, но и у меня въ аптегѣ — утверждаю самымъ формальнымъ образомъ, что г. Фонвьель никогда ничего подобнаго не говорилъ. *През.* Вы не слыхали, чтобы г. де Фонвьель говорилъ это у васъ въ аптегѣ? *Свид.* Не только я не слыхалъ, но могу утвердительно сказать, что онъ вовсе не говорилъ, потому что я ни на минуту не выходилъ изъ аптеки, пока были у меня эти господа. *Г. Лорье.* Свидѣтель видѣлъ тѣло; замѣтилъ ли онъ, что руки были въ перчаткахъ, а перчатки въ обтяжку и цѣлы? *Свид.* Перчатки были совершенно цѣлы; не могу сказать въ точности, были ли они застегнуты, но во всякомъ случаѣ онъ плотно сходились.

Никола Саммазель (54 л., докторъ медицины въ Отелѣ). 10 января около 2 двухъ часовъ или 2¹/₂, въ точности не умѣю сказать, мнѣ дали знать, что въ аптеку, находящуюся въ моемъ домѣ, принесли тѣло раненаго молодого человѣка; я сошелъ внизъ, чтобы подать ему помощь, но съ перваго же взгляда увидѣлъ, что онъ погибъ; дѣйствительно онъ скончался спустя мгновение послѣ моего прихода. Я старался объяснить себѣ причину его смерти и для этого раскрылъ ему грудь. Подъ лѣвой грудью я увидѣлъ очень маленькую ранку, на видъ причиненную брилетомъ или рапирю. Я съ истиннымъ удивленіемъ узналъ, что она нанесена пистолетомъ. Г. де-Фонвьель сказалъ мнѣ, что Викторъ Нуаръ и онъ явились къ принцу Пьеру Бонапарту, чтобъ требовать отъ него удовлетворенія съ оружіемъ въ рукахъ отъ имени ихъ пріятеля Паскаля Груссé. Ихъ ввели къ принцу, который,

заставивъ ихъ ждать около десяти минутъ, вышелъ къ нимъ и спросилъ, отъ Рошфора ли они присланы. На отрицательный ихъ отвѣтъ принцъ сказалъ: «я дерусь съ Рошфоромъ, а не съ его поденьщиками». Послѣ этого было сказано еще нѣсколько словъ съ той и другой стороны; принцъ, по словамъ г. де Фонвьеля, сдѣлалъ движеніе рукою, какъ бы намѣреваясь дать Виктору Нуару пощечину: тотъ поднялъ руку, какъ бы для того, чтобы оборониться, и тогда принцъ выстрѣлилъ. *През.* Стало быть г. де Фонвьель сказалъ вамъ, что принцъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы намѣреваясь дать пощечину? *Свид.* Или далъ пощечину — хорошенько не запомню. *През.* Тутъ большая разница. Въ вашемъ письменномъ показаніи нѣтъ ни малѣйшаго колебанія; тамъ прямо сказано: принцъ далъ пощечину, припомните же теперь хорошенько слова г. де Фонвьеля, сказалъ ли онъ вамъ, что принцъ далъ пощечину, или сдѣлалъ жестъ, какъ бы намѣреваясь дать пощечину? *Свид.* Замахнулся, что ли. Пощечина могла не дойти по назначенію, не помню, не могу утвердительно сказать, говорилъ ли мнѣ г. де Фонвьель, что пощечина дѣйствительно получена. Пока онъ говорилъ со мною, я былъ поглощенъ осмотромъ тѣла. *През.* Знали ли вы Виктора Нуара до этого несчастнаго происшествія? *Свид.* Нѣтъ, г. президентъ. То есть я его зналъ только въ лицо; я съ нимъ часто встрѣчался на бульварѣ и мы раскланивались, я косвенно имѣлъ съ нимъ нѣкоторыя сношенія чрезъ общество литераторовъ, къ которому онъ принадлежалъ.

Жакъ Дезире Рустанъ (почталіонъ при Отельскомъ почтамтѣ, имѣющій жительство на улицѣ Михель-анжъ). Въ день происшествія я выходилъ изъ дому, какъ вдругъ услышалъ крики, которые привлекли меня къ дому принца Пьера Бонапарта; я пришелъ въ ту минуту, какъ Викторъ Нуаръ опускался на тротуаръ. Немного спустя я видѣлъ выходившаго изъ дому г. де Фонвьеля; онъ держалъ въ рукѣ пистолетъ и кричалъ: «убійство»; онъ старался опустить курокъ, но никакъ не могъ и отдалъ мнѣ; я опустилъ курокъ и возвратилъ ему пистолетъ, но, опасаясь новаго несчастія, побѣжалъ за нимъ и просилъ его отдать мнѣ пи-

столетъ назадъ. Онъ отдалъ, показывая, что не употреблялъ его.

През. Почему онъ не могъ опустить курка? *Свид.* Не знаю. *През.* Однако это очень легко, когда вставить шомполь, вращательное движеніе револьвера останавливается, но когда курокъ взведенъ, шомполь не можетъ войти; что же могло помѣшать г. де Фонвьелю опустить курокъ? *Свид.* Должно быть душевное волненіе. *През.* Не кричалъ ли онъ: «убиваютъ!» *Свид.* Да. *През.* Не говорилъ ли онъ «еслибы мой пистолеть не далъ осѣчки, я бы убилъ его?» *Свид.* Не помню.

Призываютъ опять г. де Фонвьеля.

През. Почему вы не могли опустить курокъ у вашего пистолета? *Свид.* У меня вся рука была въ крови, я поранилъ себѣ руку. *През.* Какимъ образомъ? *Свид.* Стараясь открыть футляръ.

Таладонъ. 10-го января я слышалъ крики убійство! вышелъ, вижу, одинъ господинъ лежитъ на тротуарѣ, другой стоитъ безъ шляпы и держитъ въ рукѣ пистолеть. Послѣдній говорилъ: если бы удалось мнѣ взвести курокъ, принцъ былъ бы убитъ. Я пошелъ съ своимъ хозяиномъ въ аптеку, куда снесли молодого человѣка. Хозяинъ мой говорилъ мнѣ, будто г. де Фонвьель сказалъ ему, что Викторъ Нуаръ получилъ отъ принца пощечину, или имѣлъ намѣреніе дать принцу—хорошенько не помню.

Послѣ этого показанія засѣданіе закрывается въ 5¹/₄ час. и продолженіе его откладывается до слѣдующаго дня.

23 марта стеченіе народа вокругъ зданія суда еще значительнѣе, чѣмъ было въ предыдущіе два дня. Это объясняется распространившимся по городу слухомъ, что г. Анри Рошфоръ прибылъ въ Туръ съ утреннимъ поѣздомъ и что съ него въ этотъ день будетъ сниматься показаніе. Кромѣ жандармовъ изъ толпы рѣзко выдѣляется порядочное число конныхъ драгуновъ; народъ впрочемъ держитъ себя по прежнему совершенно спокойно; на всѣхъ лицахъ выражается одно нескрываемое любопытство; всѣ конечно толкуютъ о процессѣ, но въ полголоса. Споровъ объ немъ избѣгаютъ; однако ясно, что образовалось нѣсколько различныхъ

миѣній — быстро составляются группы и каждый разговариваетъ съ друзьями, но сторонится отъ незнакомыхъ. Въ публикѣ, собравшейся въ залѣ суда, тоже много новыхъ лицъ. По распоряженію президента верховнаго суда на каждое засѣданіе выдаются билеты, чтобы удовлетворить большее число желающихъ. Въ 11 ч. засѣданіе открывается.

Вицентъ Ноталь (36 л. живущій своимъ доходомъ (*gentier*) въ Отелѣ; у этого свидѣтеля сильный англійскій акцентъ и онъ путается во фразахъ). Около 7 ч. в. десятаго января, я былъ въ Отелѣ, у аптекаря г. Мортэ. Въ аптекѣ былъ господинъ, на котораго нѣкоторые изъ присутствующихъ указали мнѣ, какъ на сотрудника газеты «*Moniteur universel*», сказавъ, что это г. Морель; я его сейчасъ видѣлъ здѣсь въ залѣ свидѣтелей. Г. Мортрэ между прочимъ говорилъ: они сказали, что дали принцу пощечину и что тогда принцъ на нихъ накинулся. Такъ какъ г. Мортрэ упоминалъ только о г. де Фонвьелѣ и г. Паскалѣ Груссэ, то я и думалъ, что это одинъ изъ нихъ ударилъ принца. *През.* На слѣдствіи вы вотъ что сказали:

Президентъ прочитываетъ письменное показаніе свидѣтеля слѣдующаго содержанія:

«Въ день происшествія около 7 ч. в. я былъ у аптекаря г. «Мортрэ, къ которому зашелъ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о происходившемъ въ теченіе дня. Г. Мортрэ въ эту минуту разговаривалъ съ неизвѣстнымъ мнѣ господиномъ, про котораго онъ «мнѣ сказалъ, что это репортеръ (*reporteur*) официальной газеты «или «*Moniteur universel*». Въ числѣ многоаго, что говорилъ г. Мор-«трэ, помню слѣдующія слова: «они сказали спустя часъ послѣ «происшествія, что они дали пощечину принцу и что принцъ на-«кинулся на нихъ». Не знаю, правда ли это, а такъ какъ г. Мор-«трэ въ разговорѣ упомянулъ только о г. Груссэ, де Фонвьелѣ и «Сотонѣ, то я подумалъ, что одинъ изъ нихъ далъ пощечину и «что они признались въ этомъ въ аптекѣ. Можно было еще по-«нять такъ, что они этими словами разумѣли Виктора Нуара, такъ «какъ тѣло еще лежало въ аптекѣ, когда они рассказывали. Я

«изъ этого разсказа понялъ, что Викторъ Нуаръ далъ пощечину «принцу, потому что знаю послѣдняго по наслышкѣ и считалъ его не способнымъ убить человѣка, если его не понуждаетъ къ тому сильное оскорбленіе или необходимость защитить свою жизнь».

По прочтеніи и проч.».

През. Давно ли вы живете въ Отелъ? *Свид.* Семь лѣтъ.

Г. Мортре (снова призванный). Я не говорилъ этого г. Ноталю; г. Ноталь англичанинъ и я нѣсколько разъ имѣлъ случай замѣтить въ разговорѣ съ нимъ, что онъ не совсѣмъ понимаетъ, что ему говорятъ, и что трудно понять то, что онъ говоритъ. *През.*

Г. Ноталь, слышите? *Свид.* Я совершенно увѣренъ, что это слышалъ. *Г. Мортре.* Я повторяю, что не говорилъ, чтобъ г. Фонвьель

сказалъ мнѣ, будто Викторъ Нуаръ ударилъ принца. Это столь же

противно здравому смыслу, какъ истинѣ. *Свид.* Тутъ вышла путаница, я не называлъ Виктора Нуара; я сказалъ, что предположилъ, что говорилось объ одномъ изъ этихъ господъ или о Викторѣ Нуарѣ, такъ какъ тѣло его лежало тутъ же. *През.* *Г.*

Мортре, слышите, что говоритъ свидѣтель: показаніе его въ высшей степени категорично. *Г. Мортре.* Ну, а я не очень категорично его опровергаю.

Вахтеръ (44 л. публицистъ сотрудникъ газеты «Constitutionnel»).

Утромъ, 11 января я отправился въ редакцію Constitutionnel и зашелъ позвать руку г. Ланглэ, отвѣтственному редактору, который сказалъ мнѣ: «вы знаете Ульриха де Фонвьель и Виктора Нуара, какого вы мнѣнія о статьѣ газеты «Marsellaise», объ этомъ преждевременномъ обвинительномъ актѣ, подписанномъ Ульрихомъ де Фонвьель.» Я отвѣтилъ: этотъ преждевременный обвинительный актъ не внушаетъ мнѣ ни малѣйшаго довѣрія». Объясню суду, почему я такъ сказалъ.

Фонвьель, вслѣдствіе того, что принялъ участіе въ качествѣ секунданта въ одной дуэли, попалъ на скамью обвиняемыхъ, и мнѣ не хотѣлось еще повредить ему, высказывая всю правду. Въ этомъ дѣлѣ, г. де Фонвьель и еще одинъ господинъ были секун-

дантами г. Густава Флуранса, вызвавшего на дуэль г. Поля де-Кассаньяка, и они воспользовались этим случаемъ, чтобы напечатать въ газетѣ «Gaulois» письмо, равнявшееся ничѣмъ не вызванной клеветѣ; въ немъ говорилось, что отъ одной мысли объ этой дуэли, у г. де-Кассаньяка животъ заболѣлъ (*mal d'entrailles*). Однимъ словомъ, эти два господина отступили отъ своей роли секундантовъ и позволили себѣ ругать, когда на карту была поставлена жизнь двухъ человѣкъ. Въ подтвержденіе моего мнѣнія о степени правдивости упомянутого выше письма, я еще сказалъ г. Лангле: «Вспомните-ка, что я вамъ однажды разсказалъ объ Ульрихѣ де-Фонвьель! онъ при мнѣ разсказывалъ одну изъ тѣхъ исторій, которыхъ много разсказывается о 1851 и 1852 г.;» я сказалъ ему: «не повторяйте же вы этой чепухи! вѣдь вы знаете, что это одна клевета.»— «А, любезный другъ, возразилъ онъ мнѣ, клевета такое оружіе, которое мы вправѣ употреблять противъ политическихъ враговъ, такъ часто безсовѣстно поступавшихъ съ нами.» Этому разговору старались придать превратный видъ, и онъ дошелъ до г. д'Омса въ совершенно измѣненномъ видѣ. *Г. Леру*. Свидѣтелю известны были характеръ и привычки Виктора Нуара? *Свид.* Я молчу: Викторъ Нуаръ умеръ. *Г. Леру*. Мы вполне понимаемъ, какое уваженіе должно оказывать могилѣ, но въ интересахъ истины, въ интересахъ защиты, мы не можемъ допустить совершеннаго молчанія. Въ показаніи свидѣтеля, данномъ передъ г. судебнымъ слѣдователемъ, я читаю слѣдующее: «Скажу въ свою очередь, что считаю разсказъ принца вѣрнымъ, въ виду грубыхъ привычекъ Нуара.» *Свид.* Г. д'Омсъ меня спросилъ объ этомъ, я долженъ былъ высказать свое впечатлѣніе. *Г. Лорье*. Изъ всего этого выходитъ, что г. Вахтеръ зналъ Виктора Нуара въ лице? *През.* Такъ какъ уже поднять этотъ вопросъ, то его нужно разъяснить. Г. Вахтеръ, были вы знакомы съ Викторомъ Нуаромъ? *Свид.* Былъ—какъ бываютъ знакомы между собою публицисты. Это были отношенія случайныя, безъ всякой короткости.

Луи-Эдуардъ Дарле (33 лѣтъ, городской сержантъ, полицейскій агентъ). 10 января, безъ пяти минутъ въ 2 ч. меня

призвалъ конюхъ принца, Эрнестъ, говоря, что принцъ меня требуетъ. Я отправился на верхъ, къ принцу, вошелъ въ гостиную; принцъ былъ въ спальнѣ. Онъ спросилъ меня, одинъ ли я. Я сказалъ, что одинъ. Онъ сказалъ мнѣ, что два неизвѣстные ему человѣка пришли къ нему, выругали его и ударили; я замѣтилъ, что лице у него красно. Онъ просилъ меня дать знать полицейскому комиссару того квартала, чтобы ему прислали агентовъ для безопасности, и увѣдомить его, что послѣ того, какъ эти люди ударили его, онъ, принцъ, выстрѣлилъ въ одного изъ нихъ и ранилъ его. Я вышелъ и нѣсколько минутъ спустя мое начальство откомандировало меня смотрѣть, чтобы на улицахъ былъ свободный проходъ. Я провожалъ тѣло Нуара къ нему на домъ. Я видѣлъ, какъ г. Луи Нуаръ встрѣтилъ тѣло. Г. де Фонвьель и г. Груссе подошли къ нему, онъ имъ сказалъ: «Оставьте меня въ покоѣ.» *През.* Въ которомъ часу пришли за вами отъ принца? *Свид.* Безъ шести минутъ въ 2 ч.— безъ пяти или шести минутъ. *През.* И такъ, по вашему крайнему убѣжденію на щекѣ принца былъ знакъ отъ удара? *Свид.* Да. *През.* На какомъ мѣстѣ? *Свид.* На самой щекѣ. *През.* Не за ухомъ? *Свид.* Нѣтъ.

Президентъ прочитываетъ письменное показаніе свидѣтеля — оно оказывается почти тождественнымъ.

През. Какого рода былъ знакъ? Краснота? Синякъ? *Свид.* Да, г. президентъ.

Андре Баланьякъ (начальникъ отельской бригады городскихъ сержантовъ). 10 января, въ 1³/₄ ч. я дѣлалъ поименную переключку городскихъ; четверть часа спустя одинъ изъ агентовъ пришелъ извѣстить меня, что человѣкъ убитъ въ домѣ принца Пьера Бонапарта, и что тѣло положено въ аптеку Мортре. Я туда отправился и нашелъ тѣло Виктора Нуара. Тамъ былъ докторъ Самазель, аптекарь и г. Паскаль Груссе. Послѣдній сказалъ мнѣ, что онъ послалъ этого молодого человѣка, вмѣстѣ съ г. де Фонвьелемъ, къ принцу Бонапарту требовать удовлетворенія за оскорбленіе. Я вышелъ изъ аптеки. По дорогѣ, я встрѣтилъ доктора Мореля, мы вмѣстѣ отправились къ принцу; онъ сказалъ мнѣ: «Я сей-

часъ попалъ въ западню; два господина явились ко мнѣ, одинъ меня ударилъ,» и принцъ указалъ мнѣ на свою лѣвую щеку, на которой еще замѣтна была краснота. (Тутъ свидѣтель повторяетъ нѣсколько разъ приведенный нами рассказъ принца). Впослѣдствіи, присовокупляетъ онъ, г. де Фонвьель говорилъ мнѣ: «Мнѣ и Виктору Нуару поручено было г. Груссе требовать отъ него удовлетворенія.» (Свидѣтель повторяетъ рассказъ г. де Фонвьеля, тоже нѣсколько разъ приведенный, затѣмъ продолжаетъ:) Въ 5 ч. собралась куча народа и стала ломиться въ ворота; одни ворота, съ задней стороны, выломали. Мнѣ дали знать. Я бѣгомъ побѣжалъ, захвативъ съ собою двадцать человекъ, мы нашли ворота выломанными, но виновые уже разбѣжались. Одинъ полицейскій, который уже три года живетъ въ Отелѣ, сказалъ мнѣ, что въ числѣ ихъ не было ни одного отельскаго жителя.

Эженъ Бюссьеръ (20 лѣтъ, инспекторъ полиціи). Я замѣтилъ кучку народа у дома принца. Отправляюсь туда. Одинъ господинъ говорить: «Ахъ, городской сержантъ!» и тутъ же воскликнулъ: «Скорѣе доктора!» Я пошелъ къ доктору Деманшу; не заставъ его, я возвратился, и нашелъ группу неизвѣстныхъ мнѣ лицъ; тутъ же я нашелъ г. Дарле и г. Саммазеля. Г. де Фонвьель требовалъ своей шляпы и палки со шпагой. Я сказалъ ему: «Сейчасъ достану вамъ.» Я встрѣтилъ собрата, старше меня по чину, который сказалъ мнѣ, что не время теперь идти къ принцу; я подумалъ и не пошелъ, а вмѣсто того пошелъ въ часть. Я отвелъ туда и г. де Фонвьеля, который былъ въ крайне возбужденномъ состояніи. Онъ даже не могъ хорошенько изъясняться, однако я его понялъ. По дорогѣ онъ разскалъ мнѣ, что происходило у принца; одного я не могъ разобрать изъ его словъ — кто далъ и получилъ пощечину. *Г. Флоке.* Вотъ что сказано въ письменномъ показаніи свидѣтеля: «Онъ мнѣ отвѣтилъ, что ему и Виктору Нуару поручено было отдать письмо принцу Пьеру Бонапарту; что послѣдній, получивъ письмо, отошелъ къ окну, чтобы прочесть его, что онъ возвратилъ его имъ, скомкавъ въ рукѣ, со словами: «Вы пріятели Рошфора? Васъ Рошфоръ прислалъ?» Что онъ отвѣтилъ:

«Нѣтъ, мы не Рошфоромъ присланы;» что его пріятель подошелъ къ принцу съ поднятой рукою и сказалъ: «Вы подлець!» и далъ ему пощечину. Впрочемъ я не понялъ, далъ ли Викторъ Нуаръ или получилъ пощечину.» *Г. Леру*. Надо прочесть конецъ того же показанія. Вотъ онъ: «Мы пришли въ часть, гдѣ нашли подъ-бригадира Кутрю и еще другихъ. Г. де Фонвьель сначала повторилъ разсказъ свой, такъ точно какъ я сейчасъ передалъ, только умолчалъ о словѣ «подлець», о которомъ говорилъ когда былъ одинъ со мною. Онъ также не сказалъ, чтобы другъ его далъ пощечину, и сказалъ только, что, вслѣдъ за словами, которыми они обмѣнялись съ принцемъ, другъ выступилъ впередъ съ поднятой рукою.» Если сличить эту часть показанія съ первою, ясно, что не можетъ быть сомнѣнія. *Г. Лорье*. Это уже принадлежитъ къ преніямъ. *Г. Флоке*. Посмотримъ, нѣтъ ли сомнѣнія.

Франсески (32 лѣтъ полицейскій агентъ въ Отель). Въ день происшествія, около 2 ¹/₄ ч. г. де Фонвьель явился въ часть въ сопровожденіи городского сержанта Буассьера. Онъ сказалъ, что пришелъ дать показаніе противъ принца Пьера Бонапарта, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ сдѣлалъ это показаніе: «Въ 1 ¹/₂ ч. я явился къ принцу съ моимъ пріятелемъ, Викторомъ Нуаромъ. Намъ было поручено отдать ему письмо отъ нашего пріятеля Паскаля Груссе, который вызывалъ его на дуэль за ругань, напечатанную въ одномъ изъ нумеровъ корсиканской газеты «*Revanche*», вышедшемъ 29 или 30 декабря. Насъ ввели къ принцу, и другъ мой, Викторъ Нуаръ, подалъ ему письмо; прочитавъ его, принцъ сказалъ: «Я не знаю ни г. Груссе, ни васъ двоихъ. Я не съ нимъ дѣло имѣю, а съ г. Рошфоромъ.» Друга моего покоробили эти слова принца и онъ подошелъ къ нему съ поднятой рукою. Въ это мгновеніе принцъ вынулъ изъ кармана пистолетъ и выстрѣлилъ въ Нуара. Г. Фонвьель спрятался за кресло; онъ говоритъ, что принцъ прицѣлился въ него и выстрѣлилъ, и что пуля попала въ воротъ его пальто, что тогда, чтобы спастись, ему пришлось пустить кресломъ подъ ноги принцу и убѣгая онъ началъ кричать: «убійство!»

Кутрю (49 лѣтъ, полицейскій агентъ). Въ понедѣльникъ

10 января, около 2 ч. меня только-что смѣнили съ дежурства, когда агентъ Буассьеръ привелъ въ часть одного господина—Ульриха де Фонвьеля, какъ я впоследствии узналъ. Этотъ господинъ, при мнѣ и нѣсколькихъ агентахъ, разсказалъ, что онъ явился съ своимъ пріятелемъ, Викторомъ Нуаромъ, къ принцу Пьеру Бонапарту и отдалъ ему письмо отъ г. Груссе́. Онъ прибавилъ, что принцъ взялъ письмо со словами: «Я не знаю ни г. Груссе́, ни васъ; я жду Рошфора; вы изъ его поденьщиковъ, зачинщиковъ смуть?» Нуаръ на это будто бы отвѣтилъ: «Мы — друзья нашихъ друзей,» и въ тоже мгновеніе сдѣлалъ шагъ къ принцу и поднялъ руку, какъ бы намѣреваясь дать ему пощечину. По жесту, который при этомъ сдѣлалъ г. де Фонвьель, я понялъ, что пріятель его, должно быть, далъ принцу пощечину, или по меньшей мѣрѣ ходилъ дать. Г. де Фонвьель присовокупилъ, что принцъ тогда вынулъ пистолетъ изъ кармана панталонъ и выстрѣлилъ въ Виктора Нуара, который вышелъ въ дверь, оказавшуюся раскрытою, а онъ сталъ за кресло. Принцъ выстрѣлилъ по немъ и попалъ въ воротъ его пальто, на которомъ остался слѣдъ пули. Г. де Фонвьель еще сказалъ, что онъ затѣмъ вышелъ изъ гостиной и что принцъ вторично по немъ выстрѣлилъ, но не попалъ. *През.* И такъ, по жесту свидѣтеля, вы поняли, что Викторъ Нуаръ далъ и хотѣлъ дать пощечину? *Свид.* Да, г. президентъ.

Шарль Фердинандъ Суттле (35 лѣтъ, полицейскій агентъ). Въ понедѣльникъ, 10 января, въ 2 часа и 20 минутъ городской сержантъ Буассьеръ привелъ въ часть господина, который сказалъ намъ, что его зовутъ Ульрихомъ де Фонвелемъ. Онъ объявилъ, что пріѣхалъ къ принцу съ порученіемъ отъ своего пріятеля, Паскаля Груссе́, т. е. для того, чтобы потребовать у него удовлетвореніе за оскорбительныя слова, напечатанныя противъ него принцемъ въ газетѣ «La Revanche Corse», около 30 декабря. Онъ присовокупилъ, что его и его пріятеля ввели къ принцу, что Викторъ Нуаръ отдалъ принцу ввѣренное ему письмо. Принцъ, прочитавъ письмо, сказалъ: «Я не знаю Паскаля Груссе́; я съ Рошфоромъ имѣю дѣло, его и жду: а вы—вы кто такіе? Вы изъ тѣхъ же воз-

мутителей, пошибателей (de ces perturbateurs, de ces casseurs). «Виктора Нуара покорило, и онъ подошелъ къ принцу и сдѣлалъ жестъ... Изъ этого жеста я понялъ, что Викторъ Нуаръ далъ пощечину принцу, но г. де Фонвьель не произнесъ этого слова. *Г. де Фонвьель (снова вызванный)*. Г. президентъ, я положительно ничего не говорилъ, кромѣ того, что повторялъ вамъ самимъ, всѣмъ г. Пинелю и г. Саммазелю, и никогда ничего не измѣнялъ. Я всегда говорилъ: «Пьеръ Бонапартъ оскорбилъ Виктора Нуара, ударилъ Виктора Нуара. Пьеръ Бонапартъ умертвилъ Виктора Нуара.» Я могъ говорить это другими словами, но говорю то, что видѣлъ, то, что знаю, то; что согласно съ моей совѣстью, что согласно съ истиною.

През. Но они говорятъ, что вы сдѣлали такой жестъ, который они поняли такъ, что вашъ пріятель далъ пощечину принцу. *Г. де Фонвьель.* Я не доискиваюсь, что побуждаетъ ихъ такъ говорить; но пускай-ка они приведутъ слова, которыя подтвердили бы ихъ толкованіе. *Г. Флоке.* Не угодно ли г. президенту спросить свидѣтеля составилъ, ли онъ тогда же, въ ту минуту, протоколъ всего, что было сказано? *Г. Баланьякъ.* Да. *Г. Флоке.* Гдѣ же этотъ протоколъ? *Г. Баланьякъ.* Да вѣдь это и есть мое показаніе. *Г. Флоке.* Да нѣтъ же. Г. судебный слѣдователь заимѣтилъ свидѣтелю, что долженъ быть протоколъ, и на слѣдующій день свидѣтель написалъ г. д'Омсу письмо слѣдующаго содержанія: «Г. президентъ, сегодня мнѣ удалось достать дублетъ моего рапорта, составленнаго въ самый день происшествія. Я бы желалъ, чтобы рапортъ служилъ показаніемъ, потому что дублетъ будетъ въ рукахъ суда: я помню факты лучше въ томъ видѣ, въ какомъ я написалъ ихъ, чѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ изустно излагалъ ихъ вамъ.» *Баланьякъ.* Дублетъ этого рапорта дѣйствительно былъ присланъ г. судебному слѣдователю, но я спрашиваю, гдѣ подлинникъ и въ какомъ онъ бюро? *През.* Да вѣдь вотъ онъ. *Г. Флоке.* Извините, г. президентъ, это не подлинникъ, это дублетъ, какъ видно изъ письма, при которомъ былъ посланъ этотъ документъ. Изустное показаніе сдѣлано 11 января, а рапортъ присланъ 19. *Г. Баланьякъ.* Въ нашей части, какъ и во всѣхъ,

есть реестръ, въ который вписывается все, что имѣеть сколько-нибудь важности. Реестръ этотъ препровождень къ г. мировому судѣ, который по немъ составилъ свое отношеніе. *През.* Гдѣ же этотъ реестръ? Существуетъ ли онъ? *Г. Баланьяжъ* (съ вѣкторой запиской). Конечно; онъ въ... въ... въ окружномъ правленіи. *(Шумъ).* *Г. Флоке.* Я къ сожалѣнію долженъ заявить, что объ этомъ вовсе нѣтъ рѣчи въ отношеніи полицейскаго комиссара, г. Руадо. *Г. де Манжъ.* Рузумѣется: г. Руадо говорилъ, что онъ воротился не ранѣе 5¹/₂ ч. *Г. Флоке.* Показаніе изустное дается 11, а рапортъ получается г. д'Омсомъ 19: сначала надо, чтобъ система была готова, а тогда уже представляютъ доказательство.

Г. Шамтонъ (37 лѣтъ, городской сержантъ). 29 января, отправляясь на дежурство, я встрѣтилъ г. Лешантра мясника на Отѣльскомъ рынкѣ, и онъ мнѣ сказалъ, что помогаль при переносѣ раненаго въ аптеку. Я спросилъ его, слышалъ ли онъ отъ г. де Фонвьеля что-нибудь о томъ, что происходило у принца? Онъ отвѣтилъ мнѣ: «Да; г. де Фонвьель сказалъ: «Принцъ—каналъ, сволочь, пегодай; онъ убилъ моего друга, по крайней мѣрѣ получилъ славную пощечину». Я тотчасъ же отправился въ часть, сдать рапортъ бригадиру, который сказалъ мнѣ, что это слова очень важныя, что надо записать ихъ. Я пошелъ за Лешантромъ, онъ пришелъ со мною къ бригадиру и повторилъ сказанное имъ. Я спросилъ его, почему онъ такъ долго молчалъ объ этихъ, крайне важныхъ словахъ; онъ на это отвѣтилъ, что никогда не являлся передъ судомъ, и что боялся, не повредить ли это его торговлѣ.

Эженъ-Альфонсъ Лешантръ (28 лѣтъ, мясникъ въ Отѣлѣ). Я помогаль при переносѣ тѣла Виктора Нуара къ аптекарю; насъ было пятеро или шестеро; я держаль голову. По дорогѣ, я слышалъ слѣдующія слова: «Онъ убилъ моего друга, но по крайней мѣрѣ онъ получилъ славную пощечину.» Кто сказалъ ихъ, я не видалъ и не могу въ точности сказать, г. де Фонвьель ли говорилъ ихъ, потому, что не видѣлъ его, такъ какъ онъ шелъ сзади меня и очень близко. Но что я слышалъ эти слова, въ томъ я увѣренъ. *През.* Вы совершенно увѣрены, что тотъ же кто ска-

заль: «онъ убилъ моего друга,» сказалъ также, по крайней мѣрѣ, онъ получилъ славную пощечину?» *Свид.* Да. *Г. де Фонвьель* (снова вызванный). Это не показаніе. Онъ меня не видалъ и не слышалъ. *Свид.* Я былъ первымъ свидѣтелемъ при всемъ этомъ, и утверждаю, что вы это сказали. *Г. де Фонвьель.* Въ первомъ своемъ показаніи онъ сказалъ, что не знаетъ, кто говорилъ.

През. Но кто же кромѣ васъ могъ бы это сказать? *Г. де Фонвьель.* Не мнѣ на это отвѣчать. Мнѣ не приходится заниматься тѣмъ, что говорится у меня за спиною, (*съ оживленіемъ*). Но я утверждаю, что это совершенно ложь. (*Смѣхъ и шумъ*).

През. Молчать! ни слова! Напоминаю публикѣ должное уваженіе къ свидѣтелямъ. *Свид.* Слова эти были произнесены на пути въ аптеку; пускай припомнитъ г. де Фонвьель: онъ тоже показывалъ свое прорванное пальто. Онъ еще говорилъ агентамъ:

«Пошлите городоваго сержанта, пошлите ихъ нѣсколько къ воротамъ принцова дома, чтобы никто не входилъ, потому что сколько человѣкъ войдетъ, столько ихъ убьетъ». *През.* Но почему же, однако, слыхавъ эти важныя слова, вы раньше не донесли правосудію?

Свид. Мнѣ не хотѣлось изъ-за этого беспокоиться. *През.* Вы не были поставщикомъ принца? Не имѣли никакихъ сношеній съ его людьми? *Свид.* Я жилъ насупротивъ его, вотъ и все. *Г. Флоке.*

Но почему свидѣтель не говорилъ этого, когда полицейскій комиссаръ, 11 января, снималъ съ него допросъ? *Свид.*

Нѣтъ: меня 11 января не допрашивали. *Г. Флоке.* Какъ такъ? вотъ что свидѣтель говорилъ г. судебному слѣдователю: «Когда комиссаръ допрашивалъ рыночныхъ торговцевъ, я отвѣтилъ на сдѣланные мнѣ вопросы, но такъ какъ ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не касался ни г. Фонвьеля, ни переноски тѣла, то я объ этомъ и не говорилъ. Только 27 января, встрѣтившись съ городовымъ сержантомъ Шампанемъ, я сказалъ ему, что помогалъ при переноскѣ тѣла Виктора Нуара въ аптеку. 29 января тотъ же сержантъ, отправляясь на дежурство, зашелъ ко мнѣ и спросилъ меня, не слыхалъ ли я чего, когда вмѣстѣ съ другими переносилъ тѣло Виктора Нуара? Тогда я ему сказалъ, что слышалъ

приведенныя выше слова». *През.* Это не имѣть большой важности, когда онъ сегодня отрицаетъ. *Г. Флоке.* Извините, г. президентъ; свидѣтель сталъ въ противорѣчіе съ тѣмъ, что говорилъ на дорогѣ; мнѣ кажется подобное противорѣчіе имѣть большую важность. *През.* Важности его я не отрицаю, но могу не признавать ея. *Г. Лорье.* Однимъ словомъ, по показанію свидѣтеля выходитъ, что комиссаръ 11 января не дѣлалъ ему допроса. *Свид.* Мнѣ не дѣлали допроса, когда дѣлали его рыночнымъ торговцамъ—меня тамъ не было. *Г. Лорье.* Этого довольно.

Г. Муриэнъ (архитекторъ въ Отѣлѣ). Я стоялъ вмѣстѣ съ другими лицами передъ аптекой г. Мартрѣ, куда только-что перенесли тѣло, и видѣлъ господина—г. де Фонвьеля, какъ я узналъ впоследствии, который разговаривалъ о происшествіи. Я спросилъ его: «Ранены вы?»—«Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ мнѣ, а когда я спросилъ, какъ все это произошло, онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующее: «Былъ rendez-vous; мы отдали принцу письмо, онъ прочелъ его и сказалъ намъ, что имѣть дѣло не съ поденщиками, а съ хозяевами». Тогда они его спросили, что онъ разумѣетъ подъ словомъ «поденщики», а онъ отвѣтилъ: «Вы сами должны знать, что это нѣчто вродѣ людей, которымъ платять». Тогда Викторъ Нуаръ, будто бы, поднялъ руку; утвердительно на этотъ счетъ ничего не скажу,—онъ, будто бы, поднялъ руку... и, говоря это, г. де Фонвьель пояснилъ слова свои такимъ жестомъ, который я, по крайнему моему разумѣнію, понялъ въ смыслѣ пощечины, но здѣсь, передъ лицомъ правосудія, не могу утвердительно сказать, что онъ имѣлъ этотъ смыслъ; затѣмъ г. де Фонвьель прибавилъ: «Принцъ выстрѣлилъ по мнѣ, и я могъ оградить себя только помощью табуретки»—я нарочно повторялъ это слово, оно подлинно,—принцъ, по словамъ его, выстрѣлилъ во второй разъ. Я пересказывалъ этотъ рассказъ нѣсколько разъ, и почти въ ту же минуту, нѣсколькимъ лицамъ, въ Отѣлѣ. *През.* Однимъ словомъ—вы не можете утвердительно сказать, что Фонвьель говорилъ вамъ, что Нуаръ далъ пощечину. *Свид.* Нѣтъ, но, по моему, сдѣлалъ жестъ такой вразумительный, что я понялъ его въ смы-

слѣ пощечины. Еслибы меня кто-нибудь назвалъ «человѣкомъ, которому платять», я бы далъ пощечину, поэтому мнѣ это казалось совершенно ясно. *През.* Вотъ какъ вы выразились на слѣдствіи: «Замѣтивъ, что пальто его прорвано, я схватилъ его за мѣсто, на которомъ замѣтилъ прорывъ, и спросилъ: «Ранены вы?»—Онъ отвѣтилъ мнѣ: «Нѣтъ, не раненъ». «Однако», продолжалъ я, «что такое случилось?» Первымъ отвѣтомъ его былъ слѣдующій: «Былъ rendez-vous». Это случилось когда мы уже выходили. Я настоялъ, чтобы узнать, что происходило. Онъ отвѣтилъ: «Былъ rendez-vous у принца». Мы отдали ему письмо. Принцъ, прочитавъ его, сказалъ намъ: «Я имѣю дѣло съ хозяевами, а не съ поденщиками». Викторъ Нуаръ, будто, на это возразилъ: «Что вы разумѣете подъ словомъ «поденщики»? Принцъ, будто бы, отвѣтилъ: «Вы должны сами знать». Викторъ Нуаръ сказалъ: «Это человѣкъ, которому платять?» «Да», отвѣчалъ, будто бы, принцъ. Тогда прибавилъ г. де Фонвьель: «Викторъ Нуаръ далъ, или чуть-чуть не далъ, пощечину принцу». *Г. де Манжэ.* Это гораздо утвердительнѣе. *През.* Свидѣтель повинуется зазрѣнію совѣсти, которое слѣдуетъ уважить. *Г. де Фонвьель* (снова вызванный). Свидѣтель какъ-нибудь не такъ понялъ слово жестъ, ужъ не знаю, только я ничего такого не говорилъ. *През.* Такъ это по-вашему выходитъ заговоръ противъ васъ? *Свид.* Говорили, говорили! припомните хорошенько, г. де Фонвьель. Послѣ васъ былъ еще другой господинъ, повыше васъ. Пальто ваше было прорвано въ двухъ мѣстахъ, я это замѣтилъ, и такъ какъ былъ когда-то военнымъ, я сказалъ вамъ: «Васъ спасъ вашъ футляръ. У меня еще на головѣ была маленькая круглая шляпа, которая слетѣла». *Г. де Фонвьель.* Изъ всего этого не помню ни одного слова. Я въ эту минуту видѣлъ много народу, говорилъ со многими. *Свид.* Вы были блѣдны и очень взволнованы. *Г. де Фонвьель.* Это понятно.

Г. Шьяттэ (купецъ въ Отелѣ). *Г. Мургуэнъ* приходилъ къ намъ и рассказывалъ, что онъ помогалъ при переноскѣ тѣла Виктора Нуара и что онъ слыхалъ, какъ одинъ господинъ сказалъ:

«Принц убилъ моего друга, но за то получилъ славную пощечину». Вотъ все, что я имѣю сказать. *През.* Сегодня, г. Мургуэнъ выражается менѣе утвердительно, чѣмъ на слѣдствіи. *Свид.* Онъ говорилъ это при мнѣ и при одномъ моемъ пріятелѣ.

Одинъ изъ присяжныхъ. Но свидѣтель показываесть, что г. Мургуэнъ сказалъ ему, что самъ помогаль ему при переноскѣ тѣла. *Г. Мургуэнъ* (снова вызванный). Я не помогаль при переноскѣ тѣла. Тутъ должно-быть вышло недоразумѣніе, потому что я говорилъ о своемъ прикащикѣ и объ одномъ каменьщикѣ, которые помогали переносить тѣло. *Генераль-Прокуроръ.* Это не важно. *Г. Флоне.* Однако мы принимаемъ къ свѣдѣнію слѣдующее: послѣдній свидѣтель въ судѣ показаль, что Мургуэнъ сказалъ ему, что помогаль при переноскѣ тѣла; этимъ показаніемъ мы воспользуемся, насколько найдемъ полезнымъ. *Генераль-Прокуроръ* прочитываесть документъ изъ слѣдствія, по которому оказываесться, что вниманіе г. Мургуэна было обращено на это противорѣчіе и что онъ объяснилъ его такъ точно какъ въ судѣ. *Одинъ изъ присяжныхъ.* Знаесть ли свидѣтель того мясника, который помогаль при переноскѣ тѣла? *Свид.* Я его не знаю, я знаю, что онъ мясникъ и торгуетъ на рынкѣ, но онъ мнѣ не сосѣдъ и я его лично не знаю.

Корне (39 лѣтъ, состоящій при министерствѣ). 12 января, на бульварѣ, я встрѣтилъ г. Мургуэнъ, онъ сказалъ мнѣ, что провожалъ тѣло Виктора Нуара въ аптеку и что одинъ господинъ рассказываль ему, что, получивъ оскорбленіе отъ принца, Викторъ Нуаръ далъ ему пощечину. *През.* Говорилъ ли онъ вамъ, что помогаль при переноскѣ тѣла? *Свид.* Да. *През.* Не сказалъ ли онъ скорѣе такъ: «мой прикащикъ и одинъ каменьщикъ помогали?» *Г. де Манжъ.* Если ужъ настаивають на этомъ обстоятельстве, прошу у президента позволенія прочесть показаніе г. Жюлья, дѣлопроизводителя при министерствѣ юстиціи: «Въ день похоронъ Виктора Нуара, около 5 ч. в., я встрѣтилъ въ вокзалѣ отельской желѣзной дороги г. Корне, вмѣстѣ съ другимъ господиномъ, котораго я знаю за архитектора и который живетъ въ домѣ рядомъ съ домою принца Пьера Бонапарта. Мы отправились къ дому

принца, и архитекторъ возвратился къ себѣ. Тогда г. Жорнэ разсказалъ мнѣ, что архитекторъ ему говорилъ, что онъ помогаль когда подняли тѣло Виктора Нуара и перенесли его въ аптеку, и что онъ въ эту минуту видѣлъ г. де Фонвьеля». Итакъ опять то же объясненіе: онъ помогаль, когда подняли тѣло.

Эдуардъ-Бенуа-Жоржъ Винвиолле (25 л., архитекторъ въ Нёльи, имѣющій жительство на площади Рынна, № 10). 10 января, около 1¹/₂ ч. popol. я былъ въ кофейной Огюста, что напротивъ дома принца. Я услыхаль, какъ г. Груссэ закричалъ: «Идите всѣ сюда! Здѣсь убиваютъ человѣка!» Я пришелъ къ дому принца, и увидѣлъ, какъ тѣло грохнулось на тротуаръ. Въ эту минуту г. де Фонвьель, съ пистолетомъ въ рукахъ, кричалъ: «Каналья! еслибы пистолетъ мой не далъ осѣчки, я убилъ бы его!» Тѣло перенесли въ аптеку; я проводилъ его вмѣстѣ съ г. де Фонвьелемъ, который шель слѣва отъ меня, а слѣва подлѣ него шель почталіонъ Рустанъ. Тѣло положили въ аптекъ. Г. де Фонвьель вышелъ двѣ минуты спустя. Лица, стоявшія на улицѣ, обступили его съ вопросами. Онъ объявилъ, что они явились къ принцу по дѣлу о дуэли одного пріятели, что какъ только они вошли, принцъ очень дурно ихъ принялъ, что завязался споръ между принцемъ и Викторомъ Нуаромъ, что послѣдній подошелъ и далъ принцу пощечину, что принцъ вынулъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ Виктора Нуара, что онъ, Фонвьель, тѣмъ временемъ прятался за кресла и что, для того, чтобъ спастись, ему почти пришлось выломать дверь. *През.* прочитываетъ протоколъ показанія свидѣтеля на слѣдствіи, и сверхъ приведеннаго выше, тамъ оканчивается еще слѣдующее: «*Судеб. слѣд.* Совершенно ли вы увѣрены, что г. де Фонвьель произносилъ эти слова? *Свид.* Я тѣмъ менѣе боюсь ошибиться на счетъ этого, что я слова эти немедленно пересказалъ нѣсколькимъ лицамъ, имена которыхъ я вамъ назову: г. Эженю Мюнѣ, подрядчику по части каменныхъ построекъ, имѣющему жительство въ Пюто, на улицѣ Делакруа, — г. Шапоннѣ, подрядчику по малярной части, имѣющему жительство на Отельской улицѣ, № 56, — да инспектору акцизной таможни, съ которымъ

я встрѣтился въ отельскомъ вокзалѣ. Зная, что г. Перинé занимается дѣлами и такъ какъ онъ — мой домохозяинъ, я зашелъ къ нему въ тотъ же день, въ 6¹/₂ ч. и повторилъ ему тѣ самыя слова, которыя сейчасъ говорилъ вамъ. Г. Перинé посоветовалъ мнѣ тотчасъ же отправиться къ полицейскому комиссару, но такъ какъ я еще не обѣдалъ, то онъ просилъ меня опять зайти на слѣдующій день въ 9 ч. у. Въ тотъ же вечеръ, продавецъ газетъ, на Саблонвильской улицѣ, спросилъ меня, не знаю ли чего, и я ему повторилъ тоже, что говорилъ г. Перинé. Во вторникъ, въ 9 ч. у. я отправился въ полицію; г. Перинé сказалъ мнѣ, что г. Террьенъ ушелъ къ своему брату, г. Руадо. Я немедленно отправился къ г. Руадо, который спросилъ меня, могу ли я подтвердить то, что говорилъ г. Перинé. Онъ мнѣ показалъ письмо къ г. Перинé, съ моимъ показаніемъ; я призналъ его вѣрнымъ и подписалъ, письменно заявивъ свою искренность! *Судеб. слѣд.* Вы, понимаете всю важность вашего показанія. Я васъ еще разъ спрашиваю, совершенно ли вы увѣрены, что слышали приведенныя вами слова де Фонвьеля? *Свид.* Завѣря въ совершенной точности всего сказаннаго мною. *Судеб. слѣд.* Когда де Фонвьель произнесъ приведенныя вами слова, было ли это въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ? *Свид.* Лиць десяти, въ томъ числѣ многихъ женщинъ. Онъ говорилъ такимъ же голосомъ, какъ въ обыкновенномъ разговорѣ, и такъ какъ я стоялъ напротивъ него, я не могъ отпустить ни одного его слова. *Судеб. слѣд.* Гдѣ былъ въ это время г. Мартрé, аптекарь? *Свид.* Онъ былъ въ своей аптекѣ, дверь которой была заперта, такъ что онъ никакъ не могъ слышать словъ де Фонвьеля. *Судеб. слѣд.* Обратили вы вниманіе на палецъ, которое было на де Фонвьелѣ? *Свид.* Я замѣтилъ, что оно разорвано, въ воротѣ и пониже ворота. Я даже видѣлъ у него царапину на большомъ пальцѣ, только не помню хорошенько которой руки. *Судеб. слѣд.* Почталіонъ Рустанъ, проводившій тѣло до аптеки отъ дома принца вмѣстѣ съ вами и де Фонвьелемъ, былъ ли тутъ, когда де Фонвьель произнесъ приведенныя вами слова? *Свид.* Нѣтъ. Онъ прошелъ мимо аптеки, — кажется,

въ почтамтъ. Я возвратился въ кофейню съ г. Мюне. Я пере-
сказалъ ему то, что вамъ говорилъ. — По прочтеніи, и пр. *Г. Флоке.*
 Попрошу г. президента вызвать Руста и спросить его, слышалъ ли
онъ, чтобы г. де Фонвьель сказалъ: «еслибы пистолетъ мой не
далъ осѣчки, я бы его убилъ?». — *Г. Рустанъ.* Я этого не слышалъ.
 Я остался всего не болѣе двухъ-трехъ минутъ, потому что про-
водилъ тѣло въ аптеку. *Г. Флоке.* Очевидно, что слова эти, если-
бы были сказаны, былибы произнесены въ ту минуту, когда де
Фонвьель держалъ пистолетъ и когда свидѣтель бралъ его у него изъ
рукъ. *Г. Лорье.* И такъ, г. Винвиолле, утверждающему что слова
эти были сказаны, мы противопоставляемъ Руста, который это
отрицаетъ и принималъ оружіе у де Фонвьеля. *Г. Флоке.* Не подле-
житъ сомнѣнію, что слова эти, еслибы были сказаны, были ска-
заны именно въ эту минуту. *Г. Рустанъ.* Я все это живо помню.
Г. Аршамбо (архитекторъ), начертившій планы, завѣряетъ
въ ихъ вѣрности. Засѣданіе прерывается и снова открывается въ 2 часа.
През. Мы теперь выслушаемъ свидѣтелей гражданской сто-
роны. *Г. Лорье.* Для большей ясности, позвольте намъ назна-
чить порядокъ, по которому ихъ выслушивать. *През.* Назначайте.
 Вводить *Г. Арну* (сотрудникъ «Marseillaise»).
Г. Лорье. Я желалъ бы спросить свидѣтеля объ обстоя-
тельствахъ, предшествовавшихъ выходу Рошфора. *Свид.* 10 января
я былъ въ редакціи «Marseillaise», когда пришелъ туда г. Мильеръ
и сказалъ мнѣ, что г. Рошфоръ вызванъ принцемъ Бонапартомъ на
дуэль, и что Рошфоръ меня и Мильера выбралъ своими секундан-
тами. Мы поѣхали въ Отель, чтобы лично снестись съ принцемъ, и,
подѣхавъ къ его дому, узнали, что Викторъ Нуаръ убитъ. Мы по-
совѣтовались, что дѣлать. Мы потребовали чтобъ городовые сержанты
арестовали подсудимаго, но они отвѣтили, что имъ не дано на это
предписанія, словомъ — отказались. Тогда мы возвратились въ Па-
рижъ, и поѣхали прямо въ палату, къ г. Рошфору, чтобъ онъ сдѣ-
лалъ запросъ по этому поводу, но засѣданіе было закрыто. Мы по-
ѣхали искать г. Рошфора въ редакцію газеты. (Смѣя) Уволокъ цѣля

Ари Рошфоръ-де-Люсе (38 л., депутатъ департамента Сены. Появленіе его вызываетъ сильное волненіе въ публикѣ).

Г. Лорье. Я желалъ чтобы, г. Рошфора допросили, какими обстоятельствами сопровождался вызовъ его на дуэль подсудимымъ.

Г. Рошфоръ. Утромъ 10 января ко мнѣ пріѣхалъ г. Мильеръ и привезъ мнѣ письмо съ вызовомъ отъ подсудимаго. Письмо это было написано въ грубыхъ выраженіяхъ и противно всѣмъ принятымъ формамъ. Тѣ, которые имѣли несчастье выходить на дуэль, знаютъ, что не принято, чтобы противники встрѣчались лично до рѣшительной минуты. Дѣло устраивается секундантами, что не было соблюдено подсудимымъ: въ письмѣ своемъ онъ приглашалъ меня къ себѣ, онъ писалъ: «если хотите видѣть меня, вы найдете меня не во дворцѣ, не въ замкѣ — вы найдете меня просто на Отельской улицѣ, въ домѣ подъ № 59. Я тогда не подозрѣвалъ западни, при всей необычности письма, и, поручивъ г. Мильеру и г. Арну съѣздить къ подсудимому, я отправился въ законодательный корпусъ, куда меня призвалъ долгъ; я узналъ о происшествіи въ 4 ч. Я долженъ присовокупить, что, получивъ вызовъ отъ принца, я сообщилъ объ этомъ Гамбеттѣ и Араго, и сказалъ имъ, что дуэль неизбѣжна. Я имъ такъ сказалъ: «я завтра утромъ буду драться съ принцемъ Бонапартомъ». Араго сказалъ мнѣ: «берегитесь, будьте осторожны, этотъ человекъ необузданный». Мнѣ со всѣхъ сторонъ говорили, что это ужаснѣйшая каналья. *През.* Не слѣдуетъ ругать подсудимаго, который находится подъ охраною правосудія, и, до послѣдней минуты, предполагается не виновнымъ. *Г. Рошфоръ*. Я взялся говорить правду, и говорю ее; повторяю то, что мнѣ говорили. Что до меня касается, я не зналъ объ этихъ привычкахъ, не зналъ даже, что есть принцъ Бонапартъ. Я и того не зналъ, что г. Груссэ послалъ ему секундантовъ; я думалъ, что мои секунданты въ этотъ день одни поѣдутъ къ нему. *През.* Это все, что вы знаете? *Г. Рошфоръ*. Да, г. президентъ. (Г. Рошфоръ, пожавъ руки нѣсколькимъ лицамъ, садится близъ скамьи, отведенныхъ для представителей печати).

Г-жа Луи Нуарз (25 л.). Она вся въ черномъ, лицо у нея симпатичное; она, повидимому, сильно взволнована, однако даетъ показаніе твердымъ голосомъ). Я—невѣстка убитаго. **Г. Лорье**. Позвольте васъ спросить, въ какомъ настроеніи духа были вышъ деверь 10-го января? **Свид.** Въ ночь съ 9 на 10, братъ приходилъ ко мнѣ сказать, что обѣщался быть секундантомъ г. Паскаля Груссъ... (*Волненіе свидетельницы усиливается*). **През.** Не угодно ли вамъ сѣсть. **Свид.** Благодарю васъ, г. президентъ, не нужно. Викторъ сказалъ намъ, что Рошфоръ не одобряетъ этой дуэли, что онъ считаетъ ее вредной для «Marseillaise». Викторъ сказалъ намъ: «Рошфоръ и Груссе очень сговорчивы». 10-го Викторъ одѣлся—онъ былъ большой франтъ, а такъ какъ у него была большая рука, онъ носилъ очень тѣсныя перчатки—такія тѣсныя, что не могъ самъ застегивать, и на этотъ разъ просилъ насъ—свою невѣсту (*волненіе въ публикѣ*) и меня, застегнуть каждая по одной перчаткѣ. Поэтому, когда я узнала о показаніи принца (*съ оживленіемъ*), который сказалъ, что мой бѣдный братъ далъ ему пощечину, я разсудила такъ: еслибы онъ далъ пощечину, въ такихъ тѣсныхъ перчаткахъ, что рука была согнута, перчатка лопнула бы изъ конца въ конецъ, и осталась положительно убѣжденной, что принцъ лжетъ. **През.** Присядьте минуту. **Свид.** Мнѣ больше нечего сказать.

Жоржъ Кавалье (28 л., гражданскій инженеръ).

Г. Лорье. Потрудитесь допросить свидѣтеля о фактахъ, предшествовавшихъ приѣзду Виктора Нуара къ подсудимому, о его характерѣ вообще, его образѣ жизни и о томъ, что было, когда его принесли домой мертвымъ. **Свид.** Я съ нимъ былъ короткій пріятель, я зналъ о его примирительныхъ намѣреніяхъ и зналъ, что онъ считалъ дуэль эту промахомъ съ точки зрѣнія своихъ друзей и своей партіи. Это былъ человѣкъ необыкновенной кротости (*Свидѣтель отъ волненія принужденъ остановиться*). Онъ всегда держалъ себя крайне спокойно въ своей бурной жизни оппозиціоннаго публициста, и въ этомъ фактѣ я почерпаю увѣренность, что онъ, должно быть, не далъ, а получилъ поще-

чину. Въ легкомъ спорѣ, вышедшемъ однажды въ кофейнѣ, его противникъ позволилъ себѣ накинуться на него; онъ только сказалъ: «вы потрудитесь уговориться съ моими секундантами». Послѣдовала дуэль, одинъ изъ противниковъ былъ слегка раненъ, и оба молодые люди пожали другъ другу руки. Былъ еще фактъ въ томъ же родѣ съ однимъ молодымъ публицистомъ, г. Густавомъ Маро, который послѣ дуэли пришелъ въ редакцію «*Magseeillaise*» разсказать намъ, чѣмъ дѣло кончилось. Я хочу разсказать одинъ фактъ...

(Голосъ свидѣтеля вторично прерывается отъ волненія) Г. Лорье. Чтобъ сократить это тяжелое для г. Кавалье показаніе, я поточнѣ опредѣлю, если позволить судѣ, важные пункты. Прошу г. Кавалье сказать гг. присяжнымъ, въ какомъ состояніи были перчатки Виктора Нуара до и послѣ происшествія. *(Свидѣтель хочетъ отвѣтить, но падаетъ на стулъ; ему подають стаканъ воды)*. Свид. *(съ усиліемъ)*. Перчатки были очень тѣсны, и онъ съ трудомъ натянулъ ихъ... *(Свидѣтель снова вынужденъ остановиться; немного погодя, онъ съ усиліемъ продолжаетъ:)* Послѣ смерти, перчатки оказались въ обыкновенномъ видѣ. Если бы онъ поддавался выпышкѣ гнѣва, онъ непременно лопнули бы. Г. Лорье. Онъ собирался жениться? Свид. Да. Онъ долженъ былъ жениться сначала 8 ч. потомъ отложили до 12; оглашеніе уже было сдѣлано. *(Свидѣтель удаляется, онъ очень блѣденъ и взволнованъ)*.

Жоржъ Сотонъ (27 лѣтъ, публицистъ).

Лорье. Не угодно ли свидѣтелю подробнѣе разсказать, что происходило въ моментъ происшествія, такъ какъ онъ былъ у воротъ съ Груссе. Какъ Викторъ Нуаръ держалъ шляпу, когда вышелъ изъ дому? Свид. Онъ держалъ шляпу въ правой рукѣ. Я стоялъ налѣво отъ него, а шляпа была у него въ другой рукѣ. Когда онъ упалъ, шляпа выпала изъ его рукъ и даже надломилась. Г. Лорье. Что же сказалъ г. де Фонвьель? Свид. Онъ кричалъ «убійство!» Я спросилъ его, что случилось, и онъ мнѣ вкратцѣ разсказалъ; но онъ никогда не говорилъ, чтобы Нуаръ ударилъ принца. Г. Лорье. Слыхалъ ли свидѣтель, въ какой бы

то ни было формѣ, чтобы г. де Фонвьель говорилъ что-нибудь такое, что можно было бы понять такъ: «онъ убилъ моего друга, но получилъ славную пощечину?» *Свид.* Нѣтъ, никогда; г. де Фонвьель вкратцѣ разсказалъ намъ, что принцъ ударилъ Нуарла лѣвой рукой и выстрѣлилъ правой?

Луи Фотиз (50 лѣтъ, консьержъ, имѣющій жительство по Эрлангерской улицѣ, № 20, въ Отелѣ). Я четыре года уже служу консьержомъ въ домѣ, что насупротивъ дома принца. *Г. Лорье*, Что видѣлъ и слышалъ свидѣтель, въ моментъ паденія тѣла? Какія рѣчи велись вокругъ него въ эту минуту? *Свид.* Я стоялъ на тротуарѣ, и видѣлъ, какъ выбѣжалъ г. де Фонвьель, крича: «убійство! Людей убиваютъ у принца Пьера!» Я побѣжалъ, встрѣтилъ г. де Фонвьеля и сказалъ ему: «Кто вы?» Онъ отвѣтилъ: «Публицистъ». «Зачѣмъ вы пришли къ принцу?» «Я пришелъ съ пріятелемъ требовать отъ него удовлетворенія. Въ эту минуту смотрю—вижу тѣло лежитъ на тротуарѣ. Г. де Фонвьель слезалъ мнѣ: «Посмотрите—онъ и по мнѣ стрѣлялъ». Я пощупалъ его пальто и увидѣлъ на немъ двѣ дыры. Я наклонился къ раненому и спросилъ его: «Другъ мой, что съ вами?» Онъ не могъ отвѣтить, только въ горлѣ захрипѣло. Я подумалъ, что ему нужно воздуху, разстегнулъ ему пальто, жилетъ и рубашку и, съ лѣвой стороны, увидѣлъ рану и сунулъ въ нее мизинецъ. Мы его снесли къ Мартре. Пришелъ г. Саммазель и объяснилъ намъ, что случилось. Входя, г. де Фонвьель сказалъ ему: «Ну что, докторъ, не узнаете его?» «Нѣтъ», отвѣтилъ тотъ. «Да вѣдь это Викторъ Нуаръ!» «Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! О бѣдный мальчикъ!» Такъ какъ набиралось много народу, мы снесли его въ кабинетъ, налѣво отъ аптеки и положили ему подушку подъ голову. *Г. Лорье*. По дорогѣ отъ воротъ въ аптеку, говорилъ ли г. де Фонвьель: «Принцъ убилъ моего друга, зато получилъ славную пощечину?»

Свид. Нѣтъ, я этого не слыхалъ. *Г. Лорье*. Но могли ли вы слышать, если бы это было сказано? *Свид.* Да. Этого быть не можетъ, потому что, когда я его спросилъ подъ воротами, «что случилось?» онъ тогда бы и сказалъ. *През.* Вы увѣрены, что

вы слышали бы? *Свид.* Да, увѣренъ. *Одинъ изъ присяжныхъ.* Какую часть тѣла держалъ свидѣтель? *Свид.* Верхнюю. *Г. Лорье.* Голову. *Одинъ изъ присяжныхъ.* Прошу давать говорить свидѣтелю и не подсказывать ему отвѣтовъ. *Г. Лорье.* Вызываю къ суду: возможно ли ставить вопросы честиѣ и умѣренности?

На вопросъ одного изъ присяжныхъ, свидѣтель заявляетъ, что не видѣлъ мясника Лешантра участвующимъ въ переноскѣ тѣла. Лешантра вызываютъ. Его не оказывается, и очную ставку его съ Фотчемъ откладываютъ до его возвращенія.

Мюссе (подрядчикъ).

Лорье. Свидѣтель помогать при поднятіи тѣла, онъ можетъ рассказать, что происходило передъ воротами. *Свид.* Когда мы принесли тѣло въ аптеку, г. де Фонвьель, входя, сказалъ: «Спасите моего друга!» Выходя изъ аптеки, я встрѣтилъ г. Винвиолле, который сказалъ мнѣ, что принцъ получилъ ударъ. *Г. Лорье.* Но онъ самъ, свидѣтель, слышалъ ли, чтобы г. де Фонвьель сказалъ: «Онъ убилъ моего друга, зато получилъ славную пощечину?» *Свид.* Нѣтъ; я слышалъ про пощечину, но не знаю, кто говорилъ. *Г. Флоке.* Г. Винвиолле на слѣдствіи заявилъ, что слышалъ слова эти отъ г. де Фонвьеля, и пересказалъ ихъ свидѣтелю, а здѣсь свидѣтель показываетъ, что г. Винвиолле вовсе не говорилъ ему о г. де Фонвьелѣ.

Президентъ прочитываетъ показаніе г. Виквиолле, и свидѣтель съизнова утверждаетъ, что онъ положительно увѣренъ, что г. Виквиолле не говорилъ ему о г. де Фонвьелѣ. Г. де Винвиолле опять вызываютъ, свидѣтели мѣняются нѣсколькими энергическими словами, и каждый стоитъ на своемъ.

Пьеръ-Огюстъ Одобезъ (42 лѣтъ, чиновникъ).

Флоке. Вопросъ остается тѣмъ же. *Свид.* Г. Винвиолле пришелъ ко мнѣ, и, въ присутствіи моего семейства, сказалъ: «Я главный свидѣтель, единственный». Тогда мы сказали: «Рассказывайте, что случилось». Онъ сказалъ: «Г. де Фонвьель держалъ въ рукѣ пистолеть, и говорилъ: «Ахъ, канашья! еслибы мой пистолеть не далъ осѣчку, я бы его убилъ». *През.* Не

говорилъ ли онъ вамъ еще о другихъ словахъ де Фонвьеля?

Свид. Да. Онъ приходилъ ко мнѣ на канунъ того, какъ меня потребовали, и сказалъ мнѣ: «Вась потребуютъ; вы помните, что я вамъ рассказывалъ, на счетъ того, что я слышалъ: какъ г. де Фонвьель сказалъ принцъ убилъ моего друга, но зато получилъ славную пощечину?» Я отвѣтилъ ему: «Г. Венвиолле, я не помню этихъ словъ. Я увѣренъ, что они не были сказаны. Говорилось многое, исторія была длинная, но этихъ словъ не было!»

През. Многое говорилось, говорите вы?

Свид. Да; если вѣрить г. Винвиолле, г. де Фонвьель старался скрыть пистолеть и почтальонъ почти-что силой вырвалъ его у него.

През. Знакомы ли вы съ г. Винвиолле?

Свид. Я не былъ знакомъ съ нимъ до этого происшествія.

Г. Флоке. Воспоминанія свидѣтеля были тѣмъ живѣе, что г. Винвиолле позаботился освѣжить ихъ на-канунъ допроса.

През. Заявивъ на допросѣ о какомъ-нибудь фактѣ и сказавъ судѣ: «ссылаюсь на того-то и того-то, призовите ихъ,» — совершенно естественно, что человѣкъ предупредить этихъ лицъ, и постарается подсвѣжить ихъ память.

Г. де Манжэ. Прошу у г. президента позволенія прочесть ему протоколъ показанія г. Одобеа на слѣдствіи. «Лично я ничего не знаю о происшествіи, бывшемъ 10 сего мѣсяца у принца. То, что я знаю, я слышалъ отъ молодаго человѣка, котораго я знаю, и котораго зовутъ Винвиолле. Онъ сказалъ мнѣ, что видѣлъ де Фонвьеля съ пистолетомъ въ рукѣ, кричавшимъ: «Ахъ, каналья! еслибы пистолеть мой не осѣкся, я бы убилъ его.» Онъ прибавилъ, что какой-то почтальонъ отнялъ пистолеть у де Фонвьеля.

Суд. слѣд. Помните ли вы, чтобы свидѣтель говорилъ вамъ, будто онъ самъ слышалъ, какъ де Фонвьель сказалъ, что вслѣдъ за ругательными словами принца Викторъ Нуаръ его ударилъ?

Свид. Не помню, чтобы я слышалъ эти слова, но при такомъ смятеніи, когда множество человѣкъ говорили въ одно время, они могли быть произнесены и не дойти до моего слуха. Въ эту минуту мы призвали въ нашъ кабинетъ г. Винвиолле, свидѣтеля уже давшаго показаніе. Онъ заявилъ, что знаетъ здѣсь присутствующаго свидѣтеля, который, со своей

стороны, признаетъ Винвиолле за лице, выше имъ поименованное.
Суд. слѣд. (г. Винвиолле). Останетесь ли при вашемъ предыдущемъ показаніи? *Свид.* Да, остаюсь. *Суд. слѣд.* Свидѣтель, вами указанный, и здѣсь присутствующій, не помнитъ, чтобы вы ему говорили, будто де Фонвьель при васъ сказалъ, что Викторъ Нуаръ ударилъ принца. *Свид.* Такъ какъ было много народу въ лавкѣ, гдѣ продаются газеты, г. Одобезъ, можетъ быть, не слышалъ моихъ словъ. Свидѣтель Одобезъ присовокупляетъ: Въ пятницу вечеромъ, 14 ч. сего мѣсяца, г. Винвиолле посѣтилъ меня и сказалъ мнѣ: «Помните вы, какъ я, въ день происшествія, сказалъ въ томъ самомъ магазинѣ, гдѣ вы находились вмѣстѣ съ нѣсколькими лицами, что г. де Фонвьель самъ объявилъ, что Викторъ Нуаръ ударилъ принца?» Я ему отвѣтилъ тоже, что выше сказалъ, а именно, что не помню словъ, которыя онъ приводитъ мнѣ на память, что не могу не утверждать, ни отрицать ихъ.

Морель (публицистъ, сотрудникъ газеты «*Moniteur Universel*»).

Фолж. Свидѣтель былъ въ аптекѣ г. Мортре въ одно время съ г. Ноталемъ; слышалъ ли онъ слова, которыя, по показанію г. Ноталия, были сказаны г. Мортре? *Свид.* Формальнѣйшимъ образомъ опровергаю показаніе этого свидѣтеля; Мортре ничего подобнаго не говорилъ мнѣ. Г. Ноталь (*призванный вновь*). Да, г. Мортре говорилъ эти слова въ присутствіи этого господина. *Г. Морель.* Нѣтъ, не говорилъ. *Г. Ноталь.* Г. Мортре стоялъ и передавалъ вамъ нѣкоторыя подробности о происшествіи; онъ сказалъ вамъ: «Они сказали, что дали принцу пощечину, и принцъ накинудся на нихъ.» *Г. Морель.* Ни слова объ этомъ не было сказано при мнѣ; я бы ихъ привелъ въ своей статьѣ. *Г. Леру* прочитываетъ протоколъ очной ставки, слѣдующаго содержанія: «Мы прочли свидѣтелю показаніе г. Ноталия и спросили его, слышалъ ли онъ слова г. Мортре г. Ноталию? Свидѣтель отвѣтилъ: «Я совершенно не помню этихъ словъ; они не могли быть произнесены и не дойти до моего слуха.» Вы видите, что отрицаніе тутъ далеко не такъ формально. *Г. Лорье.* Г. Морель поѣхалъ въ Отель, въ аптеку, въ качествѣ

геротера, слѣдовательно внимательно слушалъ и долженъ былъ все слушать. *Г. Ноталь*. Остаюсь при своемъ показаніи; замѣчу суду, что я иностранецъ, британскій подданный, совершенно не мѣшаюсь въ политику, что мнѣ нечего надѣяться и нечего страшиться, что я даю показаніе единственно изъ уваженія къ истинѣ. Итакъ энергично подтверждаю уже сказанное мною. *Г. Морель*. *Г. Ноталь* даже не зналъ, въ чемъ было дѣло; онъ плохо говоритъ по-французски, и едвали лучше понимаетъ. Притомъ же я говорилъ довольно тихо. *Г. Ноталь*. Я очень хорошо понимаю по-французски. Разстояніе между мною и г. Морелемъ было не больше одного или полутора метра; отъ г. Мортрея меня отдѣлялъ только прилавокъ.

Г. Габленъ (42 лѣтъ, публицистъ).

През. Вы публицистъ? въ какой газетѣ сотрудничаете? *Свид.* Въ «Marseillaise». *Г. Лорье*. Какъ держалъ себя г. Нуаръ 10 января? *Свид.* Очень спокойно; его очень занимало порученіе, возложенное г. Груссе, онъ былъ очень грустенъ. *През.* Другіе свидѣтели говорили, что онъ никогда въ жизни не былъ такъ веселъ, какъ въ этотъ день. *Свид.* Я говорю то, что самъ видѣлъ; онъ былъ очень грустенъ, когда я его видѣлъ.

Сенере. Г. де Фонвьель всегда имѣлъ привычку выходить изъ дому съ оружіемъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался редакторомъ газеты въ Дьепѣ.

Вашьери (бывшій аптекаръ), на вопросъ г. Лорье, имѣтъ ли г. де Фонвьель привычку носить при себѣ оружіе, отвѣчаетъ: «Я нѣсколько разъ ѣздилъ съ нимъ изъ Парижа въ Вѣпу (или Вьенну?) и всегда видѣлъ его съ оружіемъ».

Засѣданіе прерывается на нѣсколько минутъ. По возобновленіи его, г. Лорье объявляетъ:

«Г. Рошфору нездоровится; онъ поручилъ мнѣ просить у суда разрѣшенія удалиться, если никто этому не воспротивится».

През. Г. Рошфоръ можетъ удалиться.

Продолжается допросъ свидѣтелей.

Зибекке (публицистъ) отвѣчаетъ на вопросъ г. Лорье: «Я,

можетъ быть, самый давнишній другъ, котораго де Фонвьель имѣетъ въ Парижѣ: Мы не встрѣчались послѣ его возвращенія изъ Америки; онъ всегда имѣлъ при себѣ револьверъ, онъ даже носилъ панталоны съ особымъ карманомъ для револьвера, на американскій манеръ. Что касается личности Виктора Нуара, онъ дошелъ до того, что присвоилъ себѣ хорошія манеры круга, къ которому онъ не принадлежалъ по рожденію. Большаго нельзя было сдѣлать ему удовольствія, какъ назвать его джентльменомъ.

През. Возлагались ли уже на него подобныя порученія? *Свид.*

Насколько мнѣ извѣстно—нѣтъ. *През.* Онъ былъ очень молодъ?

Свид. Но имъ уже руководилъ въ жизни замѣчательный человѣкъ,

г. Вейссъ. *През.* Какого вы мнѣнія о его характерѣ?—Это была

большая ньюфундлендская собака, сильная и добрая; ребенокъ

могъ бы его довести до послѣднихъ предѣловъ терпѣнія и онъ

ничего бы ему не сдѣлалъ. Еслибы онъ вышелъ изъ себя, сила

его была бы ужасная.

По просьбѣ г. Лорье, вновь призываютъ г. *Миллера*; онъ

говоритъ слѣдующее:

«Меня всегда поражала кротость Виктора Нуара. Самолюбіе

его никогда не оскорблялось цензурой, которой подвергались его

статьи. Въ немъ не было вовсе обидчивости. Одно обстоятельство

однажды показало мнѣ, до какой степени онъ добръ. Мы отказа-

ли одному изъ служившихъ при типографіи. Этотъ человѣкъ при-

шелъ въ ярость, хотѣлъ поколотить насъ. Викторъ Нуаръ взялъ

его за обѣ руки и вывелъ его; я не могъ надивиться мягкости,

съ которой это было сдѣлано, несмотря на то, что этотъ бѣше-

ный отбивался и руками и ногами.

Жюль Кларети (литераторъ) отвѣчаетъ на вопросъ г.

Лорье:

«Я былъ коротко знакомъ съ Викторомъ Нуаромъ. Я очень

любилъ его. Это былъ пріятный мальчикъ, тихій и сильный.

Онъ пожелалъ быть членомъ общества литераторовъ. Мы, какъ

принято въ подобныхъ случаяхъ, навели о немъ справки; мы до-

вольно разборчивы, а онъ очень гордился своимъ принятіемъ въ

члены. Это случилось за двадцать девять дней до его смерти. Онъ говорилъ: «Я очень радъ, что могу включить это въ число свадебныхъ подарковъ невѣстѣ». Въ тотъ день, когда онъ поѣхалъ къ принцу, онъ сказалъ своей старухѣ матери: «Пожалуйста, чтобы не было ни пылинки—я ѣду къ принцу». Когда старухѣ сказали, что его убилъ принцъ, она сказала: «Не можетъ быть, чтобы его убилъ тотъ самый принцъ, для котораго онъ такъ чистился!» Когда мы вошли къ принцу, его единственной заботой было: держать себя какъ слѣдуетъ. Я увѣренъ, что если бы мы, вмѣсто того, чтобы сказать принцу имя Паскаля Груссе, котораго онъ не зналъ, сказали ему, что мы присланы Рошфоромъ, онъ сейчасъ же выстрѣлилъ бы по намъ.

Северъ Легранъ, (архитекторъ). Я слышалъ, какъ г. Перине говорилъ, что онъ жалѣеть, что замѣшанъ въ дѣло, потому что надѣется черезъ это получить повышеніе. *Г. Перине*, (вновь призванный). Мнѣ г. Легранъ первый сказалъ, что это легко можетъ доставить мнѣ повышеніе, я ему отвѣтилъ: «Мнѣ не нужно повышенія, у меня свои права по старшинству; я скажу правду передъ правосудіемъ, какъ я къ тому обязанъ; если это принесетъ мнѣ пользу, тѣмъ лучше». *Г. Легранъ*. *Г. Перине* положительно сказалъ: «Вмѣсто того, чтобы ждать, я черезъ это получу повышеніе». *Г. Перинэ*. Что г. Легранъ обнадеживалъ меня повышеніемъ, это можетъ быть. Онъ мнѣ еще говорилъ: «Я семейству Нуаровъ ни братъ, ни свать, но такъ какъ я архитекторъ, я предложу проектъ памятника Виктору Нуару, это мнѣ дастъ извѣстность. Слѣдовательно, если мы и говорили о повышеніи, тутъ нѣтъ ничего особеннаго: каждый какъ знаетъ, такъ и приводитъ воду къ своей мельницѣ». *През.* Если даже г. Перине и выражалъ надежду на повышеніе, это ничего не доказываетъ.

Ваннеръ (чиновникъ), тоже объявляетъ, что онъ слышалъ, какъ г. Перине говорилъ, что онъ, можетъ быть получить повышеніе.

Моронъ (консьержъ въ Отелѣ).

През. Какой вопрос сдѣлать этому свидѣтелю? *Г. Флоренс.* Мы не желаемъ подсказывать отвѣты свидѣтелямъ, даже отдаленнымъ образомъ. Мы просто просимъ его сказать то, что онъ знаетъ. *Свид.* Я слышалъ крики «убійца!» Я видѣлъ, какъ два или три человѣка переносили тѣло въ аптеку. *Г. Флоренс.* Такъ какъ свидѣтель сопровождалъ тѣло, слышалъ ли онъ, чтобы г. де Фонвьель говорилъ: «Еслибы пистолеть не осѣкся, я бы его убилъ?» *Свид.* Нѣтъ, я этого не слышалъ. *През.* Помогалъ ли свидѣтель при переноскѣ тѣла въ аптеку? *Свид.* Да. *През.* Слышалъ ли онъ еще слѣдующія слова: «По крайней мѣрѣ если мой бѣдный другъ и убитъ, принцъ получилъ отъ него слабую пощечину?» *Одинъ изъ присяжныхъ.* Замѣтилъ ли свидѣтель, тутъ ли былъ мясникъ Лешантръ? *Свид.* Нѣтъ, не замѣтилъ, притомъ я былъ далеко не хладнокровенъ. *Г. Лорье.* Г. Лешантръ тутъ; ему можетъ быть полезно было бы дать очную ставку съ г. Морономъ и г. Фотеномъ. *Г. Фотенъ, (снова призванный).* Я этихъ словъ не слышалъ. *Г. Лешантръ.* Я утверждаю, что слышалъ ихъ изъ устъ лица, шедшаго за тѣломъ. *През.* Изъ этихъ показаній выходитъ, что нѣсколько свидѣтелей слышали эти слова, другіе нѣтъ. Вотъ и все. Можетъ ли свидѣтель Фотенъ утверждать, что свидѣтель Лешантръ не слышалъ этихъ словъ? *Г. Флоренс.* Утверждать это онъ не имѣетъ возможности; однако вѣрно то, что изъ четырехъ человѣкъ, несшихъ тѣло, трое ничего не слышали.

Во время этой очной ставки, свидѣтели Лешантръ и Фотенъ сердито смотрятъ другъ на друга, и президентъ вынужденъ нѣсколько разъ повторять имъ, чтобы они обращались къ суду, а не другъ къ другу.

Г. де Кергомара (литераторъ). *Г. Лорье.* Мы пригласили этого свидѣтеля, для возраженій на такого рода обвиненія, которыхъ не было еще сдѣлано, но которые, можетъ быть, будутъ сдѣланы. Свидѣтель можетъ сказать, каково было поведеніе г. де Фонвьеля, когда онъ служилъ гарибальдийскимъ волонтеромъ. Г. де Кергомара тоже служилъ волонте-

ромъ. Необходимо засвидѣтельствовать или, по крайней мѣрѣ, изслѣдовать нравственность де Фонвьеля. *Свид.* Мы были въ двухъ лагеряхъ, враждовавшихъ между собою; не подлежитъ сомнѣнію, что, если было бы что говорить про г. де Фонвьеля, непременно бы говорили, однако никогда ничего не было сказано противъ него. Когда я узналъ, что его обвиняютъ въ неделикатности, я очень удивился. Его обвинили въ кражѣ изъ кассы, но не онъ ее совершилъ, въ доказательство чего скажу, что мнѣ извѣстенъ виновный, — называть его нѣтъ надобности. Я знаю, что его судили военнымъ судомъ и осудили. Значить этотъ фактъ вовсе не кладетъ тѣни на г. де Фонвьеля. *Г. Лорье.* Онъ кладетъ ее на другое лицо, котораго нѣтъ надобности называть. *Свид.* Именно. Г. де Фонвьелю было приписано преступленіе, совершенное другимъ извѣстнымъ мнѣ лицомъ.

Лорье. Г. президентъ, мы отказываемся отъ показаній послѣдняго изъ свидѣтелей, приглашенныхъ гражданской стороною.

През. Мы снимемъ показаніе еще съ г. Виконта Клари, приглашеннаго по желанію подсудимаго, такъ какъ онъ долженъ участвовать завтра въ семейномъ совѣтѣ и просить, чтобы его выслушали сегодня, затѣмъ закроется засѣданіе.

Виконтъ Клари (53 лѣтъ, бывший народный представитель). Я прихожусь принцу еродни. *Г. Леру.* Я желалъ бы спросить у свидѣтеля, что ему извѣстно о привычкѣ принца носить при себѣ оружіе. *Свид.* Мы вмѣстѣ засѣдали въ учредительномъ и законодательномъ собраніяхъ. Однажды въ палатѣ, во время разговора, Шарль Лагранжъ вынулъ изъ кармана пистолетъ и, показывая намъ его, сказалъ: «Смотрите я никогда не выхожу безъ пистолета». Принцъ тоже вынулъ револьверъ и сказалъ: «У меня всего одинъ, но пятиствольный?» Въ другой разъ, гуляя, принцъ почувствовалъ сильную боль; я спросилъ его, что съ нимъ; онъ сказалъ, что пистолетъ прикладомъ ушибъ его въ пахъ. Могу я прибавить еще нѣсколько словъ? *През.* Сдѣлайте одолженіе. *Свид.* Назадъ нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе неточно переданныхъ словъ, между принцемъ и мною вышла ссора; мы должны были драться.

Принцъ узналъ, что дѣло ему было передано не такъ, и извинился передъ мною. Я нашелъ, что этотъ поступокъ очень благороденъ со стороны человѣка, превышаго владѣть оружіемъ. *През.* Нельзя не сожалѣть о привычкѣ входить съ оружіемъ даже въ законодательное собраніе. Какъ бы то ни было, достоверно доказано, что всѣ лица, сопричастныя къ этому дѣлу, имѣютъ привычку всегда носить при себѣ оружіе. *Г. Леру.* Принцъ имѣлъ на то разрѣшеніе. *Г. Лорье.* Съ какихъ поръ, позвольте васъ спросить? *През.* Засѣданіе откладывается до завтра.

24 марта, несмотря на весьма неприятный холодъ и пронзительный вѣтеръ, вокругъ зданія суда тѣснится такая же толпа. Въ ней замѣтно оживленіе, доходящее до страстности, отчасти потому, что въ полученныхъ изъ Парижа газетахъ всѣ могли прочесть отчетъ о первыхъ трехъ засѣданіяхъ верховнаго суда. Газеты переходятъ изъ рукъ въ руки. Зала засѣданій полна какъ только можно. Публика состоитъ изъ всего высшаго общества города и его окрестностей. Засѣданіе открывается въ 11 ч. 5 мин.

Флоке и *Лорье* просятъ судъ составить актъ о томъ, что г. и г-жа Нуаръ, отецъ и мать убитаго, вносятъ гражданскій искъ. *Г. Бернгеймъ*, стряпчій, проситъ составить актъ о томъ, что онъ является адвокатомъ также и Луи Нуара.

През. Актъ будетъ составленъ. Призвать одного изъ свидѣтелей. Мы приступимъ къ снятію показаній съ свидѣтелей, приглашенныхъ по желанію подсудимаго.

Александръ Теофиль Готье (51 года, полицейскій комиссаръ въ Парижѣ). Я пошелъ къ принцу около 4 ч. Меня велъ къ нему докторъ Морель. Принцъ наскоро разсказалъ мнѣ сцену, происшедшую между нимъ и гг. де Фонвелемъ и Викторомъ Нуаромъ. Онъ сказалъ мнѣ, что искренно сожалѣеть о случившемся, особенно по тому, что убить человѣкъ, но присовокупилъ, что когда человѣка ругаютъ, наконецъ наносятъ ему ударъ въ его же домъ, онъ уже теряетъ власть надъ собою. *Г. Леру.* Свидѣтель видѣлъ ли слѣды ушиба на щекѣ принца? *Свид.* Г. Морель указалъ мнѣ на щеку принца, и я замѣтилъ на ней сильную

красноту. *Г. Леру.* Я бы желалъ, чтобы свидѣтель въ точности повторилъ разсказъ принца. *Свид.* Принцъ сказалъ мнѣ, что эти господа явились къ нему съ вызывающимъ видомъ и что, наконецъ, послѣ обмѣна нѣсколькихъ словъ Викторъ Нуаръ ударилъ его въ лице. Все это было сказано мнѣ очень коротко. Не знаю, долженъ ли я говорить объ одномъ обстоятельстве, котораго я былъ свидѣтелемъ въ одной кофейнѣ. *През.* Говорите. *Свид.* Мнѣ было дано знать, что въ Отелѣ происходятъ беспорядки, я и поѣхалъ туда. Шелъ дождь и я вышелъ въ кофейную, во первыхъ, чтобы укрыться отъ дождя, а во вторыхъ, чтобы пообѣдать. За однимъ столомъ разговаривали три человѣка. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что въ Парижѣ ходитъ слухъ, что принцъ Пьеръ Бонапартъ убилъ Виктора Нуара. Я попросилъ у этихъ господъ позволеніе вмѣшаться въ ихъ разговоръ и сообщилъ имъ то, что говорилъ мнѣ принцъ. Въ то же время я имъ объявилъ о моемъ званіи полицейскаго комиссара. Одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ, котораго зовутъ г. Бартельми, сказалъ мнѣ: «Разсказъ принца, должно быть, вѣренъ, потому что я самъ слышалъ, какъ г. де Фонвьель сказалъ, что его пріятель далъ принцу славную пощечину». Г. Бартельми призвали къ судебному слѣдователю; мы тамъ встрѣтились; онъ при мнѣ призналъ слова эти за свои, но прибавилъ еще слѣдующее: «Съ тѣхъ поръ я много думалъ и спрашивалъ себя, не былъ ли я, повторяя это, подъ вліяніемъ доктора Мореля?» Я и до сихъ поръ убѣжденъ, что слышалъ эти слова, но передъ лицомъ правосудія не осмѣлюсь утверждать это. *Г. Леру.* Говорилъ ли принцъ въ своемъ разсказѣ о той минутѣ, когда де Фонвьель показалъ свой пистолетъ. *Свид.* Да, онъ сказалъ мнѣ, что г. де Фонвьель держалъ уже въ рукѣ пистолетъ прежде чѣмъ онъ самъ выстрѣлилъ. Да будетъ мнѣ дозволено присовокупить, что я въ Отелѣ находился въ довольно затруднительномъ положеніи. Меня передъ тѣмъ увѣдомили, что мѣстный полицейскій комиссаръ призванъ въ префектуру по крайне важному дѣлу. Я знаю, что слѣдствіе начато, но не зналъ, на сколько оно подвинулось, не зналъ и того, прибыли ли на мѣсто происшествія

г. императорскій прокуроръ и г. судебный слѣдователь. Я посто-
му находился въ легко понятной нерѣшимости и потому не могъ
произвести никакого дознанія. *Подсудимый.* Свидѣтель не вноилъ
помнить то, что я ему сказалъ, а именно, что пока Сальмонъ
меня ударилъ, Фонвьель грозилъ мнѣ пистолетомъ. *Свид.* Можетъ
быть; я не могъ хорошенько уловить оттѣнковъ, потому что мнѣ
прежде всего надо было идти къ судебному слѣдователю, дать по-
казаніе о случаѣ съ г. Бартельми. *Подс.* Впрочемъ неудивительно,
что въ этомъ показаніи оказались пробѣлы, потому что газеты,
въ которыхъ помѣщаются отчеты объ этихъ преніяхъ, исполнены
неточностей въ словахъ, мною произнесенныхъ.

Президентъ прочитываетъ часть письменнаго показанія свидѣ-
теля: «Докторъ Морель, случившійся тутъ, настоятельно просилъ
меня побывать у принца. Принцъ принялъ меня въ своей гости-
ной и рассказалъ мнѣ, что два господина пришли въ качествѣ
секундантовъ какого то г. Груссе, вызывать его на дуэль; что
господа эти держали себя довольно наступательно, и что онъ от-
вѣтилъ имъ, что онъ съ нимъ не имѣетъ дѣла, что онъ дерется
съ г. Рошфоромъ, а не съ его поденщиками. Принцъ присово-
купилъ, что онъ едва выговорилъ эту фразу, какъ тотъ что по-
больше изъ посѣтителей—Викторъ Нуаръ, какъ онъ узналъ впослед-
ствіи, сильно ударилъ его въ лѣвую щеку. Тогда-то, вынувъ
пистолетъ изъ кармана, онъ прицѣлился въ Виктора Нуара и вы-
стрѣлилъ въ него». *Свид.* Присовокуплю теперь, что отвѣты
принца показались мнѣ чрезвычайно прямыми, опредѣлительными,
и мое впечатлѣніе такое, что онъ ничего не скрылъ изъ про-
исшедшаго. *Подс.* Однимъ словомъ я непременно желаю, чтобы
поняли, что Сальмонъ ударилъ меня въ то самое время какъ де
Фонвьель прицѣливался ко мнѣ. *Г. Флоне.* Г. полицейскій ком-
миссаръ говоритъ суду, что онъ видѣлъ на щекѣ принца слѣдъ
ушиба, причиненнаго пощечиной, данной Викторомъ Нуаромъ. За-
являю, что объ этомъ не упоминается въ письменномъ показаніи,
которое у меня передъ глазами. *Свид.* Это правда. Я думалъ, что
меня призвали только за тѣмъ, чтобы дать показаніе о случаѣ съ

г. Бартельми. Я теперь вижу, что мнѣ слѣдуетъ упомянуть и объ этомъ обстоятельстве. *Г. Флоке.* О какомъ слѣдствіи говорить свидѣтель, когда онъ самъ сказалъ, что онъ не могъ самъ произвести никакого дознанія? *Свид.* Я это дѣйствительно сказалъ. Я не зналъ, прибыли ли на мѣсто г. императорскій прокуроръ и г. судебный слѣдователь, а такъ какъ принцъ мнѣ не показался опаснымъ злодѣемъ, я не видѣлъ опасности въ томъ, чтобы онъ лишніе полчаса остался въ своемъ домѣ. *През.* Тѣмъ болѣе, что принцъ, какъ извѣстно, самъ послалъ за агентами и поставилъ ихъ у своихъ воротъ. Это не похоже на человѣка, который хочетъ укрыться отъ суда. *Г. Флоке.* Дѣло въ томъ, что свидѣтель, увѣряя, что собрать его, колицейскій комиссаръ, вошелъ въ домъ къ принцу, становится въ противорѣчіе съ заявленіемъ г. Дарле, который говорилъ вамъ, что, когда онъ прибылъ, еще никто не являлся, чтобы производить осмотръ. *Г. Леру.* Въ такомъ случаѣ важно знать, въ Отелѣ ли, или въ Пасси свидѣтель служить полицейскимъ комиссаромъ. *Свид.* Знаю очень хорошо, что я полицейскій комиссаръ въ Парижѣ, и что я обязанъ дѣйствовать во всемъ городѣ Парижѣ. Но замѣчу, что мнѣ слѣдовало начать съ того, чтобы произвести слѣдствіе и отыскать семейство Нуаръ, на ихъ квартирѣ на улицѣ Жоффруа-Мари, гдѣ мнѣ сказали, что оно живетъ.

Г. де ла Гардъ (публицистъ въ Парижѣ). Я былъ на бульварѣ съ однимъ пріятелемъ, когда намъ сказали объ Отельскомъ происшествіи. Мы тотчасъ же сѣли въ карету и поѣхали въ Отель. Когда я увидѣлъ принца, я замѣтилъ на нижней части щеки слѣдъ ушиба величиною въ пятифранковую монету. Было около 4¹/₂ или 5 ч. когда я поѣхалъ въ Отель. *Г. Леру.* Замѣтилъ ли свидѣтель цвѣтъ этого знака. *Свид.* Онъ былъ съ фіолетовымъ оттѣнкомъ.

Жюль Мишель, графъ де ла Салль, (42 лѣтъ, бывшій полковникъ кавалеріи). Въ день происшествія, я шелъ по бульвару и зашелъ въ ресторанъ Гельдера. Я тамъ встрѣтилъ содержателя ресторана и заговорилъ съ нимъ о происшествіи. Онъ сказалъ

мнѣ, что принцъ былъ, должно быть, вызванъ на дуэль Викто- ромъ Нуаромъ, и что это выходитъ изъ разговора, слышаннаго имъ отъ лицъ обѣдавшихъ у него. Одно изъ этихъ лицъ гово- рило, будто бы, что Викторъ Нуаръ выразилъ желаніе, чтобы ему представился случай встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ Бона- партовъ, чтобы ему дать въ... *През.* Бывалъ ли Викторъ Нуаръ въ этомъ заведеніи? *Свид.* Да, но буфетчикъ сказалъ мнѣ, что онъ пересталъ бывать. *През.* Сказалъ ли онъ вамъ причину? *Свид.* Онъ сказалъ мнѣ, что Викторъ Нуаръ съ кѣмъ то пере- ссорился. *Г. Леру.* Прошу дозволенія познакомить судъ съ од- нимъ фактомъ изъ показанія свидѣтеля; вотъ онъ: «Онъ даже рассказалъ мнѣ, что одинъ изъ посѣтителей заговорилъ съ г. де Кассаньякомъ, и что г. Викторъ Нуаръ, сидѣвшій на другомъ концѣ комнаты, бросился на него и затѣялъ съ нимъ ссору по этому поводу». *Свид.* Это совершенная правда.

Шарль-Огюстъ Дефреннъ (42 лѣтъ, буфетчикъ въ ресто- ранѣ Гельдера, въ Парижѣ на улицѣ Клиши, № 36). Я лично ничего не знаю объ отельскомъ происшествіи. Я могу сказать только то, что г. Викторъ Нуаръ и нѣсколько человекъ изъ его свиты постоянно посѣщали наше заведеніе. Г. Викторъ Нуаръ имѣлъ тяжелый характеръ и подъ ничтожнѣйшими предлогами вызывалъ на споры. Помню я, съ годъ назадъ, одинъ изъ нашихъ посѣтителей заговорилъ съ г. Полемъ де Кассаньякомъ; г. Викто- рь Нуаръ, сидѣвшій на противоположномъ концѣ комнаты, вско- чилъ со своего мѣста и бросился на этого господина, чтобы уда- рить его, но я сталъ между ними, и онъ не могъ привести въ исполненіе свою угрозу. Во время ужиновъ, происходившихъ въ ночь съ 10 и 11 января, я слышалъ слѣдующія слова: «Онъ вѣроятно не пропустилъ случая, попавъ къ одному изъ Бонапартовъ, чтобъ не дать ему въ рыло», но я никакъ не могъ бы указать лицъ произносившихъ ихъ; что же касается самыхъ словъ, я ихъ слышалъ совершенно явственно.

Констанъ (содержатель кофейной въ Парижѣ, на улицѣ Gaité).

Леру. Я желалъ бы распросить свидѣтеля о характерѣ Виктора Нуара. *Свид.* Я содержу значительное заведеніе. Викторъ Нуаръ обладалъ громадной физической силой. Онъ часто приходилъ, и бывали страшныя сцены. Онъ часто приходилъ на балъ, выходили споры. Я бы могъ призывать городскихъ сержантовъ, но всегда предпочиталъ имѣть дѣло съ нимъ однимъ и просить его удалиться. Замѣчу, что когда на балу выходятъ споры, онъ обыкновенно выходитъ отъ гостей втораго или третьяго сорта. (*Легкое движеніе*). *Г. Леру.* Защита отказывается отъ показаній свидѣтеля Лофміамя, по прозванію Бурнсіона, и свидѣтеля Бадижона.

Болль Девилье. 10-го января я встрѣтилъ въ Отелѣ экипажъ; въ немъ сидѣли два господина, одинъ изъ нихъ говорилъ: «У меня револьверъ и палка со шпагою». Экипажъ этотъ остановился предъ отелемъ принца. *През.* Это было до происшествія? *Свид.* Да. *През.* Въ которомъ часу? *Свид.* Около 1¹/₄ часа. *Г. Флоке.* Экипажъ открытый былъ или закрытый? *Свид.* Не могу сказать. Онъ ѣхалъ довольно быстро. *Г. Флоке.* На слѣдствіи онъ прямо сказалъ, что экипажъ былъ закрытый. Такъ и сказалъ: «Закрытый фіакръ». *Свид.* Я не могъ отдать себѣ яснаго отчета. *През.* Видѣли ли вы лицъ сидѣвшихъ въ экипажѣ и могли ли бы вы узнать ихъ? *Свид.* Нѣтъ. *Г. Флоке.* Фонвьель и Нуаръ пріѣхали въ открытомъ экипажѣ; это было достоверно доказано на слѣдствіи показаніемъ самаго извозчика, который везъ ихъ въ Отель. *През.* На счетъ часу вы увѣрены? *Свид.* Да, было такъ 1³/₄.

Жюльенъ де Сентъ (35 л. мороженникъ, поставщикъ принца). Въ день происшествія, проходя мимо дома принца, я увидѣлъ раненаго человѣка; впоследствии я узналъ, что это былъ Викторъ Нуаръ, онъ лежалъ уже на тротуарѣ. Г. де Фонвьель вышелъ, держа въ рукѣ пистолеть. Точно же, хотя я не могу сказать когда именно, знаю только, что рынокъ не былъ закрытъ, подѣхалъ фіакръ, который остановился посрединѣ шоссе предъ домомъ принца и изъ него вышли два господина. Кто то сказалъ, что одинъ изъ нихъ г. Рошфоръ. Такъ какъ я его никогда не видалъ,

то я подошелъ взглянуть на него; но это былъ г. Милльеръ, онъ былъ съ пистолетомъ. Я самъ видѣлъ пистолеть въ его рукѣ. Г. де Башеть мясникъ былъ тутъ; онъ должно быть видѣлъ пистолеть какъ и я, потому что онъ первый спросилъ меня: «Видѣлъ ты, что произошло». Я тотчасъ же ушелъ и не знаю, что происходило послѣ.

Францъ Газсонъ (38 л. оружейный мастеръ). Я видѣлъ принца нѣсколько разъ въ качествѣ оружейнаго мастера; мнѣ вѣдомо, что принцъ держалъ всегда револьверъ при себѣ въ карманѣ панталонъ. Около 20 декабря прошедшаго года я приѣхалъ въ Отель неожиданно, послалъ мою карточку принцу и былъ принятъ. Мы сѣли на диванъ и онъ вынулъ изъ кармана револьверъ, чтобы свѣрить револьверы разныхъ системъ. *Г. Леру*. Не зналъ ли свидѣтель, что у подсудимаго въ саду есть тирь? *Свид.* Да, онъ упражнялся въ стрѣльбѣ каждый день.

Пломбенъ, бригадный генералъ, командующій дивизіею Тарнъ и Гаронна. Я зналъ подсудимаго съ Африки; мы тамъ вмѣстѣ были баталіонными командирами; на полѣ битвы онъ былъ очень храбръ, былъ первый на траншеи, первый во главѣ колонъ; онъ возбуждалъ удивленіе всѣхъ. Былъ вѣжливъ къ подданнымъ и почтителенъ къ начальству. Онъ былъ храбръ. Однажды 30 октября мы вынуждены были сѣсть на суда; одинъ арабъ собирався стрѣлять въ него, принцу крикнули: «командиръ, садитесь!» онъ же не тронулся съ мѣста; выстрѣлилъ и арабъ упалъ къ его ногамъ. *Г. Лорье*. Я спрошу свидѣтеля, пока онъ тутъ, знаетъ ли онъ, по какой причинѣ и вѣдствие какихъ обстоятельствъ подсудимый уѣхалъ изъ Африки? *Свид.* Мы не знаемъ; въ то время слышали, что его послали куда то съ порученіемъ. Вѣрно то, что главнокомандующій былъ очень этимъ не доволенъ; онъ боялся, чтобъ съ нимъ чего не случилось. *През.* Въ какомъ же родѣ? *Свид.* Въ такомъ же какъ съ нашими товарищами—чтобъ его не убили. *Г. Флоке*. Это не отвѣтъ на нашъ вопросъ. *През.* Извѣстна ли вамъ причина отъѣзда принца? *Свид.* Ему дали порученіе. *Г. Лорье*. Не порученіе ему дали, а уволь-

неніе (*смѣхъ* *)). *Подс.* Я съ порученіемъ уѣхалъ. *Свид.* и корпусный командиръ былъ въ восторгѣ, потому что онъ всегда боялся, чтобъ принцъ не напросился на смерть. *Г. Лорье.* Такъ что же? *Свид.* Подумайте, что сказали бы, еслибъ былъ убитъ родственникъ принца президента. *Г. Лорье.* Сказали бы, что онъ умеръ, доблестно исполняя свою обязанность. *Г. Деманжъ.* Онъ такъ всегда и дѣлалъ. *Г. Леру.* Вотъ впрочемъ объясненіе этого обстоятельства: принцу было дано порученіе въ Алжиръ; когда оно было исполнено, онъ возвратился во Францію. Онъ можетъ быть не совсѣмъ исполнилъ свой долгъ — не спору; министръ г. д'Опуль сдѣлалъ объ этомъ докладъ законодательному собранію; принцъ могъ согрѣшить противъ дисциплины, но онъ всегда хорошо себя велъ относительно непріятеля. *Туше* (отставной капитанъ). Я познакомился съ принцемъ при осадѣ Заатмы; онъ обладалъ большимъ хладнокровіемъ — хладнокровіемъ столь врожденнымъ его роду — среди опасности. На полѣ битвы голосъ его электризовалъ всѣхъ солдатъ; онъ обладалъ орлинымъ взглядомъ — столь врожденнымъ его роду (*смѣхъ*). *През.* Я велю очистить залу, если опять начнется шумъ. *Свид.* Словомъ сказать, принцъ былъ живаго характера — живаго, открытаго и честнаго. *През.* Однимъ словомъ вы возъмѣли наилучшее мнѣніе о подсудимомъ? *Свид.* Да. *Подс.* Я скажу, г. Лорье, что послѣдній свидѣтель, капитанъ Туше, надъ которымъ онъ пошутить — храбрый солдатъ, у котораго грудь пробита непріятельской пулей на полѣ битвы, и если онъ не обладаетъ риторическимъ даромъ, за то у него гораздо болѣе мужества, чѣмъ у той факціи, къ которой принадлежитъ г. Лорье. (*Ропотъ въ залѣ*). *Г. Лорье.* Судъ просилъ насъ, что впрочемъ было совершенно излишне, оказывать всевозможную деликатность подсудимому и почтительность суду, — прошу судъ наблюдать, чтобы каждый держался той же почтительности. Подсудимый сейчасъ позволилъ себѣ та-

* Тутъ выходитъ по французски не переводимая на русскій языкъ игра слова: г. Лорье противопоставляетъ слова mission порученіе и demission — увольненіе.

кую выходку противъ меня, которой нѣтъ названія. *Подс.* Вы же сдѣлали выходку противъ моего храбраго товарища.

Въ эту минуту г. Ульрихъ де Фонвьель бросается съ другаго конца залы и восклицаетъ въ сильнѣйшемъ волненіи, указывая на подсудимаго пальцемъ: «а вы, убили же вы моего бѣднаго товарища Виктора Нуара; вы его убили, какъ убійца! (assasine)» поднимается неописанный шумъ и смятеніе: всѣ встаютъ со своихъ мѣстъ, жандармы обступаютъ г. де Фонвьеля и стараются увести его изъ залы, подсудимаго выводятъ. Полицейскій комиссаръ и его агентъ тщетно стараются возстановить молчаніе. Генераль-прокуроръ встаетъ, хочетъ говорить, но его голоса не слышно; наконецъ, хотя отчасти, водворяется тишина; г. де Фонвьель выведенъ изъ залы. *През.* Г. де Фонвьель выведенъ, если онъ будетъ сопротивляться—отвести его въ тюрьму. Генераль-прокуроръ, слово принадлежитъ вамъ. *Генер.-прокуроръ.* Г. де Фонвьель позволилъ себѣ сейчасъ выходку, которая не можетъ остаться безнаказанной; не считаю нужнымъ требовать, чтобы его теперь, сейчасъ же привели къ ногамъ суда; общее волненіе сильно, нужно дать ему ухотиться, требую только, чтобы составленъ былъ протоколъ о происшедшемъ, предоставляю себѣ постановить заключеніе къ концу засѣданія.

Г. Лорье. Г. президентъ, я на столько хладнокровенъ и спокоенъ.... *През.* Обращайтесь къ суду, г. Лорье. *Г. Лорье.* Господа члены суда, я на столько хладнокровенъ и спокоенъ, что могу вмѣшаться въ пренія, не внося въ него раздражающаго элемента. Мы должны давать другимъ адвокатамъ примѣръ умѣренности даже предъ несправедливостью, даже передъ личнымъ оскорбленіемъ. Примѣръ этотъ мы подавали съ самаго начала настоящихъ преній, но мы обязаны еще и къ другому — къ мужеству, которое состоитъ въ томъ, чтобы требовать уваженія къ правосудію въ лицѣ адвоката и въ лицѣ свидѣтелей. Сію минуту, безъ всякой нужды, безъ всякаго къ тому повода, одинъ изъ адвокатовъ, здѣсь присутствующій, сдѣлался предметомъ прямаго личнаго нападенія со стороны подсудимаго. Что до меня касается, я охотно

оставилъ бы это оскорбленіе безъ вниманія; я не позволилъ себѣ пошутить надъ показаніемъ свидѣтеля, пріятеля принца; если принцу почудилась шутка съ моей стороны, онъ ошибся. Притомъ, онъ не имѣетъ права допытываться глубины моей мысли, никто болѣе насъ не желаетъ относиться почтительно къ личности и положенію подсудимаго, какъ бы задорно онъ ни держалъ себя. Умоляю судъ постараться о сохраненіи мира и спокойствія въ этихъ преніяхъ. Но въ отвѣтъ на это прозвище «факціей», я долженъ сказать, что мы принадлежимъ не къ факціи, а къ партіи, къ великой партіи — ужъ конечно не къ партіи подсудимаго, но такой многочисленной, что мы вездѣ можемъ водрузить и защитить ея знамя.

През. Но какія же ваши заключенія, г. Лорье? чего вы хотите? Хотите вы противиться требованіямъ г. генераль-прокурора; слова ваши вовсе не имѣютъ отношенія къ этимъ требованіямъ, мы здѣсь не въ политической оградѣ, мы олицетворяемъ собою правосудіе. *Г. Лорье.* Господинъ Президентъ, позвольте мнѣ продолжать. Я противлюсь требованіямъ г. генераль-прокурора и долженъ разъяснить, почему. Умоляю верховный судъ принять въ соображеніе, что слова, произнесенныя подсудимымъ, должны были вывести г. де Фонвьеля изъ послѣдняго терпѣнія. Я сожалѣю, что г. де Фонвьель не подражалъ спокойствію адвоката, но пусть судъ вновь призоветъ его, и онъ первый, я увѣренъ, возвратится въ должные предѣлы умѣренности, изъ которыхъ его не слѣдовало бы выводить.

Генер.-прокуроръ. Я порицаю слова, произнесенныя подсудимымъ; я до сихъ поръ исключительно занялся поднявшимся шумомъ и тѣмъ, который его причинилъ, но я требую, чтобъ были изложены факты, чтобъ судъ выслушалъ г. центрального комиссара и чтобъ былъ составленъ протоколъ. *Г. Лорье.* Прошу судъ приостановить засѣданіе на нѣсколько минутъ, чтобы дать мнѣ переговорить съ г. де Фонвьелемъ.

Судъ удаляется для совѣщанія. Черезъ полчаса онъ возвращается въ залу, и президентъ читаетъ слѣдующій приговоръ:

«Верховный судъ, по выслушаніи требованія г. генераль-прокурора и заключеній г. Лорье, адвоката, по совѣщаніи объ этомъ предметѣ, сообразномъ съ закономъ, признаетъ основательными требованія г. генераль-прокурора, о чемъ ему и заявляетъ».

Составленъ слѣдующій протоколъ:
«Лѣта 1870, въ четвергъ 24 марта, въ часъ пополудни, во время засѣданія верховнаго суда, въ ту минуту какъ г. Этапи, свидѣтель приглашенный по желанію подсудимаго, давалъ показаніе предъ судомъ, подсудимый всталъ и обращаясь къ адвокатамъ сказалъ: «Надъ показаніемъ моего стараго товарища Туше пошутили, а грудь его была пробита пулею въ десяти шагахъ отъ меня, въ то время, какъ онъ сражался противъ враговъ Франціи. У него болѣе мужества, чѣмъ у всей той факціи, къ которой принадлежитъ г. Лорье». Въ эту минуту въ залѣ поднялось сильное смятеніе, свидѣтель де Фонвель, вставъ со своей скамьи, закричалъ: «вы убили Виктора Нуара какъ убійца!» и произнесъ еще нѣсколько бранныхъ словъ, которыя, заглушаемая шумомъ вызваннымъ ими, не дошли до суда, но о которыхъ можно было бы произвести впослѣдствіи дознаніе.

«На основаніи помянутаго протокола судъ повелѣваетъ: проинформировать дознаніе о помянутыхъ фактахъ, дабы впослѣдствіи г. генераль-прокуроръ могъ заявить свои требованія, а верховный судъ постановить, что надлежать будетъ!»

Подсуд. Г. президентъ, я... *През.* Подсудимый, совѣтую вамъ соблюдать возможно больше хладнокровія; вы видите, что вы были первой причиной того, что сейчасъ произошло. *Подсуд.* Но г. президентъ, если вы позволите мнѣ говорить, я имѣю сказать вамъ нѣсколько словъ. Я обращался не ко всѣмъ адвокатамъ, а къ г. Лорье. *През.* Мы не потерпимъ, чтобы вы оскорбляли адвокатовъ. Вы были не правы, что обратились къ г. Лорье. *Г. Леру.* Я требую того же уваженія къ подсудимому. *През.* Мы сами, первые, потребовали того же и сами, первые, скорбимъ о ругани, направленной противъ подсудимаго здѣсь и внѣ суда. *Г. Леру.* Я отношусь къ свидѣтелямъ съ тѣмъ уваженіемъ, съ

которымъ желалъ бы чтобъ относились къ подсудимому. Было говорено объ уваженіи, должномъ... *През.* Замѣчу вамъ, что этотъ эпизодъ оконченъ. *Г. Леру.* Я буду имѣть случай объяснить въ моей защитительной рѣчи, въ чемъ состоятъ причины раздраженія принца. Я только хотѣлъ объяснить, что это раздраженіе...

През. Повторяю, это дѣло кончено. *Г. Леру.* Мнѣ непременно хотѣлось объясниться. Какъ, во время самыхъ преній подсудимаго называютъ убійцей, канальей! *През.* Почему напоминать эти выраженія? вы должны бы помнить, что въ ту самую минуту, какъ они были произнесены, мы изъявили сожалѣніе, что это могло случиться въ этой оградѣ, и призвали къ порядку. Мы знаемъ, что подсудимый предполагается не виновнымъ до послѣдней минуты и что, когда онъ сюда является на страшную борьбу, его положеніе было бы слишкомъ неравно, еслибы не заставлятъ всѣхъ уважать его, и мы хотимъ, чтобы его уважали. *Г. Леру.* Но этого не дѣлаютъ. *През.* Мы объ этомъ скорбимъ, какъ и другіе, это зрѣлище возмутительно. *Г. Лорье.* Мнѣ кажется, что нашъ собратъ долженъ бы заявить въ тоже время... *През.* Мы желаемъ чтобы никто не бралъ себѣ слова не испросивъ его. *Г. Лорье.* Въ такомъ случаѣ, г. президентъ, я прошу слова. Можно съ достовѣрностью сказать, что со стороны адвокатовъ не было сдѣлано ничего, что превышало бы слова защиты.

Жанъ Батистъ Буде, (47 л. докторъ медицины). Я былъ знакомъ съ принцемъ въ Африкѣ. *Г. Леру.* Вопросъ свидѣтеля сводится на слѣдующее: съ достоинствомъ ли велъ себя принцъ въ Африкѣ? *Свид.* Да, и въ особенности при одномъ обстоятельстве, котораго я былъ очевидцемъ. 19 октября 1849 г. я долженъ былъ сопровождать конвой, отправляемый въ Заатму, принцъ только что былъ назначенъ командиромъ. Узнавъ, что на осаду потребуется значительное время, онъ выразилъ удивленіе и досаду. Онъ сказалъ мнѣ, что ожидалъ другаго, вслѣдствіе недостаточности средствъ къ оборонѣ, и что сожалѣетъ объ этомъ потому, что по одному государственному дѣлу ему нужно ѣхать въ Алжиръ, потомъ во Францію. На разсвѣтѣ на насъ напалъ многочисленный непріятельскій

отрядъ и солдаты уже начали отпрягать лошадей и муловъ. Принцъ былъ великолѣпенъ, только благодаря его хладнокровію и его энергіи, конвой дошелъ до назначенія. Свидѣтель присовокупляетъ, что всегда слышалъ самые лестные отзывы о храбрости принца.

Даминикъ Мари Жакометти (47 л., полицейскій комиссаръ въ Парижѣ).

Леру. Прошу г. президента спросить у свидѣтеля подробности о томъ, что происходило въ вагонѣ желѣзной дорогѣ, въ которомъ принцъ ѣхалъ въ Марсель. *Свид.* 1850 г. я былъ въ Марсели и мнѣ пришлось сдѣлаться секундантомъ принца противъ нѣкоего Орзили. Принцъ сдѣлалъ мнѣ честь пригласить меня въ секунданты и рассказалъ мнѣ факты, происходившіе на желѣзной дорогѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что Орзили хотѣлъ силою войти въ вагонъ, нанятый принцемъ, съ надписью о томъ. Орзили силою ломился въ него; принцъ замѣтилъ ему, что вагонъ нанятъ имъ и его друзьями, но Орзили сильно оттолкнулъ его и при этомъ ушибъ одну даму, бывшую съ принцемъ. Принцъ однако не пустилъ его. Послѣ этого Орзили сталъ ругать принца и произносить бранныя слова противъ президента республики, нынѣ императора, и противъ членовъ его семьи. Принцъ сказалъ мнѣ: «при этихъ условіяхъ я не хочу принимать извиненія». Свиданіе должно было произойти вечеромъ въ «Hôtel des empereurs», но Орзили не явился. Мы его разыскивали; я былъ однимъ изъ секундантовъ, другимъ былъ г. Дорношъ. Мы оба отправились въ два дома принадлежащіе ему въ Марсели и на его дачу, но никакъ не могли найти его. Однако такъ какъ мы знали его примѣты, мы его узнали на слѣдующій день въ 7 ч. утра, по близости отъ его же магазина, мы напомнили ему о дуэли; онъ пришелъ въ сильное замѣшательство и сказалъ намъ, что не имѣетъ привычки драться, но однакоже пойдетъ прискивать свидѣтелей. Онъ обратился къ г. Бартельми, бывшему народному представителю, который отвѣтилъ ему: «Не понимаю, какъ могла у тебя выдти исторія съ принцемъ, я его знаю очень хорошо, онъ сидѣлъ рядомъ со мною въ палатѣ, ктому-же ты не въ состояніи драться».

Наконецъ, по совѣту г. Бартельми, Орзили сказали: «Я готовъ принести всевозможныя извиненія; я не зналъ принца». *Г. де Манжъ*. Говорили и печатали, что принцъ употребилъ противъ него насиліе, грозилъ пистолетомъ. *Свид.* Это невозможно, потому что Орзили самъ сознался, что ругалъ принца и президента. Онъ только-что не на колѣняхъ извинялся. Принцъ принялъ его извиненіе единственно потому, что г. Бартельми сказалъ ему, что этотъ господинъ—отецъ семейства и не умѣетъ драться.

Ноэль Орнано (собственникъ). Этотъ свидѣтель даетъ показаніе о тѣхъ же фактахъ и въ томъ же смыслѣ. Принцъ просилъ его въ секунданты по дѣлу съ господиномъ, ругавшимъ его и его домъ. Вопросъ, сдѣланный предъидущему свидѣтелю г-мъ де Манжъ, повторяется и этому свидѣтелю президентомъ. Свидѣтель объясняетъ, что Орзили сознался вполнѣ въ своей винѣ и принесъ самое обстоятельное извиненіе.

Эдмондъ Иосифъ Буске (35 лѣтъ, собственникъ въ Пали). Годъ тому назадъ мнѣ было поручено требовать у г. Виктора Нуара удовлетворенія по поводу произнесенныхъ имъ оскорбительныхъ словъ противъ одного изъ моихъ пріятелей. Г. Викторъ Нуаръ, когда я явился къ нему, отвѣтилъ мнѣ: «Я остаюсь при томъ, что я сказалъ». Однако послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ и переговоровъ, гнѣвъ утихъ и въ послѣдній разъ, какъ я видѣлся съ г. Нуаромъ, онъ мнѣ сказалъ: «Счастіе для вашего друга, что я его сегодня не встрѣтилъ, я былъ вооруженъ и еслибы онъ сдѣлалъ, хоть одинъ, угрожающій жестъ, я бы его убилъ. Всего часъ будетъ, какъ я вынулъ патроны изъ моего револьвера». Я нѣсколько разъ повторялъ: «Нѣтъ, нѣтъ, вы бы этого не сдѣлали;» но онъ оставался при своемъ. Наконецъ я спросилъ его: «Считаете ли вы моего пріятеля за честнаго человѣка? Да, отвѣчалъ онъ. «Позвольте ли вы мнѣ это написать въ вашемъ присутствіи? «Безъ сомнѣнія». Я написалъ и тѣмъ дѣло кончилось.

През. Изъ этой сцены вы вынесли впечатлѣніе, что Викторъ Нуаръ человѣкъ задорный? *Свид.* Т. е. человѣкъ энергическій

и рѣшительный. *През.* Можно быть рѣшительнымъ и въ тоже время умѣреннымъ.

Гажъ (собственникъ въ Отелѣ).

Г. Леру. Мы хотѣли спросить свидѣтеля, какія у принца привычки? *Свид.* Я видѣлъ принца всего нѣсколько разъ. Проходя мимо его дома, я часто слыхалъ пистолетные выстрѣлы у него въ саду, но не зналъ, кто стрѣлялъ. Принца любили и почитали въ Отелѣ.

Живе (53 л., живущій своимъ доходомъ, въ Отелѣ).

Леру. Вопросъ тотъ же. *Свид.* Я могу сказать только хорошее о моихъ отношеніяхъ, какъ сосѣдъ, съ принцемъ Пьеромъ Бонапартомъ. *Г. Леру.* Но былъ онъ въ Отелѣ? *Свид.* Да. *През.* Со стороны жителей никогда не было жалобъ противъ него? *Свид.* Никогда; напротивъ его очень почитали.

Симонъ Гажъ (59 л., мануфактурщикъ въ Отелѣ).

Леру. Опять тотъ же вопросъ. *През.* Защита спрашиваетъ: извѣстна ли вамъ частная жизнь принца въ Отелѣ, его привычки, его семейная жизнь? *Свид.* Я два года уже какъ уѣхалъ изъ Отеля, но когда жилъ тамъ всегда слышалъ о принцѣ Пьерѣ Бонапартѣ, что онъ жилъ безукоризненнымъ гражданиномъ и добрымъ отцомъ семейства, я никогда не слышалъ, чтобы имѣли причины жаловаться на него.

Г. де Манжъ. Мы отказываемъ отъ показаній свидѣтелю Делоне.

Пьеръ Антуанъ Сервони (29 л., чиновникъ въ Парижѣ).

През. Знали ли вы подсудимаго? *Свид.* Я зналъ его, когда служилъ съ нимъ въ Сициліи въ одномъ легіонѣ. *Подсуд.* Тутъ ошибка; свидѣтель говорить не обо мнѣ. *Свид.* Я говорю о г. де Фонвьелѣ. (*Шумъ*). *Г. Леру.* Мы пригласили свидѣтеля для показаній о нравственности г. де Фонвьеля. Мы обошлись бы безъ этого, еслибъ г. де Фонвьель, вчера не представилъ свидѣтеля для показаній о своихъ антецедентахъ. И такъ спрашиваю свидѣтеля, какого онъ мнѣнія о нравственности г. де Фонвьеля? *Свид.* Въ 1860 г. я былъ офицеромъ въ Гарибальдійскомъ легіонѣ; од-

нажды я был откомандированъ на реконспировку вмѣстѣ съ г. де Фонвьелемъ; тамъ было дано знать, что какая-то подозрительная личность направляется съ тележкой къ Капуѣ. Пока мы разбирали эту тележку, въ которой оказалось—нѣсколько тюфяковъ, сумма въ 20000 франковъ серебра, 56 ложекъ и 56 вилокъ, г. де Фонвьель сдѣлался виновенъ въ кражѣ, присвоивъ себѣ 1500 франковъ. *През.* Мы не имѣемъ права контролировать выборъ свидѣтелей, вызываемыхъ защитой, но мы сожалѣемъ о выборѣ этого свидѣтеля. *Г. Леру.* Въ виду показанія данного вчера мы имѣли право представить и это показаніе. *През.* Я не отрицаю вашего права, но жалѣю, что вы воспользовались имъ.

Де Манжэ. Гражданская сторона первая подала намъ примѣръ; показаніе касается того же факта. *Г. Лорье.* Вовсе нѣтъ. Мы сейчасъ вновь вызывали нашихъ свидѣтелей, мы въ восторгѣ, что поднять этотъ вопросъ, теперь его уже нужно разъяснить до конца; но сначала не угодно ли свидѣтелю Сервони сказать, не былъ ли онъ осужденъ военнымъ судомъ? *Свид.* Да былъ, но я могу дать на этотъ счетъ объясненіе. У меня былъ отличный формулярный списокъ, я былъ фурьеромъ, мой полковникъ назначилъ меня для перевода въ гренадеры императорской гвардіи. Но я отлучился, чтобы подать помощь дорогой мнѣ особѣ и былъ осужденъ за самовольную отлучку. *Г. де Манжэ.* Вотъ формулярный списокъ свидѣтеля. Онъ былъ приговоренъ на три года къ публичнымъ работамъ; это наказаніе указываетъ на чисто военную провинность. При выходѣ изъ корпуса онъ получилъ аттестатъ въ хорошемъ поведеніи. *Г. Лорье.* Какъ бы тамъ ни было, онъ былъ приговоренъ на три года къ публичнымъ работамъ. Такъ какъ въ настоящую минуту стараются нравственно умертвить г. де Фонвьеля, нападая на его честь, то я прошу судъ потрудиться приказать, чтобы былъ вновь призванъ г. Кергомара, свидѣтель, вчера дававшій показаніе.

Г. Кергомара. Я слышалъ то, что говорилъ свид. Сервони. По моему мнѣнію показаніе его не относится къ тому факту, о которомъ я говорилъ, тамъ дѣло шло о похищеніи суммъ изъ

кассы. Я уже говорилъ, что это была ошибка и что дѣйствительный виновникъ былъ осужденъ при мнѣ. Мнѣ совершенно не извѣстенъ тотъ фактъ, о которомъ говоритъ г. Сервони, но я долженъ сказать, что когда я служилъ Гарибальдйцемъ, я былъ лично предубѣжденъ противъ г. де Фонвьеля и еслибы распустился малѣйшій дурной слухъ о немъ между Гарибальдйцами, я бы непременно все узналъ и узналъ бы съ удовольствіемъ. Между тѣмъ я не только ничего подобнаго не слыхалъ, но даже лично могу утверждать, что г. де Фонвьель всегда прекрасно себя велъ; и прибавлю, что я призналъ мое предубѣжденіе противъ него безосновательнымъ.

Г. Лорье. Мы ужъ никакъ не ждали подобнаго эпизода. Свидѣтель Блуэ здѣсь и просить судъ выслушать его показаніе.

Эмиль Рене Блуэ (46 л., профессоръ въ Сициліи). Я узналъ изъ газетъ, что намѣрены очернить честь г. де Фонвьеля; такъ какъ я живу въ Сициліи и отлично зналъ г. де Фонвьеля подѣ стѣнами Капуи, я и рѣшился отправиться къ нему, чтобы уведомить его, что я въ Парижѣ и къ его услугамъ, если будутъ имѣть гнусность нападать на его нравственность. Какъ честный человѣкъ, служившій въ Сициліи и даже во французской арміи, я могу дать справки о немъ и объявляю ложью, самую.... *През.* Послушайте, употребляйте болѣе умѣренныя выраженія. Это нисколько не умѣритъ силу вашихъ показаній — повѣрьте. *Свид.* Фактъ разсказанъ не такъ, какъ былъ. Дѣло идетъ о кражѣ денегъ, серебра и картинъ. Кражу эту совершило лицо, котораго я не назову; я знаю это дѣло отъ командира. *Сервони.* Я говорю не объ томъ фактѣ. *През.* Сервони, объяснитесь точнѣе. *Свид.* Фактъ, о которомъ я говорилъ, происходилъ 26 октября, а тотъ, о которомъ говоритъ г. Блуэ, происходилъ 3-го ноября. *През.* Извѣстенъ ли вамъ, г. Блуэ, этотъ октябрскій фактъ? *Свид.* Мнѣ извѣстно все, что происходило въ легионѣ, потому что братъ мой служилъ въ немъ, и я ничего подобнаго не слыхалъ. *През.* И такъ на счетъ факта, о которомъ говоритъ Сервони, вы ровно ничего не знаете? *Свид.* Нѣтъ, никогда не слыхалъ. Г. де Фонвьель былъ друженъ съ моимъ братомъ. А что

онъ никогда не совершалъ неделикатнаго поступка, это доказы-
вается тѣмъ, что г. Ключере, въ то время бывшій командиромъ,
а потомъ сдѣлавшійся генераломъ, увезъ его съ собой въ Америку.

Г. Флоке. Мы телеграфировали г. Ключере и вотъ депеша по-
лученная отъ него въ отвѣтъ: «Сервони жетъ». *Сервони.* Г.
Ключере не присутствовалъ при этомъ фактѣ. Отрядомъ командо-
валъ г. Гюсонъ.

През. Вопросъ этотъ оканчивается: все это факты неопре-
дѣленные, которыхъ нѣтъ возможности провѣрить. Мы прервемъ
на время засѣданіе и при возобновленіи его дадимъ слово адво-
катамъ гражданской стороны, которые должны сговориться, въ ка-
комъ порядкѣ они намѣрены говорить свои рѣчи.

Г. Лорье. Мой собратъ г. Флоке будетъ говорить за г. Нуара
отца, а я за г. Луи Нуара. Это двѣ совершенно отличныя рѣчи.

Въ 3 часа засѣданіе прерывается. По возобновленіи его слово
дается г. Флоке.

Г. Флоке. Господа присяжные! Среди громаднаго волненія,
вызваннаго Отельскимъ происшествіемъ, вамъ напомнили о воз-
никшихъ страшныхъ препирательствахъ, проявившихся путемъ
дѣйствій, писемъ, газетъ. Я имѣю право сказать вамъ отъ имени
г. Сальмона-отца и г-жи Сальмонъ-матери, пораженныхъ наи-
болѣе жестоко, что они доселѣ хранили полнѣйшее молчаніе:
Г-жа Сальмонъ безмолвно плакала надъ могилою своего сына,
всѣхъ болѣе ею любимаго, потому что онъ былъ младшимъ и
притомъ надеждою семьи. Что же касается г. Сальмона или какъ
его называютъ Нуара - отца, онъ говорилъ одинъ только разъ,
чтобы его молчаніе нельзя было назвать малодушіемъ. Утромъ
12 января, прежде чѣмъ почта прибыла въ Нельи, отецъ при-
шелъ въ домъ, гдѣ лежалъ покойникъ. На площади было еще пу-
сто—на той самой площади, которая должна была сдѣлаться те-
атромъ громадной демонстраціи. И вотъ слова, произнесенныя
имъ у одра, на которомъ лежалъ сынъ его; чтобы не вышло
никакого сомнѣнія, онъ написалъ ихъ и отдалъ мнѣ. Вотъ эта
отданная мнѣ записка:

«Парижъ 19 марта 1870 г. Хотя я очень боленъ, я вышелъ изъ дома 12 января, въ день похоронъ сына моего Виктора, чтобы увидѣть его въ послѣдній разъ. Онъ былъ выставленъ публично. Я поднялся по лѣстницѣ одинъ, какъ чужой. Увидѣвъ его лежащимъ на одрѣ смерти и поглядѣвъ на него мгновеніе, я приложилъ палець къ его лбу и произнесъ слѣдующія слова, единственныя подлинно и дѣйствительно сказанныя мною въ комнатѣ, гдѣ былъ выставленъ покойникъ. Викторъ, слушай: отецъ твой одного просить — правосудія. Не того правосудія, которое оказываютъ государи простолюдинамъ, но правосудія законнаго, честнаго, настоящаго, иначе я снова вступаю въ свои права: корсиканецъ тебя убилъ и я не стерплю, какъ корсиканецъ». Я спустился съ лѣстницы одинъ и потащился домой пѣшкомъ въ половинѣ десятаго».

Съ той поры г. Нуаръ отецъ не произнесъ ни одного слова; онъ остался въ сторонѣ отъ всѣхъ споровъ и поручилъ мнѣ быть его представителемъ на судѣ. Тщательнѣйше изучивъ дѣло, присутствовавъ при преніяхъ о немъ, я, какъ и г. Нуаръ 12 января, требую правосудія—правосудія честнаго, законнаго, полнаго.

Я докажу, что подсудимый совершилъ надъ Викторомъ Нуаромъ убійство ничѣмъ не оправдываемое—вотъ моя единственная цѣль. Меня вовсе не заботитъ мысль о томъ, можетъ ли эта узкая манера относиться къ дѣлу удовлетворить любопытству публики, я буду разыскивать одну только истину. Я стану подъ покровительство великихъ принциповъ, равенства предъ закономъ, и докажу вамъ, что принцъ Наполеонъ Бонапартъ ни что иное, какъ убійца.

През. Потрудитесь говорить громче, г. Флоке.

Г. Флоке. Въ залѣ шумять, но я съумѣю сдѣлать, чтобы меня было слышно: г. президентъ, будьте увѣрены.

Г. Флоке затѣмъ разбираетъ способъ производства слѣдствія и цѣну различныхъ показаній: онъ рисуетъ портретъ Виктора Нуара, портретъ де Фонвьеля и портретъ принца, antecedенты

котораго онъ приводитъ, и между тѣмъ припоминаеть нѣсколько убійствъ, будто-бы совершенныхъ принцемъ за границую.

Подсудимый нѣсколько разъ подсакиваетъ на стулъ и опровергаетъ приводимые противъ него факты; наконецъ, онъ восклицаетъ: это заговоръ, составленный противъ меня, съ цѣлью вывести меня изъ спокойствія, которое я намѣренъ соблюдать!

През. Если это и заговоръ, то будьте все-же спокойны, его нужно сдѣлать недействительнымъ, вашему защитнику будетъ дано слово и онъ отвѣтитъ за васъ.

Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ, выраженнымъ г. президентомъ въ рѣчи его гг. присяжнымъ въ началѣ настоящихъ преній. Чувство самое дорогое Франціи это — чувство равенства; однако если и громкогласно провозглашаютъ этотъ принципъ равенства, всегда ли примѣняли его къ судопроизводству. Мнѣ не требуется большихъ усилій, чтобы доказать истину: равенство провозглашается, но не примѣняется.

Не стану говорить о томъ, что судъ, предъ которымъ является подсудимый, — исключительный; мы судъ этотъ признаемъ. Не стану говорить о томъ, на какія разныя манеры приведены предъ верховный судъ лица, привлеченные къ процессу, — о свидѣтель, обвиняемомъ въ фантастическомъ заговорѣ и являющемся подъ конвоемъ жандармовъ, — о депутатѣ города Парижа, тоже приводимомъ полицейскими агентами; нѣтъ, все это мелочи. Я оставляю ихъ безъ вниманія, чтобы дойти прямо до сути дѣла, и вы увидите, добираясь вмѣстѣ со мною до этой сути, что употреблены всѣвозможныя усилія, чтобы внушить сомнѣніе въ виновности, ясной какъ день.

Скажутъ, что верховный судъ былъ немедленно созванъ, что слѣдствіе шло своимъ чередомъ; знаю, что въ «Journal officiel» появился декретъ, созывавшій обвинительную палату верховнаго суда; но неужели вы думаете, что еслибы на Отельской улицѣ подь № 59 жилъ простой частный гражданинъ, не носящій такого громкаго имени, и этотъ гражданинъ застрѣлилъ бы въ сердце Виктора Нуара, между тѣмъ какъ другой гражданинъ кричалъ бы: убійца и объявлялъ бы, что по немъ сдѣланы два выстрѣла,

хотя къ счастью и непопавшіе въ него—неужели вы думаете, что стрѣлявшій просидѣлъ бы спокойно дома съ половины втораго до 6 ч. вечера, что во все это время не былъ бы произведенъ судебный осмотръ, между тѣмъ какъ тѣло относить въ сосѣднюю аптеку, пистолеть подбирается свидѣтелемъ и вопіеть общественный голосъ. Неужели вы думаете, что простаго убійцу оставили бы на свободѣ до 6 часовъ съ возможностью принимать своихъ знакомыхъ де-ла-Гривъ, Казанова, Поль-де-Кассаньякъ, д-ра Мориса, сообщаться съ ними и такимъ образомъ готовить свой планъ защиты,—нѣтъ, никто не скажетъ, чтобъ такъ было поступлено съ простымъ гражданиномъ.

И такъ я имѣю право и обязанность разсматривать, какъ была ведена процедура, подъ какимъ наигіемъ, въ какомъ духѣ дали свои показанія выслушанные вами свидѣтели. Разборъ этотъ необходимъ; ктому-же его весьма легко сдѣлать. Если продолжать сказанное, оказывается, что подсудимый былъ-таки отвезенъ въ Консьержери въ 6 ч. вечера, но г. Террьенъ, полицейскій комисаръ, и г. Дарле видѣли его въ половинѣ третьяго, но не произвели судебного осмотра, не устроили очныхъ ставокъ. Г. Террьенъ ограничился тѣмъ, что въ 4 часа сдѣлалъ визитъ его свѣтлости принцу. Наконецъ г. Руадо, полицейскій комисаръ, пріѣзжаетъ въ половинѣ шестаго; онъ оставляетъ подсудимаго свободнымъ на честное слово и только въ половинѣ седьмаго его переводятъ въ Консьержери. Что же такое происходитъ отъ 1¹/₂ до 6¹/₂ часа.

Намъ весьма хорошо знакомъ порядокъ уголовныхъ процедуръ. Когда въ первую же минуту не былъ произведенъ на дому судебный осмотръ, первымъ долгомъ надо изолировать подсудимаго, посадить его подъ секретъ, въ келью, чтобы онъ не могъ подготовить систему защиты, противной истинѣ—и чтоже? подсудимый всѣхъ принималъ. На другой день послѣ ареста у него были г. де-ла Гравъ, г. Казановъ, капитанъ Муленъ, члены спасительнаго общества, корсиканскіе солдаты—однимъ словомъ Корсьержери сдѣлалась трактиромъ открытымъ для всѣхъ. Вотъ какъ было начало слѣдствіе. Вы поймете послѣ этого, какъ трудно было явиться

сюда съ достовѣрными доказательствами, и однакоже доказательства, которыя я приведу вамъ, самаго положительнаго свойства. Что было первымъ результатомъ этихъ сообщений?—то, что принца окружали преданные друзья; преданности ихъ я не порицаю, они громко заявили о ней здѣсь и были правы, это дѣлаетъ имъ честь, но все-таки онъ былъ окруженъ друзьями, множествомъ офицеровъ, которые имѣли возможность направить слѣдствіе въ интересахъ принца. Первой мыслью ихъ было устранить гнусность этой, такъ сказать, западни, возбужденной негодованиемъ парижскаго населенія; они старались вывести какой-то облыжный заговоръ, составленный будто-бы цѣлой толпою людей, жаждущихъ жизни принца. Для этой цѣли они дѣлали героико-комическія усилія, которыя повторялись и на судѣ. Мы слышали показаніе г. Вильона, рассказывавшаго, что 5 января при немъ кто-то говорилъ: о, произойдетъ нѣчто серьезное: принца Пьера Бонапарта вызовутъ на дуэль или убьютъ. Это все шайка «Marseillaise». Но если вы слышали г. Вильона, то слышали также г. Жобара и Рембо, которые заявили, что они никогда не слышали ничего подобнаго. Потомъ явилась г-жа Александра Дюмадоль.—Это опять цѣлый романъ. Она будто-бы слышала что-то въ этомъ родѣ; какой-то офицеръ будто рассказалъ ей слѣдующее: я видѣлъ пожилую даму, короткую знакомую Виктора Нуара, и онъ говорилъ ей: завтра мы отправляемся къ Пьеру Бонапарту. Если онъ не сдѣлаетъ по-нашему, мы его проучимъ. Этому офицера потребовали и онъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе. Я никогда не говорилъ ничего похожаго на это. Всѣ эти заявленія у меня здѣсь въ дѣлѣ. Вотъ какъ старались извратить показанія людей почтенныхъ, стоявшихъ выше всякаго подозрѣнія, вотъ какъ самыя простыя слова могутъ принять самый ужасный видъ. Потомъ было приведено еще слово, сказанное будто-бы въ читальномъ кабинетѣ, въ Рейнской кофейной: будто-бы сидѣли два господина и одинъ изъ нихъ вынимая часы сказалъ: теперь они уже въ Отелѣ и съ принцемъ Бонапартомъ покончено. Допрашиваютъ свидѣтеля и оказывается, что это происходило не въ день происшествія, а на слѣдующій день;

и не въ Рейнской кофейной, да и слова-то были сказаны совѣмъ другія. Потомъ стали увѣрять, что собраны нити обширнаго заговора, имѣющаго цѣлью убить Пьера Бонапарта, чтобы вызвать революцію. Но кто зналъ принца Пьера Бонапарта? Рошфоръ вамъ вчера говорилъ, что онъ не зналъ даже о его существованіи. Дѣйствительно, если его не любили и не признавали тѣ, которыхъ онъ называетъ своими врагами, его точно также не признавали имперіалисты; можно сказать, что и та и другая партія относилась къ нему равнодушно. Слѣдовательно какой же могъ быть противъ него заговоръ? Наконецъ старались доказать, что это была штука, — извините за выраженіе — чтобы помѣшать дуэли подсудимаго съ Рошфоромъ, котораго вызвалъ г. Пьеръ Бонапартъ; что хотѣли спасти жизнь Рошфору; что г. Груссе пожертвовалъ собою — послалъ посредниковъ г. Пьеру Бонапарту, чтобы помѣшать его свиданію съ Рошфоромъ.

Официальнымъ изобрѣтателемъ второй системы защиты былъ г. де-Кюэлогонъ, онъ сказалъ, что г. Рессе де-Понже сообщилъ ему одну очень важную вѣсть — будто онъ говорилъ ему, что ему извѣстно, что Викторъ Нуаръ говорилъ, что ему нужно отправиться къ принцу. Но пришлось признать, что слухъ этотъ разглашенъ на основаніи анонимнаго указанія.

Г. Флоке рассказываетъ, какимъ образомъ началось дѣло, по которому было дано извѣстное порученіе г. Виктору Нуару и г. де-Фонвелью.

Въ какомъ расположеніи духа находился Викторъ Нуаръ, продолжаетъ онъ, это доказывается тѣмъ, что когда онъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ съ г. Шабринье и тотъ заявилъ намѣреніе сказать о немъ что-нибудь въ «Figaro», Викторъ Нуаръ отвѣтилъ ему: «нѣтъ ничего не говорите. Еслибы вы что-нибудь сказали въ «Figaro», дуэль сдѣлается неизбежной, а теперь еще возможно, что дѣло уладится». Слѣдовательно онъ имѣлъ намѣренія примирительнаго свойства. Я не слишкомъ-то хорошо знаю обычаи, которые слѣдуетъ соблюдать въ подобнаго рода дѣлахъ, но спрашивалъ людей знающихъ. Первое правило, правило неизмѣнное

это — не давать противникамъ встрѣтиться. Дѣйствительно понятно, что изъ подобныхъ встрѣчъ могли бы проистекать самыя важныя осложненія; посредники отправляются къ лицу, у котораго требуютъ удовлетворенія, и просятъ назначить со своей стороны посредниковъ, съ которыми бы они могли уговориться. Вотъ какъ принято приступать къ дѣламъ чести. Почему же упрекаютъ г. де Фонвьеля, что онъ повезъ Виктора Нуара въ Отель? Чѣмъ онъ измѣнилъ правило, соблюдаемому при подобнаго рода встрѣчахъ? Если кто нарушилъ ихъ, то не очевидно ли скорѣй принцъ, когда онъ писалъ къ Рошфору прямо и говорилъ въ этомъ письмѣ:

«Милостивый Государь! Изругавъ и оскорбивъ по очереди «всѣмъ моихъ родныхъ, не щадивъ ни женщинъ ни дѣтей, вы «оскорбляете меня перомъ одного изъ вашихъ поденщиковъ; это «совершенно естественно, такъ должно было быть; только у меня «есть одно преимущество надъ другими носящими мое имя: я хо- «тя и Бонапартъ, все-таки частное лицо. Поэтому я васъ рѣшаюся «спросить: гарантируется ли ваша чернильница вашей грудью, хо- «тя и признаюсь вамъ, что, дѣлая этотъ шагъ, весьма мало «расчитываю на успѣхъ, такъ какъ я узналъ изъ газетъ, что «ваши избиратели положительно наказали вамъ отказывать во «всѣхъ требуемыхъ вознагражденіяхъ чести и беречь свою дра- «гоценную жизнь. При всемъ томъ я дерзаю попытаться счастье въ «надеждѣ, что слабый остатокъ французскаго чувства заставитъ «васъ уклониться въ мою пользу отъ мѣръ предосторожности, въ «которыхъ вы ищете себѣ убѣжища. Итакъ, если, паче чаянія, «вы согласитесь снять запоръ, дѣлающій вашу почтенную личность «вдвойнѣ неприкосновенной, вы не найдете меня ни во дворцѣ, ни «въ замкѣ, я живу просто на Отельской лицѣ № 59 и общаю «вамъ, что если вы ко мнѣ явитесь, вамъ не скажутъ, что меня «дома нѣтъ.

«Въ ожиданіи вашего отвѣта имѣю честь кланяться вамъ.

Пьеръ Наполеонъ Бонапартъ».

Кто же нарушилъ обычай? не тотъ ли, который лично послалъ вызовъ и вставилъ въ письмѣ своемъ фразу: «пріѣзжайте ко мнѣ, вы меня найдете дома». Что такое былъ Викторъ Нуаръ? — съ тринадцати лѣтъ онъ уже работалъ, отецъ его обучилъ ремеслу. Впослѣдствіи онъ поступилъ въ литературу и составилъ себѣ въ ней имя, можетъ быть и скромное, но почтенное. Онъ составлялъ разныя извѣстія для «Journal de Paris», т. е. помогалъ господину мѣвшему писать, но которому болѣзнь не позволяла бѣгать вездѣ, какъ это необходимо для завѣдующаго этимъ отдѣломъ. У нихъ устроилась ассоціація: одинъ писалъ, другой бѣгалъ за новостями. Товарищъ его умеръ, тогда Викторъ Нуаръ очутился въ большомъ затрудненіи: онъ отправился къ редактору газеты и сказалъ ему: «не я составлялъ разныя извѣстія, которыя доставлялъ вамъ»; его однако оставили и имъ стала руководить знатокъ своего дѣла, г. Вейсъ. Съ такимъ руководителемъ положеніе Виктора Нуара было обезпечено. Въ январѣ ему стукнуло 22 г.; его все любили. Онъ собирався жениться на молодой дѣвушкѣ; ему хотѣлось тихой, спокойной жизни, хотѣлось бросить литературное слоняніе — если позволено такъ выразиться; — онъ искалъ тишины, серьезнаго труда и въ эту-то минуту его настигла пуля подсудимаго. Таково одно изъ дѣйствующихъ лицъ драмы 10 января. Что касается другаго, Ульриха де Фонвьеля: — Каковъ онъ? вы сами его слышали... онъ пылокъ, но это олицетворенная честность, честность, ничѣмъ не сокрушимая; братски его люблю. Старались посягнуть на его честь. Было сказано, будто онъ говорилъ что-то вродѣ слѣдующаго: «я знаю, что Викторъ Нуаръ далъ пощечину принцу, но смерть его полезна республиканскому дѣлу и я буду лгать, потому что это полезно». Но допрашиваемые свидѣтели объявили, что они не слышали словъ, и слишкомъ хорошо знаютъ г. де Фонвьеля, чтобы повѣрить, что онъ могъ это сказать. Ктому-же слова эти если и были сказаны, то совершенно въ другомъ видѣ и за два года до Отельскаго происшествія — въ 1868 г., слѣдовательно, ничего общаго съ нимъ имѣть не могутъ. И вотъ какъ извращаются, переиначиваются слова людей. Честность г. де Фонвьеля

сомнѣнію не подлежитъ. Было сказано, что онъ получилъ предписаніе конвоировать транспортъ въ Италію, укралъ 1500 франк., и что жъ господа? изъ документа, который у меня тутъ въ дѣлѣ, оказывается, что г. де Фонвьель получилъ крестъ за отличіе въ сраженіи, бывшемъ 25 октября. Вѣроятно ли, чтобъ на слѣдующій же день, 26 октября, онъ укралъ 1500 франковъ? По поводу этого страннаго показанія мы предоставляемъ себѣ право сдѣлать еще замѣчаніе, потому что тутъ въ дѣло вкрадывается клевета и поношеніе имени, съ цѣлью набросить тѣнь на г. де Фонвьеля. Но къ счастью мы всё окружающіе его можемъ отвѣтить и отвѣчаемъ: это ложь. Генераль Кюзере, командовавшій легиономъ, которому ничего не могло быть неизвѣстно, взялъ ли бы его съ собой въ Америку, когда отправился туда защищать дѣло сѣвера, еслибы имѣлъ малѣйшее подозрѣніе, касательно его чести. И такъ видите, что это опять честный человекъ, явившійся къ Пьеру Бонапарту съ намѣреніемъ, съ должной вѣжливостью исполнить свою роль посредника, безъ всякаго помышленія о насильственномъ поступкѣ.

Третье дѣйствующее лицо этой драмы тутъ предъ вами. Въ устномъ слѣдствіи нашли одинъ фактъ противъ него. — Посмотримъ, которое изъ трехъ наиболѣе запальчиваго характера, чтобы вывести предположеніе, который изъ трехъ запальчивѣе держалъ себя въ Отельской сценѣ.

Подсудимый былъ приговоренъ къ уплатѣ 200 франковъ штрафа за насиліе противъ одного изъ его товарищей въ національномъ собраніи, г. Гостье, д-ра 70 слишкомъ лѣтъ. — Въ сочиненіи, изданномъ г. делла-Рокка, которое есть просто апологія принца Пьера Бонапарта, упрекаютъ г. Гостье въ томъ, что онъ довелъ это обстоятельство до суда. Во первыхъ, принцъ былъ привлеченъ къ суду прокурорскимъ надзоромъ, а г. Гостье явился въ качествѣ гражданской стороны только въ послѣднюю минуту. Сверхъ того мы видимъ, что принцъ не болѣе почтительно обращался съ судомъ въ 1849 г., чѣмъ съ верховнымъ судомъ 1870 г.: онъ перебилъ рѣчь г. Теодора Бока слѣдующими словами: «берегитесь, если вы

будете продолжать нападать на личности, чтобъ съ вами не случилось того же, что съ вашимъ кліентомъ».

През. Г. Флоке, замѣчу вамъ, что г. Гостье было не 70 лѣтъ, а 59.

Флоке. Дѣйствительно, г. президентъ, 59 или 60 л., я ошибся въ годахъ. Но я долженъ сказать, что рядомъ съ судебнымъ дѣломъ могло начаться другое и что полковникъ Шарра явился въ сопровожденіи.... Подсудимый съ живостью встаетъ: нѣтъ, нѣтъ.

През. Садитесь, садитесь, не перебивайте.

Подс. Позовите Клари, позовите Клари!

Г. Флоке. И не съ однимъ только отечественнымъ правосудіемъ имѣлъ дѣло подсудимый: онъ былъ посаженъ въ Америкѣ въ тюрьму съ однимъ ньюйоркцемъ. Въ упомянутомъ мною сочиненіи я нахожу слѣдующій рассказъ:

... Нѣсколько дней спустя оба кузена переходили черезъ скверъ, какъ вдругъ ихъ грубо толкнули два господина, отчасти можетъ быть лишеныя разсудка неумѣреннымъ употребленіемъ вина. Они вели себя дерзко и одинъ изъ нихъ осмѣлился схватить принца Луи за воротъ. Съ быстротою молніи, принцъ Наполеонъ сильно ударилъ нападающаго по головѣ палкой со шпагой, которая, къ счастью, была при немъ. Именитые путешественники были немедленно схвачены и приведены къ судьямъ, постоянно заседающимъ въ главныхъ кварталахъ города. Инкогнито принцевъ вѣроятно было кѣмъ-нибудь выдано, потому что ограничились тѣмъ, что потребовали съ нихъ поруки. Будущій глава французской имперіи предложилъ въ поручители близкаго родственника, президента Соединенныхъ Штатовъ, и тѣмъ дѣло и кончилось.»

Какъ же зовется авторъ этой книги? Жакъ де ла Рокка.

Принцъ Пьеръ Бонапартъ подвергся болѣе серьезному приговору въ Италіи. Я, гг., говорю только то, что знаю; оцѣнки фактовъ не дѣлаю, а только перечисляю. Онъ былъ приговоренъ къ смерти папскимъ правосудіемъ — это все сообщаетъ намъ г. де ла Рокка; но это дѣло служило поводомъ къ разнымъ толкованіямъ. Я не имѣю документовъ, которые слѣдствіе, конечно,

могло бы достать, еслибы оно разыскивало antecedенты принца съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ оно изучало прошлое г. Нуара и г. де Фонвеля. Дѣло рассказываютъ на два манера, кто говорить, что оно было политическаго свойства, а кто говорить, что оно послѣдовало за убійство какого-то лѣсничаго — во всякомъ случаѣ приговорень онъ былъ за то, что убилъ и поранилъ лицъ, которыхъ автору книги угодно называть сбирами, т. е. убилъ офицера и ранилъ двухъ солдатъ. А по какой причинѣ, я не знаю. И такъ вотъ третье насильственное дѣйствіе принца Бонапарта.

Въ 1836 г. мы находимъ его въ Корфу; ему угодно прокатиться на лодкѣ по берегамъ Альбани и вмѣстѣ съ тѣмъ поохотиться, и онъ, по обыкновенію, везетъ съ собою отличное оружіе. Когда онъ возвращается въ Корфу, одинъ человекъ оказывается убитымъ, — т. е. по меньшей мѣрѣ одинъ. Я и тутъ не могъ добиться официальныхъ документовъ, подтверждающихъ этотъ фактъ; тутъ опять дѣло является иначе. Принцъ увѣряетъ, что на него напали разбойники, и онъ убилъ ихъ; но по другому разсказу онъ убилъ таможеннаго офицера, поранилъ таможенныхъ солдатъ, заявившихъ законное желаніе знать, кому принадлежитъ приставшая лодка. Вслѣдствіе того англійское правительство запретило принцу Бонапарту оставаться въ этомъ краю, находившемся подъ его протекторатомъ. По этому поводу въ «Daily News» явилось письмо, написанное господиномъ, который даетъ свой адресъ. Вотъ это письмо: «Господину издателю «Daily News»: «Господинъ издатель, я былъ въ Корфу отвѣтственнымъ чиновникомъ англійскаго правительства и могу поручиться въ достовѣрности слѣдующаго факта:

«Принцъ Пьеръ Бонапартъ нанялъ лодку въ Корфу, чтобы прокатиться на альбанскій берегъ, съ цѣлью тамъ поохотиться. Лодкою управляли два моряка, уроженцы острова, показаніе которыхъ я самъ имѣлъ честь принять и записать, послѣ цесчаннаго столкновенія съ поликаромъ. Вотъ истина, выясненная этими показаніями: Когда лодка причалила къ альбанскому берегу, та-

«моженный офицеръ попытался войти на нее, чтобы спросить, откуда она и чья. Тогда, безъ малѣйшаго къ тому повода съ его стороны, принцъ убилъ его на мѣстѣ. Этотъ политаръ, та-моженный офицеръ, былъ старикъ, отецъ многочисленнаго семейства. Лодка немедленно возвратилась въ Корфу. Принца прогнали съ острова; Ионійское правительство въ лицѣ сэръ Гуарда Дугласа, въ то время исправлявшаго должность лорда высшаго комисара, имѣло печальное удовольствіе выплатить щедрое вознагражденіе семьѣ убитаго рыцаря.

«Корцира, вилла Галлоа 12 января 1870 г.» Джозефъ Картрайтъ»

Напечатано въ «№ Daily News» 13 января 1870 г. Таково письмо. Фактъ этотъ отрицается г. Веритасъ въ газетѣ «Times»; но въ отвѣтъ на это г. Джозефъ Картрайтъ написалъ слѣдующее письмо издателю «Times».

«Милостивый государь».

«Считаю своимъ долгомъ вступить за истину того, что я утверждалъ, по поводу дѣла принца Пьера Наполеона Бонапарта съ мнимыми разбойниками на берегахъ Альбани, противъ нападокъ вашего корреспондента Веритасъ. Во время происшествія я былъ секретаремъ при полицейской конторѣ въ Корфу, подъ начальствомъ г. Демитрію Дзерьо, инспектора, и потому имѣлъ возможность получить вѣрныя свѣдѣнія. Повторяю и утверждаю, что принцемъ убитъ одинъ только человекъ и что этотъ человекъ былъ не разбойникъ, а таможенный офицеръ. Отрицаю самымъ формальнымъ образомъ, чтобы г. Барклей, офицеръ 11-го полка, или какой бы то ни было англійскій офицеръ, когда нибудь былъ взятъ въ плѣнъ альбанскими разбойниками... Отрицаю еще и то, чтобы лордъ Чарльзъ Винеезли, полковникъ 53 полка, или какой бы то ни было изъ находившихся тогда въ Корфу англійскихъ офицеровъ участвовалъ тогда въ мнимой оваціи, о которой говорить г. Веритасъ. Въ Корфу не было англійскихъ судей и судебныхъ чиновниковъ, потому, что Ионійцы, въ этомъ отношеніи,

«управлялись мѣстными судьями; въ одномъ только верховномъ апелляціонномъ судѣ председательствовали два англійскихъ судьи, «которые въ настоящемъ случаѣ не имѣли никакой власти. Какъ и я, Веритасъ признаетъ, что принцъ былъ выгнанъ изъ Корфу. Государственныя соображенія, упомянутыя въ приказѣ объ изгнаніи его, были лишь деликатнымъ приѣмомъ со стороны Іонійскаго правительства, которое не могло поступить строже, потому что несчастное происшествіе случилось внѣ подвѣдомственной ему территоріи. Подлинникъ этого приказа, сообщеннаго черезъ полицію и содержаніе котораго приводите, былъ написанъ въ конторѣ, при которой я состоялъ, г-мъ Скарпа, секретаремъ инспектора; его подписалъ инспекторъ и копія его оставлена на храненіе въ полицейскихъ книгахъ Корфу. Позвольте мнѣ еще присовокупить въ заключеніе, что отправляясь на альбанскій берегъ принцъ взялъ съ собою нѣкоего г. Барта, оружейнаго мастера въ Корфу».

«Вашъ покорный слуга и пр.

«Джозефъ Картрайтъ».

Д. Корцира-вилла Голлоуэй 20 января 1870 г.

Подс. Это опровергается официальнымъ документомъ.

През. Будьте же спокойны.

Флоке. Повторяю—я представляю эти факты только въ видѣ утвержденій, провѣренныхъ личною называющей свое имя и называющей себя бывшимъ чиновникомъ англійскаго правительства въ то время. И повторяю, что еслибы слѣдствіе въ этомъ отношеніи произвело такое же полное дознаніе, какое произвело оно насчетъ личности Виктора Нуара и г. де Фонвьеля, мы добились бы до вѣрныхъ свѣденій, о томъ, опровергаются ли эти факты англійскимъ правительствомъ или нѣтъ. Я принимаю къ свѣденію лишь слѣдующее: что въ 1836 г., 20-и лѣтъ отъ роду, онъ уже убилъ двухъ человѣкъ, ранилъ двухъ человѣкъ въ испанскихъ владѣніяхъ; двухъ человѣкъ ранилъ въ Америкѣ, убилъ капитана и таможеннаго солдата въ Корфу. 20 лѣтъ! въ года Виктора Нуара! Сличая чистую жизнь послѣдняго съ жизнью Пьера Бонапарта,

оскверненною тремя трупами, мы имѣемъ полный поводъ предполагать, что характеръ у Пьера Бонапарта былъ запальчивый, хотя Викторъ Нуаръ и говорилъ иногда слишкомъ громко въ кофейной.

Отчего сложилась эта жизнь, исполненная приключеній? Утверждаю между прочимъ, что я вовсе не употребляю этого слова въ оскорбительномъ смыслѣ. Оттого, что принцъ Пьеръ Бонапартъ никогда не старался быть полезнымъ; будучи принцемъ, онъ не находилъ себѣ мѣста въ общественномъ строѣ.

(Подсудимый встаетъ).

През. Садитесь.

Подс. Но вѣдь я былъ въ изгнаніи. Тутъ очевидно составленъ заговоръ, чтобы заставить меня отступить отъ спокойствія, которое я положилъ себѣ соблюдать.

През. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ сдѣлать заговоръ этотъ не дѣйствительнымъ, и дожидаться времени, когда придетъ ваша очередь защищаться.

Флоке. Мы видали изгнанниковъ, которые на чужой сторонѣ создавали себѣ средства къ жизни и содержанію семейства, онъ же предлагаетъ свою шпагу Сантандеру противъ Бытвара, онъ какъ-будто воображаетъ, что военное званіе—единственное не безчестящее; но для этого званія у него не хватаетъ дисциплины.

Г. Флоке упоминаетъ объ отправленіи подсудимаго въ Африку и возвращеніи его во Францію, тогда какъ генералъ далъ ему порученіе только въ Алжирь.

Наконецъ,—продолжаетъ онъ,—временное правительство, *факція* торжествовавшая въ 1848 г. возвратила принца на родину; онъ былъ произведенъ въ баталіонные командиры въ качествѣ иностранца, а онъ хотѣлъ быть имъ въ качествѣ француза, вопреки уставамъ и законамъ, потому только, что былъ принцъ.

1849 г. президентъ республики издалъ слѣдующій декретъ:

«Президентъ республики, принимая во вниманіе, что г. Пьеръ «Наполеонъ Бонапартъ, произведенный въ качествѣ иностранца баталіоннымъ командиромъ 1 полка иностраннаго легіона приказомъ

«отъ 19 апрѣля 1848 г., получилъ по собственной просьбѣ пред-
«писаніе отъ 19 сентября 1849 г. ѣхать на службу въ Алжиръ, —
«принимая во вниманіе, что, принявъ участіе въ военныхъ собы-
«тіяхъ, театромъ которыхъ въ настоящее время — область констан-
«тинская, онъ получилъ отъ генерала, командующаго константин-
«ской дивизіей приказаніе отправиться къ генераль-губернатору
«Алжири съ порученіемъ, касающимся Заатмской экспедиціи, — при-
«нимая во вниманіе, что онъ этого порученія не исполнилъ, къ
«генераль-губернатору не явился, а сѣлъ на корабль въ Филиппи-
«вилъ и возвратился въ Парижъ, — принимая во вниманіе, что
«офицеръ, служащій во Франціи въ качествѣ иностранца, не под-
«лежитъ общимъ французскимъ законамъ, но однако же обязанъ
«исполнить ту службу, на которую взятъ, — принимая во вниманіе,
«что г. Пьеръ Наполеонъ Бонапартъ, хотя и служащій въ каче-
«ствѣ иностранца, не имѣлъ права отлучаться съ своего поста
«и не могъ судить объ умѣстности возвращенія своего въ Парижъ,
«по докладу военного министра постановляетъ:

«Ст. 1-я. Г. Пьеръ Наполеонъ Бонапартъ увольняется отъ чина
«и должности баталіоннаго командира иностраннаго легіона.

«Ст. 2-я. Военному министру поручается исполненіе этого де-
«крета.

«Дано въ Парижѣ, въ національномъ Елизеѣ 19 октября
«1849 г.

«Луи Наполеонъ Бонапартъ».

Военный министръ.

Д'Опуль.

И вотъ отчетъ преній, послѣдовавшихъ тогда въ національ-
номъ собраніи:

Г. Пьеръ Бонапартъ. «Граждане представители народа, я
«имѣю только нѣсколько словъ сказать о вопросѣ, который этотъ
«декретъ поднимаетъ вообще, и о томъ, что меня касается въ
«особенности, если собранію благоугодно меня выслушать. Въ
«принципѣ я съ глубокимъ убѣжденіемъ и негодованіемъ, когда по-

«думаю, что осмѣливаются утверждать противное въ этой оградѣ, стою за то, что членъ законодательной власти, какое бы временное дѣло ни было ему ввѣрено, не можетъ, въ силу 85 статьи органическаго избирательнаго закона, быть удержанъ противъ его воли вдали отъ національнаго святилища, гдѣ исполняется его призваніе. (*Движеніе*). Ревнуя къ вашимъ правамъ, которыя суть права всей страны, необходимо, чтобы вы постановили на этотъ счетъ верховное рѣшеніе, чѣмъ положите конецъ чрезмѣрнымъ притязаніямъ правительства, чрезчуръ расположеннаго легко относиться къ достоинству, которымъ облечены представители французскаго народа. Буду имѣть честь съ этой цѣлью предложить вамъ мотивированную резолюцію въ концѣ настоящихъ преній. Переходя къ тому, что меня касается, мнѣ показалось тѣмъ болѣе умѣстнымъ воспользоваться только-что помянутымъ, неотъемлемымъ правомъ, что, по моему крайнему убѣжденію, нашимъ республиканскимъ учрежденіямъ, которымъ я преданъ душой и тѣломъ, грозятъ нѣкоторыя опасности. (*Движеніе*). Я граждане-представители народа, чтобы не ошиблись въ смыслѣ значенія моихъ словъ. Безсовѣстный поступокъ противъ меня, несправедливость и неблагодарность, на которыя я имѣю право жаловаться, могли измѣнить чувства мои къ родственнику Людовику Наполеону Бонапарту, къ президенту республики. До тѣхъ поръ, пока онъ сумѣетъ удержать конституцію, или пока большинство собранія будетъ того мнѣнія, что онъ ее удержалъ, я буду энергически поддерживать ее, хотя и сохраняя за собою разумѣется мою парламентскую свободу мнѣній. Но я не довѣряю его совѣтчикамъ, министрамъ и другимъ приближеннымъ; упорство, съ которымъ они удаляютъ все, что естественно заинтересовано въ блескѣ народнаго знамени, водруженнаго 10 декабря, достаточно оправдываетъ мое недовѣріе. Какъ мнѣ, такъ и моему двоюродному брату и собрату Наполеону Бонапарту, они съ одной стороны поручили дѣло, а съ другой, втихомолку, не старались сдѣлать исполненіе этого дѣла невозможнымъ».

Замѣтите, въ какихъ выраженіяхъ отвѣчаетъ военный министръ:

«Генераль Гербилюнь, военный главнокомандующій константинопольской областью и войсками осаждающими Заатму, отдалъ, правда, г. Пьеру Бонапарту приказъ, который послѣдній вручилъ мнѣ; я ему сказала: «Этотъ приказъ спасаетъ васъ». Это очень просто; и еслибы этого не было, знаете, что бы я сдѣлалъ—я бы явился сюда, просилъ бы у собранья разрѣшенія начать противъ васъ преслѣдованіе, велѣлъ бы арестовать васъ и вести подѣ конвоемъ жандармовъ въ Константинополь, а вы были бы преданы военному суду. (Знаки общаго одобренія.) Я и сдѣлалъ это потому, что и долженъ былъ сдѣлать». Въ глазахъ военного министра оставалась только провинность хотя и серьезная—исполненіе полученнаго приказа. А приказъ этотъ имѣлъ большую важность: въ немъ предписывалось г. Пьеру Бонапарту отправиться въ Алжиръ. Зачѣмъ? не совсѣмъ принято посылать командующаго офицера, да еще командующаго отрядомъ, стоящимъ предъ непріятелемъ, къ Алжирскому губернатору просить помощи. Но во всякомъ случаѣ принимаю во вниманіе это порученіе, какъ оно ни странно можетъ показаться, но по крайней мѣрѣ слѣдовало или не слѣдовало его исполнить?

През. Вотъ мотивированная резолюція, которую г. Пьеръ Бонапартъ предложилъ въ собраніи: «Принимая во вниманіе, что порученіе или временное начальство, которыя могутъ быть ввѣрены представителямъ народа согласно съ 85 ст. органическаго избирательнаго собранія, не могутъ лишать ихъ права парламентской инициативы, ни зависимости ихъ законодательнаго званія,—принимая во вниманіе, что никто не можетъ быть властенъ по какой бы то нибыло причинѣ помѣшать или воспретить мнѣ исполнить свое парламентское призваніе,—собраніе переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

А теперь вотъ результатъ этого предложенія: *През.* «Приглашаю собраніе къ голосованію по мотивированной резолюціи о переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, предложенной г. Пьеромъ Бо-

«напартомъ». (При утвердительномъ голосованіи никто не встаетъ, при отрицательномъ встаетъ почти все собраніе). И вотъ судъ національнаго собранія, вотъ дѣйствующія лица этой сцены. Кто же послѣ этого тотъ, отъ котораго вы ждете наступательныхъ дѣйствій!

Господа, прежде чѣмъ приступить къ фактамъ, позвольте сказать вамъ, что факты эти матеріально неоспоримы...

През. Г. Флоке, вы переходите къ новому разряду мысли, готовитесь перебрать новый разрядъ фактовъ; не лучше ли будетъ отложить до завтра конецъ вашей рѣчи.

Флоке. Вы правы, г. президентъ.

През. Въ такомъ случаѣ до завтра, въ началѣ засѣданія.

Эпизодъ Фонвьеля.

През. Въ залѣ ли г. Фонвьель? *Суд. приставъ.* Нѣтъ, г. президентъ, его здѣсь нѣтъ. *Центральный комиссаръ.* Онъ отвезенъ къ судебному слѣдователю. *През.* Если возможно отыскать его, потрудитесь привести. Нѣсколько минутъ спустя г. де Фонвьель является предъ судомъ.

През. Г. генераль-прокуроръ, вамъ дается слово.

Генераль-Прокуроръ. Господа, нѣсколько свидѣтелей дали показанія предъ судебнымъ слѣдователемъ; я готовъ, смотря по желанію суда, или прочесть ему эти показанія, или просто указать ему лицъ, слышавшихъ слова, произнесенныя г. де Фонвьелемъ, когда онъ перебилъ рѣчи, и снять съ нихъ новый допросъ. Имѣю честь совѣтовать суду отдать предпочтеніе послѣднему способу.

През. Обвиняемый, ваше имя, фамилія и званіе?

Фонвьель. Ульригъ де Фонвьель, сотрудникъ «Marseillaise».

Лорье. Г. президентъ, я бы попросилъ судъ отложить это судоговореніе. Г. генераль-прокуроръ вызоветъ своихъ свидѣтелей, а намъ тоже нужно бы вызвать нѣкоторыхъ свидѣтелей со своей стороны.

През. Не угодно ли вамъ указать ихъ; ихъ выслушаютъ сейчасъ же.

Г. Лорье называетъ нѣсколькихъ свидѣтелей: г. Миллера, двухъ жандармовъ, сидѣвшихъ подлѣ него, г. Кларти, г. Блуэ, г. Арну, г. Зибекера, г. Габерика и г. Кавалье.

През. Судебный приставъ, уведите всѣхъ этихъ лицъ въ комнату свидѣтелей, и приведите перваго изъ свидѣтелей, указанныхъ прокурорскимъ надзоромъ.

Луве, центральный комиссаръ.

През. Свидѣтель де Фонвьель заговорилъ во время рѣчей: слышали ли вы, что онъ сказалъ? *Свид.* Въ ту минуту, какъ принцъ что-то сказалъ г. Лорье, вниманіе мое обратила на себя личность, говорившая что-то громко съ оживленіемъ. Я слыхалъ слѣдующія слова: «убилъ же онъ Виктора Нуара». Я обернулся и увидѣлъ говорившее лицо, это былъ г. де Фонвьель; онъ стоялъ на своей скамейкѣ и, поднявъ руку, кричалъ: «убійца! убійца!» Въ ту минуту какъ жандармы бросились выводить его въ корридоръ, я слышалъ, какъ г. Фонвьель кричалъ: «на смерть! на смерть!» Мнѣ тоже послышались слова: «шайка разбойниковъ», но не сумѣю теперь сказать, имъ ли были они произнесены. Не думаю я, болѣе чѣмъ не увѣренъ; однимъ словомъ, никакъ не стану утверждать. *Г. де Фонвьель.* Г. президентъ, я просто сказалъ: «вы убили Виктора Нуара, посмотрите мнѣ въ лицо и осмѣльтесь сказать, что не убили его. Вы убійца! вы убійца!» Не могу сказать, до какой степени я сожалѣю, что произнесъ эти слова; я знаю, что подсудимый имѣетъ право на нѣкоторыя льготы, повѣрьте, что я глубоко сожалѣю, что такъ увлекся. *През.* Но не прибавили ли вы къ этимъ словамъ еще слова: «на смерть! на смерть!» *Г. де Фонвьель.* Нѣтъ, г. президентъ. Этихъ словъ я не говорилъ, положительно утверждаю.

Г. Вальбергъ (37 л. жандармскій капитанъ.) Потрудитесь сказать, что вы видѣли и слышали? Г. де-Фонвьель говорилъ громко можете ли припомнить выраженія, которыя онъ употреблялъ?

Свид. Я стоялъ посреди залы въ ту минуту, когда принцъ

заговорилъ съ г. Лорье; свидѣтель де Фонвьель всталъ, забрался на скамейку и закричалъ: убили же вы Виктора Нуара, друга моего, убійца! убійца! мнѣ показалось, что онъ также кричалъ: на смерть!, но утверждать этого не могу. Я взялъ на себя смѣлость вывести свидѣтеля де Фонвьеля изъ залы, не дожидаясь вашихъ приказаній, волненіе въ той части публики было такъ велико, что могли послѣдовать еще болѣе прискорбныя обстоятельства.

През. Г. де-Фонвьель, вы видите, какія вышли послѣдствія вашей запальчивости, и понимаете изъ показаній свидѣтелей, что могли послѣдовать обстоятельства еще болѣе прискорбныя. — *Г. де-Фонвьель.* Могу только повторить, что сожалѣю о сказанныхъ мною словахъ. Я передалъ ихъ вамъ въ точности и жалѣю, но снова утверждаю, что не говорилъ: на смерть! на смерть! — *През. свид.* Вы замѣтили нѣкоторое волненіе въ той части публики, было ли оно въ пользу обвиняемаго или противъ? — *Свид.* было и за, было и противъ. — *През.* Ну стало быть еще хуже.

Жандармъ изъ стоящихъ въ Туръ.

През. Вы видѣли и слышали свидѣтеля де-Фонвьеля, когда онъ всталъ, что онъ дѣлалъ, что онъ говорилъ? — *Свид.* Онъ кричалъ: на смерть! на смерть! — *През.* Не говорилъ ли онъ чего-нибудь прежде? — *Свид.* Да, онъ сказалъ: Бонапартъ убилъ Виктора Нуара, на смерть его! на смерть!

Другой жандармъ изъ стоящихъ въ Туръ.

През. Вы тутъ были, когда произошло смятеніе: что вы знаете? что видѣли? и что слышали? *Свид.* Онъ всталъ на скамью и закричалъ, обращаясь къ принцу: на смерть, на смерть! вы убили Виктора Нуара. — *През.* Не произвело ли это нѣ котораго волненія въ публикѣ? *Свид.* Да, да, г. президентъ.

Третій жандармъ стоящій въ Туръ.

През. Скажите, что вамъ извѣстно? — *Свид.* Я стоялъ подлѣ нашего квартирмейстра и уже нѣсколько времени замѣчалъ одного господина, сильно волновавшагося, наконецъ, видя, что онъ готовъ совсемъ забыться, я сказалъ ему нѣсколько словъ, совѣтуя ему вести себя поспокойнѣе. Вдругъ вижу онъ стоитъ на скамейкѣ и

кричить: да, вы убили Виктора Нуара, вы убійца! и еще много другихъ словъ, но я не могъ разобратъ всего, что онъ кричалъ.

Четвертый жандармъ изъ стоящихъ въ Туръ.

Въ ту минуту какъ принцъ что-то сказалъ адвокату г. Лорье, я слышалъ г. де-Фонвьеля, кричавшаго: да, вы убили Виктора Нуара! на смерть! на смерть!

През. Совершенно увѣрены, что ясно слышали послѣднія слова: на смерть, на смерть?—*Свид.* Да, г. президентъ, совершенно увѣренъ.

Г. Ариамбо (Архитекторъ въ Парижѣ.)

Мнѣ было совершенно видно и слышно все, что происходило, потому что г. де Фонвьель помѣщался какъ разъ сзади меня и я замѣчалъ, что онъ начиналъ приходить въ волненіе, такъ что ни сколько не удивился, когда онъ вскочилъ на скамейку. Онъ сказалъ: убили же вы моего друга, Виктора Нуара, я вамъ говорю въ лицо. На смерть! на смерть!

Г. Гамленз (коммерческій путешественникъ.)

През. Потрудитесь сказать то, что вы видѣли и слышали.

Свид. Въ ту минуту, какъ г. Лорье что-то сказалъ и принцъ ему отвѣтилъ, г. де Фонвьель вскочилъ на свою скамейку и закричалъ: вы убили Виктора Нуара; на смерть! на смерть! Подлѣ него были люди, которые говорили ему: смѣлѣй! смѣлѣй!

През. И такъ это произвело замѣтное волненіе въ публикѣ?

Свид. Безъ сомнѣнія. На томъ концѣ залы всѣ казались очень взволнованными.

Слѣдуютъ свидѣтели, вызванные защитой:

Жанъ Батистъ Миллеръ (52 л., отвѣтственный редакторъ)

(Marsellaise.) *През.* Вы приглашены обвиняемымъ для показаній о фактахъ, происходившихъ во время засѣданій, что вамъ извѣстно?

Свид. Я сидѣлъ на скамьѣ, за скамьею Ульриха де-Фонвьеля; при мнѣ было два жандарма, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ какъ разъ сзади его. Вдругъ вижу де-Фонвьель порывисто всталъ, указывая на подсудимаго пальцемъ и взоромъ, и закричалъ: да,

вы убили моего друга, вы убійца! Да ты и меня хотѣлъ убить. Убійца Бонапартъ.

Мои конвойные жандармы слышали это также какъ и я. И, признаюсь, я очень радъ, что они могутъ подтвердить мое показаніе;—это въ нѣкоторомъ родѣ гарантируетъ мое безпристрастіе (*Смѣхъ*) През. Но замѣтили ли вы, чтобъ этотъ эпизодъ произвелъ нѣкоторую экзальтацію въ публикѣ? Не слыхали ли вы, чтобъ нѣкоторые лица подстрекали г. де-Фонвьеля?

Свид. Въ публикѣ было много сильно взволнованныхъ лицъ; много и такихъ, которые старались успокоить другихъ. Я самъ усадилъ нѣсколькихъ... Слѣдующимъ свидѣтелемъ является одинъ изъ жандармовъ, подъ конвоемъ которыхъ сидѣлъ г. Шланьеръ. Вотъ его показаніе. Г. де Фонвьель всталъ на свою скамью и громко закричалъ: принцъ Пьеръ Бонапартъ. Вы убили Виктора Нуара! вы убійца!

През. А не слыхали ли вы словъ: на смерть, на смерть!

Свид. Нѣтъ этого я не слыхалъ.

Второй жандармъ въ отвѣтъ на вопросъ президента разсказываетъ сцену въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Въ ту минуту какъ принцъ что-то замѣтилъ г. Лорье г. де Фонвьель всталъ и сказалъ: вы осмѣливаетесь это говорить, г. Бонапартъ, вы, который убили Виктора Нуара, моего друга! осмѣльтесь-ка посмотрѣть мнѣ въ лицо и утверждать, что не убили его! Было произнесено еще нѣсколько словъ, но одно могу утвердительно сказать, что ни одного слова не было оскорбительнаго для суда.—През. нанести оскорбленіе подсудимому значитъ нанести его суду, который обязанъ ему покровительствовать.

Жюль Кларети, (литераторъ.)

Я находился предъ скамейкой, на которой сидѣлъ г. Ульрихъ де Фонвьель, и вполне припомнилъ въ послѣдствіи слова, произнесенныя имъ. Обращаясь къ Пьеру Бонапарту, онъ сказалъ ему: «однако-жь убили же вы Виктора Нуара, моего друга. Осмѣльтесь-ка взглянуть мнѣ въ лицо и утверждать, что не убили!» Въ эту минуту его вывели и не будь жандармскаго капитана, на

него бросились бы окружающіе. Могу увѣрить, что во всемъ, что онъ говорилъ, не было ни одного слова, относившагося къ суду.

Г. Габенекъ. Я сидѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ Ульриха де Фонвьеля и когда онъ всталъ, слышалъ слѣдующія слова: «однако вы подло убили моего друга; осмѣльтесь взглянуть мнѣ въ лицо и утверждать, что не убили!» одинъ изъ моихъ сосѣдей сказалъ мнѣ: «успокойте же его, успокойте!» «Чтожь я тутъ сдѣлаю, отвѣчалъ я, это у него вырвалось изъ сердца.» *През.* Вы однако тоже позволяете себѣ слова оскорбительныя для человѣка, который сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ и слѣдовательно находится подъ охраною правосудія. Въ интересахъ г. де Фонвьеля вамъ не слѣдовало бы повторять этого отвѣта.

Г. Зибекеръ (публицистъ въ Парижѣ).

Въ ту минуту, когда подсудимый обратился къ г. Лорье, Ульрихъ де Фонвьель всталъ; онъ былъ оживленъ, красенъ и закричалъ: Пьеръ Бонапартъ, вы убили моего друга Виктора Нуара; осмѣльтесь взглянуть мнѣ въ лицо и сказать, что вы его не убивали. Тогда-то я и сказалъ г. Габенеку: да успокойте же его.

Г. Лорье. Г. президентъ, мы отказываемся приводить другихъ свидѣтелей.

През. Вы слышали показанія свидѣтелей, изъ нихъ оказывается, что вы кричали между прочимъ: на смерть, на смерть!

Г. де Фонвьель. Я вамъ ручаюсь, что слова эти были сказаны не мною; ихъ можетъ быть кричали окружавшіе меня. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ моихъ устахъ они не имѣли никакого смысла. Я былъ окруженъ множествомъ лицъ, стоявшихъ въ двухъ рядахъ, на меня ринулись.

През. Г. генералу-прокурору дается слово.

Генер.-прокуроръ, г. Гранперре. Господа, мы требуемъ примѣненія къ обвиняемому либо 222 ст. уголовного свода законовъ, либо 2 ст. закона отъ 17 мая 1819 г. Въ числѣ словъ, произнесенныхъ г. де Фонвелемъ и за которыя попрошу верховный судъ постановить ему наказаніе, были такія, которыя представляютъ характеръ, преступно вызывающій, и такія, въ которыхъ

заключалось оскорбленіе противъ самаго суда, ибо гнусныя вспышки, какія позволилъ себѣ обвиняемый противъ подсудимаго, нарушаютъ величественную тишину вашихъ засѣданій и суть оскорбленіе противъ суда. Свидѣтели видѣли, какъ онъ взлѣзъ на скамейку и, выражаясь съ запальчивостью, всѣхъ насъ поразившею, закричалъ, простирая руки къ подсудимому: вы убійца! осмѣльтесь взглянуть мнѣ въ глаза и утверждать, что вы не убили Виктора Нуара! Эти выходки произвели въ оградѣ суда волненія, смятенія, посягнувшія на достоинство верховнаго суда. Повторяю, что это въ полномъ смыслѣ преступно-вызывающія слова: что слова: «на смерть! на смерть!» которыя онъ, — произнесъ въ чемъ не остается сомнѣнія послѣ слышанныхъ вами показаній, — эти страшныя зловѣщія слова, напоминающія ужасные дни нашей исторіи, дѣйстви-тельно раздались въ судебной оградѣ; они требуютъ наказанія, я жду его отъ справедливости верховнаго суда.

Г. Лорье (защитникъ обвиняемаго). Господа! я поступлю со-ответственно чувству всѣхъ присутствующихъ, въ особенности самаго суда, не придавая чрезмѣрной важности этому эпизоду и возвращая ему его дѣйствительные размѣры. Мы двигаемся, могу сказать, въ атмосферѣ, наполненной жгучими страстями. Г. де-Фонвьель произнесъ слова, достойныя сожалѣнія (о которыхъ онъ и изъявлялъ сожалѣніе), но ничѣмъ не доказано, чтобы онъ кричалъ: «на смерть!» чтобы онъ произнесъ слова эти, которыя г. генераль-прокуроръ именуешь зловѣщими словами и мы не менѣе его считаемъ гнусными. Достоверно и подтверждается постановленіемъ суда то, что со стороны подсудимаго послѣдовала ничѣмъ не вызванная выходка, которой извиненіемъ можетъ служить лишь только минутная вспышка и волненіе, это дѣйстви-тельно служить ему извиненіемъ, но служить извиненіемъ и тому, который сидѣлъ на скамьѣ свидѣтелей, чуть-чуть не превращенной въ скамью подсудимыхъ. Вотъ правда истинная, честная, не искаженная страстью. Г. президентъ сказалъ г. де Фонвьелю: «вы были не правы;» теперь въ виду собственнаго сознанія и искрен-

ного сожалѣнія обвиняемаго, я думаю, что не слѣдуетъ вести дѣла этого дѣла.

Еслибы я захотѣлъ стать на юридическую почву, тогда не трудно было бы мнѣ вести защиту; но я не забываю, что говорю съ такими судьями, которыхъ можно назвать честью и славою нашихъ гражданскихъ преній въ кассационномъ судѣ, поэтому я не имѣю претензіи учить ихъ началу нашихъ уголовныхъ законовъ, а могу только самъ учиться у нихъ. Слѣдовательно, они знаютъ, что есть элементъ необходимый для существованія преступнаго дѣйствія, это — намѣреніе. Имѣлъ ли г. де Фонвьель, могъ ли онъ имѣть намѣреніе оскорбить судъ? — нѣтъ, это не возможно. Произошло прискорбное смятеніе; свидѣтель произнесъ слова достойныя сожалѣнія противъ подсудимаго, который самъ выказалъ страстность и запальчивость. Но я останавливаюсь потому, что не хочу въ свою очередь раздражать его и разжигать въ немъ страсти. Полагаюсь на рѣшеніе суда и ограничусь тѣмъ, что напому ему изрѣченіе одного древняго писателя: «есть такіа дѣла, въ которыхъ милосердіе составляетъ наибольшую часть правосудія». Вы должны понять чувства, увлекшія г. де Фонвьеля, какъ поняли чувство, которому повиновался подсудимый. Вы должны каждому воздать должную мѣру порицанія и снисхожденіе и отпустите, надѣюсь, обвиняемаго безъ дальнѣйшаго взысканія.

Верховный судъ, разсудивъ дѣло исправительнымъ порядкомъ безъ участія присяжныхъ и удалившись для этого въ залу совѣта для совѣщанія, выноситъ приговоръ слѣдующаго содержанія:

«Принимая во вниманіе, что Фонвьель, обращаясь къ подсудимому, произнесъ слова: «да, вы убили моего друга Виктора Нуара! осмѣльтесь-ка взглянуть мнѣ въ лицо и утверждать, что не убили его. На смерть, на смерть!» примѣняется къ нему параграфъ 2 «2 статьи закона 17 мая 1819 г., но въ виду смягчающихъ обстоятельствъ, каковыми является главнымъ образомъ сожалѣніе, заявленное Фонвьелемъ передъ судомъ, обвиняемый приговаривается къ «десятидневному тюремному заключенію и уплатѣ судебныхъ издержекъ».

Засѣданіе закрывается въ $6\frac{3}{4}$ ч.

Засѣданіе 25 марта.

Любопытство публики все болѣе возрастаетъ; каждый, кто можетъ найти доступъ къ членамъ суда, добивается билета, но весьма многіе получаютъ отказъ, такъ какъ всѣ билеты уже разобраны. Г. Ульрихъ де Фонвьель присутствуетъ въ залѣ суда. Въ 11 ч. 20 мин. засѣданіе открывается. Это замедленіе послѣдовало по болѣзни одного изъ присяжныхъ, который замѣняется однимъ изъ запасныхъ присяжныхъ.

Г. Леру. Господа! Въ Бордо было начато слѣдствіе противъ Виктора Нуара за насиліе; онъ кромѣ того былъ замѣшанъ въ процессъ, который велся противъ г. Рошфора тоже за насиліе. Мы просимъ судъ сообразованно сообщить гг. присяжнымъ документы по этимъ двумъ дѣламъ.

Г. Флоке. Вы можете говорить объ этомъ въ вашей защитительной рѣчи и тогда прочесть документы. *Г. Леру.* Больше ничего не нужно какъ только сообщить ихъ гг. присяжнымъ.

Г. Лорье. Въ такомъ случаѣ мы возражимъ; и это будетъ тѣмъ легче для насъ, что г. Рошфора я защищаль. Я хорошо знакомъ съ этимъ дѣломъ.

През. читаетъ присяжнымъ нѣсколько документовъ, въ томъ числѣ заявленіе г. Рошета, типографщика въ Парижѣ, изъ котораго оказывается, что г. Рошфоръ вошелъ къ нему въ сопровожденіи г. Виктора Нуара и Арну, и что Викторъ Нуаръ сталъ спиною къ двери, какъ бы съ намѣреніемъ никого не впускать и не выпускать. Послѣдовало раздражительное препирательство между г. Рошфоромъ и типографщикомъ. Г. Джонсонъ, бухгалтеръ послѣдняго, насильно врывается въ комнату и г. Рошфоръ вскорѣ затѣмъ наноситъ г. Рошету нѣсколько ударовъ въ голову, палкой съ свинцовымъ набалдашникомъ. Еще читается заявленіе самого Виктора Нуара, показавшаго, что онъ посоветоваль Рошфору кушить палку, преже чѣмъ войти, боясь встрѣтиться тамъ съ г. Маршелемъ или г. Кондранъ. Купецъ, говоритъ онъ, предложилъ намъ палку со свинцовымъ набалдашникомъ, но мы ее не взяли, а выбрали самую легкую изъ всѣхъ.»

Наконецъ, читается утвержденіе купца, что у него не было въ магазинѣ палки съ свинцовымъ набалдашиникомъ и что Викторъ Нуаръ не взялъ предлагаемую ему легкую, а выбралъ другую рябиновую, за которую и заплатилъ 50 сантимовъ. Вотъ, господа, продолжаетъ председатель, въ чемъ состояло участіе Виктора Нуара въ этомъ дѣлѣ. Что касается бордоской исторіи, то вотъ вамъ фактъ. Солдата, стоявшаго на часахъ передъ зданіемъ префектуры, ночью обругали два господина и дѣлали ему угрозы. Солдата этого отыскали, имя его Нуарье. Онъ показалъ, что два господина проходили мимо него и одинъ изъ нихъ, ни съ того, ни съ сего, сказалъ: каналья, негодяй, что, если я тебя хвачу кулакомъ въ рожу? Солдатъ былъ до того ошеломленъ, что пропустилъ этихъ господъ, но тотъ самый опять возвратился и повторилъ тѣ же ругательства и тѣ же угрозы. Тогда солдатъ съ помощью двухъ часовыхъ арестовалъ ихъ; это былъ Викторъ Нуаръ, онъ не былъ пьянъ. Дѣло это было оставлено безъ послѣдствій.

Г. Лорье. Судебнаго преслѣдованія не было начато по этому дѣлу.

През. Г. прокурору не было дано знать въ то время, а центральный комиссаръ впоследствии написалъ ему, что это молодой человѣкъ, хорошаго семейства и что онъ, сдѣлавъ ему допросъ, отпустилъ его, потому что шалость эта была сдѣлана по вѣтренности и подъ вліяніемъ крѣпкихъ напитковъ, особенно абсента, котораго очень много выпилъ. Получивъ этотъ благопріятный отзывъ, г. генераль-прокуроръ ограничился предписаніемъ центральному комиссару: призвать молодаго человѣка въ его канцелярію и сдѣлать ему строгій выговоръ. Вотъ господа, въ чемъ состоятъ эти документы.

Нѣсколькимъ свидѣтелямъ по просьбѣ ихъ разрѣшаютъ удалиться изъ суда.

През. Я долженъ предупредить гг. присяжныхъ, что судъ намѣренъ въ числѣ вопросовъ предложить мнѣ вопросъ о невмѣняемости убійства вслѣдствіе вызова со стороны убитаго.

Леру. Я знаю, президентъ не имѣетъ права мѣшаться въ по-

становку вопросовъ, но я долженъ напередъ заявить, что мы будемъ протестовать противъ этого вопроса, потому что принцъ, по нашему мнѣнію, дѣйствовалъ изъ чувства самосохраненія, допускаемаго закономъ, что можно доказать изъ предъидущихъ преній.

През. Вы имѣете на то право, но мы все-таки поставимъ вопросъ.

Вновь призываютъ свидѣтеля д-ра Пинеля. Появленіе его возбуждаетъ общее вниманіе.

Ген.-Прокуроръ. Г. Пинель, въ вашемъ отчетѣ, составленномъ послѣ судебного осмотра произведеннаго вами, вы придаете большую важность изверженіямъ урины, слѣды котораго найдены вами, и конвульсіямъ, предшествовавшимъ смерти. Потрудитесь объяснить въ присутствіи г. д-ра Тардье почему вы придаете такую важность этимъ обстоятельствамъ?

Пинель. Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мнѣ нужно спросить г. Тардье въ какой части тѣла Виктора Нуара была найдена пуля?

Тардье. Я не разслышалъ вопросъ.

Г. Пинель повторяетъ свой вопросъ и присовокупляетъ, что считаетъ отвѣтъ на него очень важнымъ для своего отвѣта на вопросъ сдѣланный г. генералъ прокуроромъ.

Тардье. Пуля была найдена въ груди у самой грудобрюшной преграды.

Пинель. Не думаетъ ли г. Тардье, что она могла коснуться почки?

Тардье. Ни какимъ образомъ, потому что она осталась въ груди.

Пинель. Не могла ли она попасть на почку и оконтузить ее? путь которымъ проходитъ пуля чрезвычайно не вѣренъ, а въ точности отдать себѣ отчетъ въ немъ бываетъ очень трудно. Если пуля оконтузила почку, она этимъ причинила изверженіе урины; если она почки не коснулась, то изверженіе это могло быть причинено нравственнымъ волненіемъ.

Тардье. Это единственно вѣрное объясненіе; мы это постоян-

но видимъ въ случаяхъ насильственной смерти. Видимъ это на каждомъ повѣшенномъ, удушенномъ животномъ, или на животномъ, умирающемъ отъ кровотечения; конвулси тоже явленіе весьма естественное; даже простое естественное кровотечение всегда кончается конвульсіями.

Ген.-Прокуроръ. Итакъ г. Пинель вотъ все на что сводится крайняя важность, которую вы придаете этому изверженію урины и этимъ конвульсіямъ.

Одинъ изъ присяжныхъ. Я желалъ бы чтобы г. Тардье отвѣтилъ на слѣдующій вопросъ: человѣкъ раненый пулей подносить себѣ руки къ груди, оборачивается, сходить съ лѣстницы и подъ воротами съ нимъ дѣлаются конвулси, возможно ли чтобы, въ минуту паденія онъ еще держалъ шляпу въ правой рукѣ.

Тардье. Да, возможно. Есть факты, которыхъ никакъ себѣ не объяснить.

Леру, Но не исключительное ли это явленіе.

Тардье. Всѣ явленія такого рода исключительны.

Флоке. Какъ, исключительно то-что онъ могъ сойти съ лѣстницы?

Тардье. Безъ сомнѣнія, все это случается, я часто приводилъ въ примѣръ человѣка, который будучи раненъ стилетомъ въ сердце могъ сойти съ лѣстницы и взойти на другую, чтобы войти въ другую комнату; всѣ подобныя случаи исключительны — но возможны.

Г. Флоке дается слово для продолженія его рѣчи.

Флоке. Господа, я не стану возражать на все, что было прочтено, такъ какъ уже ознакомилъ васъ съ antecedентами Виктора Нуара, ограничусь повтореніемъ замѣчанія, сдѣланнаго мною вчера: еслибы слѣдствіе потрудилося съ такою же тщательностью розыскивать antecedенты подсудимаго въ англійскихъ и римскихъ канцеляріяхъ то обнаружались бы факты посерьознѣе. Въ дѣлѣ г. Рошфора, Викторъ Нуаръ замѣшанъ самымъ отрицательнымъ образомъ. Бордоскаго дѣла собственно говоря даже вовсе не существуетъ, а просто молодой человѣкъ пошалилъ и центральный комиссаръ отпустилъ его.

Вчера я старался доказать, что вовсе не существует того постоянного заговора противъ принца, который онъ видитъ вездѣ и во всемъ. Я старался доказать антецедентами всѣхъ трехъ дѣйствующихъ лицъ Отельской драмы, съ какой стороны долженъ былъ послѣдовать первый вызовъ. Напомнить ли вамъ, еще разъ, сегодня, обстоятельство Отельскаго происшествія? Молодой человѣкъ полный жизни въ 2 ч. пополудни умираетъ на панели предъ домомъ № 59; нѣсколько минутъ спустя другой молодой человѣкъ выбѣгаетъ съ растрепанными волосами изъ того же дома, крича: «убійца» и преслѣдуемый принцемъ, точно въ травлѣ, по комнатамъ дома изъ котораго ему такъ трудно было выбраться. Это несчастное происшествіе не подлежитъ спору; совершено убійство и покушеніе на убійство. Г. президентъ сію минуту объявилъ, что верховный судъ поставитъ вопросъ о невмѣняемости вслѣдствіи вызова. Не подлежитъ сомнѣнію, что защита станетъ не на эту почву; ея система еще радикальнѣе еще безусловнѣе; она намѣрена доказывать, что подсудимый дѣйствовалъ изъ чувства самосохраненія допускаемаго закономъ.

Вызовъ не устраняетъ виновности, онъ только уменьшаетъ мѣру наказанія если онъ признанъ. Если же признать надобность въ законномъ самосохраненіи этимъ уничтожается всякая вина. Мы могли бы на этомъ остановиться и сказать защитѣ: мы доказываемъ, что вы убили Виктора Нуара и хотѣли убить Фонвелья; доказываемъ это вамъ, которые ссылаетесь на юридическіе крючки; но мы не хотимъ употреблять такихъ же крючковъ.

Законъ опредѣляетъ въ чемъ состоитъ законное смертоубійство: оно тогда законно, если совершается человѣкомъ убивающимъ другого, чтобы спастись отъ явной, настоящей напасти; въ другихъ словахъ, когда необходимо силою противиться силѣ. Раземотримъ: можетъ ли въ этомъ случаѣ принцъ сослаться на самосохраненіе.

Законодатель поставилъ себѣ вопросъ: можно ли причислить къ случаямъ, входящимъ въ рубрику самосохраненія, нанесеніе человѣку оскорбленія, напр. пощечины. Государственный совѣтъ

призналъ, что пощечина еще не входитъ въ эту рубрику. Тотъ который получаетъ это великое оскорбленіе, еще не поставленъ въ необходимость силою противиться силѣ, онъ только старается отмстить за оскорбленіе, наказать за него, между тѣмъ право наказывать, можетъ принадлежать одному только общественному правосудію и никто не можетъ быть въ своемъ дѣлѣ судьбою. Разберемъ теперь факты и посмотримъ представлялась ли принцу 10 января, допускаемая закономъ необходимость защищаться.

На что онъ сошлется? на присутствіе у него этихъ двухъ молодыхъ людей. Фонвьель, говоритъ онъ, былъ съ оружіемъ. Но не подсудимому бы попрекать его этимъ, когда онъ самъ всегда ходитъ съ оружіемъ, не только у себя дома, но въ законодательномъ собраніи. Они вошли съ угрожающими пріемами, говоритъ принцъ, въ шляпахъ, съ руками въ карманахъ. Однако доказано, что входя въ гостиную, они сняли шляпы и держали ихъ въ рукахъ. Но если даже, ради предположенія, принять рассказъ принца будто Нуаръ далъ ему пощечину, развѣ это ставило его въ необходимость защищаться противъ Фонвьеля? вѣдь пощечину далъ ему, по его разсказу, Нуаръ, а не Фонвьель, а онъ стрѣлялъ по Фонвьелю. Еслибы Фонвьель хотѣлъ совершить насиліе, развѣ бы онъ не позаботился заранѣе вынуть пистолетъ изъ чухла? между тѣмъ доказано, что онъ у принца тщетно старался раскрыть этотъ чухоль и даже при этомъ поранилъ себѣ руку. Итакъ относительно Фонвьеля, по которому онъ стрѣлялъ, принцъ не былъ поставленъ, въ допускаемую закономъ, необходимость защищаться.

Въ виду нравственной невозможности выдержать на этомъ основаніи систему защиты, я очень хорошо знаю, куда и за какими аргументами ходили. Такъ наприм. нѣсколько дней послѣ происшествія, принцъ принималъ въ консьержери депутацію отъ спасительнаго общества, которая поднесла ему медаль общества—довольно любопытное совпаденіе. (*Улыбки*). И что когда принцу это за мѣтили и сказали ему: если одинъ вамъ угрожалъ, а другой оскорбилъ васъ, то почему вы не выстрѣлили въ того, который цѣлился въ васъ пистолетомъ? онъ отвѣтилъ: поставленный между

угрозой и оскорбленіемъ, моимъ первымъ движеніемъ было нака-
зать за оскорбленіе. И что на это ему будто бы возразили: принцъ,
вы достойный потомокъ побѣдителя при Аустерлицѣ.

Предъ верховнымъ судомъ подобная система защиты можетъ
вызвать только полнѣйшее недоверіе.

Подсуд. Если бы ихъ шестьдесятъ человекъ угрожали мнѣ,
я выстрѣлилъ бы потому, который меня оскорбилъ.

Флоке. Какъ частный человекъ я могу вамъ удивляться и
сказать, что вы поступили по рыцарски, но съ юридической точки
зрѣнія, этого допустить не возможно; и надобности въ законной
защитѣ тогда уже не было никакой. Но повторяю, это не правда,
да и неправдоподобно.

Въ которомъ часу наконецъ появляется это объясненіе? между
4 и 5 ч. вечера. Однако почему же принцъ, незнавшій какую онъ
приметь систему защиты, тотчасъ же опять зарядилъ свой пи-
стоletъ, хотя въ его домашнемъ арсеналѣ, конечно, не было не-
достатка въ запасномъ оружіи.

Вы слышали Мореля, домашняго врача принца; это свидѣтель
не подлежащій подозрѣнію; вы слышали, какъ онъ говорилъ, что
на мѣстѣ принца, убили бы обоихъ. Слышали этого домашняго
человѣка, который такъ хорошо лечитъ отъ насморка и навѣщаетъ
больнаго по два раза въ день—вы слышали, какъ онъ рассказы-
ваетъ фактъ. Слышали вы также г. полицейскаго комиссара Тер-
риена, который признаетъ, что имѣлъ право исправлять свою долж-
ность въ Отели и однако же ограничивается визитомъ къ принцу,
не производитъ даже осмотра, не задерживаетъ даже личности под-
судимаго и этимъ роняетъ предъ принцемъ власть ввѣренную ему
закономъ.

Р. Тардье говорилъ вамъ, что пуля попавшая въ Фонвеля,
была пущена снизу вверхъ по возможности, это когда г. де Фонвель
ниже принца. Принцъ старается доказать, что у Нуара было
оружіе, но слѣдствіе доказало противное. Итакъ нужно устранить
предположеніе изысканное защитой.

Разсмотримъ же второй пунктъ—вопросъ о вызовѣ.

Во первыхъ въ которомъ часу публично явился знакъ на щекѣ. Принцъ говоритъ, что еслибы онъ хотѣлъ убить де Фонвелья, ничто не могло быть легче и что стоило только перегородить ему прямую дорогу т. е. входную дверь, а доказано, что Фонвель не именно вышелъ этой дорогой. Г. Морель, возвратившійся къ принцу, котораго онъ вторично навѣщалъ по случаю его насморка, говоритъ, что онъ видѣлъ знакъ отъ удара, выходящій на улицу разгуливаетъ въ толпѣ чтобы успокоить ее и объявляетъ, что принцу страшно ранили щеку, что онъ получилъ пощечину. Кажется тутъ бы и удостовѣриться въ этомъ легальнымъ путемъ. Между тѣмъ знакъ этотъ является знакомымъ принцу не ранѣе 4 ч.; является фіолетоваго цвѣта одинъ, другимъ синяго и даже желтоватаго. Г. де ла Гравъ, которой пишетъ въ тотъ же вечеръ въ «Figaro» не упоминаетъ объ этомъ ни слова. Г. де Кассаньякъ тоже не говоритъ этаго въ своей статьѣ, напечатанной въ «Paris». Чтожъ наконецъ—существуетъ или не существуетъ этотъ знакъ? У котораго свидѣтеля мѣняются цвѣта, размѣры и примѣты его. Во всякомъ случаѣ изъ показаній ясно, что это знакъ отъ недавняго удара.

Г. Флоке читаетъ выписку изъ бумаги, присланной докторомъ Люсомъ, изъ которой видно, что синеватый цвѣтъ отъ ушиба дѣлается только на второй или третій день; свинцовымъ на третій или четвертый, а желтоватымъ на пятый или шестой. Г. Тардье былъ призванъ позднѣе, продолжаетъ г. Флоке, когда онъ явился—слѣда уже не было; ему пришлось высказать свое мнѣніе на основаніи того, что видѣли другіе два доктора и онъ старается устранить противурѣчіе между ихъ показаніями. Онъ принимаетъ показаніе д-ра Мореля и распросивъ обоихъ составляетъ по ихъ гипотезамъ свои заключенія. У Виктора Нуара говоритъ онъ: не было кольца, но на рукавахъ рубашки у него были двѣ крупныя запонки изъ слоновой кости. Подобный ударъ однако непременно оставилъ бы слѣдъ и на рукѣ Виктора Нуара, а слѣда на рукѣ его не найдено никакого; не кулакомъ же былъ нанесенъ ударъ? Свидѣтели прямо говорятъ: «перчатки на немъ

были въ обтяжку», а отъ удара нанесеннаго такимъ сильнымъ человѣкомъ перчатки бы лопнули непременно. Я же еще прибавлю, что еслибы принцъ, котораго представляютъ намъ слабымъ, хворающимъ, получилъ ударъ отъ такого геркулеса, то онъ не скажу, что свалился бы, но ужь конечно былъ бы на столько ошеломленъ, что не былъ бы въ состояннн взвести курокъ и выстрѣлить. Было сказано между прочимъ, что, упражняясь въ фехтованнн съ г. Полемъ де Кассаньякомъ, принцъ получилъ ударъ въ ухо маски приходящейся, какъ разъ, около челюсти. Но г. де Кассаньякъ на вопросъ суда отвѣчалъ, что они не фехтовали.

Васъ смущаютъ слова, приписываемыя г. де Фонвьелю? но вѣдь вы знаете, какъ искажаются показаннн? слѣдовательно необходимо добратъся до происхожденнн показаннн подтвердившихъ эти слухи. Г. Руадо сказалъ вамъ, что происходятъ они отъ ннсьма г. полицейскаго камиссара Террнена, который будто бы въ одномъ ресторанѣ слышалъ отъ какого-то г. Бартелини, что принцъ выстрѣлилъ въ видахъ законной защиты, получивъ пощечину отъ Виктора Нуара и что ему сказалъ это самъ г. де Фонвьель, Призываютъ г. Бартелини. Что же онъ показываетъ. Что онъ этотъ рассказъ слышалъ отъ д-ра Морель. Но что такъ, какъ г. де Фонвьель при немъ описывалъ происшествнн нѣсколькимъ разнымъ лицамъ, то онъ смѣшалъ всѣ эти рассказы тѣмъ легче, что тоже самое подтверждалъ ему г. Веньвиюлю. Въ кофейной онъ не то что рассказывалъ происшествнн — его рассказывалъ г. Террнень, предваривъ, что рассказываетъ со словъ самаго принца—я присовокупилъ только къ рассказу г. Террнень, что тоже самое было рассказано и ему.

Г. Флоке прочитываетъ показаннн г. Бартелини, затѣмъ продолжаетъ.

Роли странно выворочены. Мнѣ ясно, что этотъ слухъ, приписываемый г. де Фонвьелю, произошелъ отъ двухъ рассказовъ, одновременно ходившихъ по публикѣ и произведшихъ всю эту путаницу. Какимъ образомъ этотъ г. Бартелини, доставившнн столь драгоценное свѣденнн, не призванъ въ судъ прокурорскимъ надзоромъ. Точно тоже вышло и съ показаннн г. Моргуэнъ; онъ смѣшиваетъ

оба разсказа, въ словахъ его нѣтъ ни малѣйшей точности. Такъ на примѣръ, въ судѣ онъ говоритъ, что вовсе не помогаль при переноскѣ тѣла; а лица, передававшія его разсказъ, показывали, что онъ имъ говорилъ противное. Тоже самое происходитъ и со всѣми показаніями, подпирающимися одно другимъ и имѣющими какъ оказывается при болѣе тщательномъ разборѣ одинъ источникъ: разсказъ д-ра Мореля. Изъ лицъ, которымъ г. Веньвиоле говоритъ, что разсказываль слова, приписываемыя г. Фонвьелю, только одно подтверждаетъ это показаніе, другія ничего подобнаго не слышали; а этихъ-то другихъ, также какъ и г. Бартелини, въ судѣ не призываль г. генераль-прокуроръ. Почтальонъ Русланъ, Моронъ, Волсьерръ, Фуше тоже опровергають показаніе г. Веньвиоле о первыхъ словахъ, приписываемыхъ г. де Фонвьелю: «ахъ, каналья! еслибы только пистолетъ мой не осѣлся....» Городовой сержантъ Буасьеръ говоритъ, что г. де Фонвьель дополниль свой разсказъ жестомъ, выражающимъ пощечину, но не поняль, дана ли эта пощечина или получена Викторомъ Нуаромъ. Другіе городовые сержанты объясняютъ тотъ жестъ въ томъ же смыслѣ, съ замѣчательнымъ единодушіемъ. Но если такой разсказъ дѣйствительно былъ сдѣланъ въ полиціи, какимъ же образомъ не былъ немедленно составленъ о немъ протоколъ? только десять дней спустя Баланьякъ посылаетъ съ него копію г. д'Омсу по его требованію. Но я отвергаю этотъ документъ; — это просто показаніе, которое уже послѣ вздумали обратить въ протоколъ, но подлинникъ? — пускай-ка отыщутъ его! Слова эти точно также не были сказаны и въ аптекѣ. Какимъ образомъ Мессандръ дасть о нихъ показаніе только 2-го февраля? Что онъ не говори, какъ не смѣшивай слѣдствіе съ допросомъ у полицейскаго комиссара, комиссаръ его добрашиваль 11 января. Онъ самъ съ этимъ согласилъ передъ судебнымъ слѣдователемъ. Почему же онъ этого не сказалъ тогда же 11 января? Онъ дасть свое показаніе 2-го февраля, понуждаемый къ тому двумя агентами полиціи. Еще лучше, чѣмъ всѣми этими подробностями, слухъ опровергается показаніями самаго г. Фонвьеля. Какимъ образомъ могъ бы онъ въ теченіи всего нѣсколькихъ минутъ повторить нѣсколько разъ два

такихъ существенно различныхъ разсказа объ одномъ и томъ же происшествіи? Вспомните, что онъ говорилъ г. Мортрѣ, г. Самозелю, почтальону Руслану, Кольсержу Фотсу. Во всемъ, что говорилъ г. де Фонвьель не было никогда ничего, кромѣ истины, честно выдерживаемой; со стороны подсудимаго—ничего кромѣ кривленія душою. Такъ напримѣръ: вы сказали, что на васъ были панталоны со штрипками.

Подс. Я этого никогда не говорилъ.

Г. Флоке. Сказали на допросѣ.

Г. Деманжэ. Не обращайтесь къ подсудимому.

Г. Флоке. Какъ? вы мнѣ станете запрещать возражать подсудимому, когда онъ оспариваетъ мои слова: вѣдь онъ здѣсь не на тронѣ?

Г. Деманжэ. Я не имѣю претензіи ничего вамъ запрещать. Я просто прошу моего собрата не обращаться къ подсудимому.

Г. Флоке. При томъ не въ этомъ главное противорѣчіе, на которомъ я останавливаюсь. Подсудимый сначала показалъ, что онъ былъ въ своей комнатѣ. Вотъ тутъ дѣйствительно противорѣчіе. Когда горничная принесла ему карточки, потомъ онъ вынужденъ былъ сознаться, что былъ въ гостиной. Почему же онъ не остался въ гостиной чтобы принять посѣтителей? Не затѣмъ ли онъ возвратился въ свою комнату, чтобы запастись пистолетомъ? при всей привычкѣ носить оружіе, пистолета не держать въ панталонахъ со штрипками. А футляръ отъ револьвера г. де Фонвьеля — самъ подсудимый показываетъ, что поднялъ его въ своей гостиной, между тѣмъ ему послѣ приходится сознаться, что подняла его горничная на лѣстницѣ, А палка со шпагою? Подсудимый видѣлъ ее въ рукѣ Виктора Нуара, а между тѣмъ доказано, что ее нашли подлѣ шляпы г. де Фонвьеля.

Я кончилъ, господа, и остается мнѣ только сдѣлать одно замѣчаніе, а именно, что я выслѣдилъ, можетъ быть, слишкомъ пространно, слишкомъ вдаваясь въ мелкія подробности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, но что не отступалъ отъ него, не призывалъ на помощь, не идущихъ къ нему, постороннихъ соображеній. Я промол-

чалъ, насилуя свое сердце, когда подсудимый сравнилъ Отельское убійство съ заговорами улицы Сень-Никезъ и орсиньевскими бомбами. Говорятъ, господа, что вы представители консервативной идеи; спрашиваю васъ: полезенъ ли, въ видахъ общественной безопасности, порядокъ заставляющій одну половину жадать вооружаться, чтобъ защищаться отъ другой? Ко всему, что было сказано и что вы сами видѣли, вы могли убѣдиться, что всѣ дѣйствующія лица въ этомъ дѣлѣ были вооружены. За обѣдомъ забавляются показываніемъ и сличеніемъ револьверовъ. Это такія игры, которыхъ мы, съ нашими демократическими идеями не допускаемъ, даже для частныхъ лицъ. Было бы оскорбленіемъ прокурорскому надзору выразить сомнѣніе въ его намѣреніи потребовать наказаніе подсудимаго. Я предоставляю себѣ еще только одно: требовать гражданского вознагражденія, единственного, которое можно доставить несчастному семейству, лучшей опорой котораго былъ убитый; и прошу васъ объявить, что Пьеръ Бонанартъ совершилъ убійство надъ Викторомъ Нуаромъ и покушеніе на убійство противъ Ульриха де Фонвьеля. Половина третьяго, засѣданіе прерывается на 11—4 часа. Оно снова открывается рѣчью г. Лорье, адвоката г. Луи Нуара. *Г. Лорье.* Господа члены суда и гг. присяжные. Повторять только что слышанную вами рѣчь, нѣтъ надобности, я не стану повторять ее. Мой достопочтенный другъ и собратъ г. Флоке, разъяснилъ все дѣло съ величайшею заботливостью объ истинѣ, съ глубокимъ знаніемъ его, съ тактомъ, умѣренностью и вѣрностью безукоризненными. Но рядомъ съ его рѣчью, его доводами, я намѣренъ представить вамъ совершенно новый разрядъ доводовъ, о которомъ я сначала дамъ вамъ легкое понятіе, чтобы вы потомъ уже слѣдили за моими словами съ тѣмъ большимъ вниманіемъ. Мы слышали множество показаній и васъ вѣроятно поразили какъ и меня, какъ и всѣхъ специалистовъ растянутасть, запутанность, неопредѣленность и частая противорѣчивость этихъ показаній. Дѣло въ томъ господа, что во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, нѣтъ ничего рѣже вполне доказанной истины. Что показанія свидѣтелей суть только не совершенное орудіе, и если желаете имѣть въ томъ доказательство, доказательствомъ

послужить одно обстоятельство изъ этого самаго процесса. Вчера, вы слышали, какъ нѣсколько свидѣтелей съ одинаковой честностью давали совершенно различныя показанія о фактѣ, происходившемъ предъ нашими глазами. Это не удивило опытныхъ людей: по всемъ человѣческимъ дѣламъ возможно сомнѣнiе, несмотря ни на какія показанія. Я поэтому намѣренъ придерживаться строго психологическаго исхода. Я заставлю говорить безмолвныхъ свидѣтелей, свидѣтелей, которые не лгутъ — доказательства выведенныя изъ характера или самихъ личностей, или фактовъ. Таковъ порядокъ, котораго я намѣренъ держаться и къ которому я, съ вашего позволенiя, немедленно приступлю.

Первый искомый пунктъ, первый вопросъ, неотвязно представляющійся уму, это познанiе характера дѣйствующихъ лицъ и настроенiе духа, въ которомъ они показались. — Вотъ первый шагъ, мы намѣрены сдѣлать его честно и твердо. Вы не знали Виктора Нуара, я же близко его зналъ. Я при жизни его былъ его адвокатомъ и теперь по смерти остаюсь его адвокатомъ. Это была самая прелестная натура, человѣкъ, котораго я характеризую двумя словами: — доброта въ силѣ. При смѣлой осанкѣ и походкѣ, при геркулесовской силѣ, онъ былъ безхитростенъ какъ дитя. Жизнь сначала давалась ему не легко, онъ не разъ голодалъ но сталъ мечтать о новой судьбѣ, о мѣстѣ, не скажу въ литературѣ, но въ журналистикѣ, что не всегда одно и тоже (*улыбка*). Онъ имѣлъ счастье встрѣтиться съ человѣкомъ, стоявшимъ на сторонѣ оппозици, г. Вейсомъ, который въ настоящее время занимаетъ мѣсто въ правительственныхъ совѣтахъ. Въ этой, нѣсколько бурной и задорной карьерѣ, гдѣ приходится драться иногда перомъ, а иногда и шпагой, Викторъ Нуаръ приобрѣлъ уваженiе всѣхъ кто подходилъ къ нему близко; онъ былъ столько же замѣчателенъ по добротѣ, сколько и по преданности своему дѣлу. Онъ собирался жениться на дочери г. генераль — прокурора Обенса. Въ одинъ прекрасный вечеръ, къ нему являются и просятъ его въ секунданты на дуэль; онъ соглашается но съ разными предчувствiями и смутными опасенiями. На слѣдующее утро, за часъ до роковаго

происшествія, онъ завтракаетъ со своею невѣсткою и невѣстою, окруженный любовью и дружбою, самъ я это думаю отдаваясь этой любви и этой дружбѣ, потому что въ его года всегда воображается, что жизнь предстоитъ долгая, счастливая.

Онъ надѣваетъ новыя перчатки и даетъ застегивать одну своей невѣсткѣ, другую—невѣстѣ; наконецъ уѣзжаетъ. Два часа спустя: его матери, невѣсткѣ, невѣстѣ приносятъ его трупъ.

Вотъ какую свадьбу устроилъ ему Пьеръ Бонапартъ. (*Сильное впечатлѣніе*). Я долженъ стараться совладать съ моимъ волненіемъ; я долженъ также обуздывать и ваше волненіе—господа.

А теперь позвольте мнѣ ввести на сцену того, кто дѣлается его противникомъ.

Нуару былъ 21 годъ, у него бывали неумѣстные ссоры; два раза онъ дрался и каждый разъ пользовался выборомъ оружія, какъ оскорбленный; оба раза противники подняли на него руку. Я слышалъ какъ одинъ изъ его друзей, г. Зибекеръ, съ волненіемъ говорилъ вамъ: въ Нуарѣ было нѣчто напоминавшее Ньюфунмонъ дѣйствительно была—таже доброта, таже преданность. Предъ нимъ возвышается фигура Пьера Бонапарта; права представляющаго аналогію съ его правомъ тоже приходится искать внѣ человечества, но только ни какъ не въ собачьемъ родѣ ибо вездѣ гдѣ онъ не побывалъ, онъ оставилъ на себѣ кровавые слѣды: въ Римѣ онъ является убійцею, въ Нью-Йоркѣ дуэлистомъ, въ Албаніи—опять—таки убійцей, а въ Парижѣ, въ законодательномъ собраніи, даетъ пощечины старцамъ; вотъ человѣкъ, котораго судьба сводитъ съ этимъ бѣднымъ ребенкомъ вступающимъ въ жизнь—такую привѣтливую, такую улыбающуюся.

Нуаръ пріѣзжаетъ въ Отель и входитъ въ этотъ домъ, исполненный оружіемъ и звуками выстрѣловъ, въ этотъ роковой, трагическій домъ,

Два человѣка входятъ по лѣстницѣ и пройдя танцевальную залу, входятъ въ гостиную. Растворяется дверь, раздается выстрѣлъ; никто этимъ не смущается—въ домѣ привыкли къ такимъ звукамъ.

Сходитъ человѣкъ, раненый на смерть — хоть-бы лакей вышелъ; человѣкъ этотъ падаетъ на порогъ дома—и тутъ хоть-бы лакей шевельнулся—и все это происходитъ у французскаго принца крови, у Бонапарта. Не скорѣе ли похоже на то, что это домъ не Бонапарта, а Борджіа.

През. Г. Лорье, постарайтесь говорить не такъ задорно. Прокурорскій надзоръ обвиняетъ, но обвиняетъ умѣренно. Вы знаете, что у подсудимаго живой энергическій характеръ, не слѣдуетъ вызывать его на прискорбные и пагубные поступки (*продолжительныя рукоплесканія въ верхней трибунѣ*), *Г. Лорье*. Боже меня упаси; г. президентъ, чтобы я нарушилъ уваженіе, которымъ я обязанъ, во первыхъ самому себѣ, а во вторыхъ вамъ, до такой степени, чтобы говорить вещи, оскорбительныя для подсудимаго, но верховный судъ присяжныхъ пойметъ, что я обязанъ привести мое изложеніе до конца; выражаться оскорбительно, я никогда не позволю себѣ, но прошу предоставить мнѣ свободу движенія въ защитѣ.

През. Вы сами долго были адвокатомъ и никогда такихъ выраженій не употребляли. То что вы говорите вовсе не логика. Вы обвиняете принца въ преступленіи. — Прекрасно; докажете же, но не ругайте его.

Г. Лорье. Въ мое намѣреніе вовсе не входитъ ругать кого-бы то ни было, но, покончивъ съ этимъ эпизодомъ, я не стану пускаться въ витѣватость, я буду держаться чистѣйшей логики и думаю что совершенно нахожусь въ предѣлахъ психологическаго изложенія. Изложеніе это, я веду посредствомъ простаго сравненія между жертвою и подсудимымъ. Впрочемъ гг. присяжные, если-бы я имѣлъ нужду въ другомъ изложеніи, еще болѣе логичномъ, его подсказали-бы мнѣ слова сію минуту произнесенныя съ высоты президентскихъ кресель.

Изложеніе мое именно къ тому и клонится, чтобъ доказать вамъ, что предъ вами человѣкъ необузданный, не терпящій никакой дисциплины, съ неудержимыми страстями. Лучшимъ доказательствомъ служить то, что происходитъ въ судѣ; никогда не видалъ чтобъ къ подсудимому относились съ такимъ почтеніемъ.

Надѣюсь, что это послужитъ интендентамъ въ пользу будущихъ подсудимыхъ, слѣдовательно не ропщу на это. Но, между тѣмъ, вся сущность моего изложенія, это именно: неукротимый нравъ принца. Еслибы я искалъ еще другихъ доказательствъ, я бы сказалъ вамъ, что подсудимый—принцъ императорской крови и очень близко къ престолу; однако, что онъ такое? ничего, ровно ничего, дали ему доходъ, вотъ и все, а ни къ одному изъ великихъ, государственныхъ собраній онъ не причисленъ. Почему? Потому, что это человѣкъ прожившій авантюристомъ: человѣкъ никогда не выносившій ни узды, ни противорѣчія. И такъ, если Виктора Нуара можно назвать олицетвореніемъ кротости, доброты и терпѣнія, противника его можно назвать олицетвореніемъ запальчивости и насилія. Эта истина полезная для процесса; истина, доказанная показаніями, всѣмъ прошедшимъ и всѣмъ настоящимъ подсудимаго. Затѣмъ спрашиваю, въ минуту предстоящей встрѣчи, столкновенія, скажите мнѣ, съ какой сторооы скорѣй можно предположить, что послѣдуетъ сначала оскорбленіе, а затѣмъ—и нападеніе? Не забывайте antecedentesъ, не забывайте того, что подсудимый, который находилъ Нуара недостойнымъ помѣриться съ собою, своею рукою написалъ извѣстныя вамъ милыя вещи, которыя принадлежать къ процессу. У него есть враги въ Борсигѣ не всѣ его любятъ—это понятно—и какъ же онъ обращается съ этими врагами? Онъ говоритъ, что нужно выпотрошить ихъ;—вотъ каковы его метафоры! Г. Томази, онъ пишетъ: «я вамъ устрою такую прорѣху, которую доктору при всемъ своемъ искусствѣ не починить». Вотъ его слогъ! потрошить людей, прорѣхи имъ устраивать! А когда онъ обращается къ Рошфору, какія у него выраженія! никто не запомнитъ чтобы во Франціи зывали людей на дуэль въ подобныхъ словахъ.

Г. Лорье прочитываетъ вызовъ, отправленный принцемъ Рошфору и неоднократно уже приведенный нами. Затѣмъ продолжаетъ.

А вѣдь Рошфора-то я знаю; я былъ его противникомъ на выборахъ и положительно заявляю, что храбрѣе его я не знаю человѣка. Въ политикѣ мнѣнія его расходятся съ моими, но когда

дѣло касается мужества, онъ храбръ, какъ добрый клинокъ. У него нѣтъ фехтовальныхъ залъ; онъ специально не изучалъ фехтованія и когда отправляется на дуэль всегда бываетъ раненъ, однако никогда не отказывается. И этому-то Рошфору онъ пишетъ: «вы трусь, приходите ко мнѣ, вы меня застанете». Да развѣ въ такихъ выраженіяхъ вызываютъ на дуэль?

И такъ являются гг. Нуаръ и Ульрихъ де Фонвьель. Ихъ ждутъ: Пьеръ Бонапартъ воображаетъ, что имѣетъ дѣло съ посредниками г. Рошфора—и выходитъ къ нимъ съ пистолетомъ въ карманѣ. Если даже онъ и имѣетъ привычку постоянно держать при себѣ такое оружіе, то ужъ хоть тутъ-то слѣдовало отложить его. Людовикъ XIV однажды получивъ оскорбленіе отъ одного господина, дворянина, далеко отбросилъ свою палку, чтобы не поддаться искушенію—употребить ее въ дѣло. Но нѣтъ;—у него въ карманѣ постолетъ; мало того онъ держитъ руку на собачкѣ этого пистолета. Не думаете ли вы, что этотъ человѣкъ станетъ выражаться хладнокровно вѣжливо? ссылаюсь на его собственные показанія. Что онъ говоритъ? по разсказу Фонвьеля устами принца было произнесено слово: «стерва», между этимъ словомъ и словомъ выпотрошить такъ много аналогій, что невольно вѣрится, что оно было произнесено. «Я дерусь съ Рошфоромъ, но не съ его поденщиками». Что за поденщики? что значить это слово? Это значить: вы служите ненависти г. Рошфора, а я не дерусь съ лакеями. Съ какой же стороны нападки?—коли ужъ дѣло пошло на нападку, со стороны ли Виктора Нуара или де Фонвьеля? въ этомъ случаѣ самъ подсудимый обнаружилъ истину. Затѣмъ, что происходитъ? Человѣкъ падаетъ, сраженный на смерть принцемъ Пьеромъ Бонапартомъ: Викторъ Нуаръ уходитъ съ пулею въ сердце и падаетъ на порогѣ. Кто убилъ? Кто вызвалъ? Кто дурно принялъ посредниковъ? — подсудимый. Онъ говоритъ, что ему дана пощечина. Викторъ Нуаръ не имѣетъ привычки давать людямъ пощечины. Въ обѣихъ дуэляхъ, въ которыхъ приходилось ему участвовать, онъ пощечины получалъ. Противъ этого говорятъ: онъ былъ силенъ, вспыльчивъ, не сумѣлъ сдержаться.

Однако, на это вѣдь есть свидѣтели. Но что же и не дѣлали противъ этого свидѣтеля. Вы видѣли г. Фонвьеля въ судѣ—это человекъ запальчивый, неумѣющий умѣрять свои впечатлѣнія, но развѣ это не честный человекъ? Хватило же духу и—совершенно бесполезно, призвать сюда солдата выпущеннаго изъ тюрьмы, который объявилъ, что г. де Фонвьель воръ! Мы съ своей стороны приглашали двухъ свидѣтелей; изъ нихъ одинъ г. де Кергомаргю, личный врагъ де Фонвьеля, однако сказалъ вамъ, что онъ честный человекъ. Другой, г. Блуэ, вполне подтвердилъ это показаніе. Мы приводимъ показанія лицъ самыхъ почтенныхъ изъ Франціи и Италиі, наконецъ, свидѣтельство генерала Кюзере. Но пускай Сервонé вамъ лжетъ. а г. де Фонвьель говоритъ правду, мнѣ даже этого не нужно, у меня есть другія доказательства: напомнимъ вамъ о кротости Виктора Нуара и неукротимой задорности подсудимаго. Но тутъ выступаетъ ватага свидѣтелей....

През. Позвольте вамъ напомнить, что свидѣтелей «ватагой» обзывать не дозволяется: оскорбленіе свидѣтелей есть преступленіе.

Г. Лорге. Если г. президентъ соблаговолитъ мнѣ докончить фразу, онъ увидитъ, что въ ней не заключается ничего оскорбительнаго. Впрочемъ, пожалуй скажу — моля свидѣтелей, которые являются съ показаніями въ его тюрьму. По словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей г. де Фонвьель говорилъ въ аптекѣ Мортрѣ: принцъ убилъ моего друга, но получилъ славную плюху (Geffle); слова эти вовсе не были сказаны, потому что онъ нелѣпы. Г. Морель не любитъ г. Рошфора, онъ противникъ «Marseillaise» сотрудникъ «Moniteur universel» а вы знаете, какъ твердо онъ опровергалъ, то что утверждалъ г. Ноталь. Къ тому же г. Морель журналистъ, то есть болтливъ по профессіи, и еслибы слова эти были сказаны, ясное дѣло, что онъ бы поспѣшилъ передать ихъ въ своемъ журналѣ.

Надо однако покончить съ тѣмъ, что я называю легендарною частью процесса и я думаю, что д-ръ Морель не чуждъ этого произведенія. Д-ръ Морель бѣгаетъ по улицамъ и кричитъ: «у принца вотъ какъ разнесло щеку!» Господи Боже мой! Д-ръ Морель пре-

восходивший человекъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь; онъ даже изготовляетъ какую-то eau des fées для окраски волосъ и даетъ ее продавать дѣвицѣ Сарѣ Феликсъ (смѣхъ). Но знаетъ ли онъ толкъ въ слѣдахъ оставляемыхъ пощечинами? Да, наконецъ, самая-то пощечина представляется чѣмъ-то фантастическимъ; въ извѣстныя минуты—является, въ другія—исчезаетъ, Г. Пинель приходитъ къ принцу и никакихъ слѣдовъ пощечины не находитъ. Д-ръ Морель заявляетъ, что г. Пинель при освидѣтельствovanіи нашелъ ихъ, но уже значительно ослабленными (это его собственное выраженіе какимъ образомъ за полчаса передъ тѣмъ у принца щеку вотъ какъ разнесло, а тутъ вдругъ и опухоли нѣтъ. Вы слышали, что вамъ говорилъ экспертъ г. Тардѣ: по истеченіи извѣстнаго времени краснота можетъ исчезнуть, но опухоль не можетъ». Немножко погодя пощечина эта уже превращается въ сильную затрещину кулакомъ. Ну, развѣ это не фантастическая пощечина, смахивающая на фокусничество и, подобно молвѣ, растающая по дорогѣ? Нѣтъ! нѣтъ! пощечина эта не была дана! Доказательство этого я беру не изъ словъ г. де Фонвьеля, а занимаюсь имъ у другаго свидѣтеля, котораго называютъ правдоподобіемъ. Но доказательство еще не полно, я сейчасъ довершу его до осязаемости. Что говорить подсудимый? Викторъ Нуаръ далъ мнѣ сильный ударъ кулакомъ и въ тоже время Фонвьель держалъ меня подъ дуломъ своего пистолета. Однако вы убили его друга, а онъ не выстрѣлилъ. Вы гнались за нимъ, а онъ все не стрѣлялъ. Удивляюсь право этому пистолету, стрѣляющему столь лѣниво въ виду другаго, стрѣляющаго столь бойко. Вы были вынуждены сказать, что вамъ пришлось въ одно время и стрѣлять и дать пощечину, да у меня есть еще одинъ свидѣтель, свидѣтель который не можетъ ошибиться—это слѣдъ пули....

Пальто г. Фонвьеля — такой свидѣтель, который не можетъ лгать и онъ доставитъ вамъ юридическую увѣренность. Хотите еще другихъ свидѣтелей? — спросите у перчатокъ Виктора Нуара. Вы помните эту милую домашнюю сцену: какъ Викторъ Нуаръ, уходя,, подаетъ одну руку невѣстѣ, другую невѣстѣ, чтобы онъ

похоронъ въ послѣднюю обитель сопровождала его *факція (обращаясь къ подсудимому) факція* изъ 200,000 гражданъ и въ этотъ день чувствовалось, что надъ Парижемъ царитъ великая скорбь — скорбь не гласная, *sine voce dolor*. Въ набожномъ умилени проводили его эти 200,000 присяжныхъ, судили его эти 200,000 совѣстей. Самъ изъ народа — онъ былъ скороченъ народомъ; и онъ съ раннихъ лѣтъ, мечтавшій если не о славѣ, то объ извѣстности, стяжалъ себѣ вердиктъ демократіи, ему присуждено безсмертіе мученичества; — убійцѣ же — убійцѣ же — безсмертіе безславія!

Г. Лорье садится среди сильнаго волненія.

Подс. Это мнѣніе демагоговъ (слова эти причувъ произнеситъ въ полголоса, такъ что ихъ слышатъ только тѣ, кто поближе къ нему).

През. Г. Лорье непозволительно выражаться такимъ образомъ и судить подсудимому безсмертіе безславія. Вы хотите доказать преступленіе — докажите его, но уважайте личность подсудимаго. (*Аплодисменты на другомъ концѣ залы*).

Г. Флоке. Молчать, корейканы!

Г. Лорье. Я уже доказалъ.

През. Еслибы дозволено было обращаться такимъ образомъ въ сужденію публики, это подвергло бы страшной опасности частный интересъ.

Засѣданіе закрывается въ 5 часовъ, среди сильнаго волненія.

Засѣданіе 26 марта. Волненіе не унимается вокругъ зданія суда; въ самомъ зданіи происходятъ оживленные разговоры; очевидно, что на предстоящемъ засѣданіи еще не можетъ окончиться дѣло, поговариваютъ о засѣданіи на слѣдующій день и даже о ночномъ засѣданіи. Судъ выходитъ въ 11 часовъ и генерал-прокуроръ г. Гранперре немедленно начинаетъ свою рѣчь.

Г. Гранперре. Господа! вамъ надлежитъ произнести свой приговоръ о трагическомъ Отельскомъ происшествіи, принявшемъ размѣры почти что государственнаго событія и взволновавшаго всю Францію. Происшествіе это было до нынѣ оцѣняемо, смотря по страстямъ имъ возбуждаемымъ, вамъ предстоитъ опредѣлить его

согласно съ правосудіемъ и, послѣ столькихъ сужденій, внушаемыхъ ненавистью или опрометчивостью, изъ вашихъ устъ раздается верховный приговоръ облеченный верховнымъ авторитетомъ, ибо вы судьи падъ судьями, и общественное мнѣніе возлагаетъ на васъ полную вѣру. Правда, дѣло не обошлось безъ сильныхъ протестовъ противъ созванія верховнаго суда, подсудимый первый не желалъ этаго, считая это за милость и опасное нарушеніе равенства; друзья его присоединились къ нему и также просили, чтобы его судилъ просто ассизный судъ. Противники съ своей стороны, тоже смотрѣли на созваніе верховнаго суда, какъ на несправедливое отличіе; и передъ нами развернулось удивительное зрѣлище: единодушное требованіе одного и того же по противоположнымъ побужденіямъ. Враги и друзья преслѣдовали одну цѣль. Но правосудіе, которое не знаетъ ни вражды, ни сочувствія, и руководствуется исключительно общественными соображеніями болѣе спокойными, болѣе возвышенными разсудило, что верховныя гарантіи, представляемые вашимъ судомъ будутъ умѣстны и полезны, о чемъ г. президентъ при открытіи уже говорилъ вамъ въ прекрасныхъ, благородныхъ выраженіяхъ. Объ этой судебной инстанціи было сказано предъ лицомъ сената: ее не должно созывать, смотря по надобности, нужно чтобы на это были правила, заранѣе постановленныя и не подлежащія гнету минуты.

Преступленіе должно быть наказано безъ пощады, невинность не должна подвергаться опасности быть непризнанной; нужно чтобы вы, не исключая торжественности формъ, успокоивали умы и заставляли молчать страсти; вотъ гг. зачѣмъ вы здѣсь. Что до насъ касается мы съ полною вѣрою излагаемъ передъ вами, судьями, составляющими честь Франціи, присяжными созванными со всѣхъ концовъ Франціи, передъ этимъ судомъ, который есть высшее выраженіе общественнаго правосудія, судебную истину, ничего къ ней не прибавляя, ничего не отнимая.

Тотъ, который именуется подсудимымъ — принцъ крови! принцъ крови, — великое званіе, которое однако представляетъ для него далеко не защиту и не источникъ надежды; что скорѣе для него

тягость и опасность, ибо если бы великій принципъ равенства предъ закономъ могъ быть нарушенъ, — отчего Боже избави, то развѣ для принца, такъ покрайней мѣрѣ, многіе могутъ сказать, и этого-то, безъ сомнѣнія всего болѣе должна опасаться защита. Обвиненіе тоже имѣетъ своего рода опасенія и не безъ труда заглушаетъ страхъ, чтобы подсудимому не доставило слишкомъ много выгодъ общее негодованіе возбужденное недостойнымъ обращеніемъ съ нимъ во время его ареста.

Господа, я не стану говорить о томъ чего нѣтъ въ процессѣ, но стану упоминать, какъ это сдѣлали вчера, о дняхъ слѣдовавшихъ за Отельскимъ происшествіемъ, о политическихъ спекуляціяхъ, основавшихся на смерти несчастной жертвы, оставило въ сторонѣ гнѣвное чувство и политическое антрепренерство, проявляемое среди бѣлаго дня; нѣтъ, обо всемъ этомъ не скажу ни слова. Одно впрочемъ дѣйствительно есть, это извѣстный намъ фактъ, столь противный французскимъ правамъ: ругательства, оскорбленія, клеветы, которыми умышленно осыпали человѣка подлежащаго судебному преслѣдованію, въ самую минуту паденія низринувшаго его со званія принца въ званіе подсудимаго; въ эту-то минуту на него нагинулись. Умоляемъ васъ не довѣряйте въ минуту приговора реакціи, которая должна была произойти въ умѣ вашемъ въ пользу подсудимаго, отданнаго на порученіе публики, вы признайте истину, не преувеличивая, но и не уменьшая.

Какія были предварительныя обстоятельства и кто были дѣйствующими лицами въ этомъ отельскомъ свиданіи, окончившемся смертью человѣка? Предварительныя обстоятельства — это статьи въ страстныхъ газетахъ. Дѣйствующія лица два журналиста, принадлежащіе къ самой экзальтированной партіи, а противъ нихъ принцъ крови. Самая драма — вотъ она: въ домѣ на Отельской улицѣ раздается три выстрѣла, изъ него выходитъ человѣкъ и падаетъ на порогъ, черезъ который не въ добрый часъ переступилъ. Что же произошло? и которому вѣрить изъ двухъ разсказовъ, другъ другу противорѣчащихъ, разсказу принца или раз-

сказу Фонвьеля? Былъ ли вызовъ со стороны Нуара: вотъ главный вопросъ? что говорить Фонвьель? Если вѣрить принцу онъ принялъ Фонвьеля и Нуара за посланныхъ отъ Рошфора, они явились къ нему дерзко. Получивъ письменный вызовъ принцъ отвѣтилъ: «съ Рошфоромъ охотно, съ какимъ нибудь его подданныкомъ — нѣтъ», Нуаръ ударилъ принца а принцъ выстрѣлилъ въ него. Фонвьель присѣлъ за кресло и прицѣлился въ принца изъ пистолета, который онъ первый вынулъ изъ кармана; принцъ и по немъ выстрѣлилъ; затѣмъ Фонвьель кинулся въ бильярдную и даже тамъ еще грозилъ принцу, принцъ опять выстрѣлилъ по немъ. Если вѣрить де Фонвьелю, Нуаръ получилъ отъ принца ударъ, не подавъ къ тому ни малѣйшаго повода; затѣмъ принцъ перегородилъ дорогу де Фонвьелю и два раза по немъ выстрѣлилъ, между тѣмъ какъ онъ, Фонвьель вынималъ пистолеть изъ кармана, но безъ намѣренія употребить его въ дѣло. Ни тотъ, ни другой изъ рассказовъ не долженъ по одной своей сущности внушить совѣсти вашей особенное довѣрiе; нужно провѣрить ихъ и сомнѣнiе, подъ которымъ находится слова принца, ужъ конечно ни одна изъ меньшихъ неприятностей его положенiя, ибо не знаю чтобы могло быть для него еще тяжелѣе, чѣмъ видѣть, что его оспариваютъ.

Приступимъ къ разбору фактовъ; замѣчу прежде всего, что не считаю нужнымъ возражать на замѣчанiя гражданской стороны, ибо нужныя мѣры были приняты послѣ Отельскаго происшествiя, какъ только оно дошло до свѣденiя судебной власти былъ отданъ приказъ объ арестѣ. На всѣхъ границахъ и на всѣхъ станцiяхъ желѣзной дороги тоже были отданы строжайшiя приказанiя, хотя эта мѣра должна была казаться ненужною, такъ какъ принцъ самъ сдался и въ тотъ же вечеръ вышелъ декретъ названiя верховнаго суда.

Съ нѣкотораго времени газета «Revanche» безпрестанно ругалась надъ памятью Наполеона I, какъ это нынче завелось во всѣхъ демагогическихъ журналахъ, принцъ, незанимающiй мѣста ни въ одномъ изъ императорскихъ совѣтовъ, однако набожно

хранить въ культъ національнаго чувства и ужь конечно, нельзя ни въ чемъ упрекнутьъ его; еслибы онъ не увлекся до такихъ выраженій, которыхъ оправдать ничто не въ состояннн. «L'Avenir de la Corse», газета издаваемая г. дел-ла Рокка, помѣстила у себя письмо принца въ № отъ 30 декабря; въ письмѣ этомъ есть такія задорныя выраженія, которыя не могли не вызвать не менѣе задорныхъ дѣйствій. Изъ этаго произошелъ вызовъ г. Рошфору принцемъ; этотъ вызовъ былъ полученъ въ редакціи «Marseillaise» 10 января. Уже наканунѣ г. Паскаль Груссе поручилъ Нуару и Фонвелью вызвать отъ его имени принца; итакъ, принцъ не можетъ сказать, чтобы г. Груссе хотѣлъ своимъ вызовомъ предотвратить результаты вызова, присланнаго г. Рошфоромъ. Изъ показаній явствуетъ положительно, что г. Рошфордъ узналъ о вызовѣ принца только послѣ того, какъ Паскаль Груссе задумалъ свой вызовъ: это доказывается тѣмъ, что Викторъ Нуаръ наканунѣ уже говорилъ объ этомъ намѣреніи. Спѣшу однако же прибавить, что обстоятельства сопровождавшія вызовъ Груссе остаются все-таки весьма странными; не дѣйствовалъ ли онъ въ надеждѣ произвести скандалъ, который приодился бы его партіи? Во первыхъ не поздно ли явился этотъ вызовъ? Груссе только 10 января требуетъ удовлетворенія за оскорбительную статью, появившуюся 30 декабря. Г. Груссе правда увѣряетъ, что онъ получилъ № «Avenir de la Corse» только 8 января но г. дел-ла Рокка говорилъ намъ, что онъ самъ отправилъ № на почту слѣдовательно онъ долженъ былъ быть полученъ. Въ добавокъ если письмо принца было и задорно и достойно порицанія, то съ другой стороны оно было отвѣтомъ на жестокое нападеніе, и въ этомъ письмѣ г. Паскаль Груссе не былъ поимянованъ и даже не было на него указанія. Нѣтъ, нѣтъ—это былъ просто предлогъ, чтобы устроить шумный скандалъ и по этому пути шли и не заботясь о томъ, что могло выдти несчастіе, каковое мы нынѣ и оплакиваемъ. Дѣйствительно, что-то нашлось въ воздухѣ, какъ уже было сказано—припомните только показаніе свидѣтеля Вильона. Вильонъ, о которомъ почти не упоминали во вчерашнихъ рѣчахъ, былъ 5

января у суконщика и, пока онъ покупалъ, что ему нужно было, слышалъ какъ кто-то говорилъ слѣдующее: «произойдетъ кое-что новенькое, принца Пьера Бонапарта вызовутъ на дуэль и если онъ не захочетъ драться его убьютъ. Эту экспедицію возмутъ на себя друзья Рошфора». Слышалъ ли это въ самомъ дѣлѣ Вильонъ или ему это только представилось? Знаю, что противъ него имѣется показаніе Рембо, того самаго, которому онъ приписываетъ эти слова и который отъ нихъ отпирается, а это весьма важно. Есть еще показаніе и другаго прикащика, который, пока говорились эти слова показывалъ свидѣтелю товаръ. Все это господа можетъ заставить васъ не вполне довѣрять показаніе Вильона, однако самъ Вильонъ такъ энергически поддерживалъ его, не въ видѣ слабого воспоминанія, а въ видѣ совершенно вѣрнаго факта съ такимъ полнымъ убѣжденіемъ, что вы не можете не принять показаніе его къ свѣдѣнію, оно получаетъ сильный отпечатокъ истины отъ упорства и точности съ которымъ оно дано. Первый разъ какъ его заставляютъ рассказывать то, что онъ слышалъ, онъ недовольствуется неопредѣленнымъ показаніемъ, что были произнесены угрожающія слова, а приводитъ самыя слова, называетъ присутствующихъ лицъ, мѣсто гдѣ происходило, берется узнать лицо, которое говорило эти слова, выражаетъ желаніе, чтобы его поставили на очную ставку съ нимъ! Если бы онъ выдумалъ эту исторію, замѣтите, онъ бы непременно сказалъ, что едвали изъ числа столько присутствующихъ лицъ узнаетъ говорившее лицо, которое онъ видѣлъ въ первый разъ; но такъ какъ напротивъ того возможность очной ставки нисколько его не смущаетъ и онъ даже самъ предлагаетъ подвергнуть его этому испытанію, т. е. сильнѣй поводъ предположить, что онъ говоритъ истину. Онъ узнаетъ прикащика, показывавшаго ему товаръ и къ которому были обращены приведенныя слова, признаетъ Рембо за произносившаго ихъ, самъ указываетъ средства провѣрить его показаніе, указываетъ на свидѣтелей Буркена и г-жу Моренъ, которымъ онъ рассказалъ слышенное того же 5-го января, въ тотъ же день, нѣсколько минутъ спустя. Этими трехъ показаній я не хотѣлъ разъеди-

пить, ихъ необходимо принять съ одинаковымъ довѣріемъ или съ одинаковымъ недовѣріемъ. Если вы вѣрите, что былъ злоумышленный уговоръ, вы должны безусловно отвергнуть это показаніе, но если въ томъ, какъ держали себя свидѣтели вы найдете доказательство предумышленія противъ подсудимаго, на которое указываетъ произнесеніе подобныхъ словъ за 5 дней до катастрофы, вы признаете въ его пользу смягчающія обстоятельства—нападки, вызвавшіе его проступокъ. Впрочемъ все это еще можетъ исчезнуть; пускай эти показанія будутъ устранены, я не стану этому перечить; но развѣ обстоятельства, которыми сопровождался вызовъ Груссе не останутся также странными? Двое входятъ, двое ждутъ на улицѣ, двое остаются по дорогѣ и вскорѣ являются: г. Викторъ Нуаръ и де Фонвьель являются въ домъ принца требовать удовлетворенія отъ имени г. Груссе; передъ воротами на улицѣ остаются г. Сотонъ и самъ г. Груссе, пославшій вызовъ по дорогѣ—г. Арну у Милльери. Посредники г. Рошфора и г. Груссе все это знаютъ и одинъ изъ нихъ имѣетъ при себѣ спрятанное оружіе. Трудно назвать подобные приемы правильными и безукоризненными. Наконецъ, что это за выборъ, отправить съ подобнымъ порученіемъ Виктора Нуара. Не хочу ничего отнять отъ ругательнаго показанія г. Луи Нуара, но не должны ли мы принять во вниманіе среду въ которой онъ жилъ, и въ особенности горячность съ которой онъ относился къ этой средѣ. Нѣтъ, Нуаръ управлялся къ принцу совсѣмъ не въ такомъ расположеніи духа, о которомъ говоритъ Луи Нуаръ, но зналъ что скоро пріѣдутъ свидѣтели Рошфора и не хотѣлъ допустить встрѣчи принца съ своимъ пріателемъ Рошфоромъ. Это несчастная жертва, въ смерти котораго слѣдовало бы можетъ быть обличить не одного подсудимаго: къ отвѣту привлечень одинъ подсудимый, но группа экзальтированныхъ людей, среди которыхъ жилъ Викторъ Нуаръ, развѣ не при чемъ въ этомъ печальномъ событіи? Развѣ это событіе не было отчасти порождено этой печатью, полной ругательствъ и оскорбленій, возрастающихъ даже и въ настоящую минуту по поводу этого процесса. Это истинная опасность для нашего отечества,

это пагубное заимствование слабыми сторонами страны, от которого мы бы лучше сдѣлали еслибы позаимствовались добродѣтелями и величіемъ, (*анлодисменты на другой сторонѣ залы.*)

През. Всякія проявленія одобренія или не одобренія строго запрещаются.

Г. прокуроръ. Что насъ огорчаетъ—это важность, которую придаютъ вещамъ тривіальнымъ, второстепеннымъ, что насъ интересуетъ—это тотъ низкій элементъ, который угрожаетъ общественному спокойствію, разсудительности, честности столь рыцарскаго французскаго характера? Источникъ, конечно не можетъ вскрынуться, но я не могу безъ патриотической скорби смотрѣть какъ онъ засаживается—вотъ размышленія, къ которымъ подаетъ поводъ этотъ процессъ. Теперь мы должны вникнуть въ самую сцену, постараемся узнать Викторъ ли Нуаръ ударилъ принца или, напротивъ, принцъ ударилъ Виктора Нуара, прежде чѣмъ лишилъ его жизни? Мы слѣшимъ заявить, что разсказъ принца намъ кажется весьма состоятеленъ, но что виновность его, даже если вполне принять этотъ разсказъ, не исчезаетъ; вамъ остается только измѣрить эту виновность, ибо въ цивилизованной странѣ ничто не оправдываетъ убійство. Посмотримъ же господа, въ какомъ нравственномъ расположеніи были дѣйствующіе люди? Что выходитъ по заявленію Фонвьеля? То есть не по тому заявленію, какъ его болѣе или менѣе ловко подкрасили нѣкоторыя газеты, но по тому, которое онъ сдѣлалъ при васъ? Вотъ его показаніе. Я утверждаю, что принцъ обругавъ насъ, тогда, какъ мы не сказали ему ни одного оскорбительнаго слова ударилъ Виктора Нуара и тотчасъ выстрѣлилъ. Возможно-ли это? Какъ!—принцъ, имѣя дѣло съ двумя, ни въ чемъ не повинными, личностями, присланными къ нему съ порученіемъ, касающимся его, чести, стрѣляетъ по нимъ, да еще начинаетъ съ того, что одной рукою даетъ пощечину, а другой вынимаетъ пистолеть? Какого-бы не быть мнѣнія о запальчивости его характера, этого невозможно допустить; притомъ развѣ онъ въ эту самую минуту не намѣривался беречь себя для встрѣчи съ Рошфоромъ? По всей вѣроятности, что-то такое случилось, во время этого свиданія и это

что-то произошло отъ горячности молодого человѣка и его желанія сдѣлать первое столкновеніе неизбѣжнымъ для того, чтобы не могла состояться встрѣча съ Рошфоромъ. Если-бы принцъ ударилъ Нуара возможно ли допустить чтобы онъ далъ Фонвьелю время отступить; чтобы Нуаръ, молодой пылкій, горячій, принявъ ударъ, не ринулся на своего противника, а далъ ему время отступить на два шага и прицѣлиться къ нему. Развѣ, всходя на верхъ, Нуаръ не сказалъ: а что онъ тамъ этотъ Пьеръ Бонапартъ? Какимъ образомъ Нуаръ допустилъ его дать ему пощечину и не бросился бы на него? — Но оставимъ догадки и приступимъ къ вещественнымъ доказательствамъ.

Главный вопросъ въ томъ; кто кого первый ударилъ? что же? у одного на шапкѣ оказалась улика, у другого этой улики не было. Кто же былъ ударенъ? развѣ не тотъ на лицѣ котораго остался слѣдъ удара? Вы знаете, что Фонвьель сказалъ будто ударъ нанесенный принцемъ былъ очень силенъ, однако ни г. Пинель на г. Бержеронъ на щекѣ Нуара ни нашли ни малѣйшаго признака ушиба; на щекѣ принца же знакъ былъ очевидный, не смотря на всѣ усилія; часто остроумныя; но всегда безсильныя гражданской стороны доказать противное. Развѣ городской сержантъ Дарлэ не видѣлъ принца тотчасъ-же, немедленно послѣ происшествія около 2 ч. безъ 5 минутъ?

Генераль-прокуроръ прочитываетъ показаніе городского Дарлэ, въ которомъ сказано, что онъ въ 2 ч. видѣлъ на щекѣ подсудимаго сильную красноту съ подтекомъ не далеко отъ уха.

Свидѣтель Баланьякъ видѣлъ принца около 2¹/₂ часовъ и замѣтилъ также подтекъ, описанный д-ромъ Морелемъ, показаніе котораго вамъ извѣстно. Я убѣжденъ господа, что, несмотря на нѣкоторую наивность, г. Морель честный человѣкъ и что показаніе его совершенно искренно. Онъ приводитъ съ собою г. Пинеля, который тоже замѣчаетъ подтекъ, величиною съ двухъ франковую монету. Г. Лорье вчера слегка спуталъ факты, онъ такъ увлекся своимъ разсужденіемъ, что кончилъ тѣмъ будто г. Пинель ничего не видѣлъ, г. Морель видѣлъ, да не ясно, а г.

Тардье, самъ тоже ничего не выдавшій, долженъ былъ разсудить экспертомъ. Не слѣдуетъ вдаваться въ ошибку: если г. Пинель выказалъ нѣкоторую неувѣренность, то не о дѣйствительности поврежденія, а о причинѣ его. Точно также не правы были, увѣряя, что г. Пинель принималъ ушибъ болѣе давней причины; у него было много догадокъ на счетъ прямой причины ушиба, который могъ быть причиненъ отъ удара объ косякъ двери биллиардной при преслѣдованіи г. де Фонвьеля, или рикшетомъ пули, или осколкомъ или кускомъ щекатурки но самаго существованія ушиба, онъ не подвергаетъ сомнѣнію. Послѣ этихъ свидѣтелей являются г. де Кассаньякъ, г. Казанова и другіе; которые всѣ говорятъ о недавнемъ ушибѣ.

Ген. прокуроръ прочитываетъ показаніе г. Пинеля въ которомъ подтверждается сдѣланнымъ этимъ разборъ этого показанія:

Г. Пинелю, продолжаетъ онъ, не сдѣлали честь упомянуть о доставленныхъ имъ объясненіяхъ въ рѣчахъ, слышанныхъ выше на вчерашнемъ засѣданіи и къ несчастью г. Пинель по этому случаю сдѣлалъ въ извѣстнаго рода органахъ печати нападки на знаніе г. Тардье и, поступивъ такимъ образомъ, измѣнилъ, я полагаю, своей обычной важности. Я бы весьма удивился, если бы вы стали колебаться между различными догадками, которыми г. Пинель оканчиваетъ свое показаніе; онѣ намъ кажутся въ высшей степени фантастичными. Его строгое сужденіе о г. Тардье я конечно не въ состояніи оспаривать, но знаю то, что г. Тардье, одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ нашего времени, тогда какъ г. Пинель еще можетъ быть сдѣлается имъ когданибудь.

И такъ, господа, вы удостовѣрились въ томъ что знакъ на щекѣ дѣйствительно былъ; что-же еще остается изъ разсказа принца что онъ самъ себѣ его сдѣлалъ? Стало-быть слѣдуетъ предположить что онъ прибѣгъ къ низкой лжи постыдному обману, что выстрѣливъ безъ всякаго къ тому намѣренія невольно по двумъ безвреднымъ личностямъ, онъ немедленно сочинилъ въ умѣ своемъ эту ложь и подкрасилъ ее самыми постыдными уловками? Мы не изъ тѣхъ которые легко вѣрятъ въ эти вещи. Я по показанію даже самаго

Фонвьеля такого мнѣнія, что пощечина была дѣйствительно дана и что получилъ ее конечно тотъ на лицѣ котораго остался знакъ, но ужъ конечно не тотъ на лицѣ котораго не остался знакъ.

Благодаря этимъ вещественнымъ доказательствамъ надѣюсь я также, мы что сдѣлали важный фактъ; я долженъ напомнить вамъ о показаніяхъ, клонящихся къ тому что Викторъ Нуаръ далъ пощечину принцу, а не онъ ему. Во первыхъ вы имѣете показанія городскихъ сержантовъ; всѣхъ ихъ не стану приводить, то напомню вамъ показаніе Баланьяка, который заключаетъ въ себѣ всѣ прочія.

Генераль-прокуроръ прочитываетъ показаніе Баланьяка, приведенное уже выше, затѣмъ продолжаетъ.

Вы конечно не забыли, господа, показанія данныя городскими сержантами съ такою увѣренностью. Изъ нихъ оказывается, во первыхъ, что г. де Фонвьель не говорилъ, чтобы принцъ далъ пощечину Виктору Нуару, а во вторыхъ, Викторъ Нуаръ совершилъ непристойный насильственный поступокъ.

Но вотъ теперь намъ предстоитъ уже не истолковывать жести, у насъ есть свидѣтели слышавшіе живое слово, у насъ есть показанія Веньоле Лешантра, Моргюена, изъ которыхъ явствуетъ, что Фонвьель во всеуслышаніе объявлялъ, что Нуаръ ударилъ принца въ лицо. «Принцъ убилъ друга моего, говорилъ онъ, но по крайней мѣрѣ получилъ славную пощечину.» Какъ могли вчера, говоря объ «измѣнчивыхъ истинахъ» сказать, что Моргюень взялъ назадъ свое показаніе; вотъ это показаніе.

Генер.-прокуроръ прочитываетъ это показаніе, затѣмъ продолжаетъ.

Итакъ, Моргюень слышалъ, какъ Фонвьель говорилъ, что Нуаръ или далъ или получилъ пощечину. Это показаніе подтверждается показаніями Лешантра; его упрекаютъ, что онъ сдѣлалъ свое заявленіе только 2 декабря; говорятъ, что долго воспоминанія его дремали. Совершенно вѣрно, что было произведено дознаніе полицейскимъ комиссаромъ и что Лешантръ въ этомъ дознаніи неучаствовалъ, его не допрашивали; когда спросили, онъ наотрѣзъ объявилъ что слышалъ, какъ Фонвьель говорилъ: «принцъ

убилъ его, но онъ далъ принцу пощечину». Что касается Венвиоле, онъ говоритъ, будто его показанія рушатся предъ доказательствами Одберди и Шапоне, но достаточно перечестъ эти показанія.

Генер.-прокуроръ прочитываетъ эти три показанія.

Что въ особенности поразило этихъ свидѣтелей, продолжаетъ онъ, — это пощечина, а не минута, не мгновение, въ которое Фонвьель разсказалъ имъ это. Венвиоле встрѣтилъ Дуэ и пересказалъ ему то, что онъ слышалъ отъ Фонвьеля въ пять часовъ, т. е. прежде чѣмъ онъ Венвиоле видѣлся съ г. Визирѣ. Развѣ не слѣдуетъ сдѣлать сближеніе между показаніями г. Мореля и г. Мортрѣ и показаніемъ свидѣтеля Нотала? Ноталь сдѣлалъ свое показаніе съ необыкновенной настойчивостью. Я знаю, что Самозель и Пинель говорятъ, что Фонвьель съ перваго же дня разсказывалъ факты такъ, какъ онъ разсказывалъ ихъ здѣсь, передъ вами. Но развѣ д-ръ Самозель не выказалъ замѣтно неувѣренности передъ судомъ? Что до меня касается, я не скорѣ, на подозрѣнія противъ честности свидѣтеля, но нахожу, что показанія, совершенно одно другое не уничтожаютъ; весь вопросъ въ томъ: не произнесъ ли въ самомъ дѣлѣ Фонвьель эти слова въ первую минуту подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго волненія? Я такъ думаю и полагаю, что онъ только впоследствии сочинилъ разсказъ благопріятный для себя. Если свидѣтели не всё показывали совершенно вѣрно, есть ли тутъ чему удивляться? припомните смущеніе, волненіе порожденное минутой, сообщавшееся всѣмъ присутствующимъ лицамъ, сообщившееся всей Франціи. Кто можетъ утверждать, чтобы подобныя слова были произнесены нѣсколькими минутами ранѣе или позже. И такъ я не могу усомниться въ искренности свидѣтелей и говорю: оба разсказа заимствованные у Фонвьеля; въ первую минуту онъ разсказалъ дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ передали его свидѣтели и сказали, что Нуаръ далъ принцу пощечину, потомъ явился сочиненный разсказъ, изъ котораго пощечина исчезла. Не Фонвьель ли говорилъ, что позволительно употреблять ложь противъ политическаго врага? значитъ ложь и клевета такое оружіе, которое можетъ быть упо-

требляемо и противъ насъ? слова весьма знаменательныя, протекающія изъ пагубной теоріи безчестія, — въ особенности преступной когда она направлена противъ подсудимаго.

Вотъ собраніе обстоятельствъ, которыя заставили меня сказать, что принцъ былъ вызванъ на свой поступокъ.

Но развѣ изъ этого выходить, что виновность исчезаетъ? Нѣтъ, она есть, она положительно существуетъ и мы, просимъ у васъ осужденія принца Пьера Бонапарта. Задача прокурорскаго надзора — въ точности ознакомить васъ со всякими фактами, мотивировавшими преслѣдованіе, дабы вы были въ состояніи вѣрно измѣрить основательность обвиненія. Для насъ весьма важно было заявить мнѣніе, что выстрѣлъ былъ вызванъ оскорбленіемъ; и мы спрашиваемъ васъ: кажется ли вамъ фактомъ, явствующимъ изъ дѣла? объявите это. Законъ положилъ, что это смягчающее обстоятельство, такъ называемое легальное извиненіе, въ значительной степени умоляющее отвѣтственность лица осуждаемаго закономъ; но это извиненіе нужно признать тогда только, когда факты ставятъ совѣсть вашу въ необходимость признать его. Нужно чтобы вызовъ былъ такого рода, говорилъ правительственный ораторъ, при обсужденіи уголовного свода законовъ, чтобы виновный не могъ сохранить свободу дѣйствію для того чтобы поступить обдуманно. Ваше дѣло, господа, рѣшить находился ли подсудимый въ такомъ положеніи, но идти далѣе того значило бы признать, что онъ находился въ законной необходимости защитить себя, а это признаніе влечетъ за собою полное оправданіе смертоубійству, это положеніе человѣка, принужденнаго лишить жизни другаго и спасти свою. Тотъ, который обороняясь отъ убійцы убиваетъ его — не совершаетъ преступнаго дѣйствія; это естественное право, которое сознаетъ за собою совѣсть человѣка и которое она вноситъ во все законодательства. Но берегитесь, угодливо предлагать подъ сѣнью этого права пріютъ, не необходимому убійству и порыву страсти; это значило бы ронять достоинство правосудія. Главная характеристика законной необходимости защититься — это присутствіе опасности. Если же убійство совер-

шается въ порывѣ страсти, то оно совершается уже не для того, чтобы защитить свою жизнь, а чтобы наказать обидчика, а сюда дѣйствительно примѣняются слова слышанныя вами, — что значить присвоивать себѣ власть и право общества. Принцъ выстрѣлилъ изъ пистолета не для того, чтобы защищаться отъ нападенія, а для того чтобы отомстить за полученную обиду. Это была незаконная защита, это была личная месть!

Подс. Я этого не признаю.

Генер.-прокуроръ. Принцъ въ своемъ разсказѣ утверждаетъ, г. де. Фонвьель держалъ уже пистолетъ въ рукѣ, въ ту минуту, когда былъ сдѣланъ выстрѣлъ въ Виктора Нуара. Но, оскорбленіе, ударъ были нанесены внѣзапно, и принцъ также внѣзапно выстрѣлилъ, слѣдовательно выстрѣлъ предшествовалъ демонстраціи Фонвьеля? Да, г. де Фонвьель имѣлъ привычку носить при себѣ пистолетъ, но въ этотъ день ему не слѣдовало брать его, точно также какъ принцу слѣдовало въ этотъ день отложить свой. Если бы де Фонвьель предвидѣлъ надобность употребить свой пистолетъ въ дѣло, онъ бы вынулъ его изъ чахла прежде, чѣмъ вошелъ въ домъ. Если стануть увѣрять, что онъ выхватилъ его въ минуту нанесенія и оскорбленія прежде чѣмъ принцъ выстрѣлилъ, я отвѣчу, что это невозможно. Подумайте только съ какой быстротою все это происходило.

Ударъ нанесенъ; принцъ вынимаетъ пистолетъ и стрѣляетъ: эти два момента такъ скоро дѣйствовали одинъ за другимъ, что г. де Фонвьель очевидно не успѣваетъ достать оружія, бросается за кресло и тогда уже ищетъ у себя въ карманѣ чахла съ револьверомъ. Въ разсказѣ Баланьяка меня поражаютъ слѣдующія слова, сказанныя ему принцемъ. Я стрѣлялъ въ Фонвьеля, когда онъ мнѣ угрожалъ и стрѣлялъ только тогда, когда онъ цѣлился въ меня.» Ясно, что если онъ угрожаетъ принцу и цѣлится въ него только уже будучи за кресломъ, стало-быть онъ прежде не могъ вынуть пистолета. Но, господа, для того чтобы этотъ актъ по собственному намѣренію принца не былъ наказаніемъ и местию, нужно было бы чтобы на него нашла робость и смятеніе, какихъ

по характеру его никакъ нельзя въ немъ предположить. Его энергія извѣстна; онъ былъ у себя, въ своемъ домѣ имѣлъ подъ рукою слугъ, не могъ предположить что эти два господина, приславшіе ему свои карточки, явились съ намѣреніемъ убить его. Наконецъ даже тотъ же револьверъ, который лежалъ у него въ карманѣ долженъ былъ внушить ему чувство безопасности; слѣдовательно онъ только имѣлъ въ виду смыть обиду, хотя бы цѣною убійства. Еслибы въ то самое мгновеніе, какъ рука Виктора Нуара коснулась его лица, онъ кинулся на него, бѣшено обхватилъ бы его и повергнулъ бы безжизненнаго къ своимъ ногамъ — это было бы дѣло другое. Но, это оружіе, которое онъ имѣетъ подъ рукою и употребляетъ, зная, что оно должно принести смерть! Если вы и признаете, что поступокъ его былъ вызванъ оскорбленіемъ, то вы по крайней мѣрѣ не скажите, чтобы онъ находился въ положеніи, дающемъ законное право, защищать себя. Еслибы жизнь подвергалась опасности, то какъ вамъ вчера и говорили, онъ выстрѣлилъ бы въ Виктора Нуара, и въ Фонвеля, или же выстрѣливъ въ Виктора Нуара, тотчасъ же вторично выстрѣлилъ бы въ де Фонвеля. Нѣтъ, подсудимому не было надобности защищать свою жизнь, онъ мстилъ за обиду и вы произнесете надъ нимъ осужденіе, котораго мы требуемъ отъ вашей справедливости. Можетъ ли принцъ сказать, что онъ поступилъ неосторожно? Наложилъ ли онъ на себя малѣйшее стѣсненіе, чтобы избѣжать этого столкновенія? Такъ ли свысока ему слѣдовало принять посредниковъ, присланныхъ съ вызовомъ на дуэль? Еслибы онъ не скомпрометировалъ себя въ этихъ газетныхъ дрязгахъ, онъ имѣлъ бы право, буде они къ нему явились бы, не велѣть пускать ихъ къ себѣ; но послѣ того, какъ онъ еще наканунѣ отправилъ два вызова съ пренебреженіемъ закона, послѣ того, какъ онъ самъ себя поставилъ подъ условные законы дуэли, развѣ онъ не обязанъ соблюдать всѣ правила, принятія въ подобныхъ случаяхъ, изъ которыхъ первое — вѣжливость къ посредникамъ, присылаемымъ противникомъ? Положительно вѣрно, что онъ произнесъ слова,

для нихъ оскорбительныя. Онъ самъ сознается, что назвалъ ихъ поденщиками.

И такъ я имѣю право сказать: если принцъ и не самъ вызвалъ это происшествіе, онъ по крайней мѣрѣ, подалъ къ нему поводъ. Кромѣ того, развѣ онъ во всякомъ случаѣ не держалъ руку поднятою въ энергической позѣ, эта поза не равнялась ли угрозѣ или раздражающему подчеркиванію только-что произнесенныхъ имъ словъ. И такъ съ его стороны — пріемъ надменный и обидный. Но взглянемъ на дѣло болѣе издалека.

Развѣ принцъ мѣшаясь во всякія газетныя дразги и препирательства, не поступилъ въ высшей степени неблагоприятно, и не слѣдуетъ ли этого вмѣшательства причислить къ причинамъ породившимъ Отельское происшествіе? Не было ли это великой неосторожностью? Прилично ли было выраженіе, употребленное имъ? Имѣлъ ли онъ право вызывать людей на дуэль? Все это, господа, обстоятельства вѣрныя, не клонящіяся къ смягченію вашего приговора. Въ началѣ моей рѣчи я сказалъ вамъ: вамъ надлежитъ разъяснить истину не преувеличивая ее, но и ничего отъ нея не отнимая; напомню вамъ теперь эти слова. Если вы разсудите, что принцъ былъ вызванъ на то, что онъ сдѣлалъ, да будетъ это вмѣнено ему въ извиненіе вашимъ вердиктомъ, но мы не думаемъ, чтобы вы могли зайти далѣе этого и заявить, что въ его дѣлѣ нѣтъ ничего заслуживающаго, наказанія, что исчезаетъ всякая виновность. Нѣтъ, нельзя объявить, что принцъ имѣлъ право поступить такъ, какъ онъ поступилъ; нѣтъ, нельзя объявить, что пуля, которую онъ пустилъ въ Витора Нуара, была не главнымъ орудіемъ: нѣтъ, вы этого не скажете ибо это не согласно съ судебной истиной; нѣтъ, вы не захотите снять съ него всякую отвѣтственность. Человѣкъ умеръ на дорогѣ Отельскаго дома—онъ отвѣтственъ правосудію за эту кровь! Разсудите же дѣло, господа, отрѣшившись отъ злобы однихъ и сочувствія другихъ, по внушенію вашего сердца и ума, которые, во все время настоящихъ преній, клонились неизмѣнно на сторону правосудія. Произнесите вашъ вердиктъ и провозгласите

истину отъ имени страны, которой вы представители и, — могу сказать, предъ лицомъ исторіи.

Засѣданіе прерывается на $\frac{1}{2}$ часа. Въ этотъ промежутокъ замѣчаютъ что г. Лорье уходитъ изъ суда и разносится слухъ, что въ виду такой обвинительной рѣчи (адвокаты гражданской стороны отказываются отъ своего права возразить. По возобновленіи засѣданія слово дается г. Эмилю Леру, защитнику принца Бонапарта. *Г. Леру.* Господа, вотъ ужъ два мѣсяца какъ подсудимый сдѣлался предметомъ страннѣйшихъ нападокъ, кровавѣйшихъ оскорбленій; не имѣя возможности самому возвысить голосъ, онъ долженъ былъ принять молчаніе по своему положенію и изъ уваженія къ правосудію. Наконецъ сегодня ему дозволено представить свое оправданіе моими устами. Я сожалею что на мѣстѣ моемъ не вижу одного изъ свѣтилъ нашей адвокатуры, который сумѣлъ бы заклеить клеветниковъ и возразить на, только что слышанную вами, краснорѣчивую обвинительную рѣчь. Но принцъ сильный своею невинностью не захотѣлъ, чтобы его защищала кто нибудь кромѣ его всегдашняго адвоката, его бывшаго товарища въ учредительномъ собраніи, а также и въ законодательномъ. Я колебался, но онъ обратился къ моей преданности, я долженъ былъ согласиться; я не могъ оттолкнуть отъ себя такого довѣрія; являюсь у этой рѣшетки съ намѣреніемъ отстранить всякое политическое разсужденіе и защищать принца смиреннѣйшаго изъ гражданъ. Развѣ онъ не самъ обращался къ обыденному правосудію? развѣ онъ не просилъ чтобы его судилъ ассизный судъ? но законъ противился исполненію этаго желанія. Онъ преклоняется передъ нимъ и не ропщетъ, ибо довѣріе его къ тому или другому суду одинаково велико; онъ знаетъ что вы недоступны страсти и будете искать лишь одной истины. Я васъ и приведу къ ней съ умѣренностью, въ границахъ силы моихъ, защищая принца противъ неистовства гражданской стороны и нѣноторыхъ свидѣтелей. Не хочу подражать примѣру, данному вчера адвокатами гражданской стороны; займемся сначала подсудимымъ. Я долженъ прежде всего протестовать противъ оскорбленій, рунд

гательствъ направленныхъ противъ него: его обзывали авантюристомъ, ужаснѣйшей канальей, убійцей!

Я долженъ протестовать также противъ подозрѣній выраженныхъ противъ слѣдствія и представить вашей совѣсти слѣдующія замѣчанія: что гражданская сторона, объявившая что будетъ требовать денежнаго вознагражденія вмѣсто того чтобы сначала выступить въ качествѣ гражданской стороны и участвовать въ слѣдствіи только въ послѣднюю минуту является со свидѣтелями, которыхъ мы не имѣемъ возможности контролировать. Вотъ чего я рѣшительно не понимаю. Вспомните также, что надъ однимъ изъ свидѣтелей принца трунили и издѣвались, что не могло возбудить его негодованія; это дѣлалось съ цѣлью вызвать принца на запальчивую выходку, слѣдовательно вы извините нѣкоторые сорвавшіяся у него слова. Когда съ человѣкомъ такъ обращаются, и когда кричатъ: «на смерть его!» понятно, что даже будь онъ самаго спокойнаго нрава, онъ не всегда будетъ въ состояніи сохрानить должное хладнокровіе и осторожность. И такъ я увѣренъ вы уже простили этотъ порывъ. Перехожу къ жизни подсудимаго.

Пьеръ Бонапартъ личность извѣстная: онъ сынъ Луціана, президента совѣта пяти сотъ, министра внутреннихъ дѣлъ, проживавшаго по удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ между 1804 и 1810 годами въ Канесно. Онъ возвратился во Францію и наконецъ окончательно удалился въ Италію, гдѣ родился подсудимый. Луціанъ, какъ извѣстно, горячо любилъ свободу и относился къ власти и блеску съ глубочайшимъ равнодушіемъ, такъ что въ то время, какъ братья его садились на престолы, онъ жилъ частнымъ человѣкомъ. Сынъ его подобно ему любилъ свободу; какъ и онъ презираетъ блескъ и пышность. Но Пьеръ Бонапартъ, хотя и республиканецъ, хотя и любитель свободы, не терпитъ безправія и излишествъ. Онъ живетъ просто и уединенно, не во дворцѣ, а на дачѣ; онъ посвящаетъ время свое литературѣ; и живетъ въ семьѣ въ Отелѣ и тамъ пользуется общимъ уваженіемъ. Тамъ дошли до него ругательства, направленные противъ его семейства, в

противъ женщинъ; онъ вознегодовалъ душою. Вотъ несчастная причина его вызова—истинная причина вызова, отправленного имъ къ Рошфору и къ редактору газеты «*Revanche*». Вотъ очеркъ его жизни: еще очень молодой, онъ просилъ у генерала Стандера чести приписаться къ коломбійской арміи. Вкусы его влекли къ оружію, онъ нашелъ громкое имя и, не имѣя возможности возвратиться во Францію, хотѣлъ сдѣлать себѣ за границею почетное положеніе. Разглашали будто его изгнали изъ Колумбіи; въ настоящую минуту для него крайне важно доказать, что онъ никогда не грѣшилъ противъ чести. Когда увѣряютъ что будто его въ Колумбіи заключили въ тюрьму, потомъ изгнали, на него клеветуютъ. У меня есть въ томъ доказательство. Подсудимый возвратился въ Италію и тамъ произошло нѣсколько весьма несчастныхъ случаевъ. Г. Леру прочитываетъ статью «*Marseillaise*» въ которой говорится что принцъ Пьеръ Бонапартъ, въ Италіи былъ приговоренъ къ смерти не по политическимъ причинамъ. Настоящая причина этого приговора, продолжаетъ онъ, была слѣдующая: въ 1836 году вся Италія была исполнена смутъ: папѣ все внушало опасеніе, а имя Наполеона давно было ему подозрительно. Однажды матери подсудимаго приносятъ приказъ объ изгнаніи его изъ Римской территоріи; приказъ не былъ исполненъ съ достаточной скоростью. Принцъ отправился на охоту съ приятелемъ своимъ Валентиномъ; Вдругъ къ нему являються жандармы, на площади было разставлены вооруженные агенты полиціи. У него было ружье черезъ плечо; его обезоруживаютъ, угрожаютъ ему, принцъ схватываетъ оружіе и законно защищаетъ себя. (Ропотъ). Онъ избавился отъ людей, которые хотѣли арестовать его. Въ него выстрѣлили изъ пистолета, ранили его и увели, ругались надъ нимъ, въ замкѣ Св. Ангела. Его судила специально наряженная коммисія и приговорила къ смерти, но приговоръ этотъ не былъ исполненъ и полгода спустя ему была возвращена свобода. Объ этомъ дѣлѣ тогда же былъ составленъ протоколъ и о немъ упоминается въ брошюрѣ вышедшей въ 1845 году. Впо-

слѣдствіи мать принца обратилась къ намъ съ просьбою за своихъ дѣтей и консульта постановила ограничиться изгнаніемъ сыновей ея изъ Римскихъ владѣній. Не слѣдуетъ забывать, господа, что принцу не было еще 20 лѣтъ и что приговоръ былъ противъ Римскихъ законовъ, въ силу которыхъ нельзя никого приговорить къ смерти, кому не исполнился 21 годъ. Изъ этого понятно почему состоялось такое окончательное рѣшеніе консульта.

Однажды въ Корфу, гдѣ онъ на время искалъ прибѣжища, принцу вздумалось прокатиться на берегъ Албани; онъ завтракаетъ съ пріятелями. Тамъ, господа, что ни говорите, разбойники-дѣйствительно водятся и достовѣрно извѣстно, что на сына генерала Бертеле, на этихъ берегахъ было сдѣлано нападеніе, на принца и его спутниковъ тоже напали; они стали защищаться и одинъ изъ разбойниковъ былъ положенъ на мѣстѣ выстрѣломъ принца, письмо которое вамъ читали вчера, и на которое да будетъ мнѣ позволено вторично обратить ваше вниманіе, было напечатано въ «Marseillaise» и въ анонимной брошюрѣ. Этому по письму некоего г. Картрайта, называющаго себя бывшимъ чиновникомъ англійскаго правительства на Іонійскихъ островахъ, мы противопоставимъ оффиціальныи документъ не подлежащій подозрѣнію, такъ какъ онъ помѣченъ 1837 г. на самой бумагѣ означенъ 1837 г. что достаточно доказываетъ, что документъ не фабрикованъ по случаю настоящаго дѣла—это подлинный приказъ объ изгнаніи принца съ Іонійскихъ острововъ, подписанный губернаторомъ острова Корфу. Приказъ этотъ составленъ въ выраженіяхъ совершенно опровергающихъ видъ приданныи ему (газетой «Daily News») а именно слѣдующій: съ глубокимъ прискорбіемъ и единственно по государственнымъ соображеніямъ, ни мало не касающимся личной чести принца, губернаторъ поставленъ въ необходимость воспретить ему пребываніе въ здѣшнихъ владѣніяхъ. Спрашиваю Васъ господа, въ такихъ ли бы выраженіяхъ губернаторъ отдалъ свой приказъ, если-бы принцъ, какъ говорится въ документѣ, перепечатанномъ въ «Marseillaise» убилъ таможеннаго капитана и ранилъ двухъ таможенныхъ солдатъ «Journal des Deqats» отъ 12 марта

1838 года приводит факты въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ я ихъ предложилъ вамъ; защитникъ прочитываетъ упомянутую статью изъ которой оказывается, что бандиты оскорбили принца и его спутниковъ, замахали оружіемъ, приступая прямо къ нимъ, стрѣляли по охотничьимъ собакамъ, отказались отъ предлагаемыхъ имъ денегъ и даже съѣстныхъ припасовъ, бросились на завтракавшихъ охотниковъ, вельдствіе чего и произошла схватка.

И, продолжаетъ защитникъ, въ виду такихъ-то документовъ, которые были, или могли быть въ рукахъ редакторовъ «Marseillaise», перепечатаваютъ это письмо, да еще послѣ того, какъ въ «Times» появился протестъ противъ него.

Изъ Корфу принцъ поѣхалъ въ Бельгію. Клевета и тамъ съумѣла найти его: доказательство вы находите въ «Marseillaise» отъ 27 января нынѣшняго года. Вотъ эта статья.

Защитникъ прочитываетъ письмо, въ которомъ говорится, что принцъ широко жилъ въ округѣ Нешато, охотился сколько душѣ его угодно было, и притѣснялъ крестьянъ. Затѣмъ рассказываютъ, что въ одинъ прекрасный день встрѣчаетъ поселенина возвращающагося къ себѣ, выходитъ изъ себя потому, что это растроиваетъ его охоту и немедленно, не говоря худого слова, выстрѣлилъ въ него и разбилъ ему бедро. Этотъ разсказъ самымъ категорическимъ образомъ опровергается письмомъ написаннымъ г. Жозефомъ Нотономъ, членомъ Бельгійской палаты представителей и бывшимъ королевскимъ прокуроромъ въ Нешато.

Подсуд. Также бывшимъ министромъ юстиціи.

Леру. Да, и я забылъ.

Г. Леру прочитываетъ письмо г. Нотона къ принцу исполненное дружескихъ выраженій и утѣшеній и указываетъ между прочимъ на слѣдующія слова: «чтобы дойти до такой огромной крайности вы вѣроятно были поставлены въ необходимость защищаться или покрайней мѣрѣ были чѣмъ нибудь сильно вызваны на нее. Объ васъ постоянно распространяются самые нелѣпные толки и я спрашиваю себя: не виноватъ ли я отчасти въ этомъ,

тѣмъ что не поспѣшилъ опроверженіемъ этого факта, который впрочемъ и не доходилъ до меня? Утверждаю напротивъ, что во все долгое время проведенное вами въ здѣшнемъ округѣ вы всегда были въ наилучшихъ отношеніяхъ съ мѣстными жителями». И это, господа, не единственное свидѣтельство, которое я могу предъявить вамъ. я имѣлъ въ рукахъ еще письмо отъ мѣстнаго инспектора лѣсовъ, въ которомъ говорится совершенно тоже.

Это еще не все. Обвинители на этомъ не останавливаются, они приводятъ еще одинъ фактъ, происшедшій будто бы въ Корсикѣ. Осмѣлились все въ той же «Marseillaise» обвинить принца въ покушеніи на жизнь, будто бы совершенномъ имъ въ Корсикѣ надъ встрѣтившимся ему пастухомъ. Онъ, видители, сходитъ съ лошади, подзываетъ пастуха, спрашиваетъ не пугаетъ ли его видъ огнестрѣльнаго оружія, приспокойно прицѣливается въ него, молодой человѣкъ не трогается съ мѣста, принцъ стрѣляетъ и раздробляетъ ему ногу. Жертва его—нѣкто Гримальди, бѣдный 20 лѣтній парень, поденный работникъ, который содержитъ больного брата. Но этого все еще мало, принцъ еще цѣлится въ его собаку, убиваетъ ее, затѣмъ бросаетъ пастуху два су со словами: «теперь можешь выпить рюмку водки». Этотъ рассказъ, господа, въ формѣ письма напечатанъ въ «Marseillaise» за подписью «Леонъ Жюстинъ Бернье».

Защитникъ прочитываетъ это письмо.
Бросить два су человѣку, умышленно изувѣчивъ его!—ну вѣроятно ли это?

Защитникъ прочитываетъ письмо свидѣтельствующее о благотворительномъ поступкѣ принца, извѣстнаго въ окрестности вообще своей благотворительностью: бѣдному пастуху отняли ногу, принцъ далъ ему сто франковъ и выписалъ ему изъ Парижа деревянную ногу. Не стану читать вамъ всѣхъ этихъ писемъ гг. присяжные, не хочу утомлять ваше любезное вниманіе. Можете рассмотреть въ вашей совѣщательной комнатѣ, но укажу вамъ особенно на присутствіе въ дѣлѣ доклада г. императорскаго про-

курора, доискивавшегося истины, такъ какъ докладъ этотъ совершенно опровергаетъ все клеветы «Marseillaise».

Принцъ поживши въ разныхъ странахъ въ 1848 г. былъ, какъ я уже говорилъ, въ Бельгii; онъ просилъ разрѣшенiя поступить на французскую военную службу и въ тоже время сдѣлался кандидатомъ въ учредительное собранiе, онъ былъ избранъ Корсикой, а когда впоследствии объявилъ свою кандидатуру въ законодательное собранiе, его избрали въ одно время Корсика, и департаментъ Шарантъ. Напомню вамъ еще, что въ этомъ самомъ департаментѣ, гдѣ соперникомъ его былъ г. Кремье, принца выбрали 22500 голосовъ, которые конечно теперь должны протестовать противъ взведеннаго на него обвиненiя. Какъ держалъ онъ себя въ палатѣ? Дѣйствительно въ одинъ недобрый часъ онъ увлекся до насильственного поступка; я самъ тамъ былъ, не хочу ничего говорить, что могло бы быть неприятно г. Гастье, но упоминается въ самомъ приговорѣ, что оскорбленiе извинилось на сколько возможно, тѣмъ что оно было вызвано: Гастье назвалъ его: «дуракомъ» (imbecile). Наконецъ нужно и то сказать, что дѣло шло не о полетѣ, а объ нападкахъ направленныхъ противъ рода Бонапартовъ и главы этого рода. Въ приговорѣ сказано, что онъ былъ вызванъ такими упорными манифестациями, которыя должны были оскорбить въ немъ самое почтенное семейное чувство, такъ что онъ былъ приговоренъ всего къ 200 франкамъ штрафа.

Есть еще одно дѣло, о которомъ много нашумѣла «Marseillaise». Опять клевета.

Защитникъ припоминаетъ рассказъ о поѣздкѣ принца въ Марсель, во время которой одинъ пассажиръ хотѣлъ силою ворваться въ вагонъ, нанятый принцемъ для себя и для своей компанii. Что не онъ былъ въ этомъ дѣлѣ неправъ, доказывается тѣмъ, что г. Орцели извинился передъ нимъ самымъ формальнымъ и униженнымъ образомъ.

Принцъ былъ назначенъ эскадроннымъ командиромъ по просьбѣ поэта Беранже. Г. Луи Бланъ принялъ на себя нужное ходатайство и объявилъ о его назначенii.

Наконецъ самое тяжкое обвиненіе болѣе другихъ задѣвшее за живое его чувство, какъ француза, это обвиненіе приведенное въ № «Marseillaise» отъ 22 января будто онъ бѣжалъ отъ непріятеля. Принцу поручено было отправиться въ Алжиръ за подкрѣпленіями; онъ встрѣчаетъ эти подкрѣпленія считаетъ свое порученіе исполненнымъ и возвращается во Францію. Военный министръ г. д'Опуль порицаетъ нарушеніе дисциплины, но отдаетъ справедливость храбрости принца.

Г. Леру прочитываетъ нѣсколько писемъ къ принцу въ томъ числѣ одно отъ Ламартина отъ 1854 г., другое отъ г. Кремье; затѣмъ онъ доказываетъ, что печать, т. е. извѣстнаго рода печать, всегда неистовствуетъ противъ подсудимыхъ, и присовокупляетъ, что онъ любитъ свободу, но что страна помнить слова другого человѣка, который тоже любилъ свободу. Въ 1830 году, продолжаетъ онъ, произошло великое событіе—іюльская революція; производился процессъ министровъ, въ то время печать тоже ругала подсудимыхъ. На стѣнахъ Люксембургскаго дворца красовались огромныя вывѣски со словами: «На смерть! на смерть!» совершенно такъ, какъ вчера кричали: «На смерть!» противъ подсудимаго. Арманъ Каррель писалъ: «подсудимые личности связанные, подождите пока верховная палата рассудитъ дѣло. Карайте по закону, а не противъ закона. Нарушеніе закона губить нарушителя.

Г. Леру затѣмъ представляетъ портретъ господина де Фонвьеля, въ весьма умѣренныхъ выраженіяхъ ограничивается замѣчаніемъ, что принца никакъ нельзя называть авантюристомъ, такъ какъ и у г. де Фонвьеля жизнь шла не гладко. Что касается Виктора Нуара, г. Леру объявляетъ, что о немъ онъ имѣетъ сказать только нѣсколько словъ. Онъ говоритъ единственно о его запальчивости и напоминаетъ о сценѣ, происходившей у типографщика Рошета и въ которой Нуаръ игралъ роль.

Итакъ, говоритъ г. Леру, Нуаръ былъ человѣкъ добрый, съ чувствительнымъ сердцемъ, но задорный и запальчивый. Показаніе г. Констана, къ которому молодые люди ходятъ танцовать,

доказало это суду; онъ легко раздражается; легко увлекается и поднимаетъ руку на противорѣчащаго ему. Дохожу наконецъ до происшествія 10 января. Въ Корсикѣ шла газетная полемика; г. Томази извѣстенъ закоснѣлой ненавистью къ Бонапартамъ. 22 декабря г. Пьеру Бонапарту сообщили о ругательной статьѣ противъ рода Бонапартовъ. По поводу этой-то статьи принцъ Пьеръ написалъ письмо, въ которомъ, признаюсь, есть нѣсколько прискорбныхъ выраженій. Много толковали о выраженіи: выпотрошить (*mettre le tripe aux champs*). Выраженіе это не имѣетъ въ Корсикѣ того значенія, которое придано ему здѣсь; притомъ это выраженіе солдатское, употребляемое въ казармахъ, на гаупвахтахъ, это въ родѣ того, какъ если бы сказать: «спустить съ лѣстницы, ногу подставить. Г. Томази 5 января возразилъ, но на дуэль принца не вызвалъ. такъ что письмо было какъ будто забыто; вдругъ около 9 января въ Марсельзѣ является прѣпростѣйшая статья. Г. Леру прочитываетъ эту статью, которая кончается слѣдующими словами: «поскребите любаго Бонапарта, найдете хищнаго звѣря».

Г. Груссе, продолжаетъ защитникъ, написалъ г. Бонапарту, вызывая его на дуэль. Письмо это было вамъ уже нѣсколько разъ прочитано. Принцъ потому написалъ Рошфору, что онъ его «непремѣнно найдетъ,» что Рошфоръ печаталъ, что нѣсколько разъ являлись къ принцу, но что принцъ всегда приказывалъ говорить, что его дома нѣтъ. Оскорбленія и ругательства направленные противъ женщинъ—противъ принцессы Матильды, противъ императорскаго принца исполнили сердце принца негодованіемъ; я уже не говорю о ругательствахъ на императора, въ политику не хочу вдаваться. Вотъ чѣмъ объясняется вызовъ принца г. Рошфору.

Г. Леру доказываетъ, что между сотрудниками Марсельезы, былъ устроенъ заговоръ о томъ, чтобы вызвать принца у него на дому. Вся редакція Марсельезы 10 января была въ Отелѣ. Зачѣмъ была она тамъ? зачѣмъ г. Груссе отъ имени котораго дѣланъ вызовъ, поѣхалъ туда самъ. Зачѣмъ былъ тамъ г. Сотонъ? онъ увѣряетъ будто искалъ дачу; и замѣтите всѣ эти господа были

съ оружіемъ. Въ январѣ темнѣть въ 4 часа; развѣ дуэль предлагаемая Груссе могла состояться въ ту-же минуту? почему же они всѣ были тамъ съ оружіемъ? Всѣ они собирались проникнуть въ домъ принца Бонапарта—вотъ что. Въ этомъ фактѣ я вижу явное нападеніе. Это первый предметъ говорящій въ пользу того, что принцъ былъ поставленъ въ необходимость защищаться. Они разсудили вотъ какъ: «пойдемъ къ принцу, онъ не захочетъ драться, ему дадутъ пощечину, а завтра мы напишемъ въ Марсельзѣ: Пьеру Бонапарту предложили драться, но онъ не захотѣлъ, ему и дали пощечину». Чтожъ вы хотите?—принцъ корсиканецъ! У корсиканцевъ, какъ и у американцевъ споконъ вѣку ввелось носить при себѣ оружіе. У корсиканцевъ это до такой степени вошло въ привычку, что когда я однажды сдѣлалъ одному корсиканцу вопросъ такого рода, онъ отвѣтилъ мнѣ: «помилуйте, да какой же корсиканецъ выходитъ изъ дому безъ оружія—на то онъ и корсиканецъ.» Въ то же время онъ растегнулъ свое пальто и я увидѣлъ подъ нимъ два пистолета и кинжалъ. (*Шумъ въ публикѣ*). У принца устроенъ тиръ, у него разговоры часто идутъ объ оружіи. Что же удивительнаго, что 10 января у него въ карманѣ былъ пистолетъ? какъ произошло дѣло, судя по всѣмъ вѣроятіямъ? Принцу подають письмо, онъ думаетъ, что оно отъ Рошфора; онъ говоритъ: «съ Рошфоромъ—да, съ какимъ нибудь его поденщикомъ—нѣтъ.» Онъ просто хотѣлъ сказать съ Рошфоромъ я готовъ драться, но не съ однимъ изъ его сотрудниковъ. Тогда то Викторъ Нуаръ выступилъ впередъ и нанесъ ему ударъ кулакомъ. Въ то же время Фонвель уже держалъ пистолетъ въ рукѣ. При характерѣ Виктора Нуара развѣ принцъ имѣлъ бы время въ него выстрѣлить? Принцъ стрѣлялъ не въ упоръ, между ними было, по показанію всѣхъ свидѣтелей, растояніе въ три или четыре метра. Разсказъ г. де Фонвеля не всегда былъ одинъ и тотъ-же, онъ измѣнялся, смотря по обстоятельствамъ, у него два разсказа. Стало быть положиться на него нельзя. Генераль-прокуроръ самъ допустилъ, что пощечина Нуаромъ дѣйствительно дана принцу—это уже большой шагъ, сдѣланный въ пользу нашу

устами органа общественной мести. Г. Леру разсматриваетъ различные показанія согласно съ которыми существованіе красноты на щекѣ принца не подлежитъ сомнѣнію; но, говорить онъ далѣе, проводимъ одну истину очень ужъ смѣлюю. Пощечина, разсудили, навѣрное повлечетъ за собою оправданіе и потому осмѣлились утверждать, что принцъ самъ себѣ далъ пощечину, или попросилъ знакомаго дать ее и много острили на этотъ счетъ, которая будто бы исчезала, и опять являлась. Но показанія крайне формальны, существованіе пощечины не подлежитъ сомнѣнію но слѣдъ или краснота, какъ далѣе доказываютъ, могли произойти отъ ушиба, полученнаго ранѣе 10 января. Но нѣтъ, это не возможно, д-ръ Морель видѣлъ принца 10-го утромъ и красноты никакой не было. Но, говорятъ еще, если бы Нуаръ далъ пощечину это видно было бы по перчаткамъ, однако, на перчаткѣ не замѣчено было никакихъ слѣдовъ. Краснота на щекѣ принца объясняется столько же кулакомъ, сколько большой запонкой, которую Нуаръ носилъ въ рукавѣ рубашки. Гражданская сторона присовокупляетъ, что шляпа, которую Нуаръ держалъ еще въ минуту своего паденія есть также безмолвный свидѣтель, доказывающій, что пощечины онъ не могъ дать. Но чѣмъ доказывается, что Нуаръ держалъ шляпу въ рукѣ, будучи у принца? онъ могъ поставить ее на мебель. Развѣ самъ Фонвель не сказалъ, что Нуаръ поднесъ обѣ руки къ груди. Тутъ насъ окружаетъ полная неизвѣстность; вѣрно одно, что матерьяльный фактъ убіенія существуетъ, но преступность можетъ исчезнуть, если будетъ признана необходимость защиты. На эту-то почву защита и намѣрена стать, которая

Г. Леру излагаетъ въ чемъ состоитъ признаваемая закономъ необходимость въ личной защитѣ по законовѣду Фостенъ Гели и Шово. Для того чтобы была законная необходимость личной защиты, продолжаетъ онъ, нужно чтобы была опасность болѣе или менѣе сильная смотря по обстоятельствамъ. Полученная принцемъ пощечина должна была помрачить его умъ; да и вдобавокъ, тутъ же подлѣ развѣ не стоялъ человекъ, вооруженный пистолетомъ? Принцъ предпочелъ отмстить за оскорбленіе, а не стрѣлять въ

того, который ему угрожалъ. Еслибы у Фонвелья не былъ вынуть пистолеть, развѣ принцъ не успѣлъ бы выстрѣлить не разъ, а шесть? А если у Фонвелья былъ вынуть пистолеть, тогда принцъ имѣлъ законное право защищаться.

Г. Леру далѣе разбираетъ вопросъ о предумышленіи и доказываетъ, что если подсудимый дѣйствовалъ увлеченный порывомъ страсти—предумышленія нѣтъ.

Мнѣ кажется, замѣчаетъ онъ, что еслибы ко мнѣ въ кабинетъ явились такъ, и поступили бы какъ съ принцемъ, я бы сдѣлалъ тоже самое. Что касается показанія Фонвелья тутъ уже необходимость защиты еще гораздо очевиднѣе. Итакъ вамъ предстоитъ разбирать вопросъ вовсе не о томъ, былъ ли только принцъ вызванъ на свой поступокъ.

Г. Леру еще въ нѣсколькихъ словахъ обсуждаетъ вопросъ о совмѣстности двухъ поступковъ и старается доказать, что тутъ не два факта, а одинъ и въ заключеніе приводитъ судебные антецеденты.

Послѣ Леру, говорилъ г. Деманжъ, рѣчью котораго и кончилось засѣданіе 26 марта.

На другой день, засѣданіе было открыто въ десять минутъ перваго. — На предложеніе предсѣдателя подсудимому, не имѣеть ли онъ что-либо прибавить въ свое оправданіе, принцъ ограничился нѣсколькими словами. Затѣмъ предсѣдатель сказалъ свое резюме и наконецъ присяжнымъ были предложены вопросы.

Въ 3 часа 5 минутъ старшиною присяжныхъ назначенъ былъ вердиктъ, которымъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, принцъ признанъ былъ невиновнымъ.

Судъ, на основаніи этого вердикта, призналъ принца оправданнымъ по уголовному преслѣдованію. Но въ виду того, что оправданіе по уголовному иску не исключаетъ того, что имъ причинено лишеніе жизни Виктору Нуару, судъ призналъ гражданскій искъ правильнымъ и присудилъ принца къ уплатѣ гражданскимъ истцамъ 25,000 фр. убытковъ.

СП6ГУ

С176Гу